

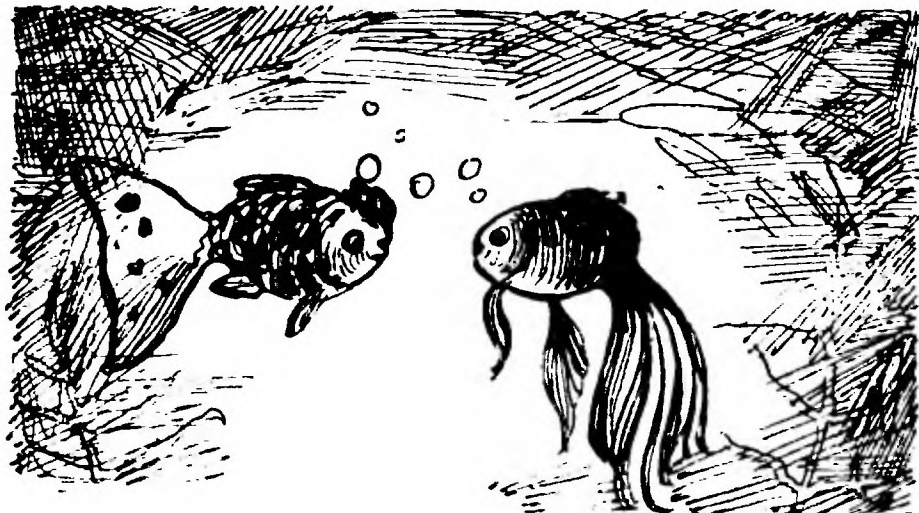
М. Д. МАХЛИН

Занимательный АКВАРИУМ

М.Д.МАХЛИН

Занимательный

аквариум

Издательство
ПИЩЕВАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
Москва 1967

Автор приносит глубокую благодарность директору Центральной лаборатории по воспроизводству рыбных запасов Главрыбвода профессору Н. Л. Гербильскому за ценные указания, данные при написании книги, преподавателю школы № 303 Л. А. Хейфецу, любезно согласившемуся просмотреть отдельные главы, товарищам-аквариумистам, чей опыт использован в книге.

Автор с благодарностью вспоминает и ныне покойного доцента Б. П. Троцкого, который дал много полезных советов при работе над рукописью.

«Занимательный аквариум» — это увлекательное путешествие по подводному миру. Автор (страстный аквариумист, организатор секции аквариумистов в Ленинграде, руководитель городского клуба аквариумистов) совершает вместе с читателями очень интересные экспедиции в страну Историю, в страну Физику, в страну Химию. Читатель узнает, как и когда появился у людей интерес к аквариуму, кто был первым аквариумистом, познакомится с физическими и химическими свойствами воды, узнает о дыхании водных организмов и отношении их к свету и содержанию в воде солей, о заготовке кормов и службе здоровья рыб, а также о растениях, насекомых и рыбах, разводимых в аквариумах.

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Ты открыл книгу и приготовился читать. Сейчас мы с тобой должны отправиться в длительное путешествие, посетить разные страны, увидеть разных людей, спуститься в подводный мир, населенный водными растениями, насекомыми, черепахами, рыбами.

Но прежде чем отправиться в совместное путешествие, нам не мешало бы познакомиться. О тебе я уже кое-что знаю: раз тебя заинтересовала эта книга, значит ты любишь природу, внимательно приглядываешься к жизни растений и животных. Что касается автора, то этот интерес к растениям и животным, окружающим нас, у него проявился довольно рано.

Первый «научный эксперимент» я провел, когда мне едва исполнилось четыре года. В городском саду, в чаше заброшенного фонтана, скопилась дождевая вода. Я не раз засматривался на разных букашек, спующих в этом водоеме. И однажды изловчился и схватил одного из этих юрких пловцов. В тот же миг весь сад огласился громким ревом. Сбежались люди, пришел милиционер, все спрашивали, кто посмел обидеть мальчишку. А мальчишка продолжал реветь: не мог же он сказать, что его обидела крохотная водяная букашка — клоп гладыш, который жалит побольнее осы. Так было опытным путем установлено первое правило исследователя: прежде чем хватать руками животное, надо узнать, кого хватаешь, не опасно ли это.

Когда я стал немного постарше, я часто бегал с мальчишками на берег большой реки, протекавшей через наш город. У берега, привязанные цепью, стояли рыбацьи лодки. Однажды я забрался на одну из лодок и перегнулся через борт. Вода казалась темной бездной. Вдруг я заметил, что из глубины всплывает огромный — с мою ладонь — темно-зеленый жук. Я бросил в воду кусок колбасы с бутерброда, который уже доедал. Жук остановился, пошевелил усиками, а потом стремительно бросился к тонущему куску и схватил его. На следующий день я пришел к этому месту с кусочками сырого мяса. Опять появился жук, и снова схватил куски, которые я ему бросил. Наша «дружба» продолжалась несколько

дней, а потом мой подводный питомец исчез. Много лет спустя я установил, что это был довольно редкий вид жука — плавунец широкий. А еще через несколько лет, уже студентом, я однажды поймал такого же огромного жука. С интересом разглядывал я редкую добычу, но жук не разделил мою радость встречи: он как-то очень ловко подпрыгнул и исчез в мутноватой воде ленинградского канала. С тех пор мне больше не довелось встретить этого обитателя рек. Может быть повезет тебе, читатель? В водоемах, окружающих нас, немало интересных животных и растений, встречи с которыми доставляют радость не только юному любителю природы, но и опытному исследователю-биологу.

Когда мне было лет семь-восемь, мы с отцом часто отправлялись в экспедиции — бродили по окрестностям курортного городка на Северном Кавказе. Однажды мы забрели к подножию небольшой горки со смешным названием Свистун. Там мы сели на берегу прудика и приготовились завтракать. Вдруг мой взгляд упал на воду и я замер, восхищенный. Солнечный свет падал так, что поверхность воды совсем не блестела, и я увидел сказочное царство эльфов, о котором всегда мечтал, слушая сказки бабушки. Густые ярко-зеленые леса уходили в непроглядную глубину, а на полянах, на опушках кипела жизнь: кто-то плавал, кто-то ползал, кто-то бегал по дну. Завтрак был забыт. Долго просидели мы на берегу. А потом, когда ушли, я все время вспоминал удивительную картину подводного мира.

Мне захотелось иметь уголок подводного мира у себя дома. Я снова пошел к тому пруду, теперь уже вооруженный сачком и банкой. Обитатели пруда легко попадали в сачок. Довольный огромным уловом, я поспешил домой. Но — увы... Живыми до дома «доехали» лишь немногие пленники. Большинство же их задохнулось в тесной банке.

Опять я шагал к пруду с сачком и банками. Теперь уже ловил с разбором, брал не всех, сажал в разные банки. Дома насыпал песок в большую банку, посадил взятые из пруда растения и налил воды. Но волшебного подводного царства не получилось: от песка вода стала похожа на кофе. Все-таки я пустил в банку моих пленников. Наутро, решил я, мусть осядет и я увижу дома кусочек дивной подводной страны эльфов.

Утром вода была похожа, правда, уже не на кофе с молоком, а просто на молоко. Но питомцев моих я нашел всех мертвыми.

Почему?

— Прежде чем заниматься каким-либо делом, — сказал мне отец, — надо прочитать о нем книги. Тогда ты поймешь причины своих неудач.

Он принес мне несколько книг, и я стал учиться делать подводный мир у себя дома.

С тех пор прошло много лет. Теперь у меня дома стоит не банка, а несколько больших, красивых аквариумов. Особые моторы нагнетают по трубкам воздух, специальные приборы насыщают воду воздухом, очищают ее от вредных примесей, придают ей нужные для растений и животных физические и химические качества. Я веду серьезные научные наблюдения над водными растениями, над многими рыбами. Из увлечения юного натуралиста выросла профессия биолога-исследователя.

Но по-прежнему с теплым чувством вспоминаю я мой первый удачный аквариум — маленькую литровую банку, в которой росло совсем не редкое водное растение — валлиснерия, по стенкам ползали прудовые улитки, в воде прыгали рачки-циклопы, а по дну бродила всего одна крохотная личинка поденки. Именно в ту зиму, когда под вой вьюги я часами просиживал у крохотного зеленого уголка лета, заключенного в литровую банку, родилось во мне призвание и твердо определился жизненный интерес.

С той зимы я уже не стеснялся своего увлечения. Мальчишки дразнили меня лягушатником, девочки звонко смеялись вслед, взрослые тоже иногда утверждали, что я занимаюсь ерундой. Разве мог я тогда рассказать им, какие интереснейшие вещи открываются мне на берегах прудов и луж, какие удивительные тайны природы удается мне подсмотреть, сидя около своих аквариумов и банок!

Теперь я хотел бы вернуть свой долг. Мне хочется рассказать тебе, читатель, то, что я не мог объяснить моим сверстникам тогда. У моих сверстников, как и у меня, ныне уже седые виски. Но ты, вновь пришедший в этот мир, смотришь на него широко открытыми глазами, ждешь от него чего-то необычного. И мой долг — не разочаровать тебя, приоткрыв перед тобой лишь одну из граней этого необъятного, интереснейшего, полного тайн и загадок мира.

Мы познакомимся лишь с небольшим уголком волшебного подводного царства. Мы попробуем перенести частицу подводного мира к себе в дом и оборудовать маленькое подводное государство в комнатном аквариуме. Но мы побываем и на прудах и реках, совершим путешествия в тропические страны и на берега морей.

Чтобы научиться содержать в аквариуме обитателей водного мира, нам придется узнать многие необходимые сведения из науки, изучающей живой мир нашей планеты, — биологии. Но современная биология бессильна объяснить многие загадки природы

без знания основ смежных с нею наук, тоже изучающих природу. И аквариумисту для умения содержать своих питомцев в комнатном уголке подводного мира тоже мало знать лишь основы биологии. Настоящий, вдумчивый любитель аквариума, если он хочет в самом деле вести серьезные наблюдения над своими питомцами, если он мечтает подсмотреть тайны природы, поломать голову над ее загадками, должен знать элементарные сведения из физики, химии, медицины (ветеринарии) и других наук. Современный любитель аквариума должен быть опытным электротехником — ведь приборы, помогающие аквариумисту, используют электрическую энергию. А если аквариумист захочет сам сделать аквариум, ему придется стать и мастером-строителем.

Сегодняшний любитель аквариума — это много знающий, многим интересующийся человек. И совсем не обязательно взрослый человек. На выставках аквариумов, которые устраивает ежегодно Ленинградский городской клуб аквариумистов, часто дипломы и грамоты получают за свои экспонаты школьники.

И если ты тоже хочешь усвоить теорию и практику аквариумного дела, если тоже хочешь стать опытным и знающим наблюдателем подводной жизни — тогда тебе мало будет прочитать лишь рецепты по содержанию и разведению отдельных животных и растений.

В нашей стране издается много книг о живой природе, некоторые из них рассказывают об аквариуме и его питомцах. В этих книгах уже даны советы, как содержать разные растения и рыб. Поэтому в книге, которую ты держишь сейчас в руках, я не стал давать таких коротких и четких рекомендаций. Передо мной стояла совсем другая задача: мне хотелось познакомить тебя с некоторыми особенностями обитателей вод, рассказать, как энтузиасты-ученые и любители природы добывали для аквариумов живые редкости, сколько труда было положено на большие и даже на совсем крохотные открытия — в природе ведь нет неважных деталей, в ней все имеет свою причину и свое значение. Ты узнаешь и о том, что далеко еще не все ясно и сегодня, что многие вопросы еще ждут решения, а биология ждет нового поколения пытливых исследователей.

Задача, которую я поставил перед собой, заставила отойти и от построения книги на основе тех принципов, по которым сделаны уже изданные пособия для аквариумистов. Читатель не обнаружит здесь обычных для таких пособий разделов: устройство и оборудование аквариума, описание его обитателей и ухода за ними. Вместо этого я предлагаю отправиться со мною в длительное и увлекательное путешествие по подводному царству.

Но прежде чем путешествовать, надо быть в известной мере подготовленным к этому. Мы начнем с тренировочных походов, с небольших экспедиций в разные области и страны необъятной планеты Знание. Мы отправимся в удивительные страны — Историю, Физику, Химию, — побываем в областях Красоты и Практичности. А поскольку всякий поход, любая экспедиция состоят из отдельных переходов и привалов между ними, то мы не встретим в первой части книги обычных книжных глав. На каждом переходе или привале мы будем узнавать кое-что из разных областей знаний. Эти сведения нам будут необходимы не сами по себе, они пригодятся в дальнейшем, при нашем путешествии по подводному царству, а также в тех путешествиях, в которые ты отправишься уже без меня, куда тебя позовут другие проводники-книги, поманит великая и неисчерпаемая природа.

Мне хотелось бы увлечь тебя аквариумом, увлечь биологией всерьез и надолго, может быть даже на всю жизнь — как увлечен этим я и мои друзья-аквариумисты.

Итак, в путь! Первая наша экспедиция будет в страну Историю. Почему именно в эту страну? Да потому, что все имеет свою историю. Увлечение аквариумом и занятие аквариумом — тоже.

часть первая

на пути к волшебному царству

Аквариум — это управля-
емый человеком прибор.

Р. УАРД

На пути к волшебному царству

ЭКСПЕДИЦИЯ В СТРАНУ ИСТОРИЮ

Переход первый: От суда в Эе до «суда мурен»

Мы с тобой, читатель, находимся в большом и светлом зале. Палящие лучи солнца врываются в него сквозь колоннаду, заменяющую одну из стен. Зал полон народа. На возвышении сидит пожилой, плотный мужчина в свободно спадающих складками оранжевых одеждах, поверх которых поблескивают роскошные доспехи. Ему жарко, и два раба-негра усиленно машут над его головой огромными веерами из пальмовых листьев. Это проконсул Римской империи Максим Клавдий. Чуть позади него — члены совета при проконсуле.

А справа у барьера стоит молодой человек лет тридцати. Он одет значительно скромнее, но в простоте его одежды есть особое изящество. У него красивое смуглое лицо; тонкий прямой нос, презрительно улыбающиеся губы. Большие черные глаза смотрят надменно на группу людей, расположившихся на скамье напротив. Молодой человек красивым кивком головы откидывает со лба густые черные кудри и начинает говорить. Речь его течет плавно и красиво, кажется, он сам любит ее.

Он говорит о том, что его напрасно обвиняют родственники в занятиях черной магией, что доказать это обвинение они не в

силах и что мудрый и образованный Максим Клавдий, конечно, разберется во всем этом и не даст им возможности осудить его безвинно.

Что это? Куда мы попали? Мы, читатель, находимся во II веке нашей эры.

Как ты уже, наверное, догадался, мы заглянули в зал суда. А зал этот находится в городе Эе. Чтобы найти этот город, нам придется обратиться к карте Средиземного моря. Найдем сначала Афины и Рим. А теперь на южном побережье разыщем город Триполи. Вот на месте Триполи и стоял ранее город Эя, здесь и произошла эта история.

Молодой человек по имени Люциус Апулей был сыном крупного чиновника Римской империи. Он родился в Африке, но отец хотел видеть сына образованным и послал его учиться в Афины, а потом в Рим. Овладев науками, в совершенстве усвоив латинский язык и ораторское искусство, Апулей приехал в город Собрат, который был недалеко от Эи, и поселился в большом доме своей жены. Вот тут и стали соседи и родственники жены замечать, что приезжий занимается не совсем обычным делом. По утрам, во время отлива, Апулей бродил по берегу моря и собирал в сумку морских животных. Он посылал своего раба Темисона скупать у рыбаков разных рыб, раковины и раков. Шепотом утверждали, что видели в доме Апулея, как он потрошил этих рыб и что-то записывал. А потом поползли совсем невероятные слухи: приезжий держал дома тазы с морской водой — в них плавали рыбы и раки!

Горожане решили: Апулей — колдун и маг, его надо немедленно предать суду. Обвинение в занятии черной магией было очень серьезным в те времена.

И вот идет суд. Апулей пытается доказать, что он ловил и собирал животных для еды. Но противники его быстро опровергают этот довод: Люциус собирал несъедобных и даже ядовитых животных и, кроме того, он почему-то держал морских животных в тазах! И тогда молодой человек признается. Но только совсем не в занятиях черной магией.

— Разве нельзя из любви к знанию, — говорит он, — искать рыб так же, как это делают многие из любви к жемудку, т. е. для еды?

Апулей показывает проконсулу рукопись, в которой он описал разных рыб, их характеры, части тела, привычки. Великие греческие ученые Аристотель и Феофраст описали гораздо больше рыб, чем он — Апулей, но ведь их никто не посмел за это обвинить в занятиях черной магией.

Проконсул хмурит брови и глубоко задумывается. С одной стороны, как будто Апулей и прав — изучать природу совсем не преступление. Но, с другой стороны... Зачем этому человеку потребовалось держать животных и рыб в тазах? Ведь ни Аристотель, ни Феофраст не содержали морских животных дома.

Но Люциус объясняет и это. Ему хочется посмотреть, как ведут себя морские обитатели, как они двигаются, дышат. Ведь человека всегда влекла к себе жизнь в чуждой нам водной среде. Великий Александр Македонский приказал сделать себе специальный колокол, опускался в нем на дно моря и часами наблюдал удивительную подводную жизнь. А Апулей решил сделать наоборот; он перенес кусочек моря к себе домой, разместил воду и живность в тазах и чашах, которые он так и называл: помещения для воды — аквариумы. Разве не все равно, как наблюдать жизнь подводного мира — самому ли спускаться туда или переносить кусочек этого мира в свой дом?

Трудную задачу задал Люциус проконсулу. Александр Македонский действительно опускался в колоколе в море..., но вот эти тазы и банки... Уж очень необычно...

Надеюсь, ты уже догадался, какое отношение имеет вся эта история к нашей теме? Ну, конечно! Ведь Люциус Апулей был первым аквариумистом, о котором нам известно из древних времен. И не только первым любителем аквариума и исследователем его обитателей, но и первым мучеником-аквариумистом. Наука имеет немало своих героев и мучеников. Одним из таких героев был и Апулей. За свои гидробиологические исследования он был объявлен колдуном, и хотя суд во главе с образованным проконсулом не нашел в его занятиях ничего противозаконного, Апулей вынужден был все-таки бросить свой дом в Собрате и бежать в далекий Карфаген.

Но если нам доподлинно известно, что Апулей был первым аквариумистом, нельзя считать, что содержание рыб и водных животных в искусственных водоемах началось именно с него. Еще задолго до нашего времени древнекитайские рыбоводы начали поселять в прудах особую разновидность золотистого караса «цзюй». А на каменных стенах древнеегипетских гробниц в Бен-Гассане (1700—1800 гг. до н. э.) искусные художники-камнерезы изобразили многих животных с таким знанием дела и так точно, что современный знаток фауны реки Нил может совершенно точно указать, изображения каких рыб высечены на камне. При раскопках старинных городов Египта и Междуречья были обнаружены плоские каменные чаши-бассейны во дворцах. Вполне возможно, что в этих бассейнах содержались рыбы из Нила, Тигра и Евфрата.

Как мы узнали от Апулея, греческие ученые уже занимались серьезным изучением рыб. Аристотель описал 116 видов разных рыб. Феофраст описал многих неизвестных в Античном мире рыб из Индии. Вероятно, греки познакомились с ними во время завоевательных походов Александра Македонского на восток.

Но римские ученые знали в основном лишь обитателей европейских пресных вод и Средиземного моря. Философ Сенека в одной своей книге прямо-таки издевается над Феофрастом. «Подумайте,— пишет он,— этот чудак утверждает, что в Индии есть ползающие рыбы! Если ему поверить, то ловить рыб индусам надо не сетями, а мотыгой и лопатами!» Кто из них прав — Сенека или Феофраст, мы узнаем позднее. А сейчас я приглашаю тебя на один из торжественных праздников при дворе римского императора. Ты слышишь, из дворца несутся крики изумления. Что там происходит? Войдем незаметно.

Мы находимся в огромном дворе, обрамленном колоннадой. Посреди на мраморном полу стоит длинный и низкий, расположенный буквой «п» стол, уставленный всевозможными яствами и напитками. Вдоль стола на ложах — пирующие государственные мужи и пышно одетые прекрасные дамы римского высшего общества. Среди колонн стоят музыканты, они беспрерывно наигрывают веселые мелодии. А сверху, с карниза колоннады, где спрятаны рабыни, на пирующих сыплется медленный душистый дождь из лепестков роз. Кругом снуют с блюдами рабы, бегают огромные псы.

Но вот опять мы слышим радостные восклицания женщин.

Это на дальнем конце стола! Ну-ка, быстро туда. Смотри, смотри! Встает со своего ложа прелестная дама, раб подает ей сосуд с водой... Пойдите, в сосуде какие-то рыбы! Да, действительно рыбы. И таких сосудов не один. Их медленно передают из рук в руки пирующие, они разглядывают движения рыбок в банке, изумленно восклицают. Но вот дама с банкой в руках берет у раба деревянные щипцы и ловким движением убивает рыбу. Зал оглашается новым криком восторга. Теперь банка высоко поднята вверх и все взоры обращены к ней.

Но что это? Серебристо-розовая рыбка на глазах становится все более красной. Вот она уже вся ярко-розовая — ее окраска, словно заря, вот розовые тона переходят в красные, красные превращаются в карминные, а затем начинается побледнение окраски в обратном порядке. Гости криками выражают свой восторг. Наконец рыбка уже совсем посветлела, банку с нею принимает раб и проворно несет на кухню. Рыбу тотчас зажарят и принесут на блюде той даме, которая убила ее.

Так красиво умирает средиземноморская рыба барабуля, или султанка. Мясо ее ценилось в древнем Риме очень дорого: серебра отсыпали столько же, сколько весила сама рыба. Но больше всего ценили римляне султанку за ее удивительно яркую смерть.

Откуда же брали султанок для пиров? Сведения об этом мы находим у знаменитого римского оратора Цицерона. «И что за пустым занятием увлеклись вы, римляне,— говорит он.— Заняты детской забавой— держите у себя в садовых прудах султанок!».

Спасибо Цицерону! От него мы знаем, что богатые римляне увлекались содержанием рыб в особых бассейнах, которые назывались писцины (от латинского «писцес» — рыба). И не просто содержали рыб, чтобы подавать их к столу на пиршествах, а даже... Послушай-ка опять Цицерона. «Стыдно смотреть,— говорит он,— но иные из наших богачей воображают себя прямо на небе, если им удастся приучить султанок приплывать по зову, приучить кормить их с рук».

Цицерон сообщает нам просто бесценные сведения. Оказывается, в Риме не только держали рыб в искусственных бассейнах, но и пытались «приручать» их, или, как говорят ученые, выработать у рыб условные рефлексы. Очевидно, писцины устраивались не только ради доставки рыб на пиры, но в них велись и эксперименты, наблюдения. Сохранился отрывок из одного рецепта повару, где, между прочим, говорится, что султанки любят свежую воду и в прогретой солнцем воде быстро гибнут. Надо делать писцины с проточной водой, заключает древний автор. А мы можем сделать свой вывод: римские ученые хорошо знали условия содержания султанки, а возможно и других рыб. Вообще в Риме рыб высоко ценили. Осетр был в таком почете, что его подавали только к столу императора. Современное научное название осетра — аципенсер — и означает в переводе с латинского «драгоценный». А сом даже удостоился поэмы, которую посвятил ему поэт Авзоний:

Ныне тебя, о сом, воспеваю, могучую рыбу...

Ты, волнам подобный, краса наших вод.

Впрочем, была одна рыба, которую никто не любил. Но именно она-то и имеет непосредственное отношение к истории аквариума. Это мурена, ядовитая зубастая рыба из Средиземного моря. Мурен тоже держали в писцинах, но не для красоты и не для кормления с рук. Их даже совсем не кормили. От этого рыбы становились особенно злыми. И, как повествуют древние авторы, римские богачи наслаждались таким «смешным» зрелищем. Рабу, который провинился или в чем-то подозревался (в попытке к бегству, в воровстве, в непослушании), приказывали переплыть водоем с муре-

нами: «Переплывешь — будешь оправдан». Несчастный не имел выбора — откажись, тебя забьют до смерти! — и бросался в воду. Голодные мурены тут-же устремлялись к человеку и вонзали в его тело ядовитые зубы. Человек отбивался, огромные двухметровые зубастые рыбы наступали, рвали тело раба в клочья и вода окрашивалась в красный цвет. А на трибунах около бассейна умирали от хохота хозяин и его гости: «До чего же уморительное зрелище, этот суд мурен, не правда ли?».

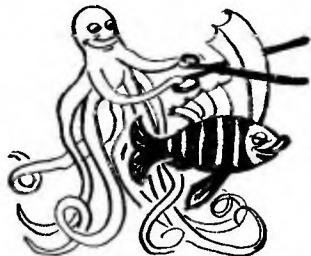
Этим кровавым и неприятным событием мы и заканчиваем наш поход в Древний Мир, где нам удалось ознакомиться с первыми сведениями об аквариуме.

Переход второй: Оказывается, аквариум — это управляемый человеком прибор

Средневековье не было периодом бурного развития науки. Церковники жестоко расправлялись с каждым, кто нарушал скучные и постные заповеди Христа. Каждая свежая мысль, живой интерес к чему-либо воспринимались как еретическое, богопротивное и достойное кары действие или хотя бы помышление. По Европе полыхали костры инквизиции. Естественно, что в этих столетиях мы не найдем никаких сведений об аквариуме и аквариумах.

Лишь на Востоке, в Великой Поднебесной Империи, придворные рыбоводы, талантливые дети китайского народа, творили чудеса, меняя по своему желанию форму и окраску караса «цзюйю», создавая все новые и новые породы золотой рыбки. Но европейцы познакомились с этими удивительными творениями китайских селекционеров лишь в XVII веке. А мы узнаем об этом позднее, во второй части книги.

Наступила эпоха Возрождения. Ученые бережно восстанавливали и переписывали тексты древних греческих и римских естествоиспытателей. Зацветающая буржуазия искала новые рынки сырья, стремилась захватить далекие богатые земли

Востока. Во все концы земли устремлялись быстроходные каравеллы искателей новых земель и приключений. И они привозили удивительные рассказы о рыбах далеких стран, рассказы, так совпадающие с казавшимися когда-то неправдоподобными сведениями древних авторов.

В 1637—1644 годах в Бразилии побывал Георг Маркграф. Он опубликовал по возвращении «Натуралистическую историю Бразилии». В четвертом томе этой книги он дал описание 87 видов рыб из Амазонки. Сведения об этих рыбах потрясли воображение европейских естествоиспытателей. Так впервые возник интерес к экзотическим (от греческого слова «экзотика» — иноземный) рыбам.

А в 1801 году появилось первое описание королевы тропических вод — гигантской водяной лилии — виктории амазонской. К этому времени во многих теплицах, возникших в европейских городах, уже держали наземные тропические растения. Сообщение о виктории подогрело интерес к экзотическим водным растениям, и в теплицах появились специальные бассейны с этими растениями.

А рыбы? К началу XIX века содержали в сосудах лишь золотых рыб. Их помещали в красивые стеклянные вазы без грунта и, конечно, без растений. Тогда еще не понимали роли растений в жизни животных и взаимосвязи растений и рыб в водоеме. Да и о самих золотых рыбаках существовало курьезное мнение, что их ничем не надо кормить. Меняйте им воду, они питаются ею, — утверждали знатоки тех лет. И это были не какие-либо невежды, а самые настоящие ученые-естествоиспытатели.

В первой половине XIX века в странах Европы с успехом издавалась на разных языках «Естественная история» Джонатана Франклина. Третье и притом, как сказано на обложке, исправленное издание этой книги вышло в переводе на русский язык в 1864 году. И вот что можно было там прочесть о «золотом чебаке»: «Довольно распространено мнение, что эти маленькие существа могут обходиться без пищи. Гуманность же требует кормить всех, даже золотых рыбок, в особенности в неволе. Я забавляюсь, давая им по временам мух и маленьких червей, и уверяю вас, они едят их с большим удовольствием, если не с признательностью». Впрочем, уверять в этом русского читателя в 1864 году было смешно, переводчик просто плохо «исправил» книгу пятидесятилетней давности. К этому времени русские аквариумисты могли прочитать целую лекцию о кормлении золотых рыбок и уходе за ними. Но для первых лет XIX века такой взгляд был обычен.

В 1797 году француз Теодор Соссюр издал работу, в которой выяснилась роль углекислого газа в жизни растений. Рядом экспериментов Соссюр доказал, что растения поглощают углекислоту и выделяют кислород. Открытие было настолько удивительным, что французская Академия тотчас же избрала ученого своим членом. Начались исследования в этом направлении. «Зеленый лист улавливает углекислый газ из атмосферы», — заявил Жак Буссенго.

Из атмосферы? А как обстоит дело с растениями, которые растут погруженными в воду? Только в 1837 году дошла до них очередь. А что, если соединить в замкнутом сосуде водные растения и животных? Таким вопросом задался англичанин Уард. Сказано — сделано. И что же? В закрытом сосуде продолжала плавать золотая рыбка, продолжала выбрасывать листики посаженная в песок валлиснерия.

Так Уард впервые создал аквариум в том значении этого слова, какое оно имеет сейчас. Но Уард сделал и еще один очень важный вывод. Оказывается, рыбы и растения далеко не всегда так хорошо уживаются вместе. Он провел десятки экспериментов. Если увеличить число растений — рыбы задохнутся. Если убрать растения — опять рыбам нехорошо. А если увеличить число рыб? Совсем¹ плохо. А теперь поддержим аквариум в темноте. Ну, как? Все погибло — и рыбы, и растения. Хорошо, попробуем все устроить заново, но охладим воду на льду. Опять все погибло. А теперь опять все снова, но подогреем воду. И опять — неудача.

Впрочем, нет, именно удача! Когда Уард создал первый аквариум, в котором хорошо дополняли друг друга и влияли друг на друга растения и рыбы, многие ученые стали утверждать, что мы имеем дело с замкнутым маленьким миром: можно плотно закрыть этот мирок в банке, и он будет существовать сам по себе, не связанный с внешним миром.

— Ничего подобного! — заявил Уард. — Аквариум — это прибор, и, как всякий прибор, он без человека, без его мысли, без его управления — мертв. Если некоторое время рыбы и растения еще и продолжают жить, то это происходит просто по инерции. Аквариум — это управляемый прибор, и только при хорошем управлении он будет хорошо и правильно работать. Не сразу дошла эта замечательная мысль до сознания современников Уарда. В 1850 году его соотечественник Уаррингтон устроил «микрокосм» — аквариум с наглухо закрытой крышкой. Рыбки, жившие в нем, давали углекислоту, растения поглощали ее и давали кислород рыбкам и улиткам, улитки поедали водоросли и откладывали икру, служившую пищей рыбкам. Целый космос в банке. Никакой зависимости от внешнего мира!

Но вечных двигателей не бывает. Нет и вечно работающих приборов. «Микрокосм» просуществовал лишь несколько недель, а потом, чтобы избежать гибели его обитателей, пришлось открыть крышку. Прибор нуждался в творческом управлении со стороны человека. И когда Уаррингтон спустя несколько лет открыл для публики большой общественный аквариум с несколькими морскими и пресноводными водоемами, он уже не надеялся на «самодвижение» «микрокосмов» и для ухода за этими водоемами нанял не одного, а целых одиннадцать человек.

В Германии история аквариума началась с 1856 года, когда в одном из научно-популярных журналов появилась статья ученого-натуралиста Эмиля Адольфа Россмесслера. Прогрессивные естествоиспытатели Германии и России с уважением произносили это имя. Россмесслер долгие годы вел борьбу против реакционных порядков в прусской школе, боролся против преподавания закона божьего — единственного в те годы предмета, «объясняющего» ученикам устройство мира. «Как ученый, как писатель, как член парламента,— писал о Россмесслере один русский журнал,— он боролся за введение естествознания в школьное обучение».

В своей статье «Озеро в комнате» и книге «Пресноводный аквариум» — первой книге на эту тему! — немецкий ученый впервые показал, какие удивительные опыты можно поставить над питомцами комнатного озера, какие наблюдения интересно провести.

С 1856 года начинается история любительского аквариума и в России. Правда, золотые рыбки в России побывали за два столетия до этого, но об этом мы поговорим позднее. В 1856 году член Российского общества акклиматизации Альберт Иванович Гамбургер прибыл в Германию к родственнику. Здесь он и познакомился с первыми любителями «озера» в комнате.

«Это интересно!» — подумал Гамбургер и, возвратившись домой, изготовил несколько аквариумов. К его изумлению, москвичи просто расхватывали стеклянные водоемы. Гамбургер открыл мастерскую и стал делать аквариумы для продажи. Сто лет назад купить аквариум и заниматься содержанием его питомцев могли лишь богатый человек, а не простой рабочий или служащий. Но даже несмотря на это, аквариумами в нашей стране уже тогда бурно увлекались. Некоторые цифры дают нам представление об этом. За сравнительно короткое время Гамбургер построил и продал 400 крупных аквариумов, а за некоторые из них был награжден 12 медалями. Даже царская семья в 1858 году решила завести аквариум. За него Гамбургеру подарили перстень.

Ты думаешь, Гамбургер разбогател? Ничего подобного. Этот увлекающийся человек продавал аквариумы почти за бесценок.

Он делал гроты и туфовые украшения, которые вообще никто не хотел брать. И Гамбургер дарил эти гроты тем, кто покупал аквариумы. Наконец, он понял, что ни царю, ни великим князьям, ни тем придворным, которые брали у него «модные штучки», не нужны эти комнатные озера, никому из них нет дела до самой природы, они просто увлеклись модой, а потом так же легко и бросят все это.

Тогда Альберт Иванович махнул рукой на коммерцию и занялся серьезным изучением аквариумных рыб и растений. На выставках садоводов в 60-х и 70-х годах прошлого века этот энтузиаст поразил всех посетителей удивительными достижениями. И когда мы видим в зоомагазине макроподов, мы вспоминаем, что их привез в Россию и размножил А. И. Гамбургер. А когда мы разглядываем в оранжереях ботанических садов изящное водное растение увирандру с листьями-сеточками, мы тоже вспоминаем этого исследователя подводного мира — именно от него в 1872 году Петербургский ботанический сад получил эту редкость. Слава Гамбургера — любителя-аквариумиста оказалась долговечнее и почетнее славы коммерсанта, отмеченного царским престоном.

Громадная роль в пропаганде русского любительского аквариума принадлежит замечательному натуралисту, талантливому писателю Николаю Федоровичу Золотницкому. Золотницкий был преподавателем языков в реальном училище. Народный артист СССР Сергей Владимирович Образцов так рассказывает о нем: «Уроки его не отличались особой живостью и проходили без интереса... Чувствовалось, что все его помыслы, все силы души имеют совсем другое приложение. Но уж когда нам удавалось вопросами вызвать его к беседе на любимую тему, он словно преобразился. Глаза загорались, рассказ становился живым, образным и мы, мальчишки, замерев, отправлялись в необычайное, почти сказочное путешествие в неведомый подводный мир».

— Это было очень давно, — рассказывал Николай Федорович, — в дни моей ранней юности. В то время я занимался сбором растений для гербария. Однажды я присел у воды и вдруг увидел такую картину, которую не забуду никогда в жизни. Вы когда-нибудь видели наяву мир волшебных сказок?

Звенел звонок на перемену, но мальчишки не спешили в рекреационный зал. Они обступали учителя.

— Николай Федорович, а вы не могли бы нас сводить на экскурсию в зоопарк? Там открылся общественный аквариум-выставка. Ну, пожалуйста. Мы будем совсем тихонькие, совсем послушные...

И после долгих уговоров Николай Федорович соглашался.

В небольшом домике на территории Московского зоопарка в стенах коридоров были вмонтированы освещенные изнутри аквариумы, в них плавали самые разнообразные рыбы. Разноцветные рыбы. Красивые рыбы. Смешные какие-то. Ну и все... Но вот начинал говорить Золотницкий, и ребята пускались в удивительное, полное тайн и приключений путешествие в волшебное подводное царство...

Навстречу экскурсантам шли два господина. Поздоровались с Золотницким. Пошли дальше. Один другому сказал:

— Это из пажеского корпуса?

— Какой там пажеский! Не видите форму — реальное училище.

— Тогда почему им рассказывает не простой экскурсовод, а сам председатель?

И они недоуменно оглянулись.

Да, скромный учитель классических и романских языков был Почетным председателем Московского общества любителей природы, автором книг о цветах, о легендах, связанных с растениями, об аквариумных рыбах. Его книгами зачитывалась вся передовая, интересующаяся живой природой Россия. И не только Россия. Книга «Аквариум любителя» была переведена на несколько языков, издана в Германии. Она и сейчас является одной из лучших и интереснейших книг об аквариумных рыбах и растениях.

Московское и Петербургское общества аквариумистов возникли одновременно в последние годы XIX века. К этому времени в крупных городах России уже не раз устраивались аквариумные выставки, на которые стекались тысячи людей. На эти выставки приходили и рабочие, и бедные чиновники. Они и сами с интересом осматривали экспонаты и приводили с собой детей. Успех этих выставок навел русских энтузиастов-аквариумистов на мысль: а не создать ли нам постоянную выставку-аквариум?

В то время общественные аквариумы — так стали называть постоянные выставки — уже существовали во многих странах. В 1850 году они появились в Англии, в семидесятых годах известный писатель-зоолог Альфред Брэм построил огромный «Аквариум» в Берлине, громадные общественные аквариумы создавались в США. В России же существовал лишь один небольшой такого типа аквариум-выставка в Севастополе. Он знакомил с немногими обитателями Черного моря, и доступ туда в то время был сильно ограничен.

«Вот если бы и в Москве открыть огромный общественный Аквариум», — мечтали русские аквариумисты. Но на это нужны были средства. У аквариумистов и у их обществ, понятно, таких

средств не было. Ждать их от царского правительства было смешно, ведь даже Московский зоопарк, открытый 12 февраля 1864 года, был создан на деньги общественности... А что, если увлечь этой идеей московских капиталистов? Собрали совещание. Капиталисты-предприниматели пришли.

Доклад делал Николай Федорович Золотницкий. Капиталисты сидели, слушали. Оказывается, общественные аквариумы за рубежом приносят огромные прибыли. Интересно... Потом выступали энтузиасты-аквариумисты. «Если вы дадите деньги на строительство аквариума,—говорили они,—вы вскоре вернете эти суммы обратно, да еще начнете ежегодно получать прибыли. Ориентировочные расходы будут такие..., доходы в год приблизительно около..., а это значит, что ваша чистая прибыль составит...». Капиталисты сидели, слушали, кивали головами. Интересно, любопытно, забавно...

Но когда спросили, кто же согласен финансировать строительство, кто будет хозяином нового дела—ни один не выступил. «Известное дело,—рассуждали русские предприниматели,—за морем телушка—полушка, а перевоз—рупь. Зачем ввязываться в это рыбное дело, когда и так за 12—14 часов рабочего дня мы выжмем из своих рабочих на фабрике столько прибыли, сколько хотим». Так и не согласились.

И все же энтузиасты-натуралисты не отступили. Начался сбор средств на постройку Аквариума-выставки на территории Московского зоопарка. От тысяч любителей природы поступали деньги, иногда это были всего лишь медные копейки. И вот 6 декабря 1904 года, вопреки всем препятствиям, Аквариум-выставка отдела ихтиологии Российского общества акклиматизации был, наконец, торжественно открыт.

Увы! Недолго суждено ему было просуществовать. В 1905 году по стране прокатилась первая русская революция. Центром ожесточенной классовой борьбы стала тогда Москва.

Особенно сильные бои разгорелись в районе рабочих кварталов на Пресне (теперь Краснопресненский район Москвы). Бои начались 8—9 декабря, спустя четыре дня каратели подтянули к рабочим баррикадам пушки. Московский градоначальник отдал приказ стрелять по жилым кварталам. «Если бить по жилым домам,—рассуждали каратели,—восставшие не станут подвергать мирное население опасности истребления и сдадутся». Пресненские дружинники героически отражали натиск карателей, а когда стало ясно, что другие районы Москвы не в силах им помочь, они в ночь на 19 декабря прекратили перестрелку и сумели выйти из окружения.

Однако артиллерийскую пальбу по Пресне каратели начали еще 13 декабря. Орудия били прямой наводкой... по зоопарку! Много животных было убито в ту ночь. А в 4 часа дня огонь перенесся на здание Аквариума. В это время там был один лишь сторож. Огонь разрушил часть помещения. Затем каратели «штурмом» овладели пустым домом и, как свидетельствует акт, составленный членами Российского общества акклиматизации, перестреляли уцелевшие аквариумы из винтовок в упор по стеклам. Вся огромная коллекция рыб из разных стран, собранная в Москве за многие годы и сведенная в этом выставочном помещении, конечно, погибла.

Но и на этом каратели не остановились. 17 декабря ни с того, ни с сего они подожгли дом. Теперь уж сгорело и то, что уцелело от «штурма»: архивы, документы, большая библиотека. Так трагически закончилась попытка организовать через постоянную выставку-аквариум пропаганду естественно-научных знаний. Аквариум просуществовал всего один год и семь дней. В 1906 году Общество акклиматизации написало жалобу правительству и просило возместить потери, но... стоит ли объяснять, чем это кончилось?

Павильон Аквариум открылся только в советское время.

Переход третий: Инспектор Наркомпроса

В 1914 году началась первая мировая война. И вместе с общим ухудшением жизни в стране в военные годы стало замирать и аквариумное дело — было не до этого. Незадолго до начала войны петербургский магазин «Аквариум» издал большую книгу известного специалиста А. А. Набатова «Комнатный пресноводный аквариум», в 1915 году в Москве незначительным тиражом вышла книжка Н. Ф. Золотницкого «Живая природа в школе», затем появилось четвертое издание его знаменитой книги «Аквариум любителя», уже получившей ряд наград и медалей в России и на международных выставках. Подготавливалось новое издание второго тома этой книги «Новые аквариумные рыбы и растения», но

оно уже не увидело света. Дела в России шли все хуже и хуже. В 1916 году из-за нехватки топлива и кормов в Москве закрылась постоянная выставка аквариумов Карла Гиппиуса.

Потом наступили бурные месяцы 1917 года..., Октябрьская революция, ...гражданская война...

Именно в это трудное время в одной из типографий уже набирался первый номер нового журнала «Естествознание в школе». Открывался журнал словами: «В обломках лежит старый мир, старая Россия. В обломках лежит и старая школа. Не хочется помянуть ее лихом, но, в сущности, нам, натуралистам, не стоит ее жалеть... Кажется, не было в русской школе предмета, который был бы поставлен так плохо, преподавался бы так жалко, обставлялся бы так скудно, изгонялся бы из школы так часто, как естествознание».

В те же весенние дни 1918 года в одном из кабинетов первого советского министерства просвещения — Наркомпроса РСФСР — изучался пухлый протокол: «Выступления на Съезде преподавателей естественной истории Московского учебного округа». Сотрудники Наркомпроса заинтересовали слова: «Едва ли найдется кто-либо из преподавателей естествознания, кто не согласился бы со мной, что при преподавании этого предмета никакой рисунок, никакая фотография, чучело, засушенное растение не может сравниться с демонстрацией живого растения, животного. А в этом огромную помощь может оказать школе аквариум». Это были слова Н. Ф. Золотницкого.

С лета 1918 года Золотницкий становится инспектором-методистом по вопросам естествознания в Наркомпросе РСФСР. Он разрабатывает планы преподавания естественных наук, работает над подготовкой к изданию первых советских книг о природе — «Жи-

Николай Федорович Золотницкий.

вая природа в школе» (второе, расширенное и дополненное издание), «Из сказок природы» (1919).

Развитию естествознания, разработке его преподавания и устройству живых уголков в школах Наркомпрос придавал в те годы большое значение. Внимательно следила за этим Надежда Константиновна Крупская. Еще в 1911—1912 гг. она подготовила к печати перевод с немецкого статьи Г. Шаррельмана «Аквариум».¹ И не случайно с первых месяцев советской школы наглядность в преподавании естествознания стала обязательной. Об этом не раз повторяла в своих статьях Надежда Константиновна. «Естествознание,— писала она в 1922 году,— принадлежит к той области наук, где наглядность, «показ» особенно убеждает». Тогда же, ознакомившись с работой станции юных натуралистов, в том числе и с интересным «кружком водолюбов», Крупская отмечала, что таким учреждением вправе гордиться Москва. Позже Надежда Константиновна рецензировала книгу С. В. Герда «Учебник естествознания». Она предлагала автору рекомендовать ребятам самим больше наблюдать, организовывать уголки живой природы.

Впоследствии Сергей Владимирович Гerd, уже будучи профессором, написал несколько книг, очень интересных для любителей природы; названия некоторых из них упомянуты в последней главе — «на книжной полке».

Итак, совсем не случайно бывший преподаватель греческого и латинского языков, не признанный в царской России авторитет в области естествознания, Н. Ф. Золотницкий стал в первые же советские годы инспектором-методистом Наркомпроса. Но недолго суждено ему было работать на этом посту. В голодном марте 1920 года на шестьдесят девятом году жизни он скончался. Журнал «Естествознание в школе» откликнулся на смерть Золотницкого несколькими статьями. В одной из них говорилось о том, что эстафета пропаганды аквариума, так блестяще начатая Николаем Федоровичем, не должна остановиться с его кончиной. «Надо пожелать,— писал журнал,— чтобы будущие деятели в области аквариумного дела были проникнуты той искренней и бескорыстной любовью к этому делу, какой был полон покойный Н. Ф. Золотницкий». А спустя два месяца после смерти Золотницкого на прилавках книжных магазинов Москвы появилась его книга «Живая природа в школе» — первая советская книга об аквариуме.

¹ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения. Т. I, Учпедгиз, 1957, с. 447.

Окончилась гражданская война, отгремели и миновали героические тяжелые годы. Страна медленно оправлялась от ран, нанесенных интервенцией. В 1921 году вместо сурового режима военного коммунизма была объявлена новая экономическая политика. Подняли голову, повеселели частники и спекулянты. Им казалось, что наступило самое время «погреть руки» — снова разрешена торговля, запрещенная в военные годы. На площадях Москвы возникли своеобразные рынки — толкучки. Сюда сходились сотни людей, на разные голоса «торговцы» выкрикивали здесь названия своих товаров, расхваливали их преимущества. А товары эти были старыми обносками, искалеченными примусами, колченогими стульями. Народ метко называл тогда такие сборища «ба-рахолками».

На Трубной площади размахнулся огромный рынок живности — здесь торговали кроликами, ежами, певчими птицами, аквариумными рыбами. Рыбный ряд рынка на Трубной... Довольно своеобразное и совсем неприятное зрелище — его стоит описать поподробнее.

«Рыбные рынки» появились в Москве еще до революции, когда возник интерес к любительскому аквариуму. Сначала торговля шла на «вербное воскресенье», в праздник весны, а потом и в каждое воскресенье. Рыбный торг был печально знаменит и в до-революционной России. С возмущением говорил о нем Золотницкий: «Что поражает больше всего в этом зрелище, так это удивительное совмещение нежных красот природы с самыми отвратительными примерами человеческой жестокости развязно-зазывающих продавцов, для которых радужные рыбки всего лишь «предмет» торговли».

А вот как в одном из своих стихов подметил этот контраст поэт Саша Черный:

Червонные рыбки из стеклянной обители
Грустно-испуганно смотрят на толпу.
Вот замечательные американские жители —
Глотают камни и гвозди, как крупу!

А. П. Чехов писал: «Мужики сидят в ряд. Перед каждым из них ведро, в ведрах же маленький крошечный ад. Там в зеленоватой мутной воде копошатся карасики, выюнки, малявки, улитки, лягушки, жернянки, тритоны; большие речные жуки с поломанными

ногами шныряют по маленькой поверхности, карабкаясь на карасей и перескакивая через лягушек. Лягушки лезут на жуков, тритоны на лягушек».

Теперь тебе ясна картина этого необыкновенного рынка, где, говоря словами Чехова, «животных любят так нежно и где их так мучают».

Однако в промышленности и торговле частник шаг за шагом уступал свои позиции социалистическим предприятиям. Вытеснив частника из крупных отраслей хозяйства, нельзя было оставлять его в мелких. Надо было бороться против разгула спекуляции и в торговле зоотоварами. А как? Единственный путь — организовать государственную торговлю, открыть зоомагазины, разводить для них аквариумных рыб, певчих птиц.

Это было новое, ни в одной стране не виданное дело — государство берется за зооторговлю. В начале тридцатых годов в Москве открываются зоомагазины. Рыб для них начинает поставлять первая государственная рыбоборазводня. Во главе ее — Алексей Молчанов.

Тысячи трудящихся получили возможность иметь дома аквариумы, приобретать для них рыб по дешевым государственным ценам. То, что до революции было достоянием узкого круга богатых людей, стало в тридцатые годы достоянием советских рабочих и служащих. В сотнях семей появились аквариумы, клетки с птицами и зверьками. «Ходишь по городу,— писал в 1935 году журнал «Юный натуралист»,— смотришь в окна, и не предполагаешь, как увеличилось птичье, рыбье и прочее звериное население Москвы. Благодаря работе зоомагазинов, благодаря дешевым ценам оно за последние годы увеличилось в несколько раз. Государственные зоомагазины стали теми вокзалами и гостиницами, откуда рыбы, птицы и звери расселялись на постоянное жительство по школам и квартирам москвичей».

В тридцатые годы в Ленинграде возникло и первое советское общество натуралистов.

Жить становилось все лучше, а вместе с ростом материального достатка советских людей росли и потребности их, расширялись их интересы. Все больше рабочих, служащих, студентов и школьников собиралось на заседаниях Ленинградского общества натуралистов. А когда в Москве или Ленинграде проводились аквариумные выставки, туда устремлялись сотни тысяч любителей живой природы.

Открылись и постоянные павильоны «Аквариум» в Московском и Ленинградском зоопарках.

Но было немало и трудностей. Пятьдесят тысяч аквариумных рыб в 1932 году, шестьдесят тысяч в 1933. Такое количество рыб поставлял Московский рыбобитомник в зоомагазины столицы. А директора магазинов ежедневно звонили Молчанову:

— Алексей Васильевич, дорогой! Подбрось еще рыбок — очередь стоит. — И, узнав, что рыб нет, возмущались: — Неужели больше не можешь разводить!

Молчанов действительно не мог — не хватало аквариумов. Аквариумы, как известно, делаются из металлического каркаса и стекла. Вот в каркасе-то и была загвоздка. Для каркасов нужно оцинкованное железо. Достать его было трудно. Металл в первую очередь шел на важные гигантские стройки. Металла было мало, его считали на килограммы. Достать оцинкованное железо для аквариумных каркасов не удавалось.

Однажды одна юная аквариумистка попросила Молчанова проконсультировать ее — посмотреть, почему у нее все время гибнут рыбы.

Молчанов приехал к ней. Осмотрев аквариум, стоявший возле одного из южных окон, Алексей Васильевич сразу понял причины неудач. С разрешения хозяйки дома он взялся за переделку. Передвинул аквариум к восточному окну — так будет на него падать меньше света, выловил рыб в банку, слил воду в ведро, сыпал песок в таз, чтобы перемывать его. В разгар этой работы в соседней комнате послышались шум и громкие голоса. Дверь открылась, Молчанов разогнулся и вдруг очутился лицом к лицу с высоким человеком — пышные волосы вразлет, большие пушистые усы, веселые карие глаза. Да это же Орджоникидзе!

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, маг и волшебник подводного царства! — весело приветствовал его Серго. — Вот, товарищи, — обратился он к приехавшим с ним, — всех богов мы ликвидировали, остался только этот — «рыбный бог»! Но это полезный бог, мы его оставили. Так, что же у нас тут приключилось?!

Потом Молчанов не раз ездил к Орджоникидзе, привозил растения, вуалехвостов, корм, помогал дочери Серго ухаживать за аквариумом. Однажды, отчитав кого-то по телефону и в сердцах бросив трубку, Орджоникидзе сказал:

— Вот, Алексей Васильевич, какие еще нерадивые люди есть у нас. Отсюда и трудности, неполадки. Ну, у вас-то, наверное, таких трудностей не встречается?

Молчанов не удержался и рассказал о своих неудачных попытках раздобыть железо для аквариумов.

— Оцинкованное железо? — задумался Орджоникидзе. — Надо дать. Жизнь становится все легче и краше, а значит, становится больше и любителей разных увлечений, в том числе и рыбных. Надо дать вам железо.

Вскоре на стеллажах рыбоводника появились новые аквариумы, и выпуск рыбы сразу увеличился вдвое. Орджоникидзе не только распорядился, он специально приехал проверить, как выполнено его распоряжение.

— Теперь, «рыбный бог», вы довольны?

Аквариумы эти и ныне стоят в Московском рыбоводнике.

Много замечательных достижений было в те годы, много хорошего. Но мирную жизнь прервала война.

Четыре года героически сражался советский народ, пока не разгромил самого сильного врага — гитлеровский фашизм. Все было подчинено этой цели — победить.

Но история аквариума не прерывалась и в это время. Люди, которые со всей страстью отдавались любимому делу в мирные дни, не изменяли ему и теперь. На память приходят некоторые эпизоды этих лет. Тяжелая блокадная зима 1941—1942 годов в Ленинграде. Голод. Мороз. Обстрелы. Но город живет, люди работают, учатся. Только вот учитель Кутепов не пришел как-то в школу.

После уроков ребята идут узнать, не заболел ли Иван Васильевич.

— Умер он, — рассказывает соседка. — Последние крошки хлеба с рыбками делил, они у него из школы взяты, там, говорит, замерзли бы...

А вот еще одна печальная история тех лет. Не явился на работу хирург Морозов. Накануне он сделал двенадцать операций раненым бойцам. Посылают санитарку узнать, что с ним. Она возвращается в слезах.

— Сидит он мертвый у стола, как живой, — рассказывает она сквозь рыдания, — стали мы шубу на нем расстегивать, а там у него баночка с рыбками спрятана, последним теплом своим их согревал...

Летом 1942 года школьники-юннаты под руководством биологов организовали сбор пресноводных улиток и ракушек. Мясо их употреблялось в пищу в блокадном Ленинграде.

Осенью 1941 года пострадало от близкого взрыва здание Московского рыбоводника. Но ни на один год не прекратилась его

работа. В медицинские учреждения и госпитали увозили сотни рыб и мексиканских земноводных — аксолотлей, которые необходимы были для экспериментов. А детские сады? Дети есть дети. И для них тоже разводили рыб.

Потом, после войны, корреспондент одного английского журнала с изумлением воскликнет: — «Это был единственный питомник аквариумных рыб в воюющих странах, который не прекращал своей работы все время войны!».

И, наконец, последний эпизод из совсем недалекого прошлого.

Кончилась война. Фашистская Германия лежала в развалинах. Капиталисты спешно перебирались из восточной зоны оккупации, где стояла Советская Армия, в западную, под крылышко США. К одному из контрольных пунктов на границе двух зон подошел высокий белокурый немец с двумя бидонами в руках.

— Что несете? — спросил советский боец.

— Воду, — последовал ответ.

— ?!

— Я не шучу, воду.

— Покажите!

Боец нагнулся, снял крышки с бидонов. В воде было полно мелкой рыбки.

— Рыба? Для чего?

— Аквариумная... Развожу ее... Продавать думаю, — пояснил немец.

Боец удивленно покачал головой, взглянул на развалины берлинских домов, на голодных берлинцев, роющихся в отбросах, и вздохнул: «Ну, проходите!». Немец благополучно перебрался на Запад и потом основал там огромную фабрику по разведению аквариумных рыб и растений. Историю эту он описал в одном американском журнале. «Наверное, — писал он, — этот русский Иван никогда и не слышал, что рыб содержат в аквариумах».

Ты спросишь, зачем я привел эту историю?

А вот зачем: ныне этот же немец — глава фирмы — забрасывает советские организации письмами с просьбой установить с ним контакт и продавать ему рыб из СССР. И тот же американский журнал опубликовал за последние десять лет немало статей о жизни советских аквариумистов. Многие из них снабжены примечанием: «Сенсация! Получено прямо из Советской России! Русские увлекаются аквариумом. Огромные аквариумные клубы в Москве и Ленинграде. Аквариумисты есть во всех советских городах!» Вот как меняется время! Вот как развивается история аквариума!

Переход первый: Как спроектировать и построить аквариум?

Аквариумист не может обойтись без элементарных физических знаний. Они нужны ему и для понимания природы биологических процессов внутри искусственного водоема, и для устройства самого водоема. Ведь многие аквариумисты не только натуралисты-наблюдатели, но и конструкторы своих аквариумов.

С какими же физическими закономерностями столкнутся строители аквариума?

Заполним половину полиэтиленового пакета водой. Осторожно опустим его на поверхность стола. Пакет чуть-чуть коснулся стола. Теперь слегка ослабим натяжение стенок. Мы видим, что вода изнутри распирает стенки пакета, но стенки, в свою очередь, пытаются противостоять этому напору. В результате вода в пакете стремится приобрести форму шара. Происходит это потому, что вода равномерно давит на все стенки пакета, а давление, как известно,— это величина, измеряемая силой, действующей на единицу площади перпендикулярно к поверхности.

Теперь наполним водой ведро и попытаемся поднять его. Тяжело? Конечно. На каждую частицу воды действует земное притяжение, сила тяжести. Сила тяжести всех частиц воды в ведре образует вес этой воды. И вес немалый. Надо думать, что и вес ведра жидкости больше веса жидкости в небольшом полиэтиленовом пакете. Очевидно, чем больше масса воды, тем больше и давление ее на стенки сосуда.

Между тем, теперь делают красивые декоративные аквариумы вместимостью от 5 до 25 ведер воды. Не надо утруждать себя точными расчетами, чтобы представить, какие огромные силы будут воздействовать на корпус такого аквариума.

Отсюда — необходимость делать аквариумы из прочных доброкачественных материалов. Современные крупные аквариумы состоят из трех элементов: металлического каркаса, стекла и связующей их замазки.

Каркас аквариума делают из стального «уголка» — так называется профилированный прокат, когда оба края стальной ленты находятся под прямым углом друг к другу. Используют «уголки» из твердых сплавов алюминия. Каркас связывается электросваркой

Суматра подарила аквариумистам небесно-голубого грихогастра.

У декоративных бойцов рыбок яркая окраска и пышные плавники

**Нотобранхиус — красно-голубой
обитатель африканских луз.**

или клепкой. При этом все углы полученного параллелепипеда должны быть строго прямыми. Если одна стенка будет наклонной, давление воды на нее окажется особенно сильным и стекло может не выдержать, лопнуть. По этой же причине внутренние плоскости каркаса должны быть абсолютно ровными, иначе выпуклость клепки или шов сварки будут особенно сильно давить на стекло.

Чем больше вместимость аквариума, тем большие силы будут воздействовать на его корпус и, следовательно, тем прочнее он должен быть.

Размер «уголка» определяется по ширине одной из его сторон. Ознакомившись с таблицей 1, ты легко сможешь подобрать нужный материал.

Таблица 1

Размер аквариума, см			Размер профиля, мм	Толщина стального проката, мм
длина	ширина	высота		
50	25	25	20×20	3
60	30	40	20×20	3
80	30	40	25×25	4
100	40	60	30×30	5
120	40	55	35×35	5

Для каркасной конструкции аквариума требуется пять стекол — одно на дно, два для длинных стенок и два для поперечных.

Стекло для дна будет испытывать особенно большое воздействие сил давления воды и веса ее. Поэтому оно должно быть самым прочным. Толщину стекла для дна можно определить по таблице 2.

Стекла для дна и особенно для стенок должны быть доброкачественными, без пузырей и свилей, в противном случае в местах брака силы давления воды действуют иначе, чем на ровную поверхность стекла, и это вызывает трещины в нем. Толщина стенок также зависит от размера аквариума, от объема его и, следовательно, от предполагаемых сил воздействия жидкости на корпус. Например, при длине аквариума 60 см и высоте 40 см требуется стекло толщиной 6 мм. Эти данные, так же как данные для аквариумов других размеров, можно найти в таблице 3.

Стекла не должны упираться торцами во внутренние стенки «уголка» корпуса. Замаску нужно наносить на по-

Таблица 2

Высота аквариума, см	Толщина стекла (в мм) для дна при ширине аквариума		
	20—30 см	30—40 см	40—50 см
До 30	4	5	8
30—50	5	8	10
50—65	7	10	15
От 60	10	12	20

Таблица 3

Высота аквариума, см	Толщина стекла (в мм) для стенок при длине аквариума				
	40 см	60 см	80 см	100 см	120 см
30	3	4	5	5	—
40	4	6	6,5	7	7
50	5	6,5	8	8,5	9
60	6	7	9	10	11
80	7—8	9	11	13	14

верхность «уголка» изнутри, а затем вставлять стекло. Та часть стекла, которая прикасается к замазке, должна быть предварительно протерта наждачной бумагой,— это улучшит сцепление стекла с замазкой. Вставляют сразу противоположные стекла. Затем между ними помещают распорки. Распорками могут быть деревянные палочки, торцы их должны упираться не в стекло, а в ровную фанерку с матерчатой прокладкой. Следует помнить, что чем шире поверхность давления, тем оно слабее. Ты это сам прекрасно знаешь, ведь именно поэтому можно кататься на лыжах. Торцы распорок, примыкающих прямо к стеклу, могут вызвать неравномерную нагрузку на него: стекло лопнет.

Под действием распорок стекло плотно пристает к каркасу и часть замазки выдавливается.

После вмазки стекол аквариум должен простоять два-три дня с распорками. Затем его заливают водой. Изнутри вода должна соприкасаться лишь со стеклом и замазкой. Иногда для большей изоляции металла во внутренние углы аквариума вмазывают полоски стекла. Снаружи аквариум красят масляной краской.

Вот несколько рецептов замазки для аквариумов:

1. Цемент — 40 г; канифоль — 200 г; мел в порошке — 100 г; вар — 50 г; воск пчелиный — 20 г; олифа — 100—150 г. Все составные части, за исключением цемента, смешивают и нагревают до первых признаков закипания, затем полученный состав охлаждают до 50°С и замешивают на нем цемент.¹

2. Полировальный песок — 1 л; гипс — 1 л; свинцовый глет — 500 г; канифоль — 70 г. Все замешивают до густоты оконной замазки на олифе или масляном лаке.

3. Цинковые белила — 200 г; мел в порошке — 200 г; свинцовый глет — 200 г. Замешивают на олифе или масляном лаке.

Конечно, маленькие аквариумы сделать проще, чем большие, но и в том и другом случае строительство аквариума — это огромный труд. Многие аквариумисты, увлекающиеся по сути дела биологией рыб, приобретают готовые аквариумы. Поэтому мы не останавливаемся подробно на строительстве комнатных водоемов и переходим к знакомству с физическими явлениями и законами, без знания которых не обойтись любителю аквариума.

Переход второй: Физические свойства воды

Вода — физическое тело, следовательно аквариумисту надо уметь определять физические свойства воды, регулировать эти свойства. Ты ведь не забыл, читатель, что аквариум — прибор управляемый? Тогда начнем управлять им. Прежде всего нам надо определить цвет, прозрачность и запах воды.

Вода для аквариума должна быть прозрачной, бесцветной, без всякого запаха. Налием воду из крана в белый эмалированный таз. Она бесцветна, прозрачна. А запах? Запах у нее обычно есть. В водопроводной сети воду очищают и дезинфицируют с помощью ряда газов, например хлора. Поэтому вода сразу из-под крана не годится для аквариума. Она должна постоять в широком

¹ Рецепт 1 взят из книги Н. Н. Журавлева «Аквариум» (Лениздат, 1959), рецепты 2 и 3 — из книги «Комнатный аквариум» (под ред. проф. М. А. Пашкова, Изд-во МГУ, 1956).

открытом сосуде, при этом нельзя допускать, чтобы вода соприкасалась с ржавой поверхностью металла. Можно поэтому воду залить прямо в новый, предварительно вымытый аквариум — пусть отстаивается в нем.

Дня через три вода потеряет запах. Теперь она пригодна для жизни — можно уложить грунт в аквариуме, посадить растения, а затем заселить его животными.

В хорошо устроенных и засаженных растениями аквариумах вода вновь приобретает запах.

Если отлить $\frac{1}{5}$ часть воды из такого аквариума и наклониться над поверхностью оставшейся в нем воды, можно почувствовать свежий запах травы. Это лучший показатель хорошей отрегулированности прибора. Ничем другим вода в аквариуме пахнуть не должна.

В управляемом аквариуме меняется и цвет воды. Вновь залитая вода прозрачна. Когда в аквариуме появляются грунт и растения, начинаются процессы гниения, развиваются бактерии. Вода голубеет, а затем становится беловато-мутной, «белесой». Не надо волноваться, все идет, как надо. С грунтом в аквариум попали органические кусочки. Сломались и отпали корешки и листья только что посаженных растений. Все это гниет, поэтому рыб сажать еще рано. И лишь через неделю после устройства аквариума, когда оправятся от пересадки растения и закончатся процессы гниения в грунте, вода постепенно начнет становиться все прозрачнее и прозрачнее. Но еще несколько недель, а то и месяцев, вода уже заселенного аквариума будет иметь голубоватый оттенок.

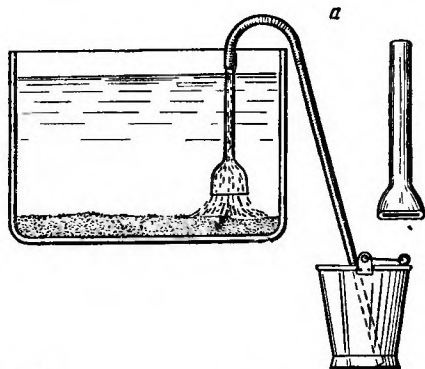
Но вот в аквариуме пышно развились растения, поселены рыбы. Теперь цвет воды опять становится иным. Растения выделяют в воду особые вещества, которые ученые называют метаболитами. Рыбы тоже меняют химические и физические свойства воды. Замечено, что дистиллированная вода сильно отличается по своим физическим свойствам от воды, измененной присутствием рыб. Природу этого изменения воды рыбами точно еще не знают. Но уже сейчас ясно, что такая вода благоприятно воздействует на рыб, предотвращает заболевания их. Ученые называют эту измененную воду *fish conditioned water* (вода, измененная рыбами), а аквариумисты говорят проще — «старая вода».

«Старую воду» легко отличить от «молодой». В аквариуме (если, конечно, нет роющих грунт рыб) она абсолютно прозрачна. Если в темной комнате осветить переднюю стенку аквариума, кажется, что рыбы висят в пустоте. Зато в белом эмалированном тазу «старая вода» покажется желтоватой.

«Старую воду» надо беречь. Она образуется не сразу. Но нельзя и совсем не менять воду в аквариуме. Что при этом получится, ты узнаешь позднее. А пока запомни, что биологические преимущества «старой воды» полностью сохраняются при смене $\frac{1}{5}$ части ее раз в неделю. И еще один совет. Редких рыб не следует сажать в аквариум со свежей водой. Лучше в него влить половину «старой воды» из другого водоема или, в крайнем случае, поместить более простых неприхотливых рыб в новый аквариум дней на десять. Они создадут, хотя бы частично, fish conditioned water, т. е. среду, в которую можно будет пересадить редких рыбок.

Немалое значение для прозрачности воды имеет отсутствие в аквариуме мути, взвешенных в воде органических и неорганических частиц. В новом аквариуме может быть бактериальная муть. Об этом мы говорили. Она исчезнет со временем. Но может быть и более неприятное явление — муть от глины. В мелком песке, особенно в песке из карьеров, очень много примеси глины. Карьерный песок для аквариумов не годится, мелкий речной — очень труден для промывки. Лучшим считается песок, крупинки которого по размеру напоминают пшено. Такой тщательно промытый песок не следует класть на дно пустого аквариума, его надо всыпать, когда аквариум уже наполовину наполнен водой, тем самым мы сразу проверим качество промывки песка. Кроме того, мы опять сталкиваемся здесь с физическим явлением. Предположим, что температура грунта в аквариуме будет отличаться от температуры вливаемой затем воды хотя бы на 3—5 градусов. Ты догадываешься, что может произойти со стеклом в том месте, где грунт и вода по-разному нагреют или охладят его? Чтобы избежать лопания стекол, песок засыпают в уже частично залитый водой аквариум.

Таким образом, неорганическая муть в аквариуме должна быть исключена. Но рыбы и другие водные животные в процессе жизнедеятельности выделяют в воду аквариума массу органического вещества. Обычно эти частицы оседают на дно, но когда их набирается много, рыбы своим движением постоянно мутят воду. Значит, аквариумы надо постоянно чистить, маленькие — ежедневно, большие — раз в неделю. Здесь нам опять помогут физические свойства воды.

Очистка аквариума с помощью сифона:

*а — всасывание воды ртом;
б — всасывание воды в трубку с помощью груши.*

Возьмем в руки стеклянную трубку и закроем большим пальцем ее верхнее отверстие. Воздуху некуда будет деваться, если нижняя часть трубки будет вертикально опущена в воду. Подведем теперь нижнее отверстие трубки к кучке грязи и приоткроем верхнее. Воздух под давлением воды выйдет из трубки, а вода, устремившись внутрь, увлечет за собой и грязь. Теперь опять зажмем верхнее отверстие и вынем трубку из воды. Воздух не даст воде вылиться, пока мы не откроем верхнее отверстие.

Потренируйся с такой трубкой — грязечерпалкой. Диаметр ее должен быть внутри не более 6 мм. Трубку с водой держи в воздухе строго вертикально. Наверное, ты быстро оскоишь это нехитрое дело. Можно вместо трубки использовать и специальный грязечерпатель.

Но в большом и глубоком, заселенном многими рыбами водоеме ни трубка, ни грязечерпатель не помогут. Тут надо уже откачать часть воды и с нею грязь. И опять помощником нашим выступает физика. У жидкости есть любопытное свойство: благодаря своей подвижности и действию давления она стремится течь вниз. Поэтому текут реки. Поэтому если в двух сообщающихся сосудах уровни воды неравны, то вода из того сосуда, где ее поверхность выше, устремится в другой, и уровни сравняются.

Теперь применим это свойство воды к нашему прибору-аквариуму. Наполним под краном водой метровый резиновый шланг. Зажмем оба конца шланга пальцами. Теперь один конец поместим в аквариум, а другой снаружи опустим ниже уровня воды в аквариуме. Сравните: верхний уровень — вода в аквариуме, нижний — вода в нижнем конце трубки. Если отпустить пальцы, вода устремится из аквариума, чтобы сравнять эти уровни. Ты подставил

Сомикам коридорасам нужен каменистый грунт.

под нижний конец шланга ведро? Тогда отпускай пальцы, включая «насос»!

На конец трубки, опускаемый в аквариум, надевают стеклянную трубку, воронку или особое приспособление, которое всасывает грязь, но препятствует проникновению в трубку рыб. Предварительно наполнять шланг водой можно не только под краном. Опытные аквариумисты всасывают воду в трубку ртом, при этом успевают вынуть конец трубки до того, как вода попадает в рот. Но это негигиенично. Поэтому сделаем приспособление с грушей, как показано на рисунке. Опустив верхний конец трубки-сифона в аквариум, нажимаем грушу и, вытолкнув из трубки воздух, закрываем пальцем нижний. Теперь в трубке воздуха меньше, чем ее объем, и пустое пространство заполнит вода. Отпустим палец, вода потечет вниз, сифон заработал.

Органическая муть удаляется из воды и другими путями. Частичная смена воды изменяет биохимические процессы окисления в аквариуме и муть оседает. Свойством коагулировать, осаждают муть обладают многие рыбы и растения. Хорошо очищают и проясняют воду роголистник, корни цинеруса и плавающего растения эйхорнии. Рыбы, покрытые слизью,—каساتки, сомы и другие,—тоже способствуют осаждению муты. Но часть сомовых, наоборот, мутит воду, разыскивая в грунте пищу. Для таких рыб практичным грунтом послужит речная галька, которую им не так просто сдвинуть с места. А органические остатки будут проваливаться в щели. Конечно, придется периодически промывать грунт

и фильтровать воду. Но о фильтрации воды мы еще будем говорить дальше.

Не меньшее значение для правильного управления аквариумом имеет знание и других свойств воды. Возьмем хотя бы уже известное нам **давление воды**. Вода давит не только на стенки аквариума, но и на любое тело, в том числе и на живой организм, находящийся в толще воды.

Рыбы и другие водные животные и растения прекрасно приспособлены к этому давлению. Ткани растений наполнены водой, вода снаружи давит на воду изнутри и они уравнивают друг друга. У многих водных животных вода свободно циркулирует внутри организма и опять наружу, тем самым они как бы не чувствуют давления воды. Ведь наше тело тоже испытывает определенное и немалое давление окружающего нас воздуха, но мы это давление не ощущаем.

Чем глубже от поверхности воды находится живой организм, тем большее давление он испытывает, тем большее внутреннее «противодавление» должен он иметь, иначе вода его раздавит. Соответственно своим жизненным потребностям водные организмы выбирают для обитания именно тот слой воды, который им нужен. Это регулирование плавучести достигается изменением удельного веса организма.

Ты, вероятно, знаешь, что такое удельный вес — это вес вещества, заключенного в единице объема. Если обозначить: удельный вес — γ , вес тела — P , а объем — V , то

$$\gamma = \frac{P}{V}.$$

Значит, чем больше объем, тем меньше удельный вес, тем легче будет организм, тем большей плавучестью будет он обладать.

Но живые организмы не только приспособляются к определенной глубине, иные из них могут менять и слои воды. Донные виды рыб — вьюны, бычки — в большинстве случаев не имеют органа, меняющего удельный вес тела и облегчающего всплытие. Посмотри, как всплывает бычок, как усиленно работают все его плавники. И неудивительно: если принять удельный вес воды за единицу, то удельный вес рыб будет чуть-чуть больше — от 1,01 до 1,09. Это значит, что рыбу всегда тянет ко дну.

Однако посмотрите на большинство рыб, как они свободно держатся в толще воды. Это потому, что у них есть прибор, регулирующий их удельный вес. Этот прибор — плавательный пузырь. У опускающейся в глубину рыбы излишний газ, который появляется под возрастающим давлением, выделяется в пузырь. Когда

рыба поднимается к поверхности, наружное давление уменьшается, газ из пузыря удаляется. В море всплывающую стаю сельди обнаруживают по идущим из глубины пузырькам.

— Так это в море,— скажешь ты.— При чем же тут аквариум?

А вот при чем. У вылупившихся из икры эмбрионов рыб, которые первое время после выклева висят на листьях растений и стенках аквариума, плавательный пузырь еще без газа. Когда личинка рыбы начинает плавать, она первое время совершает движение в основном в вертикальной плоскости. Личинки стремятся к поверхности воды, чтобы захватить в рот пузырек воздуха. Этот пузырек попадает в пищевод рыбки, а потом через специальный проток в плавательный пузырь. Теперь пузырь наполнен, и на пятый-восьмой день жизни у большинства аквариумных рыб проток из пищевода в плавательный пузырь зарастает. Он больше не нужен. Только первый пузырек воздуха должен проскочить через него. Дальнейшее наполнение пузыря газом будет осуществляться через его стенки, через кровь.

Теперь ты понял, для чего нам важно все это знать? А если столб воды, который нужно преодолеть мальку на пути к поверхности, слишком велик и у крошки не хватит сил? А если поверхность воды в аквариуме с мальками затянута пленкой слизи? В таком случае мальки не захватят живительного пузырька воздуха, не заработает их прибор, меняющий удельный вес. Рыбки камнем пойдут ко дну, а так как к донной жизни они не приспособлены, мальки быстро погибнут. Очень редко и лишь наиболее сильные рыбки выживают без наполнения плавательного пузыря газом. Но они — калеки, ползающие по дну, и их вид не радует взгляд аквариумиста.

Вот почему аквариумы для разведения рыб должны быть преимущественно плоские и широкие, глубиной не более 10—20 сантиметров. Надо особенно следить и за чистотой поверхности в таком аквариуме: пленку снимать чистыми листами бумаги, положенными на воду, закрывать аквариумы стеклом от пыли.

Огромное значение для жизни водных организмов имеет **температура воды**. Мы тоже не безразличны к температуре окружающей среды — воздуха. Когда температура воздуха — 40°C , мы говорим — «мороз, холодно!» Когда $+40^{\circ}\text{C}$, мы жалуемся — «жарко!» Но и в том, и в другом случае внутренняя температура тела здорового человека остается постоянной $+36,6^{\circ}\text{C}$. Водные животные, с которыми мы имеем дело в аквариуме, являются в отличие от человека, млекопитающих и птиц не теплокровными, а холоднокровными организмами. Биохимические процессы и реакции протекают в их теле не так активно, как у нас. В результате

температура их тела в лучшем случае на $1-2^{\circ}\text{C}$ выше температуры среды. Отсюда становится ясным, как важно уметь регулировать температуру воды в аквариуме.

Для определения температуры воды в аквариуме используются лабораторные или специальные термометры. Термометры для ванн имеют большие отклонения, быстро портятся — их применять не стоит.

Термометры вставляют в грунт или прикрепляют на специальных присосках к стеклу. В последнее время появились красивые круглые термометры-присоски.

Каждый живой организм выбирает определенную, пригодную для его жизни температурную зону. При температурах, граничащих с этой зоной, животное начинает чувствовать себя угнетенно, биохимические процессы меняют свой ритм. При переходе границы зоны наступает смерть.

Разные рыбы могут жить при различных температурах, есть такие, что активно питаются и плавают при -2°C или живут в горячих источниках при $+50^{\circ}\text{C}$. Но у каждого вида рыб есть своя жизненная зона температур. При этом многие рыбы имеют очень узкий предел жизненных температур: температура верхнего конца зоны отличается от нижнего всего на $5-7^{\circ}$. Большие отклонения выносят караси, лини. Но наиболее пластичны к температурным колебаниям тропические рыбы.

Известно, что температура жилых комнат летом и зимой колеблется в пределах от 18 до 24°C . Такова же будет и температура воды в аквариуме. Если мы поместим в комнатный аквариум форель или щуку, они будут чувствовать себя далеко не прекрасно. Лучшая температура для форели — около 8°C , для щуки $12-14^{\circ}\text{C}$. Многие рыбы, обитающие в наших реках, очень чувствительны к температурам выше 15°C . При такой температуре они требуют усиленного потребления кислорода, а в воде наоборот — чем выше температура, тем его меньше. При 20°C у многих рыб наступает удушье — дышат они усиленно и усваивают лишь небольшое количество кислорода, в результате чего гибнут.

Гостям из тропических стран как раз и подходят температуры комнатного аквариума — от 18 до 25°C , это соответствует теплоте воды у них на родине. А раз так, значит и все другие жизненные процессы у них протекают нормально, в то время как у многих наших рыб в аквариуме фактически не жизнь, а медленное умирание. Этим и объясняется то, что большинство популярных аквариумных рыб — уроженцы тропических стран.

Значит ли это, что надо отказаться совсем от содержания в комнатных аквариумах отечественных рыб? Ничего подобного.

Аквариумисты могут интересоваться и теми и другими. В этой книге ты найдешь описания нескольких рыб из наших рек.

Держат в аквариуме карасей, окуньков, выюнов... Мне пришлось держать молодых щук, осетров. Но акклиматизироваться, т. е. полностью перенести в аквариум весь жизненный цикл от икринки до взрослого экземпляра, нереститься и т. д., многие наши рыбы не могут.

Очень важным для умения управлять аквариумом является и знание **удельной теплоемкости воды и ее теплопроводности**. Способность проводить тепло у воды, конечно, невелика, но все же слои воды перемешиваются и температура ее выравнивается. В аквариуме не может быть одновременно температура воды $+5^{\circ}$ и $+30^{\circ}\text{C}$. Но разница в 5—6 градусов между слоями воды может быть. Если над поверхностью воды горят лампы, а вода не перемешивается, температура верхнего ее слоя может быть, скажем, 25° , а нижнего всего 20 или 18°C . Такое явление нежелательно, поэтому воду в аквариуме нужно все время перемешивать с помощью струи воздуха, поступающей в толщу воды от компрессора.

Удельная теплоемкость — это количество тепла, которое необходимо, чтобы поднять температуру 1 грамма воды на 1°C . У воды удельная теплоемкость очень велика по сравнению с другими телами. Поэтому температура воды в природных водоемах относительно постоянна, не знает резких скачков и меняется плавно и постепенно. К таким плавным изменениям температуры приспособлены и водные организмы.

Но в нашем приборе-аквариуме мы можем произвольно менять температуру воды, ведь наш бассейн так мал! Долили холодной воды в аквариум — температура сразу упала на 5, а иногда и на 10° . Пересадили рыбку из одного аквариума в другой, а разница температуры составила 4— 6° . Вынесли рыбок в баночке зимой на улицу, а пока доехали до дома, остались от них только трупики!

Во всех этих случаях мы произвольно помещаем рыб в такие условия, которых они никак не встретят на воле, разве лишь в случае космических катастроф, извержений вулканов. А мы эти «катастрофы» устраиваем им часто.

Надо твердо запомнить — условия в аквариумах должны повторять условия на воле. И если мы хотим наблюдать наших питомцев в «естественной обстановке», надо создавать в аквариуме такие условия жизни, которые приближались бы к естественным.

Нельзя содержать рыб при температурах, близких к краям их жизненной зоны температур. Нельзя допускать и резких — даже в $1\text{—}2^{\circ}\text{C}$ — колебаний температуры воды. Рыбы будут отлично

акклиматизироваться в аквариумах при наилучшей, или, как говорят ученые, оптимальной температуре. Широкий предел оптимума для всех аквариумных питомцев от 18 до 24° С. Для некоторых тропических рыб и тропических водных черепах — от 24 до 30° С. Для большинства аквариумных рыб от 20 до 25° С. Для тропических водных растений от 20 до 24° С.

Переход третий: Дыхание — что это такое!

Все живые существа на нашей планете дышат. Дыхание — это поглощение кислорода. Поступая с кровью в органы тела животного или в клетки растений, кислород вступает в реакцию с частью органического вещества живого существа. В результате этой реакции выделяется энергия, которая идет на те или иные жизненные процессы. В ходе дыхания из организма выводится углекислый газ, который действует как яд на животное и растение и поэтому должен быть удален.

Значит, чтобы изучить процессы дыхания водных животных, нам прежде всего необходимо изучить некоторые физические данные этих двух газов, физические процессы их растворения в воде.

В одном кубическом метре (м^3) воздуха содержится 210 кубических сантиметров (см^3) кислорода. В одном кубическом метре воды — 7—10 см^3 кислорода. Даже при условии хорошего насыщения воды воздухом с помощью специальных приборов в 1 литре редко бывает более 20—25 см^3 кислорода. Отсюда ясно, что водные организмы должны быть приспособлены к жизни при пониженном потреблении кислорода. Действительно, караси, лини, карпы, барбусы могут жить в воде, содержащей всего 0,5 $\text{см}^3/\text{л}$ кислорода.

Но многие рыбы более чувствительны к недостатку в воде этого живительного газа. Критическим для всех пресноводных рыб признано содержание 2 $\text{см}^3/\text{л}$ кислорода в воде при 25° С. Чем выше температура воды, тем меньше кислорода остается в ней. Поэтому рыбы, способные перенести недостаток кислорода в воде аквариума при 18—20° С, могут внезапно погибнуть при повыше-

нии температуры на 2—4° (одна из причин гибели рыб «по непонятной причине»).

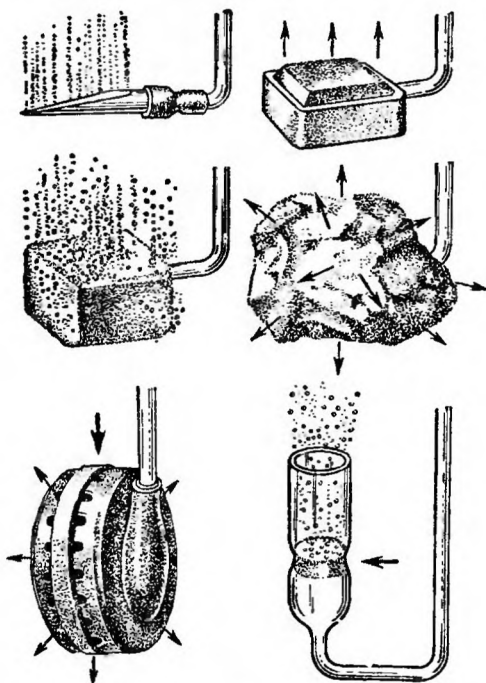
Мы уже говорили ранее, что многие отечественные рыбы не могут приспособиться к жизни в теплой воде аквариума. Так, осетровые требуют около 3 см³ кислорода на литр воды, температура которой около 10°С. При повышении температуры с 5 до 15° у молодки осетров и у язёй частота вдохов повышается, повышается и потребление кислорода. Но за пределами 15°С частота вдохов повышается, а количество захваченного кислорода за один вздох уменьшается. Наконец, происходит нарушение координации в действиях организма: клетки снабжаются кислородом все медленнее, и углекислый газ из них удаляется все хуже. Наступает угнетенное состояние и затем смерть.

Это важно помнить, когда мы приобретаем новую рыбу или стремимся поселить рыб из природных водоемов в аквариум. В первом случае надо знать, при какой температуре рыбки жили на прежнем месте, во втором случае надо постепенно приучать речных рыб к теплой и мало насыщенной кислородом воде аквариумов.

То же самое происходит и с растениями. Животные нормально дышат лишь в определенной температурной зоне. Растения более пластичны. Но у них взаимосвязаны три процесса — дыхание, ход окислительных процессов в тканях и «питание» при наличии света. При высокой температуре — около 25°С — у водных растений происходят усиленное дыхание и активные окислительные процессы. Если аквариум хорошо освещен, то растения и «питаются» активно (процесс, сходный с питанием у животных, проходит у растений лишь на свету). Но если при высокой температуре света мало, у растений нарушается координация между окислительными и восстановительными процессами и они начинают погибать. Поэтому зимой, в темное время года, лучше держать растения при температуре 18°С, чем при 25°С или же дополнительно освещать их электрическими лампами.

Как же попадают газы в воду? В природе молекулы газа попадают в воду через поверхность воды. У водоемов, как правило, эта поверхность большая, а глубина их невелика. Легкое волнение, ветерок вызывают перемешивание молекул воздуха с водой, причем растворимость кислорода в воде значительно больше, чем азота. Соотношение этих газов в воздухе 1 : 4, а в воде 1 : 2. Верхние, насыщенные кислородом, слои воды постоянно в движении, и постепенно вся толща воды насыщается этим газом.

Различные виды распылителей воздуха.

даже изготовить самому. Простейший аэратор (насыщение воды воздухом называется аэрацией) изготовляют из футбольной камеры, резиновой трубки, пульверизатора, тройничка и распылителя. Все это соединяют, как показано на рисунке. Если нет в продаже распылителей, можно заменить их сухой палочкой от бузины. Накачав пульверизатором камеру до диаметра 30—35 сантиметров, с помощью винтов-регуляторов пускают тонкую струю мелких пузырьков воздуха через всю толщу воды: распылитель должен быть недалеко от дна. На маленький аквариум такой аэратор дает равномерную струю в течение 12—15 часов. Более мощным будет аэратор, где камеру от мяча заменит автомобильная камера, а пульверизатор — автомобильный насос. Практичнее всего электроаэраторы, с ними мы познакомимся ниже.

Чего же мы достигнем, аэрируя воду? Прежде всего — кругового движения воды в вертикальной плоскости. Нижние слои устремятся вверх и насытятся у поверхности кислородом. Верхние опустятся вниз и создадут условия, пригодные для нормального

А теперь посмотрим на аквариум: какое несоответствие между толщей воды и площадью поверхности! Ни волны, ни ветерок не рябят водную гладь. Да еще аквариум закрыт крышкой!

Естественно, что механически в аквариум попадает гораздо меньше кислорода, чем в природный водоем. Значит, надо так управлять нашим прибором, чтобы кислорода в воде оказалось достаточно. Существует два способа внесения кислорода в наш искусственный водоем.

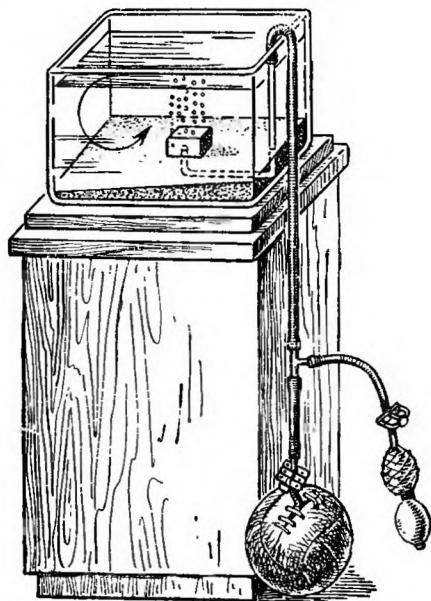
Первый способ — механический. Воду продувают мелкораспыленной струей воздуха. Приборы, необходимые для этого, можно приобрести и

дыхания около дна. Хотя большая часть пузырьков устремляется к поверхности, они при движении в толще воды создают дополнительное соприкосновение воды с воздухом. Чем мельче пузырьки, тем больше эта поверхность, тем больше насыщается вода кислородом. Наконец, лопаясь на поверхности воды, пузырьки создают микродождик: крохотные капельки воды устремляются вниз, увлекая за собой молекулы воздуха.

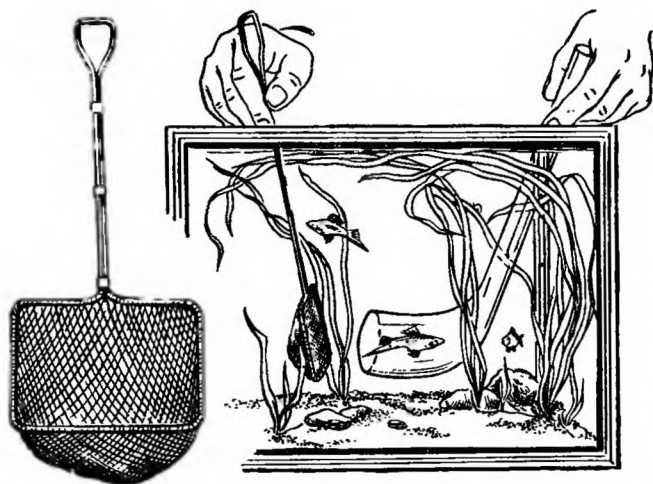
Кроме механического насыщения воды воздухом, существует и другой способ — биологический. Известно, что водные растения на свету поглощают углекислый газ, а выделяют кислород. Таким образом, у водных растений одновременно идет два несвязанных процесса. Один — непрерывный, и ночью и днем — дыхание, т. е. поглощение кислорода и выделение углекислого газа. Другой — только на свету, нечто вроде «питания» — поглощение углекислого газа и выделение кислорода. А если представить себе эти процессы одновременно, чего будет больше в итоге выделено: углекислого газа или кислорода?

Это опять зависит от управления прибором-аквариумом. При ярком освещении будет больше кислорода, при тусклом — наоборот. Значит, хорошо освещенные водные растения поглощают из воды аквариума углекислоту и насыщают ее кислородом.

Дыхание у водных животных осуществляется двумя путями: поверхностью тела без особых органов или с помощью специальных органов. У рыб органом дыхания являются жаберные листочки. Рот и жаберные крышки рыб действуют как меха: ротовая полость всасывает воду, которая затем выбрасывается через жаберные щели. Частота дыхательных движений у разных рыб различна. У подвижных жаберные крышки двигаются замедленно: двигаясь в воде, рыбы тем самым создают дополни-

Простейший самодельный аэратор.

Повля рыбки с помощью стеклянного «сачка».

тельный ток воды. У донных частота движения обычно выше. По частоте движения можно определить состояние рыб. Если все рыбки дышат усиленно, в воде либо мало кислорода, либо температура ее близка к верхней границе зоны. Если же рыбки тяжело захватывают верхние слои воды, все время плавая около поверхности под углом 45° , значит, они находятся в угнетенном состоянии, надо срочно освежить воду, насытить ее кислородом.

Правда, как мы увидим из последующих глав, у многих аквариумных рыб есть приспособления, позволяющие им усваивать воздух непосредственно из атмосферы. Таких рыб содержать в аквариуме проще. Но для большинства рыб атмосфера — враждебная среда. Это особенно важно знать. Ведь часто приходится переносить рыб по воздуху из одного водоема в другой. Как это делать?

Из баночки в аквариум рыбок следует пересаживать, опустив закрытую банку с ними в воду аквариума. Когда через 15—20 минут температура воды в банке сравняется с температурой воды аквариума, рыб можно выпустить «на волю». А вот из одного аквариума в другой рыб переносят... Рукой? Нет, этого делать нельзя!

Горячая и сухая кожа руки обожжет тело рыбки, слизь, покрывающая и защищающая его, прилипнет к руке, а на обожженных местах могут образоваться ранки. Сачком? Но это тоже несовершенный способ. Дело в том, что оказавшись на воздухе, рыба обязательно сделает один или несколько глотков. А при заглатыв-

вании сухого воздуха нежные жаберные листочки подсыхают. Да и этого мало. При заглатывании воздуха в крови и мышцах рыб почти мгновенно увеличивается количество особого химического вещества — молочной кислоты. Ученые определили: даже через 30 минут после погружения в воду у рыб оставалось повышенное содержание этой кислоты. Такое нарушение обмена веществ может привести к заболеванию и гибели рыб. Поэтому в последнее время для переноса рыб стали использовать особые стеклянные воронки, в которых рыбки совсем не соприкасаются с воздушной средой.

Переход четвертый: Свет—это очень важно

Одним из необходимейших условий жизни водных животных и растений является свет. Следовательно, и питомцы аквариума обязательно должны быть известное время в течение суток освещены. Источником освещения природных водоемов является солнце. Различают два вида солнечного освещения: прямая радиация (прямое падение солнечных лучей на освещаемый объект) и рассеянная радиация. В природе рассеянная радиация имеет место в пасмурный день, в тени. Аквариумы подвергаются рассеянной радиации, когда они не освещены прямыми лучами солнца.

Кажется, чтобы обеспечить аквариуму нормальную освещенность — достаточно его поставить около окна или на подоконник. Но если мы хотим создать в нашем комнатном водоеме действительно близкие к природным условия, простая установка аквариума нас не выручит. Светло ли днем в комнате? Какое место выбрать для аквариума? Насколько освещенность аквариума будет отличаться от естественной? Как будет меняться освещенность в течение года? Вот вопросы, которые нам предстоит разрешить. И здесь опять не обойтись без знания физики.

Освещенность предметов измеряется в особых единицах освещенности — в люксах. Люкс (лк) создается источником света силой в одну свечу на

площади в 1 квадратный метр, когда этот свет падает перпендикулярно к поверхности на расстоянии в 1 метр. Так, например, лампа в 25 свечей создает освещенность на расстоянии 1 метра в 25 люксов.

Теперь посмотрим, как меняется освещенность в зависимости от местонахождения предмета и от силы солнечных лучей.

Освещение	Освещенность в лк
Солнечными лучами в полдень (в Москве)	100 000
На открытом месте в пасмурный день	1 000
Солнечными лучами, падающими на окно или вблизи окна	500
Вблизи окна при рассеянной радиации в ясный день	300
То же в пасмурный день	100
На расстоянии 0,5 м от окна в ясный день	100
На расстоянии 2 м от окна в ясный день	40
Необходимое для чтения	30

Уже эти показатели дают нам представление о том, какой скудный свет падает на аквариум в глубине комнаты. Но мы учли лишь свет, падающий на стенки аквариума. А стекло в свою очередь пропустит не весь направленный на него поток света, а часть его. При этом чем больше поток света будет отклоняться от перпендикуляра к плоскости стекла, тем больший процент света будет отражать стекло:

Угол падения света, град	0	45	60	80
Отражение стеклом света, %	5	6	10	40

Стекло аквариумных стенок может быть загрязненным снаружи, а изнутри покрыто слизью, обрастаниями из водорослей. Тогда проницаемость света будет еще меньше.

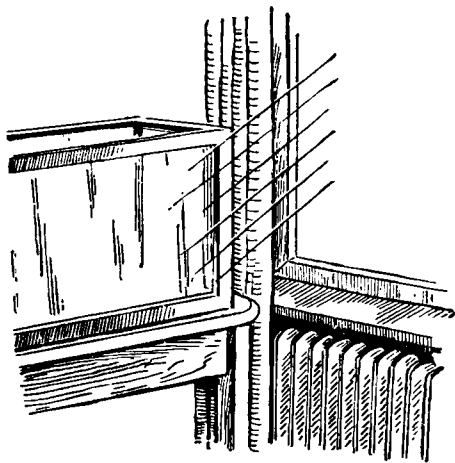
Изменяется сила освещенности природных водоемов и по временам года. Вода также отражает часть лучей света, причем чем перпендикулярнее направлен свет к поверхности воды, тем больше света проходит в толщу ее. Летом в средней полосе СССР солнце стоит высоко, 93% светового потока поступает под воду (7% отражается), в то время как зимой всего 32%. Естественно, что с глубиной водоема сила освещенности падает. Специалисты установили, что освещенность летом на глубине 20—25 метров равна зимней освещенности у поверхности. И, наконец, чем мутнее вода в водоеме, тем меньше света проникает в ее толщу.

Вот какие трудности встают перед аквариумистом, когда он хочет создать естественные условия для своих питомцев. Впрочем, летом это сделать не так уж трудно. Но летом световой день в Москве и Ленинграде продолжается иногда до 18 часов, а для тропических растений это уже многовато. Зимой же аквариум явно будет недоосвещен, особенно в северных от Москвы районах.

Как же быть? Как создать освещенность аквариума, близкую к естественной?

Существует три типа освещения аквариумов: естественным, смешанным и искусственным светом.

Естественной освещенности можно достигнуть, если водоем поместить вблизи окна. Нельзя ставить аквариум на подоконник или помещать его так, чтобы мы смотрели сквозь него на свет. При освещении, идущем против нашего взгляда, мы никогда не увидим водных обитателей, особенно рыб, во всей их красе. Рыбы красивые, когда мы рассматриваем их под лучами света, а не с противоположной источнику света стороны. На подоконнике и растения расположатся так, что тыльная сторона их листьев будет перед нашим взглядом, а все растения развернутся к внешней стенке аквариума — откуда поступает свет. Многие мальки светобоязливы, предпочитают темные места, и им трудно будет укрыться в аквариуме, стоящем на подоконнике. А рыбы, часто очень красивые при косом освещении на темном фоне и над темным грунтом, на сквозном освещении имеют бледную окраску. Плавающие растения и те, у которых есть плавающие листья, будут также травмированы боковым освещением, а пышные эхинодорусы и апоногетоны превратятся в карликов. Наконец, прямая радиация не должна превышать для аквариума больше 2—3 часов в сутки, лучше если это будут утренние или вечерние лучи, в противном случае стенки и листья растений покроет зеленая бахрома водорослей. Аквариум придется закрывать от излишнего света со стороны окна белой бумагой, тканью.

Правильное размещение аквариума.

Отсюда ясно, что ставить аквариум на подоконнике или вдоль окна нельзя. Аквариум следует разместить так, как показано на рисунке. При этом у юго-восточного, юго-западного и южного окон весной и летом будет достаточная освещенность, а около остальных окон следует использовать смешанное освещение.

Смешанное освещение используется осенью и зимой. К этому виду освещения как наилучшему прибегают и тогда, когда ставят целью добиться декоративного эффекта или когда выращивают преимущественно водные растения. Освещение аквариума днем осуществляется в этом случае потоком света из окна, а вечером (или зимой на весь день) зажигаются электрические лампочки. Размещать лампы надо над поверхностью воды. Иногда софиты помещают даже перед передним стеклом. При этом нужно обязательно помнить:

обитатели аквариума должны получать от обоих источников освещения поток света приблизительно с одной и той же стороны; нам лучше разглядывать подводный мир, когда поток света падает с нашей стороны. Доля электроосвещения и даже полный переход на искусственное освещение электролампами зависит как от силы освещения из окна, так и от конструкции аквариума и целей, которые мы ставим перед собой. Водные растения имеют неодинаковую потребность в свете — светло-зеленые нуждаются в более ярком освещении, чем темно-зеленые. Рыбы в большинстве светолюбивы (преимущественно рыбы светлых ярких красок). Водные насекомые все светолюбивы, а черепахи и тритоны без хорошего облучения светом быстро гибнут.

Переход пятый: Движение воды и движение в воде

Вода в природных бассейнах редко бывает неподвижна. Волны, ветер, вертикальные перемещения слоев воды в природе неизбежны. Наоборот, в искусственных водоемах вода практически находится без движения. Особенно резко отличается от текущей воды рек стоячая вода аквариумов. Между тем мы знаем, что наши питомцы должны в аквариуме найти среду, почти тождественную привычной для них на воле. Значит, следует специально

рассмотреть вопрос о взаимосвязи движения воды и образа жизни водных организмов.

Большинство водных насекомых — обитатели стоячих вод. Лишь некоторые личинки насекомых приспособились к жизни на быстрых. В аквариуме такие личинки уживутся, если вода будет в постоянном движении и если она будет насыщена кислородом. Значит, чтобы создать в аквариуме подходящие условия для обитателей рек с быстрым течением и большой насыщенностью воды кислородом, необходима аэрация.

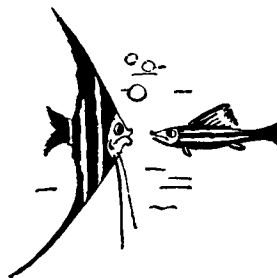
Моллюски, черепахи, многие тритоны прекрасно уживаются и без искусственного движения воды в аквариуме. Сложнее обстоит дело с рыбами. Рыбы делятся на обитателей стоячей, слабопроточной и быстро текущей воды. При этом перенос рыб из быстротекущих протоков в стоячую воду аквариумов часто оказывается губительным для них.

Осетрята выходят из икры на быстрых перекатах. Когда они начинают активно плавать, у них вырабатываются определенные навыки. Рыбки отдыхают на дне, расположившись головой только против течения и поддерживают себя на месте, постоянно изгибаясь всем телом. Так же ведут себя осетрята и в аквариумах.

Однако в стоячей воде аквариумов эффект от этого приспособления получается обратный. В реке волнообразные движения позволяют рыбке противостать течению, в аквариуме — вызывают ток воды вдоль тела рыбы. Вместе с водой приходит в движение донная органическая муть, она попадает в жабры рыбок, забивает их, ведет к гибели осетрят.

Можно привести и обратный пример. В водоемах Южной Америки обитает хищная рыбка полицентрус (многошип), чаще называемая обрубком, так как из-за прозрачности хвостового, задних частей спинного и анального плавников кажется словно обрубленной. А в озерах штата Нью-Джерси (США) живет дисковидный окунь, иногда его называют шейбенбарш (от немецких слов «шейбен» — диск, «барш» — окунь). Обе рыбки — типичные представители стоячих вод. Даже частичная смена воды вызывает у этих рыб угнетенное состояние, потерю аппетита, простуду. Когда вода в аквариуме приходит в движение под действием струи воздуха, эти рыбки стремятся уйти в углы с неподвижной водой.

Отсюда опять же ясно, что рыбам надо создать в аквариуме те условия, которые они имеют в природе. А значит — надо научиться определять по внешнему виду, обитателями какой воды они являются.

Мальки осетра хорошо живут в любительских аквариумах в течение первого года жизни.

Обрати внимание на плавники золотой рыбки.

Дисковидные окуни плавают медленно.

Ученые установили, что рыбы плавают благодаря волнообразным движениям тела. А какую же роль играют плавники при движении рыб?

Посмотри на рисунок рыбы. Все плавники, кроме хвостового, играют роль вспомогательных органов при движении. Форма тела рыб и их плавников, а также назначение плавников меняются в зависимости от образа жизни. Торпедообразная форма тела испытывает наименьшее сопротивление при движении. Струи воды плавно обтекают такое тело, почти не образуя тормозящих завихрений. Наоборот, высокое, сжатое с боков тело совсем непригодно для жизни на быстрине и не является признаком хорошего пловца. Меняется и форма главного двигателя — хвостового плавника. У наилучших пловцов он имеет одинаково развитые верхнюю и нижнюю лопасти, у рыб, способных выпрыгивать из воды, т. е. стремительно двигаться вверх, усиливается нижняя лопасть, у тех, которые должны стремительно углубляться, наоборот, мощнее верхняя лопасть.

Некоторые рыбы, например шейбенбарш, пользуются при медленном плавании, как двигателями, грудными плавниками, а по плоскости хвостового проходит лишь очень слабая волна (при быстром движении эти рыбки плывут, как и все остальные, с помощью волнообразных колебаний от головы к хвосту). Макроподы, имеющие на хвосте длинные выросты («нити»), довольно быстро передвигаются с помощью резких гребков только грудных плавников. Бычки и некоторые донные рыбы — обычно плохие пловцы, и передвигаются они не только с помощью волнообразных движений и энергичных гребков грудных плавников (обратите внимание, какие они большие у этих рыбок), но и с помощью реактивной силы: вода с силой выбрасывается назад из жабер. Отчасти поэтому голова у бычков велика, рот огромен и имеются сильные мускулы на жаберных крышках.

У хороших пловцов тело удлиненное, хвостовой стебель тонкий, при плавании, как установил академик В. Шулейкин, от головы к хвосту идет волнообразное колебание, причем амплитуда колебаний все возрастает от головы к хвосту (т. е. голова меньше «рыскает» из стороны в сторону, чем отклоняется от оси движения хвостовая часть тела). Если бы рыбы двигались вперед лишь при помощи колебаний хвоста, — указывает Шулейкин, — образовывались бы завихрения при «холостом ходе» этого движителя, а они и тормозили бы рыбу. Между тем мы знаем, что скорость некоторых рыб в толще воды очень велика — более 90 километров

в час! А как стремительны в аквариуме изящные индийские данео! И академик пришел к выводу: рыбы движутся при помощи «твердой волны», которая постоянно проходит по их телу. Хвост — лишь мотор этого волнообразного колебания.

У рыб, плавающих быстро в открытой толще воды или живущих на стремнине, иначе устроены и грудные плавники. Посмотрите, как они устроены у данео или у осетря. Это уже не весла, а горизонтально поставленные «рули высоты». Брюшные плавники у этих рыб часто очень малы, а у некоторых сомов и бычков, живущих на быстрине, превращены даже в присоски, с помощью которых они могут закрепиться на грунте, камнях, растениях и отдохнуть.

Тело рыб обычно покрыто слоем слизи, смягчающей трение о воду. У рыб быстрого течения выделение слизи иногда очень обильно, и в стоячей воде эта же слизь может забиваться в жабры рыб, вызывая удушье. Такие случаи бывают с осетрами.

Значит, чтобы увидеть рыбок в их естественной обстановке, надо учесть и движение воды в аквариуме. Плаванию обитателей толщи воды не должны мешать заросли растений, а аэрация должна создать постоянный ток воды: хорошие пловцы тут же займут определенное положение — головой против течения.

И, наконец, последнее явление, связанное с физикой — **фактор объема.**

Когда мы содержим в неволе наземных животных или птиц, мы можем ограничить им помещения для передвижения (клетки), но не ограничиваем объем жизненной среды — воздуха. Комнатные птицы, например, пользуются не воздухом клетки, а воздухом всей комнаты, где помещается клетка, а при открытом окне и воздухом за пределами комнаты.

Иное дело — в аквариуме. Здесь мы не только помещаем в неволю наших питомцев, но и заключаем в «неволю» и часть их среды обитания — воды (помнишь, попытки создать «микроскозм»?). Естественно, что для обитателей аквариума условия жизни прежде всего зависят от объема аквариума и плотности его населения. «Несомненно, — писал один из крупнейших советских гидробиологов академик С. А. Зернов, — что каждому водному организму уже для одного добывания пищи и дыхания необходим определенный простор. Один и тот же вид в бассейнах большого объема имеет гораздо больший рост, чем в небольших водоемах».

Значит, чем больше объем сосуда, тем крупнее будет его обитатель. Ученые проверили эту закономерность на опыте. В разные сосуды посадили водяных улиток — прудовиков, кормили их

одинаково и через 65 дней замерили длину раковин. Вот что у них при этом получилось:

Объем сосудов, см ³	100	250	600	1000	2000
Длина раковин прудовика через 65 дней, мм	6	9	12	15	18

Этот, а также ряд других опытов помогли открыть так называемый фактор объема. Оказывается, объем наших аквариумов не всегда удовлетворяет наших питомцев и часто не позволяет им полностью акклиматизироваться в условиях неволи. Это одна из причин, что из двух тысяч видов рыб, которых содержат ныне в аквариумах, полностью прижились и размножаются едва ли более трети. Фактор объема угнетающе воздействует на половые органы многих рыб и они так и не развиваются до конца. Так, большинство интересных рыб из реки Амур до сих пор не размножены по этой причине. Известная южноамериканская рыбка-пираия лишь три года назад была разведена в Чикаго, причем на пару рыбок длиной в 25 сантиметров потребовался густо заросший с движущейся водой аквариум, вместимостью в ...5000 литров! В тесном и маленьком аквариуме многочисленное его население растет медленно и никогда не достигает максимальных размеров. Не помогает при этом и сильная аэрация воды и густая зеленая растительность, и обильный корм. Только в огромных аквариумах можно увидеть естественные размеры рыб. Но таких аквариумов практически не бывает, аквариумных рыб уже многие десятилетия содержат в объемах меньших, чем им нужно. Все это ведет к вырождению и мельчанию аквариумных пород.

С фактором объема, столь сильно влияющим на жизнь рыб, тесно связано и еще одно явление — так называемый **групповой эффект**.

Мы уже знаем, что рыбы каким-то образом меняют состав воды вокруг себя. Но, воздействуя на воду, выделяя в нее, как принято говорить, продукты метаболизма, рыба тем самым воздействует и на других рыб. Каково это воздействие?

Опыты показали, что рыбы в стае потребляют кислорода гораздо меньше, чем посаженные в одиночку. Немецкий ученый Шлайфер проделал остроумный опыт, чтобы проверить причину этого явления. Он посадил в аквариум со стеклянными зеркальными стенками золотую рыбку. Сначала стенки были закрыты изнутри матовыми стеклами. Рыбка беспокойно плавала и потребляла много кислорода. Затем зеркала были открыты. И что же? Золотая рыбка увидела свои отражения, решила, что она в стае, и тут же «успокоилась»: меньше стала двигаться, а следовательно и меньше потреблять кислорода.

Стайка суматрских барбусов движется по команде.

Некоторые утверждают даже, что в группе рыбы потребляют на 10—16% меньше кислорода каждая, чем в одиночестве. В чем же дело? По-видимому, стая сложилась в процессе приспособления к условиям существования как своего рода защитная организация рыб. В стае рыбы лучше замечают корм, опасность, лучше передвигаются при нерестовых миграциях. Находясь в группе, и в аквариуме рыбы чувствуют себя спокойнее, меньше «волнуются», значит, меньше потребляют кислорода. Причем опыт с зеркалами показал, что рыбы чувствуют себя в группе, не только ощущая соседок различными органами чувств, но и с помощью одного только зрения, увидев свое отражение в зеркале или заметив рыбу того же вида через стекло.

Групповой эффект отмечен только для мирных стайных рыб. Хищники, ведущие одиночный образ жизни, но посаженные вместе, наоборот, проявляют беспокойство и потребляют больше кислорода.

Отсюда важный вывод: мирных рыб — а это большинство аквариумных питомцев — надо держать по возможности в просторных водоемах с достаточным объемом для свободного перемещения. Этих рыбок надо держать обязательно в группе, по крайней мере в количестве 3—5 экземпляров. Пара — самец и самка — ненормальное, хотя и допустимое выделение рыб из группы. Лучше всего выглядят стайки мелких красивых рыбок в количестве 10—20 штук. В больших аквариумах они держатся стайкой все время,

слаженно маневрируют, выполняя в один миг однородные команды. Ученые, кстати, до сих пор не могут исчерпывающе объяснить причины и природу этих команд.

Если в твоём подводном мире случайно оказалась одна рыбка какого-либо вида и нет возможности прикупить других, помести ее в компанию близко-родственных видов.

И еще одно. Рыбки очень часто заболевают. Аквариумисты обычно храбро берутся лечить своих питомцев. В небольшом сосуде разводят в воде поваренную соль или лекарственные средства. Затем в эту банку помещают больную рыбку. И любители природы уверены, что они проводят лечение. На самом деле происходит совсем иное. Действительно, соль и лекарства действуют губительно на паразитов. Воздействуют они, конечно, и на заболевшую рыбу. Но не это опасно. В маленькой баночке на ослабленную паразитами рыбку сразу начинают воздействовать две губительные силы: фактор объема и отсутствие стаи. В результате «лечение» может вызвать гибель почти освободившейся от паразитов рыбки.

Как видим, и групповой эффект и фактор объема далеко не отвлеченные теоретические изыскания, учитывать эти закономерности должен каждый аквариумист.

ЭКСПЕДИЦИЯ В СТРАНУ ХИМИЮ

Привал перед походом: Зачем нужна нам химия!

В практике аквариумиста очень часто встречаются случаи, когда растения или рыбки, кажется, находятся в идеальных условиях — и вода прозрачная, и температура подходящая, и света много, — а все равно получается не то, что хочется: растения не растут, листья их буреют, покрываются пятнами и разрушаются, рыбы тоже не растут и никак не желают размножаться.

В чем дело? Какие условия нами выполнены, а какие не учтены? Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с небольшой экскурсии в прошлое.

В XVIII и XIX столетиях ботаники собирают со всех стран мира огромную коллекцию растений для гербария. В это же время начинает развиваться оранжерейное хозяйство, возникает спрос на живые экзотические растения. И снова в тропики устремляются собиратели растений. Теперь они уже знают, что именно ищут: в их руках ботанические справочники, составленные по гербарным растениям.

Тропические растения доставляют в европейские ботанические сады. Их сажают в самую лучшую землю, помещают на самое теплое, хорошо освещенное место, поливают самой лучшей водой. Многие гости тропиков в неволе приживаются, но самые интересные растения почему-то мельчают, чахнут, не размножаются. Чего им не хватает? Ученые теряются: ведь кажется, все условия тропиков соблюдены. Что еще нужно для капризных питомцев?

Постепенно у специалистов оранжерейного содержания экзотических растений возникает мысль: плохо мы знаем, как живут эти растения у себя дома, плохо мы изучили их условия жизни на родине, приспособляемость к этим условиям наших растений. Так, на рубеже XIX и XX веков рождается новое направление в биологии, рождается наука экология, изучающая приспособляемость животных и растений к условиям существования у себя «дома», на родине. Теперь уже собиратель растений не спешит выкопать растение и переслать в оранжерею, он сначала тщательно изучает все условия роста и развития этого вида для того, чтобы потом в оранжерее создать для его культивирования такие же условия. Ведь в конечном итоге именно от степени соответствия условий содержания в неволе условиям, в которых развивается данный вид у себя на родине, и зависит успех культивирования.

Мы говорим сейчас о содержании растений в оранжереях. А наши аквариумы — это тоже своего рода подводная оранжерея для водных растений и для рыб. Значит, мы тоже должны стремиться к созданию условий, типичных для данных видов рыб. Изучение этих условий, подбор их в аквариуме — это одна из самых интересных работ в аквариистике.

В самом деле, у аквариумистов разных стран находится в культуре более двухсот видов водных растений! А сколько из них получило широкое распространение? В лучшем случае — пятьдесят. Почему? Для остальных, оказывается, мы не можем создать подходящих условий, чего-то не доучли, а результатом этого является торможение роста, иногда гибель растения. И приходится ломать голову — чего им еще не хватает?

Щука может жить в аквариуме годами, но никогда не будет размножаться.

То же самое происходит и с рыбками. У аквариумистов мира насчитывается более двух тысяч видов и разновидностей рыб. Но широкое распространение получили лишь 100—200 видов, не более. Рыбы по-разному относятся к перемещению в аквариумы и условно их можно подразделить на четыре группы. Есть виды, которые совсем не переносят условий комнатных водоемов. Это рыбы быстрых холодных ручьев, рыбы холодных глубин (например, очень интересная живородящая рыба — байкальская голомянка). А некоторые «не желают» жить в аквариуме совсем по непонятной причине. Много лет уже пытаются инженеры станции акклиматизации рыб переселить в аквариумы молодь красивого китайского окуня — синеперки. Не хочет. Поживет дня два — и гибнет.

Вот тут-то простор для исследовательских размышлений. Аквариумист уподобляется шахматисту, решающему сложную задачу-головоломку, здесь проявляется творческий характер его деятельности.

Ко второй группе рыб относятся такие, которые живут в аквариуме, но не развиваются, так как условия комнатного водоема на них действуют угнетающе. Это в первую очередь щука, судак, окунь. Рыбам этих видов аквариумные условия подходят лишь в раннем возрасте, а потом им требуется гораздо больший простор, иная вода и т. п. Понятно, почему со временем погибают в аква-

риуме осетры. Ведь мальки этих рыб по мере роста скатываются все время вниз по течению рек, пока не попадут в море, где и развиваются до взрослой рыбы, которая через восемь лет вновь входит в реки, поднимается в верховья и там, на мелких перекатах, мечет икру. Конечно такие условия в аквариуме для осетра создать невозможно.

Но вот удивительно: ко второй группе рыб относится... карась! Да, да, самый обыкновенный карась. Ты удивлен? Ты считал караса самой неприхотливой рыбкой? Ты вспоминаешь описание рыбного торга у А. П. Чехова. Там один из продавцов так рекомендует свой товар: «Важная рыба карась! Держанный карась, ваше высокоблагородие, чтоб он издох! Его хоть год держи в ведре, а он все жив!» Наконец, вероятно, тебе вспомнятся советы юному аквариумисту начинать с содержания карася.

Все это так, но карась от этого не перестает быть проблемной рыбой. А проблема его в том, что он живет в природе в самых маленьких ямах с самой плохой водой — и растет, и размножается. Но в прекрасных условиях хорошо налаженного аквариума он этого делать «не желает». Случаи, когда караси вырастали и размножались в аквариуме настолько необычны, что о них всегда сообщают научные ихтиологические журналы. Как видим, и над подбором условий для второй группы рыб приходится крепко подумать. Чего, например, не хватает в неволе карасю, которого «хоть год держи в ведре, а он все жив», который в самом деле «живет» по многу месяцев в аквариумах, но фактически не живет, а медленно-медленно чахнет, умирает.

Что же такое — жить в аквариуме?

Рыбы, которые, будучи переселены в аквариум, нормально проходят все стадии развития, кроме одной — размножения, называются адаптированными¹ к условиям аквариума.

Таких рыб очень много. Их завозят из тропических водоемов и продают в зоомагазинах. У нас в стране к этой группе рыб относится целый ряд видов из реки Амур.

Адаптированные рыбы — самая интересная группа. Лишь одна стадия развития выпадает из их аквариумной жизни — нерест и продолжение рода. А почему? Здесь опять аквариумисту приходится решать задачу-головоломку. И иногда — решать годами. Вот сейчас, когда я пишу эти строки, у меня в аквариуме собираются метать икру синие касатки — очень изящные, живые рыб-

¹ Адаптация — это приспособление организма к новым условиям существования.

ки, о которых подробно мы поговорим позже. Вот уже более десяти лет рыбки этого вида все «собираются» метать икру. Сколько пар рыб отсаживали на нерест за эти годы мои друзья и я — ничего не получается! И снова самец носится по аквариуму, и снова самка, наполненная икрой, вертится вокруг него. Наверное, и на этот раз ничего не выйдет. Чего-то мы не доучитываем, какие-то элементы выпадают из общего комплекса условий существования этих рыб.

Зато, если ты сумел подобрать полностью сумму этих условий, научился разводить какой-то вид, который ранее считался неразводимым, — это маленькое научное открытие, совсем небольшое, но все-таки открытие. Потому что ты прошел этим путем первый, до тебя условия нереста этого вида в неволе никто не сумел разгадать.

Разведенные в аквариуме рыбы составляют четвертую группу аквариумных рыб — акклиматизированных. Эти рыбы полностью переселяются в комнатные водоемы, для пополнения их числа уже не требуется ехать на Амур или на другую интересную реку. Рыбы, акклиматизированные в неволе, — это уже кем-то решенная задача. Не сразу и не просто удалось перевести их из третьей группы в четвертую, из последующих глав мы узнаем, как это было порой трудно. Но в том-то и прелесть занятия аквариумом, что решенную кем-то загадку любителю каждый раз приходится решать заново, решать самому. Конечно, ему уже не так трудно, как первому, тому, кто открыл «секрет» разведения этой рыбки: об этом «секрете» можно теперь прочесть в книжке. Легче ему и потому, что акклиматизированные рыбы уже не дикие, а «домашние» рыбы, они приспособлены к нересту в неволе, надо лишь подобрать подходящие условия.

Но вот подбор этих подходящих условий — далеко не всегда простое дело. Одни рыбы легко переселяются — из аквариума в аквариум, от одного любителя к другому, — легко входят в так называемое нерестовое состояние, легко размножаются. А вот с другими, проблемными рыбками, приходится немало повозиться.

Подобно оранжерейным растениям, которые «почему-то» не росли и чахли, эти рыбы заставляют вновь и вновь проверять, все ли ты выполнил, все ли сделал как надо. И если приоткрыть занавес, заглянуть за кулисы нашей аквариумной сцены, то окажется, что ты не учитывал самого главного фактора, влияющего на рыб и регулирующего их жизнь, рост, нерест, — химического состава аквариумной воды.

Должен сказать тебе, дорогой читатель, что это самый трудный раздел в аквариистике. Но, чтобы быть мастерами своего дела,

чтобы, перефразируя слова Ивана Владимировича Мичурина, не ждать милостей от аквариумных питомцев — вдруг разведутся сами!,— а взять их, т. е. разумно и со знанием управлять нашим прибором и жизненными процессами в нем, нам придется совершить этот трудный переход по стране Химии. Ведь именно химические качества воды, а следовательно и почвы, были в оранжереях иными и поэтому тормозили рост растений. Именно изменение химических показателей дает команды рыбному организму: «Расти! Подготовься к нересту! Можно метать икру!» А при неумелом обращении с теми же показателями, команды могут быть и совсем другие: «Будь карликом! Чахни! Умри!».

Еще несколько лет назад тщательное изучение химизма воды было делом совсем не обязательным. Любители аквариума ждали от своих питомцев «милостей» — бог даст, разведутся. Теперь многое изменилось. Расцвела наука волшебников — химия. Экология проникла во многие детали условий развития растений и животных, изучила и влияние химических данных воды на организмы. Современная аквариистика без элементарных знаний химии — это слепой без палочки и поводыря. Вот почему нам с тобой, читатель, необходимо преодолеть эту трудность. Конечно, мы узнаем лишь самое необходимое. Если среди заинтересующихся этой книгой найдется маленький читатель, то наша экспедиция может оказаться ему не под силу. Но я надеюсь, что тот, кто помоложе, увлечется аквариумом не на один год, и когда-нибудь снова перелистает страницы волшебной страны Химии.

А сейчас — в путь!

Переход первый: А что такое пресная вода!

Нелепый вопрос, скажешь ты. Пресная вода — это пресная, а морская вода — это соленая. Что же еще?

Оказывается, еще можно рассказать очень многое. Начнем с того, что пресная вода на самом деле совсем не пресная, а... соленая. Ты удивлен? Напрасно. Разве тебе не приходилось, выпив в походе ковш воды, говорить: «Вкусная вода!». Разве ты не замечал, что на внутренней поверхности чайников часто образуется накипь — твердый осадок? Разве ты не слышал, что в мягкой воде

Постоянные любимцы аквариумистов — огненные барбусы.

Великолепны красные неоны.

легко мыть голову — хорошо мылится мыло, волосы становятся мягкие, шелковистые, а в местах, где вода жесткая, для мытья головы используют только дождевую или снеговую воду?

Как видим, в жизни нам не раз приходилось сталкиваться с разной пресной водой, но мы просто не замечали этого. А между тем, эта разница в качестве воды и зависит от степени «солёности» пресной воды.

Природная вода содержит в растворах большое количество солей, щелочей, кислот. Они и определяют: вкусная или невкусная вода, мягкая или жесткая.

Но тогда почему же она «пресная»? — спросишь ты.

Пресными называют такие природные воды, в которых солей содержится очень мало сравнительно с морской водой. На один литр пресной воды приходится 1—2 грамма разных солей, а на литр океанической — уже 35 граммов.

Много это или мало 1—2 грамма? Суди сам: Волга летом в районе Саратова выносит за одну секунду 1400 килограммов разных солей! Солёность наших пресных вод совсем не так уж ничтожна.

Но зачем все это надо знать нам, аквариумистам? Мы определяем с тобой степень солёности пресной воды даже по вкусу. А рыбы и другие водные организмы живут в этой воде, она для них является средой обитания. Ясно, что наши питомцы должны очень тонко чувствовать малейшие изменения химического состава жизненной среды — воды. Любители аквариума часто сталкиваются с проблемой разной воды. Привезешь из Москвы каких-нибудь редких рыбок в Ленинград и сразу выльешь из банки в аквариум. Что такое? И температура подходящая, и кислорода достаточно, а новые рыбки камнем пошли ко дну. Все одинаково, только химический состав воды Москвы-реки и Невы очень различен: вот рыбки и не сумели перенести этот резкий скачок, перемещение в иную среду обитания. А ведь кажется, что в обоих случаях мы имеем дело с пресной водой.

От разного химического состава воды этих двух рек зависят и успехи московских и ленинградских аквариумистов: у первых превосходно размножаются живородящие рыбки — им нужна более жесткая вода, у вторых лучше идут неоновые и другие харациновые рыбки — эти любят очень мягкую воду. От солевого состава воды зависят жизненные процессы у водных растений и рыб. В природе время начала бурного роста растений и нереста рыб совпадает с умягчением воды, т. е. снижением ее жесткости и с повышением кислотности. Но то, что в природе происходит «само собой» в период половодья или в период дождей, нам, аквариу-

мистам, приходится вызывать искусственно, иначе мы не добьемся успеха в разведении наших питомцев. А чтобы уметь управлять химическими процессами в аквариумной воде, давай сначала познакомимся с ее составом.

Химическая формула воды, как известно, H_2O . Но это формула химически чистой дистиллированной воды. В природе ее нет. Даже дождевая и снеговая вода уже содержит в небольших дозах растворы солей. Вообще же природная вода — это очень сложный раствор различных веществ. У растворов есть любопытное свойство: если в растворе присутствуют соли, щелочи и кислоты, то такая вода пропускает слабый электрический ток. Соли и щелочи состоят уже из готовых ионов — положительно и отрицательно заряженных частиц, — а большинство кислот при этом распадается на ионы.

Этот распад молекул на ионы называется электролитической диссоциацией.

Она-то и помогла ученым определить химический состав разных пресных вод. А нам придется столкнуться с этим явлением не только здесь, но и дальше, когда мы сами будем регулировать электролитическую грелку.

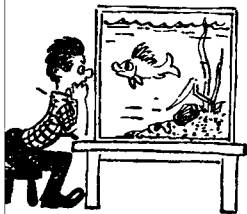
Итак, ученые установили, что в природных пресных водах в разных количествах содержится более 15 ионов и, кроме того, растворены различные газы. Совершенно ясно, что водные организмы должны легко отличать химический состав одной пресной воды от другой. Действительно, растения чувствуют эти изменения даже в тысячных частях грамма — миллиграммах — на один литр воды.

Какую же воду брать для аквариума?

Непригодна колодезная — в ней слишком много солей. Нельзя брать воду из водоемов, в которые спускают свои отходы предприятия — в ней будет слишком много вредных примесей. Вода из судоходной реки содержит пленку из мазута, в ней много примесей железа.

Самой лучшей будет вода из водопроводного крана — ведь она проходит на водопроводной станции специальную очистку.

Но и водопроводная вода не всегда хороша. Во-первых, через проржавевшие водопроводные трубы иногда идет желтоватая вода. Часто такая вода, содержащая большое количество железа, льется из кранов в новых домах первые две-три недели после заселения. Эта вода может погубить аквариумные растения, вызвать заболевания рыб. Во-вторых, водопроводная вода в городе может резко отличаться по составу со-

лей от той воды, которая нужна нашим рыбам и растениям. Большинство наших аквариумных питомцев происходит из рек с очень слабой минерализацией воды, т. е. малым содержанием солей. Например, в тропических реках Парана, Нил, Ганг, Инд, Серайо (на острове Ява) и других вода содержит около 100 миллиграммов растворенного вещества в одном литре. А вода Амазонки по составу вообще приближается к дистиллированной. В то же время содержание растворенных веществ в одном литре воды из наших рек иное: в Москве-реке — до 360, а в Волге — до 460 миллиграммов! Естественно, что такое различие вызывает у рыб и растений иной жизненный цикл.

Для читателя, знакомого со школьным курсом химии, мы даем таблицу, по которой хорошо видно, как отличается состав воды разных рек. В таблице приведено содержание наиболее распространенных ионов: гидрокарбонатного (HCO_3'), сульфатного (SO_4''), хлора (Cl'), кальция (Ca''), магния (Mg''), натрия (Na') и калия (K')¹.

Реки	Количество (мг в 1 л воды) ионов						Общее количество ионов в 1 л воды, мг
	HCO_3'	SO_4''	Cl'	Ca''	Mg''	Na' K'	
Москва-река (с. Татарово)	250,7	5,6	2,3	61,5	14,2	23,0	358,5
Волга (г. Вольск)	210,4	112,3	19,9	80,4	22,3	12,5	458,0
Нева (с. Ивановское)	27,5	4,5	3,8	8,0	1,2	3,8	48,8
Амазонка (г. Обидок)	28,1	0,8	2,6	5,4	0,5	3,3	30,3
Серайо (о-в Ява)	63,5	18,0	7,0	14,3	4,2	15,3	122,3
Нил (г. Капр)	84,6	46,7	3,4	15,8	8,8	11,8	119,1

Как видно из этой таблицы, ближе всего по составу вода Амазонки и Невы. Особенно существенна разница между амазонской, московской и волжской водой. Значит, для успешного содержания и разведения амазонских рыб и растений московская и волжская вода непригодна. По крайней мере состав ее следует изменить или, как говорят гидрологи, произвести умягчение воды.

¹ Значки (') или (") и (') или (") показывают знак иона: значок (') показывает знак плюс (+), а значок (") — минус (—) и валентность.

Два показателя воды интересуют прежде всего современного аквариумиста. Во-первых, жесткость воды. Жесткость обозначают либо буквой Ж, либо двумя латинскими буквами *dH* (от немецких слов «дейче харте» — немецкая жесткость). В ихтиологической литературе, в журнальных статьях и в ряде книг об аквариумах около каждого вида рыбы или растения указывается необходимая жесткость воды в градусах. Один градус жесткости соответствует содержанию в воде десяти миллиграммов окиси кальция (CaO) в литре воды. Именно от содержания в воде ионов кальция зависит показатель жесткости.

Аквариумные обитатели имеют определенную жизненную зону жесткости, обычно в пределах от 3 до 15°. Некоторые улитки не живут в мягкой воде — их раковины разрушаются. Живородящие рыбки хорошо себя чувствуют в воде жесткостью около 10°, неоновые, наоборот, предпочитают жесткость до 6°. Водяной папоротник и сагиттария любят воду жесткостью 10—14°, а увирандра — решетчатый апоногетон — погибает уже при 5°.

Как же подобрать необходимую жесткость воды? Прежде всего следует узнать постоянную жесткость воды в городском водопроводе. Если это трудно определить в школьном химическом кабинете, следует обратиться за справкой на городскую водопроводную станцию.

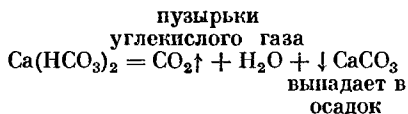
Однако жесткость воды в аквариуме может быть иной, чем у водопроводной. Присутствие в аквариуме раковин, обломков камней, мрамора, туфа делает воду более жесткой, кроме того, мрамор, туф и обломки цветного стекла повышают степень щелочности воды и делают ее непригодной для жизни. Практически, при наличии крупнозернистого песка и речной гальки вода аквариума приобретает более или менее постоянную жесткость. Например, невская вода (на выходе из-под крана 2—3° жесткости) через месяц — два приобретает жесткость 6—10°, а если воду в аквариуме не подменивать, а лишь подливать взамен испарившейся, концентрация солей оказывается и еще выше.

Но в большинстве случаев аквариумист сталкивается с проблемой снижения жесткости. Если в Ленинграде аквариумист будет постоянно подменивать $\frac{1}{5}$ воды в аквариуме еженедельно, вода будет постоянно мягкой (3—5°). Многие любители гордятся, что не меняют воду годами, но в то же время начинают удивляться, почему перестали расти растения, плохо растут рыбы, не мечут икру. А дело все в повышении концентрации солей. Это очень

опасное явление. Стоит однажды заменить такой концентрированный раствор свежей отстоявшейся по всем правилам и подогретой водой, как растения сбросят листья, а рыбы могут погибнуть: слишком резкий был скачок в смене среды обитания.

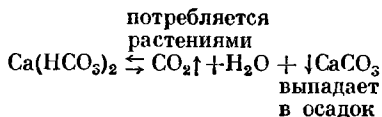
Если из-под крана идет вода более жесткая, чем нам нужно, ее нужно умягчить. При жесткости 12° (а необходимая — 6°) следует взять половину воды из крана, а половину — дистиллированной, при жесткости 18° — одну треть водопроводной и две трети дистиллированной и т. д.

Надо сказать, что жесткость не однородна. Общая жесткость Ж складывается из J_n — постоянной и J_v — временной жесткостей. Поскольку $J = J_n + J_v$, если мы снизим J_v , то уже умягчим воду. Для снижения J_v не требуется сложная аппаратура для дистилляции воды, достаточно воду вскипятить. Если ты, читатель, живешь в месте, где жесткая вода, то знаешь, что чайники постепенно покрываются изнутри толстым слоем осадка. Это выпадает в осадок соль кальция CaCO_3 . Происходит реакция:

При кипячении мы понизили временную жесткость воды. А почему она временная? Дело в том, что жесткость колеблется по сезонам и по времени суток. В устойчивые сезоны года — к концу зимы, к концу лета — она нарастает, зато паводки и дожди вызывают умягчение воды, и трогаются в рост растения, готовятся к нересту рыбы. Многие рыбы, обитая в стоячей воде, нерестуют только на заливных лугах в паводковой проточной мягкой воде.

В сильно заросшем водоеме или аквариуме жесткость меняется и в течение суток. Как известно, освещенные растения поглощают углекислый газ. По мере деятельности зеленых химических фабрик хлорофилла содержание углекислого газа в воде все уменьшается и уменьшается. И может наступить момент, когда его станет очень мало, особенно в «цветущих» водоемах, где зазеленела вода. Тогда растения начинают вырабатывать углекислый газ из особых соединений — бикарбонатов, от содержания которых зависит временная жесткость. Происходит уже знакомая нам реакция:

Великолепными умягчителями воды являются такие растения, как элодея, роголистник, водоросль хара. Их стебли и листья часто покрыты корочкой — осадком CaCO_3 . Но обратите внимание на знак реакции: процесс идет в обе стороны, в отличие от кипячения. Ночью, когда растения не поглощают углекислый газ, а в результате дыхания всего живого в водоеме он снова накапливается, процесс идет в обратном порядке и $\text{Ж}_\text{в}$ повышается. Если допустить такие колебания $\text{Ж}_\text{в}$ и содержания CO_2 в воде аквариумов, можно погубить всех животных всего за одну ночь: произойдет замор от удушья.

Отсюда вывод: «цветение» воды — это опасное и неприятное явление в аквариуме, серьезное нарушение в работе нашего прибора. Не пробуй избавиться от этого зла сменой воды — свежая вода только способствует развитию водорослей. Лучше затемнить аквариум на четыре-пять дней, а еще проще — выловить рыб и запустить в водоем рачков дафний, они поедят водоросли. Но главное — не допускать цветения. Оно начинается в водоемах, слишком ярко освещенных, и там, где гниют остатки корма.

В последние годы предприятия Москвы освоили специальные приборы для умягчения воды. Прибор надевается на кран, вода проходит через камеры с ионообменными смолами, которые отбирают у нее соли кальция и магния. Из умягчителя выходит вода жесткостью 1—1,5°. Прибор рассчитан на пропускание 150 литров воды, но чем выше жесткость водопроводной воды, тем меньшее количество ее он может пропустить. Способность смолы поглощать из воды соли легко восстанавливается с помощью теплого раствора столовой соли, который пропускается через прибор.

Умягчители продаются в магазинах (очевидно, их можно приобрести через фирму «Посылторг»), стоят они недорого. Ионообменные смолы можно приобрести в магазинах химреактивов. Иногда их заключают для постоянного умягчения воды в специальные фильтры, но об этом ниже.

А сейчас нам предстоит познакомиться еще с одним очень важным показателем химического состояния воды — с коварной и изменчивой волшебницей пэ-аш. Латинскими буквами pH (пэ-аш) обозначают так называемую активную реакцию воды (от слов *pondus Hydrogenii* — вес водорода). Показатель pH играет огромную роль в жизни животных и растений. В аквариуме он колеблется в зависимости от многих причин, а эти колебания воздействуют на наших питомцев, либо улучшая их состояние, либо вызывая их гибель.

Что же это за волшебница, от чего зависит ее изменчивость?

Мы уже знаем, что такое электролитическая диссоциация. Но

диссоциировать могут не только растворенные в воде вещества, но и сама вода. Правда, очень незначительно, лишь $\frac{1}{10\,000\,000}$

часть молекул воды участвует в этом процессе. Химически чистая вода диссоциирует на ионы водорода H^+ и ионы гидроксила OH^- . Содержание и тех и других в такой воде будет равно. Говорят, что вода имеет нейтральную реакцию. У нейтральной воды диссоциирует одна молекула на каждые 10 000 000, или иначе — одна на 10^7 (десять в седьмой степени). Степень и берется за показатель pH. У нейтральной воды, следовательно, pH 7, а нейтральной называется вода, в которой либо вообще нет кислот или щелочей, либо они присутствуют в ней в равном количестве. В воде, содержащей щелочи (в состав которых входит группа OH), концентрация ионов водорода будет меньше и показатель pH начнет возрастать, а если в воде есть кислоты (в состав которых входит H), то, наоборот, снижаться. При показателях pH от 1 до 6 вода имеет кислую реакцию, при pH 7,5—13 и т. д. — щелочную. Зона жизни в воде для большинства организмов находится в пределах pH 5—8. Рыбы нормально развиваются в более узкой зоне pH 5,5—7,5, а для размножения многим из них требуется еще большая точность. Например, для расбор pH 5,5—6, неоновых pH 6,5; дискусы живут и размножаются при pH 5,9—6,7. У моллюсков диапазон колебаний pH в пределах 4,5—10,5, но многие улитки гибнут уже при pH 6,5; их раковины разрушаются, а молодые экземпляры не растут. Очень чувствительны к колебаниям pH растения. Большинство видов растет лишь в пределах pH 6,5—7,5, а зона криптокорин лежит ближе к кислой воде (pH 5,5—6,5). Но в то же время можно заметить, что все растения, по-видимому, устроил бы показатель pH 6,5.

Казалось бы, надо стремиться именно к такому показателю нашей аквариумной воды. Но в том-то и беда, что волшебница пэ-аш очень изменчива! И изменения эти прежде всего связаны с временной жесткостью и с количеством растворенного в воде углекислого газа.

Чем выше $J_{в}$, тем более щелочная реакция воды. Увеличение количества CO_2 в воде понижает показатель pH. В воде жесткостью более 3° это происходит довольно плавно, а вот в невской воде сдвиг показателей pH со щелочной в кислую сторону происходит так резко, что рыбы не выдерживают и гибнут. Такова суть этого процесса. Вот как это выглядит на практике.

Ты сменил воду в давно не чищенном аквариуме. Вместо старой, с большой концентрацией солей, воды налил свежую, очень мягкую. Рыбы заиграли всеми красками, начали носиться друг за

другом. Ты доволен: в аквариуме наступила весна. Но переход был слишком резок. Ночью количество углекислого газа возросло, pH сдвинулось в сторону кислой реакции и рыбы, не привыкшие к кислой воде и не приспособленные к таким резким колебаниям pH, погибли. А растения сбросили листья. И неудивительно. За одну ночь показатель pH может сделать скачок на 2—3 единицы, а многие рыбы и растения болезненно воспринимают изменения даже на 0,5 единицы! Отсюда вывод: нельзя допускать резкого изменения условий, нельзя резко менять химический состав среды обитания, надо избегать излишнего скопления углекислого газа по ночам (избегать перенаселения аквариума, гниения в нем остатков корма и т. д.).

Раз настроение нашей волшебницы колеблется в зависимости от количества углекислого газа, растворенного в воде, значит оно будет изменяться и в течение суток: ведь количество CO_2 связано с деятельностью растений. При ярком солнечном освещении в зарослях элодеи показатель pH поднимается до 10,6. Водоросли «цветущей» воды подщелачивают ее до pH 9—10. Ночью же из-за накопления CO_2 показатель падает до pH 5,5, а иногда и еще ниже. Это может привести к гибели даже тех рыб, которым не страшно скопление CO_2 (они могут не только дышать жабрами, но и усваивать кислород из атмосферы).

Разумеется, в природных достаточно больших водоемах рыбы уходят из зоны с непригодным показателем pH. Кроме того, течение, волнение от ветра вызывают постоянные перемещения масс воды и сдвиги pH не происходят особенно резко. Иное дело в замкнутом аквариуме — здесь и колебания резки, и рыбам деваться некуда. А растения, вызвавшие днем высокие показатели pH, сами начинают страдать от этого, так как в сильно щелочных растворах уменьшается проницаемость их оболочек. Кроме того, в такой воде выпадает в осадок железо и происходят другие неблагоприятные явления.

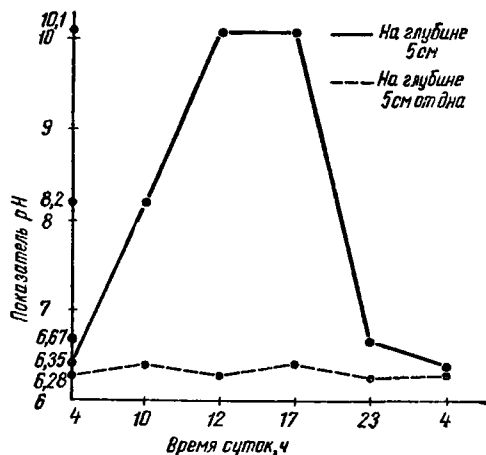
Как предупредить такие резкие изменения показателя pH?

Прежде всего, надо постоянно продувать аквариум воздухом. С воздухом в аквариум попадает углекислый газ, следовательно он будет постоянно в растворенном состоянии в воде аквариума.

Но струя воздушных пузырьков будет увлекать за собой и поток воды: в аквариуме возникнет устойчивое вращение воды в вертикальной плоскости. А это очень важно. Если слои воды неподвижны, показатели pH верхних слоев и в зарослях растений могут сдвинуться до критического состояния, что очень хорошо

График изменения показателя рН в течение суток на разной глубине.

видно на графике изменения показателя рН в течение суток на разной глубине.

Наконец, еще одним правилом, выполнение которого избавит нас от неприятных козней злой волшебницы, явится неуклонное выполнение общего режима аквариума: рассеянное освещение, регулярная подмена воды на одну пятую, умеренное население в аквариуме и т. д.

Если же мы научимся ладить с волшебницей пэ-аш, она будет не помехой нам, а помощницей. Например, для разведения расбор, неоновых и ряда других рыбок нам потребуется иметь определенную слабокислую реакцию воды. О подкислении воды мы будем говорить ниже, когда познакомимся с фильтрами. Сейчас же остается рассказать, каким образом любитель аквариума определяет рН воды в аквариуме. Для этой цели у нас в стране используют сложные электронные приборы и ряд более простых приспособлений.

Испытываемую воду наливают в пробирку и капают туда несколько капель индикатора — жидкости особого химического состава. Вода в пробирке тут же окрашивается, а затем, сравнивая цвет в пробирке с растворами в запаянных сосудах, легко определяют показатель рН.

Широко используют для этого и индикаторные бумажки. Смоченные водой, они тоже меняют цвет, затем находят в цветной

таблице такой же цвет, а рядом с ним — соответствующий показатель pH.

Но нужно ли обязательно определять этот изменчивый показатель? На графике ты видел, как резко отличаются днем показатели у поверхности и на глубине. А возьми пробу воды из середины аквариума — и у тебя окажется самое благополучное — pH 7! Значит, дело не в умении определять этот показатель, дело в таком умелом управлении аквариумом и всеми процессами, происходящими в нем, чтобы рыбы и растения чувствовали себя спокойно и не испытывали неприятных скачков и изменений в режиме содержания.

И последний, очень важный вопрос, который относится даже не к области химии или физики, а к смежной из этих наук — физической химии. Когда мы говорим, что вода состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода и называем формулу H_2O , мы на самом деле значительно упрощаем дело. Ведь водород, как установлено теперь, не однороден. Встречается ряд разновидностей атомов водорода или, как говорят ученые, у водорода есть изотопы (H-протий, D-дейтерий, T-третий и т. д.). Значит, формула воды может быть H_2O , а может быть D_2O и т. д. Обычная пресная вода состоит в основном из «обычного» водорода — протия. Дейтерия в ней очень мало — в 6400 раз меньше.

— Очень интересно, — предвижу твой вопрос, — какое это имеет отношение к аквариуму?

Оказывается, самое непосредственное. Содержащая дейтерий вода, — ее называют «тяжелая» вода, — как выяснилось в последнее время, иногда тормозит жизненные процессы.

Наукой установлено, что изотопный состав воды в пресных водоемах может меняться в течение года. Возможно, что в жаркое, сухое время года доля «тяжелой» воды несколько возрастает. Разумеется, эти изменения ничтожны, но они могут оказывать влияние на живые организмы. По крайней мере, именно в сухое время года медленно растут водные растения, не размножаются рыбы. Бурный паводок и сильные ливни изменяют многие показатели качества воды, в том числе, в известной степени, и изотопный состав.

Эти изменения, как мы знаем, являются сигналами для живого организма: «Расти! Размножайся!».

Характер воздействия «тяжелой» воды на жизненные процессы еще изучается; исследуют ученые и причины благотворного влияния снеговой и талой воды (видимо, при замерзании меняется структура молекул воды). Но аквариумисту уже сейчас можно сделать кое-какие выводы.

Для нереста нужно отсаживать рыб в отстоянную, но обязательно свежую воду, а для нормальной работы нашего прибора обязательно следует еженедельно подменивать $\frac{1}{5}$ воды и ни в коем случае не ограничиваться лишь доливанием воды взамен испарившейся.

На этом, дорогой друг, я думаю, мы и кончим экспедицию в страну химии. Надеюсь, ты усвоил, какие процессы возникают в воде аквариума, как они влияют на наших питомцев и что надо делать, чтобы это влияние не было вредным.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ОБЛАСТЬ ПРАКТИЧНОСТИ И КРАСОТЫ

Переход первый: В электроцехе аквариумного хозяйства

Лет двадцать назад у меня было уже несколько аквариумов. Они стояли на подоконниках, освещались только тем светом, который падал из окна. Однажды мой друг — студент биологического факультета университета — сказал:

— Обязательно сходи на кафедру ихтиологии. Там комнаты заставлены аквариумами. А какие приспособления для аквариумов там есть!

Долго я не решался пойти в это царство профессора Н. Л. Гербильского. Но... охота пуще неволи. Зашел все-таки я на эту кафедру. К моему удивлению Николай Львович встретил меня очень приветливо.

— Сейчас я закончу беседу с аспирантом, — сказал он, — а потом проведу вас по нашей аквариальной.

Вскоре мы поднялись по маленькой, словно игрушечной лесенке на второй этаж и попали в большую комнату, заставленную аквариумами. В этом «подводном царстве» плавали удивительные рыбы, росли великолепные кусты растений. Но больше всего, помню, поразили меня не сами аквариумы, а различные вспомогательные механизмы. Гудели моторы, булькала вода, бежали по стеклянным трубкам пузырьки воздуха... Все было удивительным и непонятным: ведь тогда аквариумисты применяли очень мало технических помощников.

Иное дело теперь. Современный хорошо налаженный аквариум не может обходиться без помощи вспомогательных механизмов. Наш прибор нуждается в помощниках. Главным помощником аквариумиста является электричество. С помощью электроэнергии мы можем обеспечивать нашим питомцам необходимую для них температуру, освещать их и даже создавать в аквариуме «речное течение».

Если представить аквариум основным цехом нашего аквариумного хозяйства, то первыми подсобными цехами будут электроцехи. Давай пройдем по электроцехам, познакомимся с приборами, обеспечивающими нормальную работу аквариума.

Первый цех называется «цех обогрева». Мы уже знаем, что нашим питомцам необходима определенная зона температур, в пределах которой они хорошо себя чувствуют. Но в наших жилищах температура воздуха комнаты может быть за пределами этой зоны или окло нижней ее границы. Например, если зона температур имеет нижнюю границу 20°C и в комнате тоже 20°C , то в аквариуме уже будет 18°C ; при 16°C в комнате в аквариуме будет 14°C . Особенно неровная температура в комнатах с печным отоплением. В жилищах, отапливаемых центральным отоплением, самыми опасными бывают месяцы, когда на улице уже (осенью) или еще (весной) прохладно, а отопление не включено. Наконец, в средней полосе СССР и летом ночи бывают прохладными и при открытых окнах приносят людям приятный свежий воздух, а рыбам... излишнее похолодание.

Чтобы наши питомцы были избавлены от всех этих колебаний температуры, необходимо подогревать воду аквариума.

Самым простым прибором для подогрева аквариума являются обычные лампы накаливания. Для этого надо поместить лампу с рефлектором у боковой стенки аквариума (обязательно ниже уровня воды, иначе лопнет стекло!). К сожалению, этот способ плох: основное тепло от лампы уходит не на нагрев воды, а в воздух комнаты. Излишнее боковое освещение вызывает бурное развитие низших водорослей. Наконец, ночью и жильцам комнаты и жильцам аквариума нужна темнота. А выключив лампу, мы вызовем быстрое остывание воды. В природе такого резкого перехода температур не бывает,—помнишь удельную теплоемкость воды?,—и рыбы могут простудиться. Можно помещать лампу до цоколя прямо в воду или опускать в стеклянном цилиндре под воду, а чтобы она не светила снизу, цилиндр заполнить сухим мелким песком. Но все эти способы несовершенны.

Наиболее совершенным прибором, обогревающим воду в аквариумах, является спиральная электрогрелка. Она состоит из про-

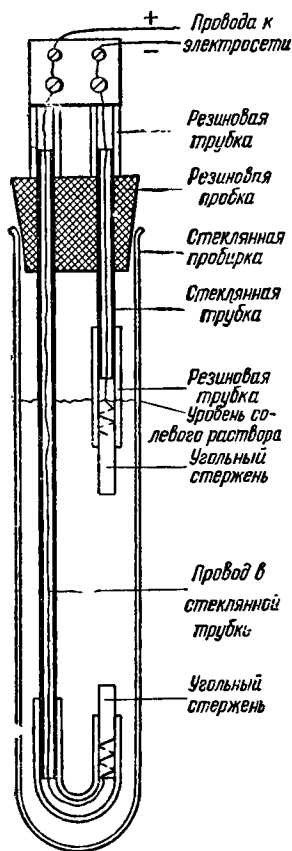
бирки, внутри которой на тонкую стеклянную палочку намотана спираль — обычно это нихромовая проволока сечением 0,1 мм. В качестве изолятора ранее применяли машинное масло, но если грелка лопалась, оно вытекало и портило весь аквариум. Теперь изолятором служит мелкий кварцевый песок. Пробирка плотно закрывается или запаивается, только провод в резиновой изоляции выходит наружу. Спиральные грелки ставят вертикально в угол аквариума или же прикрепляют особыми присосками к стенке. Даже хорошо запаянный верхний конец пробирки должен находиться над водой. Грелка такого типа включается обычно на весь прохладный и зимний сезон, например в Ленинграде — с конца августа до середины июня. Но для этого надо знать, какой мощности грелку следует приобрести для вашего аквариума. Следует помнить, что чем больше объем аквариума, тем меньше энергии требуется на нагрев одного литра воды. Это естественно — если мы нагреваем только 1 литр, то со всех сторон он окружен прохладным воздухом, который через стенки сосуда охлаждает воду. А если мы нагреваем 10 литров воды, то уже часть этих литров находится в толще воды и соприкасается не с прохладными стенками, а с нагревающейся водой. Наконец, длинный аквариум нагреть грелкой, расположенной в одном из углов, труднее, чем короткий такого же объема.

Выбрать в зоомагазине нужную вам грелку поможет следующая таблица.

Длина аквариума, см	Вместимость аквариума, л	Мощность (вт) при температуре выше комнатной	
		на 5°	на 10°
25	5	8	11
35	15	12	23
40	20	15	27
50	40	30	42
60	50	40	51
70	65	47	60
80	100	55	78
100	200	80	135

Кроме спиральных грелок, для той же цели используют электролитические грелки. Как ты помнишь, соли состоят из положительно и отрицательно заряженных ионов. При пропускании через раствор электрического тока поваренная соль диссоциирует так:

$$\text{NaCl} \rightleftharpoons \text{Na}^+ + \text{Cl}^-$$

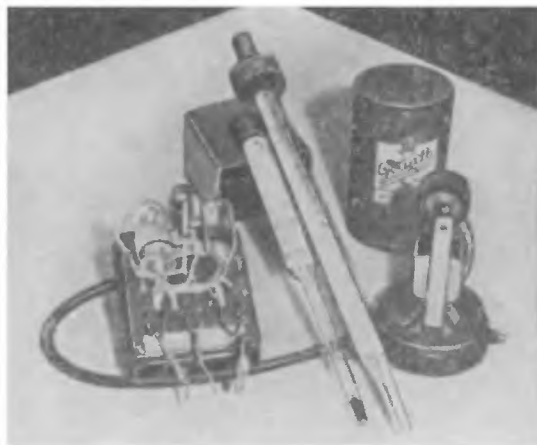
Сложная конструкция электролитической грелки.

При этой химической реакции выделяется тепло, которое нагревает сам диссоциирующий раствор и через тонкие стенки грелки — воду аквариума. Электролитические грелки бывают U-образной формы или же более сложные, как показано на рисунке. Чтобы запустить эту грелку в ход, нужно сначала отрегулировать ее в водоеме без живности. Мощность грелки будет тем выше, чем больше будет концентрация раствора NaCl . Для начала можно использовать раствор: 10 граммов поваренной соли на 200 см^3 чистой воды. Раствор заливают в грелку, закрывают ее плотно пробкой и погружают в воду аквариума так, чтобы до верхних кромок трубки оставалось 2—3 сантиметра. Затем включают грелку в сеть. В растворе начинается электролитический процесс, и через сутки мы можем сравнить, на сколько поднялась температура воды в аквариуме. Если температура недостаточна, грелку следует выключить, открыть и добавить щепотку соли, если велика — часть раствора отлить и добавить чистой воды.

И спиральные и электролитические грелки являются самыми надежными и простыми приборами подогревания воды. В последнее время, однако, некоторые любители аквариума стали увлекаться более сложными обогревательными конструкциями — грелки включают не непосредственно в сеть, а через реле — ртутное или биметаллическое устройство,

периодически то включающее, то выключающее грелку. Несмотря на техническое остроумие этих реле и довольно внушительный вид, который они имеют рядом с аквариумом (особые сигнальные лампочки то зажигаются, то гаснут, как на заправском пульте управления какого-либо сложного станка), настоящий любитель природы должен отказаться от пользования этими приборами. В этом случае мы имеем технику уже не для обитателей аквариума, а ради самой техники. Дело в том, что реле замыкается, когда темпера-

Ртутное реле и контактные термометры. Справа — компрессор-вибратор (футляр снят).

тура воды падает, скажем, до 20°C , и выключается, когда вода подогревается грелкой до 24°C . Так как грелка включена постоянно, температура воды все время «скачет» то вверх, то вниз, причем разницы между дневной и ночной температурой нет совсем. Конечно, это противоестественно, в природе так не бывает. При постоянно включенной, правильно подобранной грелке ночью происходит снижение температуры воды соответственно снижению температуры воздуха комнаты. Обычно это бывает плавное понижение на $3\text{--}5^{\circ}\text{C}$, что вполне соответствует ночной прохладе в тропиках.

Второй важнейший цех, куда мы попадаем — это компрессорный цех. Воздух в современных аквариумах является воздухом-тружеником. Он насыщает воду газами, перемешивает ее слои, перегоняет в особые фильтровальные аппараты, создает течение. Но откуда же нам взять этот воздух? Совершенно очевидно, что воздух для выполнения всех этих задач должен поступать к нам под давлением. Значит, нужен компрессорный цех и сами компрессоры.

С простейшими компрессорами собственного изготовления мы уже знакомились — это футбольная камера с пульверизатором и автомобильная камера с насосом. Но они дают очень мало воздуха. Современные аквариумы обслуживают электрические компрессоры. Они дают постоянную струю воздуха под напором.

Известны два типа компрессоров. Первый из них построен на использовании свойств переменного тока. Наши домашние электроприборы и лампы используют ток, который 100 раз в секунду

Поршневой компрессор с редуктором и реостатом регулирования скорости (ГДР).

меняет свое направление в проводах (50 раз в одну сторону и 50 раз в другую). Если в катушку поместить сердечник и пропустить через катушку ток, то образующееся магнитное поле будет то выталкивать, то втягивать сердечник. А если сердечник соединен рычагом с эластичной мембраной, плотно закрывающей камеру насоса, то мембрана будет сжимать и разрезать воздух в камере. Теперь осталось снабдить камеру насосами-клапанами, чтобы мембрана затягивала воздух снаружи, а выталкивала его в специальную отводящую трубку. Так устроен вибратор «стаканчик» МК-1, который выпускают советские заводы. Мощность таких компрессоров колеблется от 3 до 15 W^* , обслуживать они могут от двух аквариумов (с распылителями воздуха и фильтровальными аппаратами каждый) до двадцати. Компрессор соединяют с потребляющими воздух приборами системой резиновых шлангов (диаметр их 5—7 мм), а силу подачи воздуха на каждую точку регулируют винтом. Вибрационные компрессоры в ходе работы могут издавать нежелательный треск. Это происходит от излишней вибрации деталей прибора. На мягкой подставке отрегулированный прибор почти не слышен. Но все-таки желательно «компрессорный цех» вынести за пределы жилой комнаты, соединив его с аквариумом длинной резиновой трубкой.

Более совершенными являются поршневые электромоторы-компрессоры. На рисунке вы видите один из таких приборов, который имеет мотор мощностью всего 7 W и реостат, регулирующий скорость вращения и количество воздуха, нагнетаемого

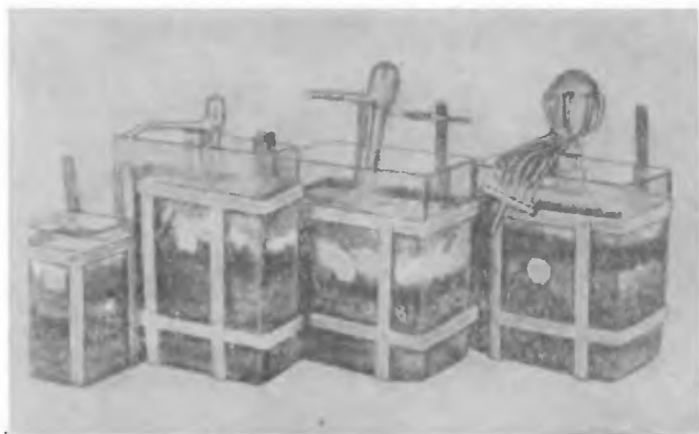
* Единица обозначения мощности.

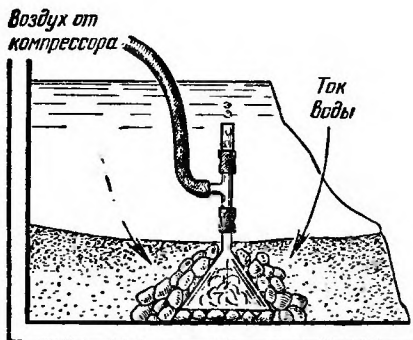
поршнями. Этот прибор изготавливают в ГДР, он может обслуживать до 40 аквариумов.

Теперь познакомимся с работами, которые в нашем хозяйстве выполняет воздух-труженик. Во-первых, это аэрация. О ней мы говорили уже ранее. Во-вторых, это уборка аквариума. Об уборке органических осадков со дна водоема с помощью трубки и грязе-черпателя мы тоже говорили. А вот сейчас познакомимся с прибором, который использует воздух от компрессора. Пузырьки воздуха мчатся по трубке вверх, увлекая за собой поток воды. Если подвести воронку к кучке мусора на дне, он устремится с водой в трубку. Наверху вода попадает в мешок из тонкой капроновой или нейлоновой сетки. (В самодельном «грязесосе» можно сделать этот мешок из носка от капронового чулка). Вода свободно покидает мешок, а мусор остается. Кончив уборку, прибор вынимают из аквариума и мешок освобождают от мусора.

В хорошо оборудованных аквариумах такие уборщики мусора работают постоянно. Называют их «фильтровальные аппараты» или коротко — фильтры. Фильтры делятся на наружные и внутренние. Наружные фильтры либо делают из стекла, тогда их ставят рядом с аквариумом на подставке, либо из легкой пластмассы, тогда они легко закрепляются на аквариуме. Воздух бежит по трубке-крану и гонит воду из фильтра в аквариум. Вода поднимается в трубку-кран снизу прибора, пройдя перед этим все фильтровальные слои, а поступает вновь в фильтр из аквариума через изогнутую трубку: тут вода течет по законам сообщающихся сосудов — об этом мы уже знаем. Чтобы запустить в ход внешний фильтр,

Различные виды наружных фильтров (ГДР).

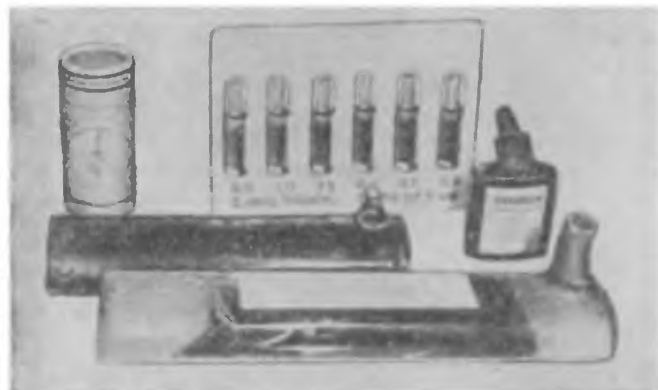

Самодельный фильтр из воронки, тройничка и резиновой трубки.

фильтры — приборы, помещаемые внутри аквариума и часто даже в грунте его. Самый простой фильтр такого типа — «вертикальная воронка». Фильтр углубляется в грунт, вода втягивается снизу и выбрасывается из трубки-сифона около поверхности. Такой прибор легко изготовить самому из воронки, тройничка и резиновой трубки (см. рисунок). Более совершенны горизонтальные фильтры различной формы. Чтобы такие приборы хорошо поглощали муть, находясь в толще грунта, следует у их раструба помещать не мелкий песок, а крупный гравий или гальку. Иногда фильтры имеют своего рода филиал — подключенный с помощью трубки прибор,

надо налить в сосуд фильтра воду, а потом опустить туда верхний конец наполненной водой трубки, идущей из аквариума. Надо сказать, что эта операция требует известного навыка. Чем быстрее бежит воздух, тем быстрее уходит из фильтра вода, тем быстрее всасывается мутная вода из аквариума. Оседающую на поверхности песка в фильтре грязь следует раз в 10 дней осторожно удалять.

Но наибольшее распространение получили внутренние

Внутренние донные фильтры. На заднем плане — определитель pH и коробка сухого корма «Цорор» (ГДР).

засысывающий воду в другом месте грунта. Такие добавки к фильтрам полезны тем, что создают равномерный ток воды через грунт и препятствуют закисанию грунта и загниванию корней растений. Лучше всего мощный и равномерный ток воды через грунт создают плоские донные фильтры. Внутренним фильтром считается и прибор, закрепляемый у стенки аквариума. Вода фильтруется в стаканчике, подвешенном над поверхностью. Но самым совершенным и быстро очищающим воду является фильтр, изображенный на этом рисунке. Вода легко проходит довольно запутанный путь, а муть задерживается на фильтрующем материале.

Что же используется в качестве такого материала? Для удаления мути во внутренних фильтрах используют перловую вату, капрон, нейлон, стекло-нить.

Фильтры последнего типа изготавливают с тонкой пластмассовой сеточкой.

Но фильтры выполняют не только роль очистителя аквариума от мути. Они служат обычно и своего рода регуляторами химического состояния воды в аквариуме. Очень часто во внутренних и внешних фильтрах наполнителем являются блестящие зернышки — уже знакомая нам ионообменная смола. Такие фильтры играют роль умягчителей, они поглощают растущую со временем жесткость аквариумной воды. Многие рыбы и криптокорины предпочитают не нейтральную, а слегка подкисленную воду. Для получения такой воды в фильтрах используют торфяную крошку. Наконец, наиболее часто в фильтрах содержатся мелкие кубики активированного угля. Приготовленный особым образом древесный или костяной уголь (купить его можно в магазинах химреактивов) обладает способностью адсорбировать, т. е. поглощать на своей поверхности различные вещества, растворенные в воде. Так как адсорбция происходит только на поверхности, то чем мельче кусочки угля, тем больше адсорбирующая поверхность угля, тем лучше и дольше работает фильтр. Поглощение идет через поры, общая поверхность которых в 1 грамме активи-

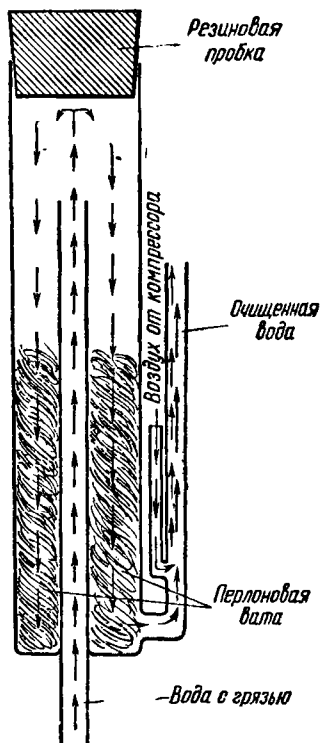

Схема вертикального фильтра, наиболее удобного.

рованного угля составляет около 1000 м². Кстати, с результатом работы этого угля мы сталкиваемся повседневно: сахар потому белый, что активированный уголь на сахарных заводах очищает его от красящих веществ, придающих ему желтоватую окраску. В аквариумных фильтрах активированный уголь поглощает различные органические вещества, вредные гуминовые кислоты, азотную кислоту и т. д.

В последние годы в качестве наполнителей фильтров применяют все более сложные вещества. Например, используют особые препараты — оксидаторы, которые ускоряют все процессы гниения в аквариуме и тем самым очищают воду. В фильтры помещают состав, снабженный лекарственными веществами — антибиотиками. Это предотвращает заболевание рыб и гибель икры. Применяются особые фильтры, пропускаая через которые воду, можно получить состав ее, близкий к составу воды Амазонки или другой тропической реки. Во внешние фильтры иногда помещают специально приготовленные удобрения для водных растений.

Но даже самые обычные фильтры, о которых мы уже подробно говорили в этой главе, обеспечивают в аквариуме кристально чистую здоровую воду. А постоянное движение воды напоминает нашим рыбам слабое течение их родных рек.

Прежде чем уйти из электроцеха в другие подсобные цехи нашего аквариумного хозяйства, оглянись на минуту: все ли ты сделал, чтобы не произошло аварии? Хорошо ли знаешь свойства электротока?

Провода должны быть всегда сухими, лучше, если они в резиновой или пластмассовой оболочке. Намокшие провода могут упускать часть тока в воду, в корпус аквариума. Когда ты коснешься аквариума или опустишь руку в воду, тебя может ударить током. Нельзя допускать сближения двух противоположных оголенных проводов: соединение их не через лампу, грелку или другой потребитель тока вызовет короткое замыкание и погаснет свет во всей квартире.

Электричество — чудесный друг аквариумиста, но оно отлично служит лишь тому, кто умеет с ним обращаться. Твои электроприборы должны быть добротными, проверенными в магазине. Включать их можно только на то напряжение тока, на которое они рассчитаны (или включать через трансформатор). Во избежание пожара в одну штепсельную розетку надо включать лишь один прибор — одну штепсельную вилку — или же ряд приборов, но через купленный в магазине тройник. Хорошо было бы изготовить для всего аквариумного хозяйства единый электрический щит, от которого будут тянуться к аквариумам провода электроламп, гре-

лок, компрессора. На этом же щите можно поставить не только розетки, но и выключатели, чтобы не выдергивать каждый раз вилку. Надеюсь, ты знаешь, что к штепсельной розетке подходят два провода разных полюсов и непосредственное их соединение недопустимо, а к выключателю, наоборот, подходят два провода, но одного полюса.

Как видишь, аквариум — это и электротехника. Но в сложном аквариумном электрохозяйстве даже у опытных специалистов бывают осечки. Поэтому аквариумистам не мешало бы на квартирном щитке использовать пробки-автоматы, с помощью которых легко включить свет вновь после короткого замыкания простым нажатием кнопки.

Переход второй и привал, на котором мы поговорим о красоте

Ну вот, мы и вышли из подсобных электро- и компрессорных цехов. В какой теперь? Подожди. Прежде чем мы отправимся в два других подсобных отдела нашего хозяйства, — а они непосредственно связаны уже не с техникой, а с биологией, — давай оглянемся на наш аквариум.

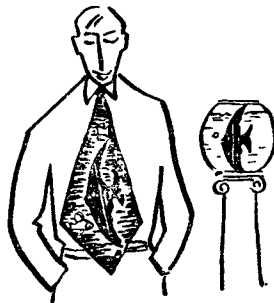
Какой он? Высокий или низкий? Стекланный или с металлическим каркасом? Красивый или нет?

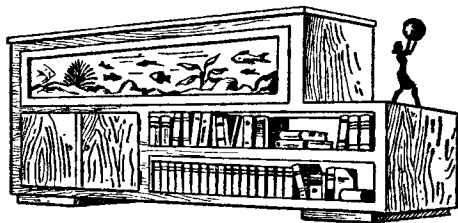
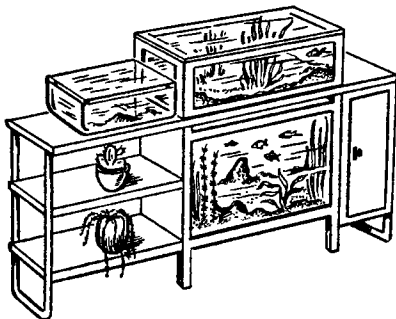
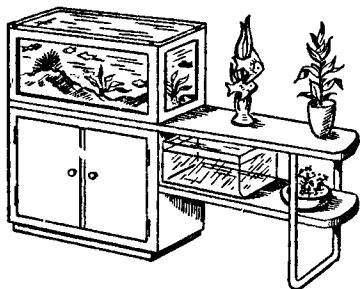
А как устроен наш прибор внутри? Интересно ли расположен грунт, красиво ли размещены растения?

Остановимся на «заводском» дворе нашего аквариумного хозяйства, присядем перед нашим главным цехом, главным прибором и поговорим о нем самом, о внешней и внутренней красоте его.

Пожалуй, нам потребуется специальный экскурсовод в этой области. Мы уже не раз пользовались его объяснениями. Ты, конечно, догадался, что этим экскурсоводом будет художник. Без его помощи этот переход нам не осилить.

Итак, красота. Но что такое красота в применении к аквариуму? Лет 70 назад аквариумы пытались украшать как можно пышнее. Сам водоем и не видно было из-за различных ажурных решеток, пышных ваз

Современное оформление аквариумов.

и аляповатых туфовых «гор». Иное дело сейчас. Посмотри на автомобили, дома, одежду. Конструкторы и художники стремятся создать предельно простые и целесообразные пропорции и линии. Красиво то, что целесообразно. И часто самое простое кажется в то же время и самым красивым. Этот же стиль — «простота до изящества» — господствует ныне и в оформлении аквариумов.

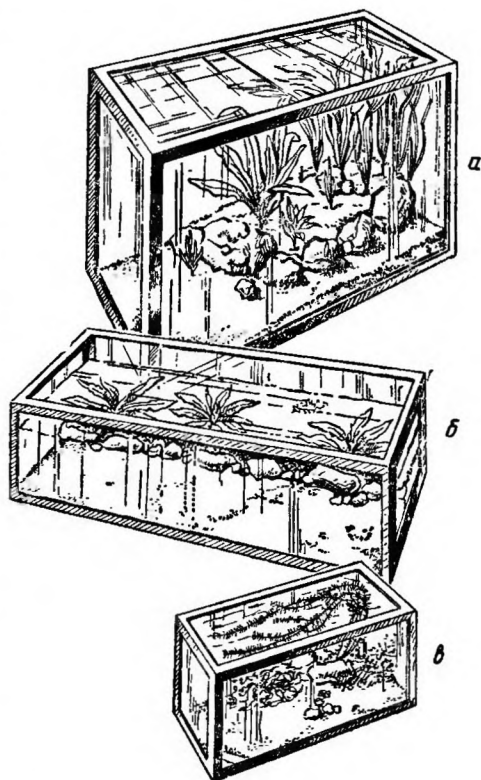
Как же должен выглядеть аквариум внешне? Это зависит от того, для чего он предназначен. В аквариумном хозяйстве редко бывает один водоем. Обычно имеется хотя бы два или две группы водоемов. Первая группа — один или несколько декоративных аквариумов. Вторая — подсобные водоемы.

Подсобные водоемы служат для разной цели. В них помещают на карантин только что приобретенную рыбу, отсаживают нерестующих рыб, содержат «нерыбное» население — улиток, жуков

и другие существа, которые часто интересуют аквариумиста не менее, чем рыбы. Короче, вряд ли эти аквариумы или банки послужат украшением твоего уголка природы. Постарайся их убрать из комнаты, если это возможно, или же держать в стороне от декоративного водоема. Из водоемов этого типа для моллюсков и насекомых годятся любые банки, для разведения рыб пригодны плоские и широкие аквариумы (мы уже знаем, что мальку высокий уровень воды вреден), а для выращивания молодых рыб — длинные водоемы с высотой уровня воды до 30 сантиметров.

Иначе должны выглядеть наши декоративные водоемы. Прежде всего, смотровой экран — переднее стекло такого аквариума — должен быть достаточно большим по площади. С. В. Образцов говорит, что только в аквариуме с высоким уровнем воды видимы все великолепие подводного мира. Аквариум должен быть по возможности высоким — от 40 до 60 сантиметров (более глубокий водоем еще красивее, но трудно достаточно осветить такую толщу воды). Но высокий и короткий аквариум будет похож на башню, а это некрасиво. При указанной высоте длина должна быть соответственно не менее 65—100 сантиметров. Аквариум не должен быть очень широк; для глаза на заднем плане широкого водоема все будет сливаться. Преломление света в воде создаст у узкого аквариума иллюзию глубины и он покажется более широким, чем на самом деле. Ширина аквариума размером 40×60 см должна быть не более 35, а 60×100 — не более 40 см.

Аквариум может быть каркасной конструкции, о которой мы уже говорили, а может быть и из оргстекла. Такие аквариумы склеивают из прочных листов прозрачной пластмассы. В крупных водоемах вместимостью 60 литров и более во избежание прогиба стенок оргстекла сверху соединяют их полосками этого же материала. Очень красивы и высокие узкие стеклянные банки — так называемые элементные. Только надо выбирать банку с ровным стеклом. Форма всех декоративных аквариумов, как видим, одна — параллелепипед. Круглые, шестиугольные и другие подобные

Аквариумы разного назначения:

а — декоративный; б — для выращивания мальков; в — нерестовый.

Этажерка с компактным размещением водоемов:

в центре — три декоративных; по бокам и внизу — выростные; наверху — нерестовые.

аквариумы отошли в прошлое, так как изгибы стекла и грани многоугольников мешают разглядывать подводный мир.

Теперь, когда мы выбрали декоративный аквариум красивых пропорций и размеров, надо его и установить красиво.

Устанавливают аквариумы обычно на специально изготовленном для этого металлическом каркасе — подставке. Если каркас приспособлен для установки нескольких аквариумов, он называется этажеркой. Аквариумы, расположенные на этажерке, размещаются вертикально один над другим, занимают мало места в комнате, но хорошо просматриваются. Иногда, чтобы облегчить доступ к нижним аквариумам, их располагают уступом. На этажерке могут быть водоемы разных размеров — и декоративные и вспомогательные.

Но самым красивым украшением комнаты будет один большой, декоративно оформленный водоем, вмонтированный в шкаф или расположенный на изящной подставке, либо на жардиньерке (так называется красивая полочка для растений), на шкафчике, в сочетании со столиком современной формы...

В последние годы особенно популярны стали аквариумы на подставке с тонкими, косо расположенными ножками из металлических трубок — консолями. Кажется, что большой и тяжелый водоем становится невесомым. Многие любители, стремясь замаскировать массивные конструкции водоема, облицовывают каркас аквариума и подставки красивыми материалами — декоративной фанерой, пластиком, бамбуковыми стеблями, корой березы.

Иногда можно встретить и настенные аквариумы — их называют картинами. Такой аквариум изготавливают из специального каркаса, в котором передняя стенка наклонена на 25—30° (если сделать больший наклон, муть будет оседать на переднем стекле).

Аквариум-картину оформляют простой и изящной рамкой и освещают расположенной сверху лампой.

Несколько иначе выглядит декоративное оформление аквариума в общественных организациях. Зритель, словно в окна, смотрит в подводный мир, ничто не отвлекает взгляд от главного — созерцания внутреннего мира аквариума. Темная стенка, на фоне которой ярко сияют экраны аквариумов, изготовлена из фанеры и черной материи. Подходят к водоемам с противоположной стороны, так как этажер расположен не вплотную к стене помещения.

Вариантов оформления аквариумов может быть много. Но, украшая водоем и скрашивая технические недостатки конструкции, нельзя отвлекать зрителя от главного — от созерцания внутреннего мира уголка подводного царства.

Вполне понятно, что и внутреннее устройство должно быть красивым. Начнем хотя бы с грунта. Как расположить песок в аквариуме? Это можно сделать по-разному: с уклоном к передней или боковой стенке, с углублением у передней стенки и т. д. При этом красота сочетается с практичностью: осадки на дне будут скатываться в нижний угол грунта и оттуда их легко будет убирать. Но возможно и более сложное расположение грунта, например террасами. Песок под водой очень текуч, и если его не закрепить, он стечет вниз и установится ровно. В качестве опор для песка употребляют пластинки из стекла, которые прикрывают камнями. Кроме красиво расположенной на грунте гальки, иногда используют куски окаменевшего дерева, а за неимением того и другого — плоские, широкие темные галечные камни. Наиболее красивым и естественным будет аквариум, в котором грунт уступами образует берег и водные растения сочетаются с болотными, береговыми.

Декоративный аквариум на подставке из трубок.

Аквариумы на станции пионеров под Берлином.

Уголок комнаты с декоративным аквариумом.

О размещении самих растений мы поговорим позже, здесь же следует коснуться лишь технической стороны вопроса. На каком фоне лучше всего выглядят растения? На черном. Поэтому задняя стенка аквариума покрывается снаружи черным лаком или — что еще проще — затягивается черной фотобумагой. Иногда черный фон заменяют красным: зеленое с красным — не менее красивое сочетание.

Некоторые аквариумисты ставят против задней стенки снаружи специально изготовленный фон — макет из камней, тростника и коряг.

Помещают бамбук и коряги и внутри аквариума. Иногда это выглядит красиво. Бамбук длительное время вымачивают, прежде чем поместить в аквариум, а корягу сначала кипятят в соленой воде, потом промывают раза три кипятком, вымачивают неделю и уж затем укрепляют на постоянном месте.

Можно по-разному оформить внутренний мир аквариума, но всегда следует помнить, что биологическая верность природе должна быть главной, определяющей в этом оформлении. Если ты поместил на грунт затонувшую подводную лодку или дворец, это будет забавно, оригинально, но совсем не будет соответствовать основной задаче — создать естественный уголок подводного мира. Аквариум, да еще, пожалуй, террариум — единственные формы для содержания животных и растений, где мы можем фантазировать, создавая любые естественные ландшафты (горшки комнатных растений и клетки для птиц и зверьков не дают такой возможности). Но, фантазируя, нельзя злоупотреблять этим, нельзя терять чувство меры. Все приборы, обслуживающие аквариум — фильтры, распылители воздуха, грелки (кстати, и все провода и трубки снаружи), — должны быть аккуратно спрятаны, чтобы они не бросались в глаза. Например, трубку аэрации следует расположить по дну до середины аквариума. Если мы спрячем распылитель в кучке красивых камешков, из которой будет вырываться поток мелких пузырьков — это красиво. Но если этот поток пойдет из блестящей пластмассовой модели здания Московского университета — видел я и такое — это будет нелепо и безвкусно.

Итак, в оформлении нашего прибора должно соблюдаться главное правило: красота целесообразная, как можно более близкая к красоте природы. Нарушение этого правила допустимо лишь в исключительных случаях, но и это нарушение должно быть наименьшим. Например, некоторые рыбы, водные черепахи и улитки поедают растения, портят их и золотые рыбки. А без растений аквариум — просто ящик с водой. Как быть? Отдели стеклом помещенные в одной части аквариума растения от животных.

Когда мы были в электроцехе, мы не осмотрели осветительные установки. А раз наши аквариумы вмонтированы в этажерки, шкафы и т. п., они требуют специальной подсветки электролампами. Обычно рефлекторы для ламп делают из белой жести или красят их изнутри белой краской. Чем дальше расположен аквариум от окна, тем сильнее и дольше (но не более 16 часов) он должен освещаться. Силу света регулируют мощностью ламп. Но опытные любители изготавливают рефлекторы с зеркалами, которые могут быть при надобности то вдвинуты — тогда больший пучок света направляется вниз, то убраны — тогда сила освещения ослабевает. На водоем вместимостью 30 литров достаточно одной люминесцентной лампы мощностью 15 вт. Советская промышленность выпускает три типа ламп: с голубоватым светом — ДС, с белым — БС и с бело-розоватым — ТБС¹. Две последние могут использоваться самостоятельно, а лампа ДС — в сочетании с лампами накаливания, которые дают теплый желтый свет, но очень неэкономичны: для нормального освещения 100 см³ воды требуется мощность света 2 вт лампы накаливания и всего $\frac{2}{3}$ вт люминесцентной. Из этого расчета нетрудно определить нужную мощность светильников. Наилучшим будет освещение с сочетанием ламп обоих типов. От того, как освещен аквариум, будет зависеть и его красота. Правильно освещенный расположенным сверху, чуть ближе к смотровой стенке, светильником, аквариум засверкает всеми красками рыб и растений.

Переход третий: В кормовом цехе

Наконец мы закончили изучение технического устройства нашего прибора. Теперь он красив, а вспомогательные приспособления помогают поддерживать в нем необходимые физические и химические условия для нормальной жизни наших питомцев. Не

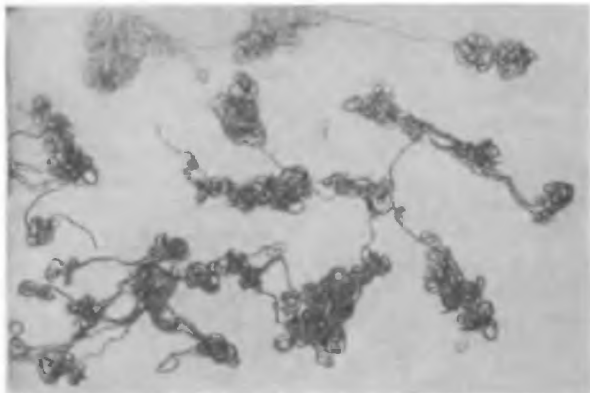
¹ В утвержденном в 1961 году ГОСТе 6825—61 приняты новые маркировки люминесцентных ламп — ЛДЦ, ЛД, ЛБ, ЛХБ, ЛТБ. Буква Л свидетельствует, что все эти лампы люминесцентные, Д — дневного света, Б — белого, ХБ — холодно-белого, ТБ — тепло-белого. Лампы, имеющие в обозначении буквы Ц, предназначены для правильной цветопередачи.

Дафния и циклоп.

надо очень тщательно: большинство видов циклопов — хищники, и взрослые рачки могут повредить и даже погубить неокрепших мальков. Лишь мальки длиной более сантиметра легко справляются с циклопами. Поэтому от науплиусов лучше всего переводить рыбок на кормление мелкими дафниями — растительноядными рачками. Наиболее калорийна и питательна дафния, имеющая красноватый оттенок.

Инфузорий, циклопов и дафний продают в зоологических магазинах. Там же можно приобрести мотыля и трубочника, намытых специалистами из грунта прудов. Мотыль — это личинки комара дергуна-хирономуса. Год, а иногда и два живут красные червеобразные личинки в грунте стоячих водоемов, питаясь различными органическими остатками — детритом. Имеется много видов хирономуса, наиболее питательный — мелкий мотыль (на-

Трубочник.

зван так потому, что при плавании личинки резко изгибаются, «мотаются» из стороны в сторону). Приобретенную массу личинок мотыля промывают водой комнатной температуры и хранят, используя по мере надобности. Часто именно хранение мотыля становится проблемой для неумелого любителя.

Личинки хирономуса довольно чувствительны к качеству воды и содержанию в ней кислорода. Поэтому хранение мотыля в воде обречено на неудачу. Но трахейное дыхание этих насекомых позволяет им хорошо чувствовать себя во влажной атмосфере. В мокрой тряпочке мотыль сохраняется неделю, а в холодильнике или в месте с такой же температурой ($+5^{\circ}\text{C}$) до 2—3 недель. Не забудьте поместить мотыля в коробочку, прежде чем класть в холодильник, наполненный пищевыми продуктами.

Трубочник — его научное название тубифекс — относится к червям и живет в грунте в вертикальных трубочках, выставляя задний конец тела наружу. Если в воде мало кислорода, трубочники волнообразными колебаниями создают ток воды. Червей, приобретенных в магазине, тщательно промывают (можно под краном), а затем хранят в плоском сосуде, меняя воду раз (а летом — два раза) в день. В чистой воде трубочники свиваются в розовый подвижный клубок.

Иногда для хранения трубочника и мотыля применяют особые приборы. Над водой закрепляют сетку, куда кладут порцию червей или личинок комара: проходят через сетку только активные

Личинки обыкновенного комара — также очень хороший корм.

животные, погибшие и мусор остаются на сетке. В малозаселенных аквариумах личинки мотыля иногда завершают метаморфоз — превращение в куколку, всплытие куколки и выход комара. Не бойтесь этих комаров: хирономус — не «кусачий» комар. Хуже, если в грунте поселятся трубочники, они поднимут из глубины грязь и замутят аквариум. Для борьбы с ними следует «командировать» в такой аквариум индокитайскую рыбку — макропода.

Некоторых питомцев аквариума можно кормить дождевыми червями и личинками насекомых. Червей сохраняют в ящике с прелыми листьями и землей, которая должна быть постоянно влажной. Перед кормлением червей на час-два бросают в банку с водой, чтобы они выпустили из кишечника почву. Личинок бабочек (гусеницы), личинок поденок, мелких стрекоз и т. д. бросают в аквариум с хищными рыбами, жуками-плавунцами и черепахами. Следует только следить, чтобы в аквариум с мелкими и средними рыбами не попали враги из пруда — гидра, личинки водных жуков, рачок карпоед. Карпоед достаточно крупный (до 6 мм), заметив, его следует немедленно удалить. Для борьбы с гидрами опять мобилизуйте макропода.

Если бы мы надеялись лишь на отдел заготовок нашего кормового цеха, нам, пожалуй, пришлось бы часто обрывать на «голодные дни» наш подводный город. Поэтому, кроме отдела заготовок кормов, есть в нашем цехе и отдел воспроизводства кормов в домашних условиях.

Очень заманчиво было бы выращивать дома основные естественные корма — коловраток, циклопов и дафний, мотыля... На кафедре ихтиологии Ленинградского университета уже научились выращивать коловраток, выращивают рыбководы и дафний, а на Волге есть даже заводы по выращиванию личинок хирономуса. Но нам вырастить этих животных дома в нужном количестве не удастся. Тогда давай поищем заменителей. Конечно, всякий заменитель хуже основного корма, но что поделаешь...

Заменителем коловраток станет наша старая знакомая — парameция. В воде аквариумов с крупными рыбами всегда много этих инфузорий. Чтобы развести их, отольем воду из аквариума в банку вместимостью 5—15 литров (лучше иметь три банки по 5—8 литров, чем одну большую). Бросим в эту банку кожуру одного-двух бананов. Бананы вскоре начнут гнить, разовьется масса бактерий, а это излюбленная пища парameции. Вскоре белый поясok тысяч инфузорий опояшет банку. Если мы слабо аэрируем воду, поясok будет на расстоянии 5 сантиметров от дна, если кислородный режим в банке неудовлетворительный — 5 сантиметров от поверхности. А затем вся толща воды заполнится инфузориями. Вода

Познакомься — это пристеллы.

«Речные гиены» очень красивы.

в такой культуре приобретает цвет чая и не имеет запаха гнили. Если вода мутна, а запах силен — ничего не получится, слишком много положили банановых шкурок.

Чтобы постоянно иметь культуру парамеций, следует засушить шкурки бананов (или иметь в качестве заменителя сушеный салат, сено). Остаток раствора, когда надобность в инфузориях отпадет, надо не выливать, а, долив свежей водой, оставить в покое. Как только в нашем аквариуме появилась икра рыб, мы бросаем шкурку банана в банку с раствором и через 3—5 дней у нас полно инфузорий. Впрочем, недавно советские ученые установили, что, хотя парамеция размножается делением, она все же не бессмертна, и со временем культура стареет, а инфузории мельчают. Значит, запас-раствор следует обновлять раз в полгода. Чтобы постоянно была инфузория, имеют несколько банок с раствором: одной пользуются, в другой — раствор созревает. Отлив раствор с инфузурией, доливайте банку свежей водой из аквариума, причем той же температуры, что и у раствора. Обновлять шкурки банана следует не часто, лишь когда густота инфузурий в растворе на глазок станет меньше. Иногда бывают задержки в развитии парамеции в новом растворе. Можно капнуть на 5 литров раствора половину чайной ложки сырого молока — это ускорит дело.

Малькам некоторых рыб (например, стеклянных окуней) в качестве первичного корма необходима так называемая цветущая, зеленая вода. Дело в том, что, кроме хлореллы и других одноклеточных водорослей, в этой воде имеется единственное на нашей планете полурастение-полуживотное — эвглена зеленая. На свету она получает питательные вещества в результате фотосинтеза (в теле ее есть зерна хлорофилла), в темноте питается как одноклеточное животное.

Вместо науплиусов применяют только что вышедших из яиц личинок другого рачка — артемии салина. Этот рачок встречается в наших южных лиманах с очень соленой водой (более соленой, чем в океане). Яйца артемии продают в зоомагазинах. Для получения рачков яйца бросают в раствор — 50 граммов поваренной соли на 1 литр воды. Лучше если в сосуде будет 4—5 литров раствора и слабое аэрирование. При температуре 17—19°С рачки выходят из яиц через 40—50 часов, при 28—30° — раньше. Их отлавливают тонким сачком и бросают в аквариум с мальками. В пресной воде рачки опускаются на дно, где их обнаружат не все рыбки, поэтому бросать их надо постепенно, порциями.

Еще более интересным является недавно введенный советскими рыбоведами в культуру пресноводный родственник артемии — стрептоцефаллус. Взрослые рачки по форме похожи на

Рачок артемия (сильно увеличен).

артемию, но очень красивы — багряно-коричневые с ярким золотистым мешком для яиц. Яйца стрептоцефаллюса можно бросать непосредственно в аквариум, где выход рачков будут сторожить мальки. Сухую массу яиц этих двух рачков нельзя мочить, так как, отсырев, они теряют всхожесть. Из купленных в зоомагазине яиц артемии выходит 30, редко 50% рачков.

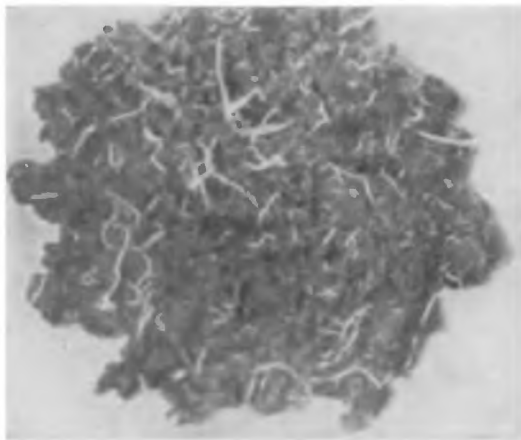
Вместо небольших дафний можно скормливать так называемый микрокорм — червей-нематод. Многие нематоды — паразиты, они опасны и для человека. Анкиллула, с которой мы имеем дело в нашем аквариумном хозяйстве, одна из безобидных нематод размером 2—3 миллиметра, обитает она во влажной земле с перегноем. Приобретенную культуру червей бросают на кашеобразно разведенное толокно или овсяные хлопья. Культура лучше всего идет в пластмассовых кюветах. Их плотно закрывают стеклом и держат в темноте. Вскоре все толокно шевелится от нематод, много червей на стенках кювета и на крышке. Снимают их со стенок легко кисточкой, в воде они медленно опускаются на дно и остаются живыми до трех суток. Нематоды, конечно, не заменят дафнию, но и на них выращивают много рыб. Нежелательный спутник культуры — плесень. Она образуется на свету и в том случае, если раствор толокна недостаточно густ. Через 2—3 месяца культура насыщается выделениями нематод. И все приходится начинать сначала. Поэтому имеет смысл в разное время заложить культуру в 2—3 кюветах.

Еще один червь разводится в нашем кормовом цехе. Это представитель олигохет энхитреус или горшечный червь — тонкий беловатый длиной до 2,5 сантиметров. Энхитреусов разводят в плоских широких ящиках размером 40×12 см. Ящики должны иметь стеклянные или шиферные пластины, которыми полностью прикрывается насыпанная в них земля. Земля должна быть чистой,

садовой, комковатой структуры и сохранять 20—30% влаги. Определить влажность можно на ощупь: если горсть земли, сжатая в ком, затем легко рассыпается — земля хороша, если земля сжимается в плотные комки — влажность излишняя, если ком совсем не образуется — слишком суха. Лучшая температура выращивания энхитреуса 17—18° С. В последнее время в культуре появился более крупный и питательный так называемый гриндальский червь — тоже олигохета, слегка желтоватого цвета. Этот червь требует температуры 22—26° С.

В почве ящиков (а их лучше иметь два-три) делают борозды и закладывают культуру червей и корм. В качестве корма используют замешанные в кашу отруби, мучные сметки, вареную картофельную кожуру, иногда белый хлеб, смоченный разбавленным водой молоком. Корм тщательно засыпают землей, чтобы он не зарастал плесенью. Через две-три недели, разрыв одну из борозд, можно увидеть комки энхитреусов. Их собирают и отделяют от земли разными способами. Можно бросить комок в воду: черви вскоре покинут землю и совяются в чистые клубки. Можно подогреть кучку земли на слабом огне спиртовки: черви соберутся на вершине кучки. Можно подогреть землю, наоборот, сверху, например, лампой, а землю поместить на сетку над банкой: спасаясь от тепла, олигохеты уйдут сквозь сетку в банку.

В ящиках с олигохетами иногда попадаются «спутники» — личинки мух, белые клещики и др. Все они вредны, но меры борьбы с ними пока не разработаны. Неудачи в культуре могут быть от неправильной влажности почвы и от ее показателя pH, который

Олигохеты на коме земли.

должен быть в пределах 7,5—5,5, лучше около 6,5. Нематоды и олигохеты — не очень калорийная пища, но они хороши тем, что их кишечники забиты обычно растительными кормами, а растительный белок необходим многим рыбам.

Остается коротко остановиться еще на нескольких видах кормов, разводимых в нашем цехе. Из насекомых разводят для кормления вилохвосток, подур, которые в изобилии встречаются на влажной почве и на поверхности стоячих водоемов. Хорошо кормить рыб мухами, особенно мелкой мушкой дрозофилой и

МЕНЮ ДЛЯ МАЛЬКОВ

Группы мальков	Категория корма	Стадии развития			
		первая	вторая	третья	четвертая
Очень мелкие мальки: бойцы стеклянный окунь мелкие харациниды	I	Вода с хлореллой, эвгленой и другими зелеными водорослями	Мелкая прудовая инфузория	Коловратки	Мелкая дафния, микрокорм
	II	Сухой растертый салат	Домашняя инфузория (небольшие дозы)	Домашняя инфузория	Резаный энхитреус
Мальки средних размеров: барбусы данио харациниды	I	Прудовая мелкая инфузория	Коловратки, науплиусы	Мелкая дафния, микрокорм	Дафния средних размеров, мелкий энхитреус
	II	Домашняя инфузория	Артемия из яиц	Резаный энхитреус	Мелкий энхитреус
Крупные мальки: цихлиды зубастые карпы золотые рыбки	I	Науплиусы, микрокорм	Дафния мелкая и средняя	Крупная дафния, подуры, дрозофилы	Личинки комара, энхитреус, крупная дафния
	II	Домашняя инфузория	Микрокорм	Резаный энхитреус	Резаный «мучной червь», мухи

мясной мухой. Личинки дрозифилы разводятся на гниющих фруктах, мясной мухи — на гниющем мясе. Кормить личинками нельзя (они могут пробуравить кишечник рыб), кормят взрослыми мухами. Летом на даче в бочках у водосточных труб можно собрать плавающие на поверхности коричневые «лодочки» — яичную кладку комара кулекс (это он нам портит вечера на берегу пруда или озера). Из яиц в банке с аквариумной водой выходят подвижные личинки, которые через несколько линек превращаются в смешных головастиков-куколок. И то, и другое — великолепный корм для рыб. Крупные рыбы, жуки и черепахи охотно едят «мучных червей» — личинок мучного хрущака, которые разводятся в закрытых плоских ящиках, заполненных тряпчатой трухой. Кормом «мучным червям» служат отруби, морковь, кости из супа. Наконец, для хищных рыб надо выращивать на корм живородящих рыбок гуппи, а из лягушечьей икры — головастиков.

Впрочем, все эти живые корма не исчерпывают наши кормовые фонды. В качестве корма употребляют сушеную дафнию, сушеного бокоплава (гаммарус). Многим рыбам нужны растительные корма, поэтому хорошо, если одна из стенок аквариума зарастет зелеными водорослями. Но если их нет, заменителем может стать сушеный растертый салат, белый хлеб. Не мешает подкармливать рыб и свежим мясом.

Хлебом? Мясом? Ты, кажется, удивлен, ты думаешь, что это недопустимо: ведь испортится вода!

Нет, почему же. Это даже полезно. А вода испортится тогда, когда мы будем неумело управлять нашим прибором.

Что произойдет, если мы засыпем излишек корма в кормушку птиц? Или дадим слишком много червей в террариуме ящерице. В худшем случае они объедятся. И все. А в аквариуме? Тебе никогда не приходило в голову, что избыток корма в аквариуме превратит воду из среды обитания в... суп. Да, да, именно в суп, ведь мотыль или дафния пустят в воду свои соки, а сухая дафния уже через 4—5 часов начнет разлагаться.

Вот причина неудач начинающего, неумелого аквариумиста. Хочется все время кормить своих питомцев — они так забавно кушают! А утром посмотрел... в мутной воде все погибло. И причина — превращение воды аквариума из среды обитания в настой из кормов.

Так как же кормить? Во-первых, кормить один или два раза в день, желательно в одно и то же время. Не волнуйся, если один день вообще не покормишь рыб: чем они голоднее (до разумного предела, конечно) — тем здоровее. Сколько надо давать корма? А это ты определишь сам: весь корм при одноразо-

МЕНЮ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ РЫБ

Группы рыб	Категория корма	Порядок чередования кормов			
Живородящие рыбы: гуппи гирардинусы исцианлы меченосцы молли	I	Дафния живая	Зеленые водоросли	Мотыль средний	Трубочник
	II	Дафния сухая	Белый хлеб	Мясо мелко струганное	Энхитреус
Всеядные рыбы: барбусы данио харацины лабиринтовые	I	Дафния живая	Белый хлеб	Мотыль, дрозофилы	Мясо мелко струганное
	II	Дафния сухая	Белый хлеб	Энхитреус	Микрокорм
Зубастые карпы: фундулы халлохилусы игеролебасы	I	Дафния живая	Мухи, комары, дрозофилы	Личинки и куколки комара-кулекса, мотыль	Мальки гуппи, мелкие головастики
	II	Артемия средних размеров	Подуры	Энхитреус	Личинки водных насекомых
Хищники: цихлиды окуни караси и другие	I	Дафния живая крупная	Трубочник, дождевой червь	Крупный мотыль, личинки водных насекомых	Гуппи мелкие и средние, головастики
	II	Личинки комара-кулекса	Энхитреус	Мясо (едят не все и неохотно)	Мучной червь

вом кормлении должен быть съеден за 30—40 минут, при двухразовом — утром и вечером — за 15—20 минут. Тогда вода будет всегда чиста, даже при кормлении хлебом и наструганным тонкими волокнами свежим мясом.

Кстати, корм вообще должен быть всегда свежим и разнообразным. Здесь уж часто делают ошибку и не начинающие любители — кормят рыб одним мотылем и часто удивляются: почему-то нет потомства. А происходит это потому, что однообразный корм ведет к неправильному развитию. Особенно опасно кормить рыб только энхитреусом (он дает далеко не все, что нужно организму рыб) и, конечно, одним сухим кормом (вряд ли ты сам питаешься только сухарями).

Еще раз повторяю: чем разнообразнее свежий корм твоих питомцев, тем здоровее они сами. У хорошего аквариумиста рыбы и животные всегда активны, они не голодают, но всегда бросаются на корм. Если наши питомцы не замечают только что брошенного корма — дело плохо: или они у нас больны, или перекормлены и сжирили.

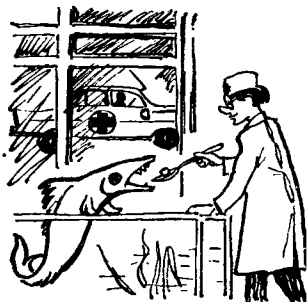
Теперь пора покинуть кормовой цех. Но что это за плакаты висят у выхода? Да это оказывается «меню» для рыб. Пожалуй, обрати внимание на эти меню, они тебе потребуются, когда прибор заработает и ты будешь хорошо знать разных рыб.

Переход четвертый: Служба здоровья

Итак, подходит к концу наше изучение прибора-аквариума. Мы совершили экспедиции в обширные науки — физику и химию. Мы познакомились с работой электроцеха и заставили воздух трудиться на пользу нашему аквариуму. Мы обеспечили наших будущих жильцов кормами и не забыли о красоте и привлекательности самого прибора. Наконец, нам известна и история увлечения аквариумом.

Пожалуй, пора уже включать наш прибор, не правда ли?

Пора-то пора, да не совсем. Каждая машина на наших заводах, каждый автомобиль в гараже, каждый прибор в исследовательских лабораториях обязательно проходит систематические осмотры. Специальные бригады квалифицированных мастеров в определенные сроки осматривают машину или прибор, следят, чтобы все

их части были в порядке, и тем самым обеспечивают нормальную работу механизма. А раз мы с тобой условились считать аквариум управляемым прибором, значит нам мало знать устройство этого прибора, надо знать и правила его эксплуатации, уметь не только налаживать и включать его, но и следить за тем, чтобы наш прибор-аквариум нормально работал все время.

Что для этого надо, мы узнали из наших предыдущих экспедиций. Но разве не может в приборе что-то испортиться, разве не может его нормальная работа нарушиться?

Как определить это? Как исправить неполадки? Для этого при нашем приборе-аквариуме следует организовать специальную службу здоровья. Возглавлять этот отдел придется тебе самому, дорогой читатель. А вот помощников, членов бригады скорой помощи, у тебя будет немало.

Прежде всего нужно постараться, чтобы пореже приходилось оказывать помощь: ведь проще избежать неполадок, чем исправлять их.

Поэтому главное внимание ты должен обратить на регулярный осмотр работающего прибора. Составь себе план осмотра аквариума: ежедневно, раз в неделю, раз в месяц и раз в год.

Ежедневный технический осмотр. Его следует делать утром. Прежде всего проверь, работают ли вспомогательные механизмы: компрессор, аэратор, фильтр, грелка. Компрессор при излишней нагрузке может сгореть — значит воздух должен постоянно иметь выход. Пористый материал аэратора иногда заполняется водой — значит, надо продуть его усиленным током воздуха, а если не поможет, вынуть из воды и подсушить. Через фильтр должен постоянно проходить воздух, но если фильтр забит грязью, он не будет выполнять свою роль. Кстати, винтовые зажимы на резиновых воздухопроводах со временем перегибают шланги и воздух поступает все слабее — здесь тоже требуется ежедневный контроль и регулировка. Наконец, работает ли грелка, проще всего определить по показателям термометра. И последнее в ежедневном техническом осмотре: не протекает ли аквариум? Не лопнули ли стекла? Стекла, если они неровно вмазаны, иногда со временем трескаются по углам. Порой такие трещины годами находятся под водой и аквариум работает нормально. Течь, если она небольшая, из паза между стеклом и каркасом можно замазать теплым пластилином. Большую течь тоже иногда можно прекратить с помощью пластилина: аквариум надо вымыть, осушить и промазать все углы и стыки. Пластилин безвреден для жителей аквариума, а с такой «замазкой скорой помощи» аквариум может стоять годами.

Ежедневный биологический осмотр. Все животные должны быть бодрыми, в естественных для них положениях. Проверь, все ли лапки целы у насекомых, не было ли ночью битвы между ними? Не вялы ли водяные черепахи, не низка ли для них температура?

Особенно много болезней у рыб, пожалуй даже больше, чем у людей. Но здоровы ли рыбки — это нетрудно обнаружить при первом же взгляде: больные рыбешки сжимают плавники, особенно спинной — главный показатель их настроения. Часто заболевание можно определить по неестественным движениям: излишняя пугливость обычно спокойных рыб, качание взад-вперед или из стороны в сторону.

А как чувствуют себя растения? Они должны быть зелеными, основная масса листьев должна иметь свежий «живой» вид. Отмирать могут один-два самых крайних или нижних листа. Особенно важно, чтобы у растений всегда был виден молодой лист в любой стадии его развития — это главный показатель здоровья всего растения.

Покорми животных, проверь, хорошо ли сохраняется корм (если надо, смени воду у трубочника).

Еженедельный осмотр. Осторожно ножницами отрежь отмирающие листья растений — они не красивы. Скребок и мягкой губкой очисти переднюю стенку аквариума от наросших водорослей. Смени $\frac{1}{5}$ воды, очисти дно. Пройди в кормовой цех: есть ли корм в ящиках с энхитреусом, хороша ли культура нематод, не пора ли сходить за дафнией и мотылем?

Ежемесячный осмотр. Перемой содержимое фильтров (капрон, перлоновую вату, активированный уголь, гравий). Восстанови активность ионообменной смолы с помощью солевого раствора. Подведи итоги месяцу жизни твоих питомцев: не затемняют ли одни растения другие, не объедают ли одни животные и рыбы других, хорошо ли подобраны те и другие для совместной жизни.

Годовой осмотр. Его можно сравнить с капитальным ремонтом: из аквариума извлекается все и он устраивается заново. Иногда, впрочем, такое переустройство грунта не делают, боясь потревожить растения, от которых хотят получить цветы. К сожалению, накопление в аквариуме органических осадков за год скорее тормозит рост растений, чем стимулирует цветение. Капитальный ремонт следует приурочить к ранней весне — не позднее апреля, тогда растения успеют окрепнуть и к лету зацветут.

Познакомимся теперь с сотрудниками бригады скорой помощи. Некоторые из них помогают нам следить за правильной работой прибора, другие используются уже при неполадках.

Горчаки плавают около двустворчатых моллюсков.

В прудах и тихих речках бурно разрастается пушистыми комами растение роголистник. Если бросить несколько веточек роголистника в отдельную банку, через месяц-два на ярком свете образуется нежно-зеленый кружевной ком. Когда в аквариуме поднимется муть, брось туда на сутки этот пучок роголистника: вода быстро просветлеет. Такую же роль играют корни комнатного растения циперуса и водяного гиацинта эйхорнии.

Если в воде нового аквариума длительное время не проходит беловатая муть (миллионы бактерий), помести туда два-три живых двустворчатых моллюска,— перламутренницы или беззубки,— они быстро профильтруют воду. Своеобразным живым фильтром является мелания, моллюск из пресных водоемов юго-восточной Азии. В аквариумах с меланией вода бывает особенно прозрачной. Эта улитка дышит жабрами, живет и размножается в толще грунта. Лишь ночью иногда несколько улиток поднимаются по стенкам. Но стоит нарушиться режиму воды — изменится содержание кислорода или показатель pH,— как все мелании дружно покидают грунт. Это сигнал опасности, устрани неисправность!

Незначительную помощь оказывают и другие улитки, особенно черная и красная роговая катушка, австралийская красная улитка — булинокс и черная физа. Красных улиток ты можешь купить в магазине, а катушек и физ набери в пруду или озере. Эти улитки уничтожают частично зеленый налет водорослей со стенок и листьев растений, но главная их заслуга, как и мелании, в том, что они быстро подъедают остатки корма рыб. Впрочем, улитки вред-

ны в разводочных водоемах, так как прогрызают икру или обволакивают ее слизью и удушают. Экскременты от улиток сильно загрязняют дно, водоем с улитками нужно особенно регулярно чистить.

Еще одна группа помощников, на этот раз — рыбы. Маленькая живородящая рыбка гуппи постоянно соскабливает со всех листьев нарастающие водоросли, снимает мусор. В аквариумах с гуппи растения всегда чисты и приятны на вид. Разумеется, при обильном кормлении животными кормами роль гуппи как борцов с водорослями резко снижается. Ту же роль выполняют пецилии и моллиенизии — тоже живородки. В последние годы советские ихтиологи акклиматизировали в южных и подогреваемых водоемах африканских рыб мозамбикских тилапий. Эти поистине замечательные рыбки появились и у аквариумистов. Если бригаду из 5—6 небольших двух-трехсантиметровых молодых тилапий (взрослые рыбы больше 25 сантиметров) бросить в самый заросший водорослями аквариум, он через сутки-двое станет идеально чистым. Мозамбикская тилапия в отличие от других рыб этого же рода — очень мирное существо, и бригада из таких водорослеедов оказывает огромную помощь и в заселенном рыбами аквариуме.

Иногда в аквариуме развиваются длинные нитевидные водоросли — спирогира и другие. Пучки зеленых скользких нитей заполняют все пространство и в них даже запутываются и гибнут рыбы. Советую поместить в этот аквариум большого жука-водо-

*Живые фильтры — улитки.
Верхние две — мелании, ниж-
ние — амурские меланоиды.*

Жук-водолюб питается нитевидными водорослями.

люба, такие водоросли — его любимая еда. Подвижных рыб этот жук не тронет, но подкармливай его все же кусочками мяса, а то твой помощник примется и за ценные растения.

Против зеленых водорослей в толще воды мы можем бросить отряд дафнии. А если в аквариуме появилась болезнь, вызываемая паразитами, удали рыб и помести в аквариум крупных циклопов: если болезнь вызвана осо-

быми инфузориями, циклопы быстро уничтожат врагов и лучшим образом дезинфицируют водоем.

Наконец, как мы помним, против гидр нам помогут макроподы.

Кроме помощников, в бригаде скорой помощи есть и разведчики, они помогают нам лучше понять процессы, происходящие в аквариуме.

До сих пор мы говорили лишь о вреде зеленых водорослей, но если их нет совсем на стенках и листьях растений — это плохо, значит аквариум слабо освещен или оттенок света не совсем тот (например, при освещении только лампой ДС). Небольшое количество зеленых водорослей на стенках аквариума и старых листьях растений — показатель правильного освещения. Но если на стенках поселяются не зеленые, а коричневые диатомовые водоросли — это опять сигнал тревоги: освещение слишком слабое, надо срочно его усилить.

Таиландское растение номафила прямая (его листья чуть-чуть похожи на листья вяза) — хороший индикатор условий для жизни почти всех растений. Если номафила хорошо разрастается и кустится, значит достаточно и света, хоро-

Папоротник цератоптерис хорошо растет в воде жесткостью до 10—15°.

ши и жесткость и показатель pH. Если стебли этого растения теряют нижние листья, значит очень густо разросся сад, нижние ветви и кусты плохо освещены.

Водяной папоротник цератоптерис встречается в тропиках повсюду и широко распространен в любительских аквариумах. Особенно красива разновидность с листьями, напоминающими дубовые. Если это растение хорошо растет, значит вода имеет жесткость не ниже 10—15° и пригодна для содержания и селекции живородящих рыб. В очень мягкой воде с кислой реакцией вайи (листья) папоротника становятся прозрачными и загнивают.

Наиболее популярное аквариумное растение — валлиснерия, с длинными лентовидными листьями. На родине, в тропиках, и в дельте Волги, валлиснерия достигает длины до метра, в аквариумах ее кустики поменьше. Если каркас аквариума железный, то поскольку вода соприкасается с каркасом — он ржавеет, а значит и кончики листьев валлиснерии начнут буреть, разрушаться, а затем погибнет и весь куст.

К сожалению, роль службы скорой помощи не ограничивается только осмотром и профилактикой, приходится порой и в самом деле оказывать скорую помощь. Обитатели аквариума болеют, и часто эти болезни довольно серьезные. Чтобы уметь спасти наших питомцев, надо знать основы ветеринарной науки.

Болезни животных, в частности рыб, делятся на три основные группы. Инфекционными называют болезни, вызванные растительными паразитами — бактериями, грибами. Из болезней этой группы можно назвать краснуху карпов. На теле барбусов, данио, золотых рыбок появляются круглые красные с белой каймой язвы. Болезнь очень заразна, может вызвать эпизоотию (это то же, что у людей эпидемия). Эффективных способов лечения краснухи карпов пока нет, заболевших рыб надо сразу отделить и уничтожить в 5—10%-ном формалине. При полном заболевании всех рыб — полностью вымыть аквариум и продезинфицировать слабым раствором марганцовокислого калия грунт и растения.

Грибок сапролегния вызывает ряд заболеваний. Легче всего диагностировать (т. е. точно определить болезнь) дерматомикоз. При этой болезни густые белые нити грибка, словно пух, покрывают отдельные места тела и плавники рыб. Труднее, когда грибок поселяется на жаберных листочках. При бранхиомикозе у рыб нет внешних изменений, но они тяжело дышат и вскоре погибают от удушья. Сапролегния может поселиться в ноздрах и на голове рыб. Это так называемая болезнь Штаффа, причем гифы грибка (нечто вроде корней) внедряются в ткань головы. Совершенно не поддается диагностике на первых порах еще одна неприятная бо-

лезнь, вызываемая грибком ихтиофонус. Он поселяется в печени рыб, и только на последней стадии болезни, когда рыбку уже не спасти, можно заметить особенности ее поведения: рыбка мечется, ударяясь о стенки, пытается выскочить из воды.

Вторая группа болезней вызывается паразитами животного происхождения — инвазионные болезни. Чаще всего встречается ихтиофтириазис, вызываемый инфузорией ихтиофтириус. На первой стадии точно определить болезнь трудно; заметно лишь, что рыбы слегка беспокойны, чешутся о растения и камни. На последней стадии развития паразит пробивает отверстие изнутри в наружной ткани: тело рыбки покрывается белыми точками. Ихтиофтириазис вызывал раньше поголовное вымирание аквариумных рыб. Это очень стойкий паразит, многие рыбы, сами не болея, становятся источником инвазии, а высушенные цисты инфузории долгое время сохраняют живучесть. Но в воде инфузория быстро проходит цикл развития и, если следующее поколение паразитов не найдет «хозяина» — рыб, оно гибнет. Значит, аквариум без рыб через две-три недели будет чист от паразита.

Общее правило для заразных заболеваний: старайтесь их локализовать, т. е. не дать им распространиться из аквариума, где они появились, в другие. Следовательно, должны быть отдельные сачки, сифоны, пинцеты для корма и другие предметы для опасного водоема. Заболевают, как правило, ослабленные рыбы, это особенно видно на примере сапролегнии, которая имеется всегда в воде любого аквариума, но поражает лишь отдельных, чем-то ослабленных рыб. Для рыб, заболевших в результате эпизоотии, применяют особые ванны:

1) 15—20-минутное купание в отдельной банке с 3%-ным раствором поваренной соли (1 столовая ложка соли на 1 литр воды);

2) 10—12-часовое содержание в более слабом растворе соли (1½ столовой ложки соли на 1 литр воды);

3) 2—3-часовое содержание в слабом растворе марганцовокислого калия (1 грамм на 10 литров воды).

Наилучшим будет лечение рыб в самом аквариуме: помнишь, как рыбы реагируют на одиночество? Для этого применяют трипафлавин (акрифлавин) и метиленовую синьку, которые разводят в воде аквариума в пропорции: трипафлавин или акрифлавин — 1 грамм на 100 литров воды (вода станет светло-зеленой); метиленовая синька — 0,3 грамма на 100 литров воды (вода будет бледно-голубая). Используют также пенициллин (50 миллиграммов на 1 литр воды). Во время лечения аквариум нужно особенно хорошо аэрировать и ярко освещать. Против ихтиофтириазиса есть прекрасное средство: если поднять температуру воды выше 33°С и

продержать эту «жару» пять суток, инфузория не выдержит и погибнет, а белые точки на теле рыб постепенно отпадут.

Наконец, третья группа — это незаразные болезни. Часто это раны от драки, ушибы, потеря плавников. К счастью, рыбы имеют хорошую способность регенерировать, т. е. восстанавливать утраченные органы. Опасным заболеванием является простуда, о ее причинах мы говорили выше. Когда условия в аквариуме отклоняются от оптимальных, у рыб может быть заболевание икры или молок. Эта болезнь — киста — довольно неприятна, так как икра и молоки превращаются в жидкую массу, брюшко раздувается и рыбки часто гибнут. С кистой схожа водянка, поражающая как внутренние органы, так и кожу: при этом «дыбом» встает чешуя. Против водянки средств лечения пока нет, от кисты крупных рыб можно спасти, если осторожно ваткой поглаживать их по бокам. При этом плазма — разжиженные икра или молоки — выливаются наружу. Однако причина этих заболеваний в неправильном режиме работы нашего прибора. А ведь легче поддерживать режим, чем спасать уже заболевших рыб.

Тяжелым заболеванием является газовая эмболия: в неотстоявшейся перенасыщенной газами воде плавники и тело рыб покрываются пузырьками, причем большинство пузырьков выделяется изнутри, предварительно разорвав сосуды и ткани.

Наконец, болезни, которые нам не определить без специальных средств диагностики и без медицинского образования. Это инфаркт, туберкулез и дистрофия. Особенно непонятна иногда причина возникновения дистрофии: внешне здоровая рыбка вдруг начинает отказываться от еды, доходит до крайней стадии истощения и погибает. Чаще всего такая болезнь поражает южно-американских рыб скаляр. У молоди этих же рыб возникает иногда от переедания или несвежего корма скопление газов в кишечнике, брюшко их раздувается, они переворачиваются, а иногда и гибнут. Возможно, что повышение температуры до 26°С и усиленная аэрация спасут рыбок от этих болезней. Заболевают от несвежего корма шейбенбарши и другие окуни.

В заключение можно пожелать, чтобы службе скорой помощи поменьше приходилось иметь дело с болезнями подводных животных, гораздо лучше, если они будут только следить за тем, чтобы не нарушалась ритмичная работа прибора.

На этом мы закончили наши тренировочные походы в разные области знаний. Теперь, умело управляя процессами внутри аквариума и всеми приборами, которые нам помогают в этом, имея запас кормов и налаженную службу здоровья, мы можем наконец отправиться в наше основное путешествие.

часть вторая

В волшебном царстве

Поздней осенью, пока не выпал еще снег, но уже замерзли реки, далеко ходили по протоке, каждый камешек, каждая рыбешка видны подо льдом, точно волшебное царство какое-то...

Н. К. КРУПСКАЯ

В волшебном царстве

Сквозь подводные джунгли

В 1792—1802 годах на острове Мадагаскар жил французский ботаник Дю-Пети-Туар. Он изучал растительный мир острова, собирал образцы растений для гербария, осторожно упаковывал семена.

Однажды к нему пришел мальгаш (местный житель) и спросил, не нужен ли ему для коллекции клубень.

— Какой клубень? — удивился ботаник.

— Увирандрано — последовал ответ.

Дю-Пети-Туар взял в руки небольшой черный клубень, обросший со всех сторон бахромой бурых корней.

— Что же это за клубень, чем он любопытен? — поинтересовался он у туземца.

И тот рассказал, что название «увирандрано» происходит от двух местных слов — «уви», что значит клубень, и «рандрано», что означает необработанный, грубый, косматый. Местные жители собирают его и едят. Клубень богат крахмалом и сахаром (на вкус он слегка напоминает картофель).

— Где же вы собираете эти клубни? — спросил Дю-Пети.

— В воде, — ответил туземец.

— Ах, в воде! Значит, это растение водное. А в каком водоеме я мог бы его найти, чтобы описать и взять для гербария листья?

— Оу! — засмеялся мальгаш в ответ. — Места обитания этого клубня не узнает никто из европейцев. Мы держим их в секрете даже друг от друга, ведь увирандрано едят все, он очень вкусен, а растет он в немногих местах. И эти места известны далеко не всем.

Так Дю-Пети-Туар столкнулся с первой тайной, окружающей увирандрано: место обитания растения, сколько он ни пытался, установить не удалось.

— Ну, хорошо, — сдался он, — принеси хоть листья для гербария.

Спустя несколько дней мальгаш пришел снова и положил перед ботаником большой лист лопуха. Ботаник спокойно развернул лист и вдруг... глаза его округлились, руки задрожали, а сердце — сердце исследователя — неистово забилося в груди. Перед ним на листе лопуха лежали аккуратной кучкой тоненькие и изящные сеточки-листья. Жилки на них шли строго параллельно: одни вдоль листа, другие — поперек, а между ними было пусто, были отверстия, точные, как геометрический рисунок. Это было что-то новое, новое принципиально. Много знала в то время ботаника растений, много разных видов было описано, но такого листа...

— Это что, они так и растут без листовой мякоти? — дрожащим голосом спросил ученый.

Но мальгаш не понял вопроса, не понял и волнения европейца, для него это чудо было не чудо, а простая трава его родины.

Дю-Пети-Туар лихорадочно работал. Он сушил и подшивал к гербарии листья, он зарисовал их. И все время, оставшееся до отъезда, он пытался найти место, где обитает это чудо. Но этой тайны ему так и не удалось разрешить.

Вернувшись в Париж, Дю-Пети-Туар многим поразил своих коллег. Но больше всего удивило их сетчатое растение. В 1806 году вышло описание собранной ботаником коллекции. Новое растение получило название увирандра фенестралис, что означало увирандра окошечная, — отверстия и перекладинки жилок листа и впрямь напоминали окошечки.

У английских ботаников не было засушенных листьев увирандры. Но книга Дю-Пети у них была. И они показывали ее каждому, кто ехал из Лондона на Мадагаскар и просили:

— Может, вам попадетсЯ это растение...

Немного англичан ехало в те времена на далекий остров. А те, кто ехал, были далеки от ботаники. Они обещали привезти увирандру и... тут же забывали об этом.

В пятидесятые годы XIX века знатоки все еще надеялись получить увирандру, все еще показывали рисунок Дю-Пети-Туара. Показали его и известному путешественнику Вильяму Эллису.

— Ну что ж,— сказал он,— постараюсь. Только скопируйте рисунок в нескольких экземплярах.

Прибыв в Тананариве, Эллис показал рисунок давно жившему на острове ученому Боже.

— Ммм...— промычал маститый француз.— Растение, конечно, есть, но вот где оно произрастает... Мммм....

Большого Эллис добиться не смог. Он показывал рисунки знакомым, оставлял копии у них, чтобы они показали своим знакомым, но места, где растет легендарная «сеточка» ему так и не удалось установить.

Тогда Эллис стал показывать рисунки увирандры мальгашам. Одни испуганно качали головой, другие кивали: «Да, раньше много увирандро было. А потом наступили голодные годы и много его съели». Третьи переглядывались—видно было, что они знают заветные места, но не хотят их открывать.

Наконец, когда англичанин уже отчаялся выполнить просьбу лондонских коллег, он встретил человека, который согласился добыть это растение. Мальгаш ушел на поиски, а Эллис остался ждать результатов. Прошел один день, другой... Дни шли за днями, Эллис уже не ждал мальгаша, когда тот пришел вдруг и сообщил печальную весть. Растения он видел, но достать их нет никакой возможности из-за большого количества крокодилов.

— Надо ждать, пока спадет вода и чудовища уплывут из ручья в реку,— сказал туземец.

И опять потянулись недели ожидания. Кончился период дождей, началось жаркое тропическое лето. И вот однажды, открыв дверь на стук, Эллис увидел знакомого мальгаша. В руках он держал сверток из листьев лопуха. Эллис развернул пакет, и перед глазами ученого предстали два прекрасных экземпляра увирандры.

В 1854 году Эллис доставил эти растения живыми в Лондон. Целые дни толпились ботаники у бассейна, где росли увирандры. Описание растения появилось в ботанических журналах ряда стран. Ученые-ботаники стремились попасть на Мадагаскар, чтобы изучить растение на месте.

А изучать было что. Почему у этого растения такие листья? У многих водных растений в процессе эволюции возникли мелко-рассеченные листья и увеличилась поверхность соприкосновения растений с водой. Чем больше поверхность, тем активнее проходят процессы дыхания, а днем, при свете,—и процессы ассимиляции (при ассимиляции растение, как мы уже знаем, поглощает углекислоту и выделяет кислород). И все же ни одно растение мира не повторяет удивительную форму листа увирандры. На Мадагаскаре и близлежащих островах встречаются три вида ре-

шетчатого растения, а один вид, кроме того, имеет три разновидности. И все эти шесть растений повторяют ту же схему листа, только различны очертания листа и рисунок жилок.

Ботаники определяют принадлежность растений к виду, роду и семейству не столько по листьям, сколько по цветкам. Решетчатые растения принадлежат к роду апоногетон. Рядом с ними в тех же водоемах растет другой вид апоногетона — ульвацеус (листья его напоминают морскую водоросль ульву). Но у ульвацеуса нет и намека на листья-сеточки. А всего к роду апоногетонов принадлежит более 40 видов разных и довольно схожих по типу листа водных растений из Азии, Африки и Австралии. Но ни в одном из них мы не обнаружим нечто сходное с листьями-сеточками.

Увирандра появилась в Петербургском ботаническом саду в конце прошлого века. Теперь в Ленинградском ботаническом саду АН СССР растет небольшая «плантация» этого растения. Но, загадав ботаникам загадку с листом, увирандра продолжает задавать и другие задачи: до сих пор в ботанических садах мира не научились легко выращивать это растение.

Если таинственная увирандра пока что всего лишь мечта для широких кругов аквариумистов, то некоторые уже распространенные растения часто могут оказаться не менее интересными. В 1957 году, рассматривая каталог одной зарубежной фирмы по продаже водных растений, я обнаружил снимки недавно ввезенных из тропиков растений. Я тут же послал письмо этой фирме с просьбой прислать более подробное описание этих видов. Каково же было мое изумление, когда спустя месяц я получил конверт, в котором в полиэтиленовом пакетике лежали все три интересующих меня растения — и все живые. Сейчас эти растения широко распространены среди советских аквариумистов, но тогда каждое утро я спешил к аквариуму с новоселами: как они себя чувствуют, пошли ли в рост?

У каждого растения можно различить основные части его конструкции — корни (иногда корневище или клубень), стебель, листья на черешках и цветки на цветоножке. Верхушка стебля — самое нежное место, здесь формируются молодые листики, это и есть точка роста растения. У многих водных растений эта нежная часть на ночь закрывается верхними листиками — так растения приспособились к понижению температуры ночью.

Но вот у присланного в конверте растения микрозориум — это папоротник из Таиланда — не сразу удалось обнаружить эту точку роста. Сначала растение не подавало признаков жизни, все-таки пересылка — это большая травма для него. А потом вдруг как по-

Ни одно растение мира не повторяет удивительную форму листа увирандры.

шло в рост — да со всех сторон: и справа, и слева, и вверх, и вниз... Вот и найди точку роста... Да еще снизу каждой вайи появился бугорок, а из него — новый кустик. Вскоре аквариум с микрозориумом весь зарос новым папоротником, да не простыми растениями, а... трехэтажными: от «листьев» нижнего «этажа» росли вверх дочерние кусты, а от них начинали жизнь еще меньшие кустики — «внуки», наверное? Микрозориум по праву можно назвать живородящим растением. Достаточно одного кусочка вайи, чтобы вскоре вырос целый лесок маленьких кустиков.

Жизнь в воде наложила свой отпечаток на многие растения. Большинство водных растений легче размножается отростками, вегетативно, чем цветением и семенами. А известное школьникам канадское растение элодея и вообще никогда не размножается в Европе семенами. Растение это попало случайно в Англию в XVIII веке, попали всего несколько веточек женского экземпляра (на родине, в Канаде, одни кусты элодеи дают женские цветки, другие мужские). Элодея в короткий срок, как чума, распространилась по всем каналам, затонам, прудам Англии. Потом она «перекочевала» в Европу и теперь «наступает» на водоемы Урала и Сибири. При этом все экземпляры европейской и английской элодеи — только женские, бурное развитие растения происходит только вегетативно. Достаточно бросить в аквариум веточку элодеи, хорошо осветить ее — и вскоре получится пышная заросль.

Еще большей живучестью отличается индийская водяная звезда — гигрофила, что значит влаголюбивая. У этого растения источником целого куста может стать не только ветка, но и лист. Да что там лист! Разрежь лист растения на 6—8 частей — из каждого при ярком освещении будет расти сначала корешок, а потом и крохотный кустик. Пропусти куст гигрофилы через овощерезку — и опять найдутся кусочки, способные дать жизнь новым растениям. Гигрофила — поистине «бессмертное» растение!

Вместе с микрозориумом в пакете оказались и два других растения тоже из Таиланда — номафила (о ней мы уже знаем) и синнема. Удивительное растение эта синнема: на одном кустике могут расти одновременно разные листья! У молодого растеньица листики, как монетки, пышный куст украшен десятками огромных, мелкокорассеченных листьев. Почему мелкокорассеченных — это мы знаем, а вот почему листья столь неоднородны? А ты погляди на куст сверху. Видишь, все листья расположены так, что не затемняют друг друга. Сплошные большие верхние листья совсем закрыли бы свет от нижних, если бы у растения не выработалось в ходе эволюции разное их строение.

Про синнему в шутку можно сказать — это растение «с настроением». Впрочем, «настроение» есть у всех растений, да вот понять их трудно — хорошо им или плохо. Синнема умеет «рассказывать» о своем настроении и делает это... листьями. Дело в том, что пышные мелкокорассеченные листья — это признак здорового, хорошо растущего куста. Пересадите синнему. Следующие за пересадкой листья вырастут или кривые или овальные, без сечения. Убавьте силу освещения — листья синнемы опять «скажут» — нам стало хуже. Синнема — неплохой показатель общего качества условий для растений аквариума. Если ей хорошо, значит хорошо и большинству остальных

У этого кустика синнемы где-то в середине развития были «сильные переживания» и форма листьев изменилась.

Криптокорины имеют различные формы листьев.

растений со светло-зелеными листьями, а что ей «не нравится», тому не следует подвергать и другие растения.

В настоящее время гидроботаники рекомендуют для аквариумистов более двухсот разных видов растений. Как и рыбы, это в основном тропические растения. Именно для них условия комнатного аквариума более напоминают природные. Конечно, в одной главе не расскажешь о всех растениях — это тема для целой книжки. Но две группы растений, кроме тех, что уже описаны, следует упомянуть.

Водяной стрелочник — один из видов эхинодоруса.

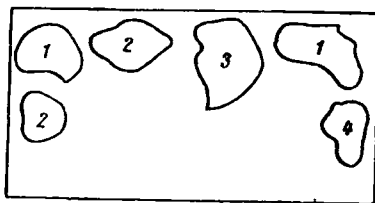
В пресных водоемах тропической Азии растут криптокорины. Это самые разнообразные по виду растения, которые объединяет цветок — глубокая воронка красного или оранжевого цвета с легким запахом падали: цветок опыляют не бабочки, а мухи. Криптокорины — очень красивые растения, многие из них имеют ярко-коричневые сверху листья с пунцовой нижней стороной. Только, пожалуйста, не верь, когда тебе говорят, что они теневыносливы. Все тропические водные растения предпочитают развиваться в тени, под сенью прибрежных зарослей. Но освещение в тропической тени порой сильнее, чем освещены наши аквариумы через стекла. Только один вид — криптокорина гриффита — хорошо выносит слабое освещение в углах аквариума, образуя в этих условиях вместо низкого куста с бурными сверху и малиновыми снизу листьями высокое растение (до 60 сантиметров) с большими темно-зелеными с серебристой нижней стороной листьями. К сожалению, это единственный из шестидесяти видов криптокорин, приспособившийся к жизни при слабом освещении.

Криптокорины — самые «модные» сейчас растения у коллекционеров гидрофлоры (водных растений). Второе место по симпатиям любителей занимает обширный род (более 30 видов растений) эхинодорус. Эхинодорусы — растения тропической Америки, несколько видов обитает и в водоемах США. Хотя эхинодорусы совсем далеки от описанных выше растений, мы увидим здесь кусты, похожие и на апоногетоны, и на криптокорины, и на валлиснерию. Приспособление к сходным условиям обитания привело к сходству формы у далеких друг от друга групп растений.

Зато валлиснерия — родственник по цветкам водокрасу, совсем непохожему на нее растению. Так разные условия существования растений вызывали в процессе приспособления образование различных форм (вот почему трудно определить родство растений по листьям без изучения цветков).

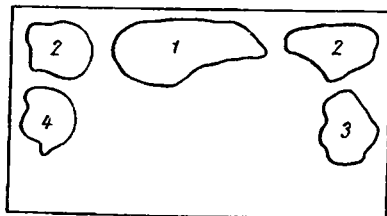
У большинства водных растений со временем разрастаются корни. В мелком песке этот рост затруднителен, в земле корни быстро загнивают без доступа воздуха. Лучшим грунтом для всех растений будет крупнозернистый песок.

Растения интересны, конечно, сами по себе, они необходимы в аквариуме для насыщения воды кислородом, для очищения ее от CO_2 и других вредных веществ. Без растений аквариум не будет выглядеть декоративно. Поэтому расположение растений надо тщательно продумать. Мелколистные растения следует располагать пучками, рошицами, крупные кусты с большими листьями будут выглядеть хорошо, если их поместить отдельно и на заднем фоне. Если правила освещения и аэрации соблюдаются, растения

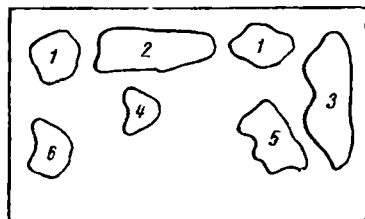
Аквариум «Амазонка»:

1 — эхинодорус, 2 — мелкий вид эхинодоруса, 3 — кабомба, 4 — папоротник цератоптерис.

Аквариум «Африка»:

1 — ниперус, 2 — апоногетон, 3 — валлиснерия, 4 — папоротник цератоптерис.

Аквариум «Азия»:

1 — криптокорина гриффита, 2 — номафила, 3 — синнема, 4 — микрозориум, 5 — гигрофила, 6 — валлиснерия или цератоптерис.

легко пойдут в рост и вскоре аквариум будет выглядеть очень красиво. Для разных рыб могут быть подобраны, конечно, разные виды и сочетания растений. Но мне хотелось бы указать тебе на одно обстоятельство: далеко не все еще нам известно об условиях, необходимых для наших растений. В то же время уже сейчас мы знаем, что некоторые растения выпускают в воду особые выделения — метаболиты. Трудно сказать точно, как воздействуют метаболиты на рыб, но поскольку рыбы очень чувствительны к растворенным в воде запахам растений, очевидно, они могут определять, какие виды растений их окружают. Поэтому для успешного разведения рыб рекомендуется содержать их среди растений, взятых из тех же водоемов. Вот несколько планов размещения растений для рыб из разных районов тропиков.

Разделение растений на группы в зависимости от потребности их в свете

1. Растения, растущие при слабом освещении (от 250 до 500 люксов):

криптокорина гриффита, валлиснерия, роголистник.

2. Растения, требующие сильного рассеянного света (от 500 до 1000 люксов):

апоногетоны, криптокорины (кроме криптокорины гриффита), кабомба, элодея, эхинодорусы, гигрофила, синнема, цератоптерис, микрозориум, валлиснерия (для цветения).

Освещенность в пределах от 500 до 1000 люксов удовлетворяет большинство растений.

3. Растения, нуждающиеся в сильном освещении (свыше 1000 люксов):

номафила, эйхорния, циперус, водокрас. При длине светового дня не более 12—14 часов могут зацвести апоногетоны, эхинодо-
русы; из воды растут амфибии — гигрофила, синнема, номафила,
цератоптерис, микрозориум.

Еще не рыбы — шестиногие

— Ойя, ойя, авиа! — слышатся крики со всех сторон. Аркадий Фидлер поднимает голову от рукописи. Что случилось, почему бегут куда-то люди?

Вот уже несколько месяцев отважный польский путешественник живет в заброшенной мальгашской деревеньке Амбинанителло, на побережье Мадагаскара. В этом глухом уголке, еще не тронутом цивилизацией, — свои заботы, страхи, свои законы. Вот и сейчас жителей деревни обуял страх и они мчатся куда-то. Что произошло? Но Фидлер не встает из-за стола, не бросается вон из хижины. Белый человек не должен быть назойлив, гость не должен вмешиваться в жизнь хозяев. Если мальгаши сочтут нужным, они позовут его.

И в самом деле, слышны чьи-то легкие шаги. Нет, они не миновали хижины, вот скрипнула лесенка, ведущая в домик на сваях, и в дверях появляется стройная фигурка девушки.

— Хаоды? (можно войти?).

— Мандасоа рамату (Войдите, девушка), — отвечает Фидлер. Он уже узнал — это внучка старика Джинаривело, хорошенькая Веломоди.

— Мизаотро (спасибо)! — отвечает, входя, Веломоди. — Меня послал к вазaxe (белому человеку) дедушка. Случилось несчастье. Мпакафу (пожиратель сердец, опасный колдун) вселился в тингалле и убил вола у Безамы.

Да, это, действительно, несчастье. Вол для мальгашского земледельца — это все: урожай, достаток, спокойная, счастливая жизнь. Фидлер выскакивает из хижины вслед за Веломоди. Они бегут к берегу полноводной Антакамбалано, но неподалеку от реки сворачивают к болоту. Около большой лужи стоит толпа

мальгашей. На берегу лежит мордой к воде погибший вол, около него хозяин — Безама.

— Здравствуйте, Рамасо,— Фидлер быстро подходит к местному учителю.

— Здравствуйте, вазаха,— отвечает тот.— Не удивляйтесь, тингалле в наших местах причиняют немало вреда. Они жалят людей и это очень болезненный укус. Но наши люди не трогают их, они считают их фади (злым духом).

Аркадий Фидлер смотрит в коричневатую воду лужи. Где-то в ее толще ползают и плавают огромные — в детскую ладонь величиной — водяные клопы белостомы. Своим острым хоботком они могут причинить человеку нестерпимую боль. Поэтому брать их руками опасно. Волы погибают от укуса тингалле — белостомы, — когда клопы жалят их в язык или десны. Страшное, отвратительное порождение тропических вод — эти гигантские хищные клопы.

Фидлер возвращается в хижину. В этот день он записывает: «Невозможно не поддаться восторгу и вместе с тем ужасу, когда смотришь в болотистые лужицы, каких полно во влажной долине. Под дремлющей поверхностью теплой воды кишит живой клубок, томится туча обезумевших насекомых, раскрывается вечная драма каких-то смутных осужденных душ. Это тропические гладыши, гребляки и всякое другое — водяная толпа, удивительное скопище, как бы снedaемое вечной лихорадкой. Мой друг и напарник по экспедиции Богдан ежедневно ловит сачком для коллекции тысячи существ, но потом, бросив их в таз с водой, торопливо умерщвляет. Если он этого не сделает, то через час останется только половина насекомых, так быстро они пожирают друг друга. И хотя, погибая, они кажутся бесчувственными к смерти, ужас нелегко охватывает людей: беспокойными ночами наши тревожные сны заполняют кошмарные насекомые».

Но однажды Богдан торжественно вносит таз с водой в хижину Фидлера.

— Здорово поет,— говорит он,— прислушайся!

И в самом деле, когда вода в тазу устоялась, исследователи услышали чистые, звучные тона, напоминающие птичье щебетание.

— Просто дух захватывает,— задумчиво говорит Богдан.

— Да... Прямо звуки наших северных сосновых лесов. Словно наши лесные птицы...

Молчат загрустившие по далекой родине путешественники, а из таза несется нежное, сердечное щебетание — целый хор поющих птиц. Но это, конечно, не птицы, это тоже обитатели луж и тоже водяные клопы.

Таков этот мир насекомых, где прекрасное сочетается со страшным хищничеством, взаимоистребление — с нежными мелодичными звуками. Так описывает свои встречи с этими обитателями тропических вод А. Фидлер в своей книге «Горячее селение Амбинанителло».

Обычно любители аквариума не занимаются водными насекомыми. Рыбы, только рыбы влекут их к себе. А между тем мир водных насекомых позволяет наблюдателю разгадать очень интересные секреты природы. И для того чтобы поймать страшного тингалле, совсем не надо ехать на далекий Мадагаскар.

Мой «аквариумный» стаж начался, когда мне было всего четыре года. Отец принес в кулечке живой подарок — жука-плавунца.

— Мы поместим его в таз, — сказал он, — и у тебя будет аквариум.

Целый день сидел я на корточках и смотрел на плавающего вдоль стенок жука. Утром я первым делом помчался на балкон, где на ночь остался таз. Увы, он был пуст, мой питомец исчез. И только много лет спустя я узнал, что водяные жуки и клопы не только великолепные пловцы, но и превосходные летуны.

Потом в моих аквариумах перебивали самые различные обитатели луж, прежде чем я стал содержать преимущественно рыб. Но и теперь не погас во мне интерес ко многим из водных членистоногих. И если этой главой мне удастся пробудить в тебе, читатель, интерес к этим существам, я буду считать, что сделал полезное дело.

Давай представим, что в один из весенних дней мы подошли с тобой к небольшому пруду. Остановись, не двигайся, смотри...

Вот по поверхности воды легко несутся длинноногие серые кораблики. Ну, конечно, это всем известные клопы-водомерки, что тут может быть интересного?

Постой, не спеши. А почему водомерка не тонет? Ты говоришь, она легче воды? Это не совсем так, но допустим, что легче. Однако водомерка ведь не телом плавает по поверхности, а шагает тонкими ножками. Значит, по воде можно ходить?!

Жук-плавунец в аквариуме.

В чем же секрет способностей водомерки?

Как мы знаем из физики, поверхность воды покрывает пленка. У нее особые свойства, которые и используют клопы-водомерки. Из поколения в поколение перемещались эти насекомые с берега на плавающие листья, а затем и просто на воду. Лапки их обросли волосками-щетинками, особые железы смазывают их жиром. А жир отталкивает частицы воды, лапки остаются сухими и легкое насекомое не тонет, лишь слегка продавливает пленку. Вот почему водомерка легко бегает по воде. Но стоит лапкам намочнуться, они будут смачиваться и погружаться в воду: ловкая водомерка превратится в беспомощное существо, поспешит на берег, чтобы обсушить лапки, смазать их жиром.

Хочешь проверить значение жировой смазки? Осторожно положи пинцетом на поверхность воды иголку. Утонула? Теперь смажь иглу жиром и проделай все сначала? Видишь — не тонет. А водомерка-то легче иглы!

Итак, водомерку обыкновенную ты знаешь. А попадалась ли тебе водомерка изящная? Нет? А встречал ли ты розовую велию? Тоже нет? Впрочем, я так и думал. Мы часто проходим мимо множества удивительных вещей, не замечая их. Не в этом ли причина слабого увлечения аквариумистов насекомыми? Ведь даже обычные водомерки могут раскрыть наблюдателю немало интересных тайн.

Водомерка знакома всем. А вот как выглядит велия.

А вот еще один водяной клоп — гладыш. Пожалуй, его тоже знают все любители природы. Гладыш плавает на спине. Во всех книжках об обитателях прудов обращают внимание на это обстоятельство. И еще — на окраску. Сверху смотришь на воду — она темная. Снизу взглянешь на поверхность — она серебристо-зеркальная (для этого не надо нырять, взгляни снизу на воду в аквариуме). Значит обитатели толщи воды должны маскироваться так: верх темный, а низ светлый. Говорят, что самое удивительное у гладыша — это окраска «наоборот» — верх (спинка) светлый, а низ (брюшко) темный. Но это-то и не удивительно, раз

Гладыш плавает «наоборот».

делает водомерка. Гладыши постепенно приспособились к новым условиям охоты. Сначала они, наверное, научились ловко делать сальто-мортале. Увидят добычу — хоп! — перевернулись и схватили. Эти поколения клопов были совсем не плохими спортсменами. Но крутиться каждый раз перед обедом — не лучшее занятие для повышения аппетита. И клопы стали часами плавать на спинке, сначала неуклюже, а потом — из поколения в поколение — все лучше и лучше. Те гладыши, у которых спинка была особенно темной, а брюшко светлым, быстро погибали: их легко находили хищники. Выживали клопы с окраской, которая не очень выделя-

он плавает на спине. Удивительно как раз другое — почему он плавает на спине? Ведь другие клопы плавают «нормально».

Очевидно, гладыши — самые подвижные и легко перелетающие из водоема в водоем клопы — не всегда находили достаточно пищи в воде вновь образовавшихся луж. Они прилетали в эти лужи слишком рано. Что оставалось им делать, чем питаться? А чем питаются водомерки? Исключительно теми насекомыми, которые падают на поверхность воды. И, как видишь, этой пищи им хватает — водомерок в прудах всегда очень много. Гладыши тоже стали питаться упавшими в воду комарами, мухами, мошками. Но брать их снизу намного труднее, чем сверху, как это де-

Ранатра — «ожившая соломинка».

лась на фоне зеркальной поверхности или темного дна. Постепенно у потомства этих клопов и совсем переменялась окраска: темным стало брюшко, светлым спинка. Так, в процессе естественного отбора выработались у гладышей нужные им качества.

Теперь гладыши — конкуренты водомерок. Они охотятся в одной зоне, на поверхности воды. Только хватают они добычу с разных сторон: гладыш снизу, водомерка сверху. И еще одно различие: гладыш — житель воды, а для водомерки среда обитания — воздух.

В прошлом все водные насекомые были обитателями суши. В воду они перемещались постепенно, отступая в борьбе с более удачно приспособленными обитателями суши. И поэтому связи с сухой водные клопы не потеряли и до сих пор: дышат они кислородом воздуха, очень хорошо летают, а некоторые из них совсем плохо плавают. Тебе никогда не попадался клоп ранатра, длинный, тонкий — ну, точь-в-точь сухая камышинка? Жаль, это очень интересное существо. Когда ранатра сидит на камышинке, ее и не заметишь. Подплывет маленькая рыбка или головастик к камышинке и вдруг от ствола отделятся две «руки» и схватят зазевавшуюся крошку. Ранатра — ненасытный хищник. Часами может клоп сидеть неподвижно. Но если его поместить в банку с полсотней головастиков, пожалуй, он за час справится с ними. Только, конечно, съесть их всех он не сможет, просто будет убивать, бросать на дно и хватать следующего. Это у ранатры проявляется своеобразный «инстинкт хватания»: многие хищники не переносят мелькания добычи и убивают ее, даже будучи сытыми. Ранатры — вредители в рыбоводных хозяйствах. Особенно опасна дальневосточная ранатра — она вдвое больше европейской, длина которой достигает 7 сантиметров.

Впрочем, если тебе не попадалась ранатра, понаблюдай за похожим на нее клопом — водяным скорпионом: он встречается всюду в стоячей воде. Внешне эти клопы непохожи: скорпион не длинный, тонкий, а широкий и плоский; он живет не среди камыша, а в тине, поэтому и окраска его грязно-бурая, под цвет тины. Ожидая добычу, он тоже сидит часами, широко расставив переднюю пару лап, очень похожую на клешни настоящего скорпиона. Сходство добавляет и «хвост» — длинная трубка-дыхальце. Она состоит из двух половин, изнутри покрытых ненамокающими волосками. Такие трубки водяной скорпион и ранатра высовывают из воды и через них дышат.

Конечно, все эти клопы вредны в аквариумах с рыбками. Зато совсем безвреден маленький проворный клоп гребляк или корикса. Он часто попадает с живой дафнией. Раньше кориксу

Цихлазома мееки увидела соперника

Наросты львиноголовки отдаленно напоминают гривастого царя зверей.

Очень хороши черные скалярки.

считали хищником, но тщательное изучение неожиданно привело к иным выводам. Оказалось, что кориксы питаются растениями, преимущественно водорослями. Передние лапы у этих клопов имеют щетинки и играют роль черпачков — ими клоп зачерпывает водоросли и подносит к хоботку. Почти все водные клопы больно, как осы, жалят своими хоботками. Но корикса не в силах проколоть кожу человека. Кориксы могут «петь», скрипеть щетинками задних лапок. Конечно, наши кориксы поют не так сильно, как на Мадагаскаре, но всё-таки их стрекотание легко услышать и оно довольно мелодично.

Очень интересно наблюдать в аквариуме за жизнью жуков-плавунцов. Эти крупные темно-коричневые с желтым ободком жуки встречаются повсеместно. Известны и их толстые противные личинки. Голова личинок снабжена серповидными челюстями и она кусает ими все, что попадает. Очень больно кусает она и руку неосторожного ловца. Интересно, что у личинки плавунца так называемое наружное пищеварение. Каждая челюсть ее имеет внутри канал. Схватив добычу, личинка впускает в ее тело через каналы челюстей особую жидкость, парализующую жертву. Затем она тем же путем отрыгивает в тело добычи черную жидкость из желудка, а эта жидкость состоит из сильных химических веществ — ферментов. Ферменты действуют на ткани жертвы, изменяя состав белка: он превращается в жидкость, которую и засасывает хищница.

Голова личинки полупрозрачна, поэтому хорошо виден сосательный прибор, накачивающий пищевую массу. Высосав все жидкое, личинка снова отрыгивает черную жидкость, пока от добычи не останется одна шкурка.

Страшны челюсти личинки плавунца.

Сами жуки едят очень небрежно, жадно. Они рвут добычу на части, роняют куски, мутят воду. Обоняние у них великолепное, достаточно капли крови на аквариум в 5 ведер воды, чтобы голодные плавунцы пришли в неистовство и заметались в поисках добычи с растопыренными лапами.

Плавунцы дышат кислородом воздуха, выставляя задний конец тела из воды. Но могут дышать и под водой. Обычно они прибегают к этому способу зимой. Жук выпускает из-под крыльев пузырь воздуха. По физическим законам диффузии (движение молекул газа) начинается обмен газов: в пузыре больше CO_2 , чем в воде, и молекулы углекислоты уходят из пузыря, а кислорода больше в воде и молекулы O_2 устремляются в пузырь и к дыхальцам жука.

Много интересных наблюдений можно сделать над образом жизни плавунца, над его размножением, ростом личинки, окукливанием ее. В аквариумах готовые к окукливанию личинки стремятся покинуть воду, ноги-весла в это время повинуются им уже плохо, личинки не столько плавают, сколько «скачут». Уловить этот момент трудно, проще подвесить у поверхности мощные корни циперуса, туда и выберутся личинки. Затем их собирают и кладут каждую в отдельную банку с землей. Личинки роют норки, иногда только ямки, а потом превращаются в куколок.

Впрочем, если говорить о полном цикле развития плавунцов, то я рекомендую тебе провести наблюдения над другим нашим жуком-цибистером. Очень небольшое число аквариумистов умеет отличать эти два вида. Цибистер — почти тропический жук, у нас он встречается на Украине, на Кавказе, в дельте Волги, в Средней Азии, а вообще характерен для Индо-Малайской фауны. Поэтому цибистеры легко уживаются в аквариумах.

У этого жука есть ряд преимуществ перед плавунцом. Во-первых, окраска. Спинка его не бурая, а ярко-зеленая, кажется, что он из изумруда. На солнце зеленые зернышки спинки горят очень ярко. Брюшко — нежного кремового цвета. Форма жука совершенна (плавунец несколько сгорблен), обтекаема, все части плотно подогнаны одна к одной. Задние лапки шире, чем у плавунца (жуков легко отличить по лапкам, у цибистера один коготок на конце, у плавунца — два), на них более густая бахрома. Интересно, что эта бахрома подвижна: когда нога идет вперед, щетинки складываются, а когда следует гребок — расправляются. Цибистер красив, и плавает он красиво и быстро. Но это еще не все. Этот жук не трогает рыб, равнодушна к ним и к головастикам и его личинка: видимо, ее пищеварительные органы не приспособлены для питания позвоночными. Поэтому жуки-цибистеры превосходно ужи-

ваются с рыбками средних размеров, надо лишь регулярно кормить их кусочками мяса. Живут эти жуки в неволе долго, более 3 лет. Самцы и самки весной спариваются и самка вонзает яйцеклад в стебли растений, откладывает яйца. Личинки через 2—3 месяца роста после нескольких линек окукливаются на суше, а из куколок через 2—15 недель выходят молодые жуки.

Цибистеры — мои любимцы из мира водных насекомых. Но мне хотелось бы заинтересовать тебя не только ими, плавунцами, водными клопами. Присмотришься к жизни пруда. Каждое насекомое скрывает множество тайн природы. Вот личинки стрекоз. Некоторые из них — живые ракеты: они плавают силой отдачи выброшенной из кишки воды. Другие схватывают добычу особой невидимой сначала «маской» — длинным рычагом с мощными челюстями. А на дне роются в тине личинки стрекоз уже с другой «маской» — как будто ковшом цедают съедобное из ила. Красивые изящные лютки — тоже личинки стрекоз. Их брюшко украшает трилистник. Ученые немало сломали копий, но так и не решились, зачем эти листики. Одни говорят, что это трахейные жаберы, другие возражают, что и без этих жабер личинки живут без печали, а третьи установили даже, что лютки отбрасывают эти листки, подобно ящерице, отбрасывающей хвост.

А личинки поденок, красивые большеглазые существа с жабрами-оборочками по краям тела? А личинки ручейников, подводные архитекторы, создающие разнообразные домики? А жуки-вертячки, самые быстрые из плавающих насекомых — они имеют не два, а четыре глаза, каждый глаз разделен горизонтально на две половины: одна смотрит вверх, в воздух, а другая вниз, в воду. Имея такие четыре глаза, не так уж трудно найти пищу и на поверхности воды, и в ее толще. Но эти всем знакомые жуки преподнесли исследователям еще один сюрприз. Оказалось, что с помощью своих усиков они воспринимают распространяемые по поверхности и в толще воды волны, которые создают различные организмы, в том числе и сами жуки. С помощью усиков-локаторов жуки легко находят друг друга, обнаруживают пищу и во-время скрываются от опасности. А жук-водлоуб, который может изменять удельный вес своего тела, выпуская часть запаса воздуха? Когда его схватят, он пугает врага скрипом.

Нет, если обо всем этом рассказать, потребуется написать целую книгу. Но книга, созданная природой, все равно будет неисчерпаемо богаче и интереснее. И мне хотелось посоветовать тебе, читатель: не пренебрегай насекомыми в аквариуме. Будь к ним внимателен, наблюдай за ними — они отблагодарят тебя удивительно интересными открытиями.

Снова не рыбы

...Наш катер медленно продвигается среди водной растительности. Чуть слышно журчит за кормой вода, шелестят раздвигаемые судном листья. А кругом тишина и зной. Солнце жарит немилосердно, наверное даже в тени больше 35°. Все попряталось в ожидании вечерней прохлады. Только одинокие огромные бабочки изредка появляются белыми трепещущими цветками на раскаленном голубом пламени неба, да трещат, сталкиваясь, над самой водой синие, зеленые, оранжевые стрекозы.

Вода — словно зеркало. С утра нет ни дуновения, ни малейшего ветерка. Огромные, светло-зеленые, покрытые буграми листья распластались на поверхности воды. Они так велики — их диаметр больше метра, — что кажется, по ним можно свободно пройти и они выдержат вес человека. Кое-где торчат над водой цветки — колючие зеленые кулаки, из середины которых рвется нежно-розовое пламя лепестков. И листья-гиганты и цветки принадлежат одной из ботанических редкостей нашей флоры — эуриале.

А рядом на поверхности воды колышутся темно-зеленые совершенно круглые блюдца. Словно кто-то мыл посуду, перевернул блюдца посохнуть, да и позабыл.

Я осторожно беру за край одно из этих блюдец и переворачиваю. Сочный пурпурный цвет, нежный светло-зеленый черешок, уходящий в зеленоватую глубину воды. Это листья бразении пурпурной, одного из древнейших растений, доживших до наших дней еще с доледникового периода.

Среди стеблей бразении то тут, то там видны пучки нежных пушистых стеблей мирриофилума — перистолистника. И вдруг, еще одно чудо растительного мира: из глубины поднимаются к поверхности огромные, с зубчатыми краями, сочно-зеленые воронки — листья отеллии. Они колышутся от поднятой катером волны, с шуршанием скользят вдоль бортов и снова исчезают в зеленоватой толще.

Раздвинешь листья бразении, отгонишь заросли плавающего по поверхности папоротника сальвинии — и вот уже видно желтоватое в пятнах солнечных бликов дно.

— Осторожней, — шепчет мне мой друг Юрий, — не спугни!

Катер застывает, а мы склоняемся к воде. Ветви подводных растений сплошь усеяны полупрозрачными существами с длинными тонкими усами. Одни из них ползают по стеблям, другие

плавают, лихо отогнув назад усы и смешно перебирая ногами. Это — пресноводные креветки.

Я тихонько опускаю сачок в воду. Главное — не спугнуть, а поймать ведь их несложно, это же не рыба. Подвожу сачок к плывущей креветке спереди, приближаю к ней, сейчас она... Но она вдруг делает стремительный скачок назад и исчезает. Ах, ты вот как, и назад можешь? Хорошо же, вторая теперь-то обречена.

Сачок теперь снизу, остается резко дернуть его наверх — хоп!.. Но креветка метнулась вбок и сачок снова пуст. Что такое?

— Ты не умеешь, дай мне.

Теперь ловлей занялся Юрий.

— Смотри, как надо. Но смотреть нечего: сачок раз за разом остается пуст.

Тогда мы спускаем тонкую капроновую сеть и образуем из нее кошелек. В сети бьются десятки нежно-кремовых существ. А вот и креветка побольше. Ноги ее значительно крепче, а усы еще длиннее.

— Смотри,— говорит Юрий,— попался палемон.— Он осторожно вынимает крупную креветку. Ее нельзя помещать в одну канну с леандрами: в пути палемон погубит много нежных креветок.

Палемон, леандр — это научные названия двух видов креветок, а креветки — это нежные существа, отдаленно напоминающие речного рака. Относятся они к ракообразным, точнее, к десятиногим ракам. Много креветок встречается в морях, а пресноводные — значительная редкость. У нас в стране они обитают в озере Ханка на Дальнем Востоке. Креветки интересуют советских рыбоводов как великолепный питательный корм для рыб. Поэтому их вылавливают и в специальных походных аквариумах, каннах, перевозят в пресноводные моря Европейской части страны. Здесь креветки размножатся и станут отличным кормом для рыб, которыми заселяют эти рукотворные моря на Волге, Дону и других реках страны.

Давай наловим креветок и мы. Тоже в канну. Только для наблюдения за ними в аквариуме — ведь это одни из самых забавных питомцев нашего подводного мира. Не забудь, однако, бросить в канну две-три травинки — креветки большие неженки, они совсем не выносят качки в самолетах, им надо обязательно за что-то держаться.

Везут креветок на вертолете до Владивостока и на Ту-104 до Москвы или Ленинграда. Но мы в нашем путешествии по подводному миру можем пользоваться еще более быстрым способом перелета, мы полетим на крыльях фантазии. Итак...

В густо заросшем растениями аквариуме кристально прозрачная вода. Нежные стройные рыбки — красные, желтые, зеленые, черные снуют стайками и в одиночку по всем направлениям. Одни из них гоняются друг за другом, другие деловито что-то ищут на дне, третьи щиплют зеленые водоросли, которыми обросли старые листья растений. И вдруг... Из-под листа появляется тонкая суставчатая рука, срывает пучок водорослей и исчезает снова. Что это? Впрочем нет, очевидно показалось. Вот и рыбы даже не заметили этой руки, так же заняты чистой листом.

Но тут же стайка рыб бросается в сторону. Из-под листа выползает креветка и начинает деловито рвать водоросли тонкими руками-клешнями. Рвет и запихивает пучки в рот. Темные глазки на тонких «ножках» шевелятся во все стороны, длинные усы развеваются, словно пышные знамена. Вкусно. Но мало. Одними водорослями сыт не будешь. Вот рыбки бы попробовать...

Креветка замирает, застывают усы. Рыбки успокаиваются, подплывают ближе, еще ближе... Щелк! Молниеносный бросок клешней, рванулась крохотная рыбешка, метнулась в сторону вся стайка. Нет, клешни креветок не удержат такую добычу. Хорошо, поищем что-нибудь другое. Креветка подпрыгивает и оказывается в толще воды.

Рассмотри ее внимательно. Передняя часть тела креветки заключена в панцирь. Но он совсем прозрачен и хорошо видно, как движется по пищеводу пища, как созревает икра. Это головогрудь. Голова спереди украшена разнообразными шипами (по их форме отличают виды креветок — в озере Ханка их четыре). Две пары усов, причем одна очень длинная. А под этой парой — кро-

*Пресноводная
креветка из озе-
ра Ханка.*

хотные ногоchelюсти, ими креветка держит пищу, совсем как человек руками. У креветки десять членистых ножек. Они тоже растут от головогруды. Причем передняя пара превращена в орган хватания — клешни. У палемонов клешни довольно сильные, эта креветка не выпустит рыбку размером и в 3—4 сантиметра, у ланда клешни слабее.

От головогруды идет назад состоящее из колец брюшко, с нижней стороны которого имеются маленькие ножки. Сколько колец — столько пар ножек. А последняя пара, на конце, даже двойная: четыре плоских пластинки. Зачем креветке столько ног? А вот присмотрись.

Наша креветка поплыла. Ножки головогруды она сложила или они остались растопыренными в стороны. А двигателем служат ножки брюшка, или, как ученые называют эту часть тела креветок, абдомена. Ножки абдомена дружно гребут, и креветка, лихо заломив назад усы, мчится вперед... но тут налетает на неосторожную рыбу. Раз! И креветка уже на расстоянии 20—30 сантиметров от места опасной встречи. Это распустились веером пластинки на конце абдомена и, ударив этим веслом, креветка вмиг отскочила назад.

Но вот она села на дно, походила на четырех парах ног, смешно поднимая каждую из них. А первая пара — клешни — раскрыты и направлены вперед на всякий случай: вдруг попадется что-нибудь вкусненькое. Или враг появится, придется защищаться.

Креветка остановилась у камня. Что она заметила? Как будто, ничего. Но усы лихорадочно шарят по камню, около него. Зашевелились и клешни, они тоже щупают все вокруг, одна из них лезет под камень. Ах, досада. Не достать. Ну-ка, еще глубже, еще... Креветка становится «на колени», одна из клешней «по плечо» засунута под камень. Она шарит клешней, ищет. Вдруг замерла, напряглась, уперлась всеми ножками. Потянула клешню обратно. Тяжело идет. Ну, да игра стоит свеч. Еще поднатужилась, еще немного. И из-под камня выныривает конец клешни, крепко зажавший извивающуюся личинку хирономуса. Удача! Теперь можно отплыть на ветку растения и начать есть. Правда, личинка извивается, но на то и есть у креветки ногоchelюсти, чтобы крепко держать ими добычу.

Впервые креветки были доставлены живыми в Москву сравнительно недавно — в 1947 году. Первым успешно содержал их в аквариумах энтузиаст отечественных животных Юрий Яковлевич Мишарев, затем они содержались в аквариумах кафедры профессора Гербильского. Выяснилось, что эти забавные существа не только хорошо уживаются в искусственных водоемах, но и раз-

множаются в них. Мелкую прозрачную икру самка долго носит прикрепленной на ножках живота, забавно ухаживает за каждой икринкой, тщательно очищая их длинными ногочелюстями, на концах которых имеются специальные щеточки. Через 2—3 недели вылупляются молодые креветки. Сначала они тоже держатся на ножках живота самки, а затем начинают самостоятельные путешествия, смешно плавая в вертикальном положении вниз головой.

Мы уже видели, как креветка отскакивает назад при нежелательной встрече или испуге. Иное дело — самка с потомством. Ей тяжело отскакивать и приходится защищаться. Усатое прозрачное существо протягивает вперед тонкие нежные клешни и «свирепо» щелкает ими.

Креветки очень полезны в аквариумах с рыбами — они собирают со дна и из углов все остатки кормов. Нежную креветку леандр можно содержать с небольшими рыбешками, паломоны для таких рыб опасны, им подходит компания рыб от 5 до 10 сантиметров длиной.

Посмотрим снова на нашу креветку. Она уже расправилась с личинкой, собрала все крошки. Настало время для туалета: тщательно чистит щеточками подводная красавица глаза, усики, спинку, каждую ножку. И вид у нее весьма деловитый, серьезный и в то же время забавный. Не менее интересно наблюдать чистку икры, линьку и другие моменты жизни дальневосточных пресноводных креветок. Разве они не интереснее многих рыб?

Но вернемся снова на озеро Ханка. Давай присмотримся к улиткам, ползающим по дну у берега. Помнишь, мы упоминали улитку-фильтр меланию? В бассейне реки Амур и в озере Ханка водится более крупная, но очень похожая на меланию улитка; раковина ее покрыта бороздами и выглядит оригинальнее, чем у мелании. В научной литературе эту улитку тоже относят к одному из видов мелании. Амурская мелания откладывает яйца, а многие тропические производят на свет сформировавшихся «улитятки». Амурская мелания — интересная улитка, легко уживающаяся в аквариумах.

Посмотри, почему качается этот стебель тростника? Кто-то подкапывается под него. Но кто? Осторожно подведи сачок к грунту и... Нет, так не поймать. Смело опусти руку вниз, утопи пальцы в тину.. ..Нащупал? Да нет, это же не камень, это и есть предмет нашего поиска: на ладони большая, с детский кулак, спирально закрученная раковина. Какая-то улитка. А есть ли в раковине она сама? Переверни раковину отверстием вверх: вход в дом плотно закрыт крышечкой. Значит, хозяин дома.

Раковины двух видов ампуллярий (слева — гигантская).

Положи раковину в аквариум. Вскоре крышка дрогнет, отодвинется, и наружу медленно вылезет часть тела улитки — нога с головой, глазами, щупальцами спереди и крышкой на «спине» ноги сзади. Нога — средство передвижения улиток, все органы жизнедеятельности их заключены в раковину.

У нашей улитки нога серо-синяя с золотистыми крапинками. Это амурская живородящая лужанка. В реках и илистых озерах почти по всей территории нашей страны распространена обыкновенная лужанка, думаю, ты ее неплохо знаешь. Она хорошо уживается и размножается в аквариумах. Но гигант — амурская лужанка — конечно выглядит в аквариуме еще оригинальнее...

Амурская лужанка — не самая большая пресноводная улитка. В реках Южной Америки водится несколько видов улитки ампуллярия. Лет десять назад по поручению одного научно-исследовательского института я выписал ампуллярий и вскоре получил их в авиапосылке. Улитки легко перенесли двухнедельную дорогу во влажной ткани: они захлопнули крышечки и, только попав в воду, осторожно их приоткрыли.

Уже через пять-шесть часов ампуллярии быстро «бегали» по стенкам банки. Бегали? Улитки бегают — разве это не смешно? Но ампуллярии действительно передвигаются настолько быстро, что о них никак не скажешь, что они ползут. Присмотрись к улитке, когда она ползет по стеклу: видишь, по нижней стороне ее ноги словно катятся поперечные волны — от головы к заднему концу. Катятся медленно — улитка ползет, катятся побыстрее — «бежит». Ученые до сих пор продолжают изучать этот любопытный способ передвижения. Может быть, со временем удастся отгадать все секреты этого двигателя и даже построить его для людей?

Ампуллярии заинтересовали нас из-за своих яиц. Обычно у улиток органы обоих полов находятся вместе, поэтому для размножения достаточно любой пары. Ампуллярии раздельнополы. Самка перед откладыванием яиц вылезает из воды и обследует

стенки и крышку аквариума (водоем с этими улитками надо обязательно закрывать). В месте, где не очень сухо, но и не очень влажно — и то и другое губит яйца — она откладывает колбаску из крупных, до 3 миллиметров в диаметре, кораллово-красных яичек (на них очень удобно изучать стадии развития яйца, деление клеток).

Эти яйца, наверное, лакомая пища многих рыб. Вот улитка и откладывает их на листьях и стеблях, расположенных над водой. Через 12—15 дней из яиц, ставших уже розово-серебристыми, выходят молодые улитки. Они тут же падают в воду, по поверхностной пленке, прикрепившись к ней снизу, добираются до ближайших растений и прячутся среди них.

Ампуллярии — страшно прожорливые животные. Целые дни они едят водные растения, белый хлеб, мясо, салат. Дышат они кислородом воздуха, который засасывают через особую трубку в камеру раковины. Улитка подползает к поверхности, выставляет трубку, которая у поверхности открывается с громким чмоканьем, и начинает смешно качать воздух всей передней частью тела: вперед — назад, вперед — назад...

Самой большой считается ампуллярия гигантская. Эгих улиток мне прислали из Флориды, но водятся они также в районе Амазонки. Гигантская ампуллярия имеет темно-синюю ногу, усыпанную золотистыми пятнами. Вокруг глаз — рубиновый ободок, а большие щупальцы достигают 12 сантиметров длины. Нога улитки при ширине 3—4 сантиметра может вытянуться до 10—12 сантиметров.

Эти улитки капризны и требовательны. Двигутся они медленно, к поверхности подниматься за воздухом не любят. Обычно они «встают на дыбы»: закрепившись на дне одной третью ноги, поднимают две трети вверх и шарят щупальцами — далеко ли поверхность? Их «воздухопровод» вытягивается на 15—20 сантиметров.

Удалось нам наблюдать и драку этих ампуллярйй. Ты когда-нибудь предполагал, что между улитками могут быть драки?! Самка быстро ползла прочь, а самец догонял ее. Он приподнял переднюю часть ноги, пытаясь прицепиться к раковине подруги. Это довольно трудно сделать на ходу, но иногда ему удавалось вползти таким образом на ее раковину. Возмущенная непрошеным пассажиром, ампуллярия останавливалась и с силой ударяла своей раковиной по дну. Назойливый кавалер тут же обрушивался в облако мути. Затем повторялось все с начала.

Возможно, что это были брачные игры улиток, но о таком явлении в мире этих животных пока ничего не известно. Самка

Амида очень осторожна.

вскоре отложила бордовую гроздь крупных, как небольшие клюковки, яиц. Но нам не удалось получить потомство. Не удалось и получить яйца еще раз. Не прожили больше года и сами гигантские ампулярии. Погибли они и у того американского зоолога, который прислал их в Ленинград. Видимо, каких-то потребностей их мы еще не знаем, чем-то условия наших аквариумов отличаются от того, что получает этот интереснейший моллюск у себя на родине. Надо будет еще пытаться получить их из Бразилии, еще и еще раз наблюдать и изучать.

Но мы еще не исчерпали богатства нашего Дальнего Востока, возвратимся снова на озеро Ханка. В водах Приамурья водится удивительная черепаха амида. Уже внешний вид ее поражает человека, который привык считать, что черепахи — это животные, закованные в панцирь. У амиды тоже есть панцирь, но он мягкий да еще покрыт кожей. Такие кожистые, мягкие черепахи встречаются в Африке, Северной Америке, в Китае и в Приамурье. Тропические виды бывают величиной больше метра, наши до 60 (панцирь до 35) сантиметров длиной. Эти сравнительно небольшие животные очень опасны. Амида легко изгибает очень длинную шею и сильно кусается.

Кожистые черепахи — типично водные обитатели. В аквариумах маленькие черепашки оказываются очень интересными и забавными.

Несколько лет назад мой друг инженер-акклиматизатор Ю. И. Орлов привез мне в подарок крохотную амиду, длина панциря которой не превышала 5 сантиметров. Пытаясь пересадить черепаху из дорожной канны в аквариум, я обратил внимание, что она вытянула шею навстречу моей руке, но, разумеется, не счел это крохотное существо чем-то опасным. В тот же миг острая

боль пронзила мой мизинец. Инстинктивно отдернув руку, я увидел висящего на пальце крохотного агрессора. Челюсти амида так крепко впились в палец, что было опасно пытаться оторвать черепашку, не покалечив ее. Пришлось, несмотря на сильную боль, ждать пока она сама оторвется. Упав на стол на спину, амида сильным движением гибкой шеи перевернулась, встала на лапы и помчалась с непостижимой для черепахи скоростью по его гладкой поверхности. Наученный горьким опытом, я уже сачком пересадил ее в аквариум. Молниеносное движение вниз с помощью попеременно работающих лап, облачко мути на дне... и черепаха исчезла. Лишь через полчаса совершенно в другом углу водоема из песка показалась остренькая мордочка с длинным хоботком на конце. Золотисто-серые глазки внимательно смотрели в сторону наблюдателя. Неужели она видит за стеклом склонившегося человека? Делаю легкое движение губ и в тот же миг мордочка исчезает в песке.

Большую часть времени амида проводит на дне, где она быстро и ловко лавирует среди растений и камней. Сытая черепаха обычно зарывается в грунт и, высунув голову из песка, лежит так по часу и более. В глотке у черепах этого семейства имеются особые ворсинки и складки кожи, с помощью которых они могут усваивать кислород непосредственно из воды. Это позволяет амиде в случае надобности находиться под водой до 15 часов. Открывая рот, черепаха втягивает в глотку воду, ополаскивает ворсинки, выталкивает воду и закрывает рот. Такие «глотки», а точнее вдохи-выдохи без промежуточного закрывания рта амида делает часто, но в зависимости и от степени насыщенности воды кислородом. В аквариумах с прозрачной аэрируемой водой черепахи чувствуют себя лучше. Очевидно, у амид имеется и кожное дыхание, так как они не переносят высыхания кожи.

В аквариуме черепахи питаются обычным кормом для рыб — личинками хирономуса («мотыль»), мелкими рыбками, головастиками, для более крупных экземпляров годятся лягушки, тритоны. Очень любопытно наблюдать, как, зарывшись в песок и вытянув шею, черепаха «клюет» — ловит проплывающих мимо нее дафний и циклопов. К мясу амида равнодушна, даже взяв его в рот, обычно затем выплевывает.

Из воды мягкотелые черепахи выходят редко, хотя могут забираться не только на плоские островки около поверхности, но и на вертикально стоящие градусники, а в природе, очевидно, на стволы камыша (разумеется, речь идет о молодых черепахах, могущих обхватить камышинки лапами). В условиях неволи амиды нуждаются в ровной температуре воды 20—25° и сильном солнеч-

ном освещении. Нарушение этих условий, особенно осенью, ведет к заболеваниям. На коже появляются мутные беловатые пятна, переходящие затем в язвы. Животное делается вялым, все время пытается покинуть воду и придвинуться поближе к электролампе. К сожалению, электролампы не могут заменить амиде солнце. Язвы вызывают гибель амид.

Дальневосточная мягкая черепаха далеко не часто встречается на Амуре и в Уссури, хотя самки этого вида и откладывают ежегодно за 2—3 кладки до 150 яиц. Очевидно, количество этих животных в свое время резко сократилось из-за неограниченного их вылова — и мясо, и яйца употребляются в пищу.

На территории нашей страны встречается еще два вида черепах, жизнь которых тоже связана с водой — болотная и каспийская. К сожалению, они менее интересны в аквариуме — жизнь их связана с мелководьем, они редко погружаются на глубину, поэтому в аквариумах держатся у поверхности, пытаются вылезти из воды. Другое дело, если бы черепахи легко опускались на глубину, бродили бы среди подводных рощ...

Есть и такие черепахи — это молодые экземпляры пресноводных видов, обитающие в южных районах США, в Центральной и Южной Америке. За последние 15 лет сотни этих животных были ввезены в Европу и доставили немало радостных минут тем наблюдателям-аквариумистам, которым удалось их приобрести. Лапы этих черепах сильно сплющены, между пальцами имеются хорошо заметные перепонки, задние лапы приближаются по форме к веслам. Черепахи прекрасно «владеют» глубиной, т. е. могут, выпуская излишки воздуха из легких, приближать удельный вес тела к удельному весу воды или делаться тяжелее воды. Благодаря этому животные свободно погружаются на дно аквариумов (глубиной в 40—50 см), бродят по песку, забавно раздвигая растения, отворачивая камни, внимательно оглядывая все в поисках съедобного. В погруженном состоянии черепахи находятся обычно 7—15 минут, затем всплывают. Но могут быть под водой и дольше, до 30 минут. Если воздуха в легких мало и черепаха тяжелее воды, она, энергично работая лапами, поднимается круто вверх; когда удельный вес черепахи примерно равен удельному весу воды, животное поднимается почти без усилий, лишь слегка регулируя лапами направление.

Обоняние у черепах сильно развито. Уже через 1—1,5 минуты они сбегаются со всех концов аквариума к месту, где брошен корм, зрение развито хуже, хотя крупные предметы и их движения черепахи различают и под водой, и тем более над водой. Приближение человека вызывает у неприрученных животных испуг,

Красивая расцветка у тропических водных черепах.

и они стремительно зарываются в чащу растений, а если находились на торчащем из воды камне, где они любят погреться под электролампой, то срываются с этого острова в воду, как заправские прыгуны со спортивной вышки.

Эти черепашки редко выходят на сушу. Движения их на ровной поверхности неуклюжи: видно, что сравнительно слабые ноги не могут быстро переносить тяжелое тело животных. Наоборот, в воде движения черепах стремительны, изящны, ощущение громадности, неуклюжести, обычно приписываемое этим животным, полностью отсутствует, причем черепашки могут плыть не только вперед, но и назад.

Пищей «аквариумным» черепахам служит мотыль, энхитреус, резаный дождевой червь, личинки мучного хрущака, белый хлеб, мясо, сушеный рачок гаммарус. Обязательно нужны растения, — ряска, гигрофила, цератоптерис, — которые черепахи с жадностью поедают. Для нормального развития животных в пищу необходимо добавлять витамины. Мясо перед кормлением нужно пропитывать витамином D или рыбьим жиром. Рыбий жир добавляется в отруби, служащие кормовой средой для личинок мучного хрущака. Для строительства панциря животным необходима известь. Они получают ее из кормов с твердым хитиновым покровом — рачков, насекомых, а также, поедая целиком мелких рыб. К живым рыбам в аквариуме черепахи равнодушны.

Как видишь, есть немало интереснейших животных — насекомых, ракообразных, моллюсков, черепах, способных не только украсить наш подводный мир, но и стать объектом увлекательных

исследований и наблюдений. И число этих «нерыбных» обитателей аквариума можно бесконечно продолжать: есть африканские лягушки, которые не покидают воды и размножаются в аквариумах, японские тритоны — темно-коричневые с бордовым брюхом, они тоже живут постоянно в воде, большая амазонская улитка мариза с лихо закрученными усами-щупальцами. Есть интересные объекты для аквариумиста и не только в далеких странах. Наш малоазиатский тритон (он встречается в Закавказье), краснобрюхая жерлянка, дальневосточные тритоны, разнообразные насекомые и их личинки и многое-многое другое не минует пытливого взора настоящего любителя аквариума, который никогда не ограничится содержанием только одних рыб.

Это не значит, конечно, что автор выступает против содержания рыб в аквариуме. Нет, рыбы тоже очень интересные жители нашего подводного мира. Знакомиться с ними мы и начнем со следующей главы.

Прав ли был Геродот?

В XVIII веке ученые и писатели, артисты и скульпторы с большим интересом изучали труды древних авторов, уцелевшие и не брошенные церковниками в костер. Многие из сообщений древних оказывалось нелепым, давно уже отвергнутым человечеством на основании многовекового опыта. Но были и очень ценные сведения. Так, впервые европейцы узнали от греческого историка Геродота о существовании египетских пирамид. Геродот записывал не только то, что он видел сам, но и то, что слышал от других. И тут он часто выдавал за действительность самые нелепые сказки. Рассказывая о разных способах ловли крокодилов, Геродот среди ряда достоверных сообщений описывает и такое.

На берег выносят поросенка и бьют его. На крик поросенка сбегаются крокодилы, а так как они очень жалостливы, то они лезут на берег и плачут. Тут-то их и ловят.

Ясно, что такого рода сообщения ученые не принимали всерьез. Отвергли они и короткое сообщение Геродота о рыбах, которые

живут на суше. Ведь всем известно, что рыба — житель воды, дышит она в воде жабрами, а воздух на жабры действует губительно, сушит их и рыба сразу погибает. Недаром столько пословиц сложилось про рыбу на воздухе: «раскрываешь рот, как рыба без воды», «чувствуешь себя, как рыба на песке» и многие другие.

Очевидно, решили исследователи Геродота, сообщение о сухопутных рыбах — нелепость, вызванная тем, что автору рассказали легенду как факт, а он не проверил эту сказку и вписал в свой труд. Вопрос был исчерпан. Рыбы живут только в воде. Если это не ясно было Геродоту, то теперь-то, двадцать пять веков спустя, в этом никто не сомневался.

И вдруг... Вдруг при изучении текстов другого автора, Аристотеля, нашли совершенно похожее сообщение. Аристотель писал, что есть на свете рыбы, которые не только могут долгое время жить без воды, но и способны покидать водоемы и путешествовать по суше. Вторичное подобное сообщение заставило ученых историков задуматься. Пригласили для консультации зоологов — специалистов по рыбам. Теперь такие ученые называются ихтиологами. Ихтиология (от греческих слов ихтио — рыба, логос — наука) — это отрасль зоологии, изучающая жизнь рыб. Но в середине XVIII века рыбная наука была еще очень мало развита и не выделялась в специальный раздел зоологии. Посмотрели специалисты по рыбам оба текста, подумали и решили, что таких рыб быть не может. Видимо, древние авторы просто переписывали легенду один у другого.

Но тут историки натолкнулись уже не на краткое описание, а на целый трактат, посвященный этому вопросу. Феофраст в своей книге «О рыбах, которые живут на суше» сообщал, что в Индии есть рыбки, которые выходят из рек, ползают по суше и возвращаются, когда нужно, обратно в воду.

Теперь зоологи разделились. Одни начали колебаться: а нет ли в далекой Индии и в самом деле таких необычных рыб? Другие же по-прежнему считали все эти сообщения сказкой.

— Ерунда, — горячились они. — Просто древние не видели разницы между рыбой и земноводными. Разве неясно, что они имели в виду именно земноводных. Смотрите, лягушка и тритон тоже превращаются из водного жителя, похожего на рыбу головастика, в жителя наземного, а когда надо, в период размножения, возвращаются в воду и там мечут икру.

— Может быть и так, — нерешительно возражали первые. Но тогда неясно, почему древние отлично видели разницу между рыбами и земноводными в Европе и путали их в Индии.

— Ну, это тоже ясно,— говорили их противники.— Об Индии ходило в те времена много легенд. Да и ныне рассказывают порой чудеса про эту страну. Что же удивляться, что им поверили древние?

Между тем исследователи нашли еще один документ, относящийся к IX веку. Это была рукопись одного христианского монаха, который описывал чудеса Индии со слов арабов-купцов.

«Живут там,— писал он,— люди с собачьими головами, а богатств у них столько, что мостовые на дорогах мостят золотым камнем. И еще есть в той стране немало чудес, даже рыбы там ходят по суше и взбираются на пальмы».

— Вот видите,— снова засомневались те, кто хотел поверить в существование необычных сухопутных рыб.— Не могли же все эти люди, жившие в разных странах и в разные столетия, переписывать одну и ту же нелепую легенду.

— Это сообщение монаха,— утверждали другие,— как раз и доказывает, что все сведения про ползающих рыб — блеф. Легенды о чудесах Индии жили до тех пор, пока португальцы во главе с Васко да Гама не нашли путь в эту страну по морю и не увидели, что чудес-то в этой стране нет никаких¹. Подобно тому, как умерла легенда о людях с собачьими головами и золотых дорогах, умрет со временем и сказка о сухопутных рыбах.

Ученым, верившим в существование ползающих рыб, тогда трудно было возражать на это.

В 1797 году лейтенант датского флота Дальдорф опубликовал свои впечатления от поездки в Индию. Среди прочего он описывал и необычных сухопутных рыб. «Одну из них я поймал собственными руками на пальме в углублении листа. Здесь было небольшое количество воды, в которой и лежала рыба. Сначала я решил, что она попала сюда из лап хищной птицы, которая почему-то не успела ее убить и съесть. Но впоследствии я не раз видел, как эти удивительные рыбы выходят из воды и ловко лезут на пальму по мохнатой коре, цепляясь за нее своими шипами».

Сообщение Дальдорфа наделало много шума, снова вызвало много споров, было перепечатано в научных трудах разных зоологов, но... так и не внесло ясность в вопрос.

Со временем колонизаторы более прочно обосновались в Индии и других странах Юго-Восточной Азии, и период беззащитности

¹ Первым европейцем, попавшим до Васко да Гама в Индию и правдиво описавшим ее в своей книге «Хождение за три моря», был русский купец Афанасий Никитин. Но в XVIII веке о нем еще ничего не знали в странах Европы.

Анабас может ползти по суше.

вого вооруженного грабежа местных народов сменился внешне вполне культурным и благообразным высасыванием всех богатств из этих стран путем эксплуатации их народов. Европейские зоологи, пользуясь удобным моментом, начали посещать новые колонии и заниматься исследованием их природы.

Вот тут-то и восторжествовали те, кто считал, что Геродот в вопросе о сухопутных рыбах не ошибался. Ученые обнаружили рыбку, которую местные жители называли «Тамоуле-паунеиери», что в переводе означало «рыба, карабкающаяся на дерево». Этой рыбке дали научное название анабас сплендес, что означает анабас лезящий.

В самом деле эта удивительная рыбка ползала по суше. Но делала она это не просто так, не из любви к сухопутному образу жизни, а только в связи с острой необходимостью.

Живет анабас в мелких, хорошо прогреваемых водоемах. Особенно засушливые лета такие водоемы высыхают. Для рыбного населения — это трагедия, это страшная массовая смерть. Но — не для анабаса.

Анабас выползает из высохшего пруда и по траве, цепляясь за ее стебельки плавниками и жаберными крышками, на которых есть для этого особые шипы, с трудом и медленно ползет в поисках воды. Чаще рыбки выползают ночью, под утро, когда трава покрыта росой. Тогда ползти легче.

Теперь мы знаем, что и наши европейские угри часто выползают из водоемов с несвежей водой или не имеющих стока в море и ползут к рекам по влажной от росы траве. Как ориентируются рыбы, где расположена вода?

Вода не пахнет, но ветер гонит пары воды, и часто даже целовек определяет по этим парам, что скоро будет пруд или река.

— На меня пахнуло свежестью,—думает усталый от жары путник,— значит где-то близко водоем.

Так ориентируются и анабасы и угри. Если на окружающей высохший пруд территории нет близко никакого водоема, анабас может и погибнуть. Ведь это не какая-то «сухопутная» рыба, а самая обыкновенная — «водяная». И на сушу анабас лезет просто потому, что в водоеме уже нет воды и надо ее искать где-то в другом месте. Долго быть без воды он, конечно, не сможет. Поэтому, когда на него «пахнет свежестью» с дерева, он, спасаясь от жаркого солнца, несущего смерть, начнет карабкаться на дерево.

Те рыбки, которым удается забраться, находят обычно в дуплах и пазухах листьев маленькие непересыхающие водоемчики. Эти водоемчики так постоянны в тропических лесах, что некоторые местные лягушки даже утратили способность метать икру в пруды и реки. Они откладывают ее только в водоемы дупла или пазухи листа, и здесь их потомство проходит все стадии развития. В этих крохотных лужах анабасы и переживают засуху. Но стоит пройти ливню, и наполнится водой пруд, как с деревьев сыплются анабасы и спешат скорее в родной водоем. Нетрудно понять, откуда у местных жителей раньше существовала легенда о добром божестве, посылавшем с первым дождем падавших с неба вкусных рыб.

Анабас действительно вкусный. Его с удовольствием ловят индийцы. Но чем ловят? Удочкой? Сетью? Вершью? Нет, ловят эту рыбу... лопатой. Да, простой лопатой. Во время засухи не все анабасы уходят из водоема. Часть из них зарывается в ил и там лежит без движения до первых дождей.

Местные жители приходят на такой засохший водоем с лопатой и корзинкой. Лопатой подрывают ил, а в корзинку складывают рыб. Анабасы быстро приходят в себя,— в иле они лежали оцепенев,— и стремятся улизнуть из корзинки, поэтому их надо плотно закрывать крышкой.

На рынке этих рыб держат в деревянной лоханке по сотне штук и больше, а иногда в тех же корзинах с мокрой травой. Пойдите на рыбный рынок в наших крупных городах. Вы увидите сложенные стопками кучки рыб разных пород. Пока рыбаки везли их к рынку, рыбы успели наглотаться сухого воздуха, жаберные листочки у них подсохли, съежились, и рыбы погибли, задохнулись или, как говорят иногда, «заснули». Редко когда удастся рыбаку довести рыб до прилавка живыми. Обычно для этого их завертыва-

Макропод — один из первых представителей анабантид, акклиматизированный в аквариумах.

вают в мокрую тряпку. В тряпке образуется влажный, насыщенный парами воздух, и тогда жабры не пересыхают и рыбы дышат. Наши ученые даже разработали способ «сухой» перевозки карпов во влажном воздухе. Карпы после такого путешествия даже нерестуют на новом месте. Но это — во влажных тряпках или особых камерах.

А анабасы свободно живут в палящем сухом воздухе и не только лежат неподвижно, как путешествующие карпы, но деятельно двигаются, то и дело пытаясь удрать от продавца. В чем тут дело? Почему анабасы могут передвигаться по суше и выделять из воздуха кислород, дышать им? Да и не только анабасы, а целая группа родственных рыб, которых так и называют «анабантиды». Рыбы этого семейства распространены в пресных водоемах Юго-Восточной Азии и Африки. К ним относятся макроподы, маленькие, умеющие «ворчать» трихописы, нежные любители чистой воды лялиусы, солидные африканские хищники ктенопомы, гурами, трихогастры, бойцовые и другие.

Эту группу рыб называют и по-другому — лабиринтовые рыбы. Лабиринт — это запутанное строение, из которого очень трудно выбраться. А причем же рыбы? Оказывается лабиринт встречается не только у царя Миноса и не только в журналах на страничке «В часы досуга». Встречается лабиринт и в ихтиологии — науке о рыбах. И здесь тоже не сразу ученые нашли из него выход.

Лабиринт с лабиринтом

У французского ученого Пьера Карбонье была удивительная страсть. Он мечтал акклиматизировать во Франции около Парижа всех самых замечательных животных, открытых в тропиках. Умом Карбонье понимал, что тропические животные не смогут жить и развиваться в суровом для них климате Франции. Но сердцем энтузиаста он никак не хотел с этим согласиться.

Однажды Карбонье узнал, что в Америке водится небольшой сом амиурус небулезус. У этого сома очень нежное и вкусное мясо, он легко и быстро размножается.

— Прекрасно,— воскликнул Карбонье,— выпишем-ка его в Париж.

И выписал. И выпустил целую партию этих сомиков в Сену, чуть выше Парижа. А уже через два года в заводях реки удалось найти маленьких сомиков.

— Ура,— торжествовал Карбонье,— акклиматизация удалась. Поищем-ка теперь еще что-нибудь интересное.

И ученый углубился в книги. Среди прочих книг попалась ему в руки книга англичанина Коммерсона, в которой он описывал рыб, встреченных им во время путешествия по Юго-Восточной Азии. Коммерсон писал:

«...У этих рыб очень нежное мясо,— говорил мне туземец.— Мы разводим их в прудах, а потом спускаем воду и ловим рыб.

Я направился к этим прудам. Вода на поверхности одного то и дело шла кругами. Я сел на берег и стал наблюдать. Из глубины выплывали широкие лобастые рыбы, тарашили на меня глаза и, высунув из воды кончик морды, нюхали воздух».

— Как зовут этих рыб? — спросил Коммерсон туземца.

— Гурами.

«Такое название не подойдет,— подумал англичанин.— Надо, чтобы название отразило что-либо характерное для данной рыбы. Почему они высовывают мордочки из воды? Видимо, у них развито сильно обоняние. Поэтому я и назову рыбу гурами «Осфроменус», что значит «нюхающая».

И Коммерсон дал гурами научное название осфроменус ольфакс, что в вольном переводе означает «нюхатель обоняющий».

Но что же заинтересовало Карбонье в этом рассказе?

Ученый обратил внимание на то, что, по выражению Коммерсона, пруд буквально кишел этими крупными рыбами. Значит, эта рыба очень продуктивна, если ее выращивать в прудах.

*Настоящие гурами —
большие промысловые ры-
бы.*

Но этого мало. Карбонье подошел к книжной полке и снял одну из книг многотомной «Естественной истории рыб» Кювье и Валансьера. Он открыл том на описании лабиринтового аппарата.

Кювье и Валансьер не видели живого анабаса или гурами, не наблюдали за их повадками. Оба автора препарировали заспиртованные экземпляры анабаса. Они обнаружили за обычными жаберными дужками еще какие-то видоизмененные дуги, состоящие из тончайших пластинок. Ходы и повороты между этими пластинками были настолько запутанными, что Кювье дал название этому органу лабиринт. Но зачем этот лабиринт анабасу?

— Очевидно, — рассуждал Кювье, — сюда, в этот лабиринтовый аппарат, рыба набирает запас воды и когда она перебирается из водоема в водоем, эта вода увлажняет жабры, предотвращает их высыхание.

Кювье очень торопился закончить многотомный труд. Ему некогда было задумываться над каждой проблемой. А если бы он на некоторое время задержался около препарированного им анабаса, если бы внимательно взгляделся в масштабы жабер и лабиринта рыбки, — у него неизбежно возник бы вопрос: как же в таком крохотном лабиринте уместается столько воды, что ее хватает, чтобы смачивать большие поверхности жабер рыбы в течение многих часов?

Но Кювье было некогда. Вопрос с лабиринтом был решен. А против мнения маститого академика никто не возражал. Да никто и не интересовался этим вопросом, пока Карбонье не увлекся идеей акклиматизации гурами во Франции.

— Подумать только, — восхищался экспансивный француз. — Ведь если гурами и анабасы приживутся в прудах, это будет самая лакомая рыба.

И он дал указание привезти во Францию партию гурами.

В наше время ихтиологи перевозят рыб из страны в страну и даже на другой континент без особых хлопот. Рыб помещают в особые сосуды — канны. Канны обычно делают из нержавеющей стали или алюминия. В СССР применяют самые совершенные канны: из органического стекла — через него всегда видно, как чувствуют себя рыбы. Из особого баллона в канны подается кислород, а иногда нагнетается просто воздух. Вода насыщается кислородом и перемешивается струей газа. Рыбы при этом чувствуют себя хорошо и доплывают на быстрых современных теплоходах или долетают на самолетах почти без потерь.

Но так перевозят рыб теперь. А тогда...

Агенты Карбонье в Индо-Китае наловили ему всех заказанных им рыб. Здесь были юркие полосатые рыбки со звонким местным названием данио, разноцветные усачи, по-латински барбусы, и, конечно, гурами. Всех рыбок запустили в большую бочку, а бочку закрепили на палубе уходящего в Европу парохода. Во время плавания пароход часто испытывал качку и чтобы вода из бочки, а с нею и рыбки, не вылетели за борт, на поверхность воды в бочке опустили деревянный круг, так что он целиком закрыл поверхность. Ни кормления рыб, ни поддувания в бочку воздуха в пути не делали.

Пароходы тогда плыли неспеша, черепашей скоростью через Индийский океан, мимо мыса Доброй Надежды, вдоль западного берега Африки и, спустя добрый десяток недель, благополучно добирались до Марселя или Гавра. Здесь их встречали ученые-ихтиологи, с волнением заглядывали в давно ожидаемую бочку и... И находили почти всех рыб... здоровыми!

Невероятно? Нет, не очень. Ведь рыбы очень выносливы и могут переносить длительное голодание. К тому же, в бочку сажали не так уж много рыб — не сотни, и не тысячи, как в современную аэрируемую канну, а какие-нибудь два-три десятка. Конечно, не все рыбы доезжали до Европы живыми, некоторые не выдерживали такой варварской перевозки. Но это были отдельные особи того или иного вида.

И вдруг в бочке, которую получил Карбонье, не оказалось ни одного живого гурами. Ни одного! Другие рыбы доехали благополучно, среди них погибли лишь единицы, а гурами погибли все.

Но Карбонье не отчаивался.

— Гурами могли погибнуть по двум причинам, — решил он. — Либо они не перенесли общества других рыб, либо их побило деревянным кругом, лежащим на поверхности воды. Ну, что ж, как ни печально, а придется повторить все сначала.

Легко сказать — повторить. Пришлось переждать осень и зиму и только на следующее лето (ведь не повезешь тропических рыб, когда в Европе снег) мог Карбонье ждать транспорт с гурами.

И вот он снова в порту, и дрожащей от волнения рукой приоткрывает край парусины, лежащей теперь вместо деревянного круга на поверхности воды.

— Боже мой, какая досада!

Перед глазами плавали лишь трупики рыб.

— И еще раз повторим, — упрямо мотнул головой Карбонье.

— Берите самых молодых и проворных рыбок. И как можно тщательнее закрывайте парусиной бочку в пути.

Прошло еще несколько месяцев. И снова Карбонье в порту, и снова с волнением смотрит на бочку. Его наметанный взгляд сразу определяет, что бочка очень небрежно закрыта парусиной — кое-где парусина не лежит на воде, а висит над нею. Но ругаться некогда. Рука срывает парусину, взгляд старается пронзить темную воду. Не показалось ли?..

— Есть, — неистово кричит Карбонье, — скорее сачок!

Но радость ученого преждевременна. Лишь одна рыбка из всей партии доехала живой. Только одна! Да и та лежит на боку и тяжело дышит.

Бережно переносит Карбонье драгоценную рыбку домой и пускает ее в самый глубокий аквариум. Она камнем падает на дно и лежит на боку, судорожно двигая жабрами.

— Чего ей не хватает? — мучительно думает Карбонье. — Вода самая чистая, глубина достаточная. Почему же она как будто в состоянии агонии, как будто вот-вот умрет?

Он сидит около аквариума неподвижно, устремив взор на загадочную капризную гураму.

— Почему все рыбы доезжают благополучно и только с этим видом получается такая нелепость?

Вдруг он увидел, что рыбешка зашевелилась, она пытается подняться, вот она уже устремила к поверхности, плавники ее работают изо всех сил, но сил не хватает и гурами камнем идет на дно.

— Она тонет, как будто вода — не родная ей стихия, — удивляется Карбонье. — Рыбы свободно регулируют глубину своего положения в воде с помощью плавательного пузыря. Может быть, он парализован у гурамы? Но от чего?

Размышления ученого прервались новой попыткой гурамы достичь поверхности воды. Рыбка стремится к поверхности, как сухопутное тонущее существо. Вот она сделала последний отчаянный рывок, мордочка на миг только высунулась из воды и...

Карбонье даже привстал от изумления.

— Эврика! — вскричал он. — Значит, гурами регулирует глубину с помощью воздуха, который она заглатывает из атмосферы!

Ученого ждал и еще один сюрприз. Гурами плавала все веселее и жизнерадостнее, но она то и дело подплывала к поверхности и глотала воздух.

— Да разве она нюхает! — воскликнул, наконец, Карбонье, — она ведь дышит атмосферным воздухом!

— Вот в чем причина гибели рыб в пути, — продолжал он. — Мы закрывали поверхность воды и доступ рыб к атмосферному воздуху. А значит, рыбки не могли дышать воздухом и гибли. Гибли?! Но ведь у них же есть жабры. Чем же они дышат: растворенным в воде кислородом или атмосферным воздухом?

На этот вопрос одна рыбка не могла дать ответ. И Карбонье, теперь уже зная причину неудач при прежних перевозках, организует новые. В 1873 году прибывает партия гурами — прибывает почти без потерь! В 1878 году в Европу «приезжают» анабасы, а затем в аквариумах ученых и любителей появляются и другие лабиринтовые рыбки: бойцовые (1892 г.), трихогастры (1898 г.), лялиусы и др.

Теперь уже наблюдениями занимался не один Карбонье. Лабиринтовые рыбки были у многих ученых и любителей аквариума. Наблюдая за ними, они установили, что лабиринтовые рыбки и в самом деле не могут жить без доступа к поверхности воды. Разные рыбки по-разному нуждались в атмосферном воздухе, но нуждались в нем все. Стало очевидным, что объяснение Кювье и Валансьера лабиринтового аппарата как хранилища воды на случай пересыхания водоема не выдерживает критики. Лабиринтовый аппарат был нужен рыбам для заглатывания атмосферного воздуха. Он действовал не только в засуху, но и в течение всей жизни рыбки. И являлся он хранилищем отнюдь не воды, а воздуха.

Ученые объяснили такую особенность анабаса и его родичей. Эти рыбки живут в мелких, сильно прогреваемых солнцем водоемах. Такие водоемы могут высохнуть, но, как мы уже знаем, анабасы от этого не погибнут. Но даже если вода в этих лужах и не высохнет, кислорода в ней будет очень и очень мало. Вот тут-то и поможет рыбкам способность «дышать» атмосферным воздухом. Гурами и трихогастры не могут, как анабас, ползти в поисках воды. Но зато им не страшна даже самая тухлая вода: они и в этой воде доживут до периода дождей.

Вот откуда у лабиринтовых способность заглатывать атмосферный воздух. И если их лишить ее, они погибнут даже в самой чи-

стой воде. Ученые проделали такой опыт: закрыли для этих рыб доступ к поверхности воды. Анабас погиб уже через 12 минут, гурами и бойцовая рыбка через 10 минут начали проявлять беспокойство, через 20 минут забились и упали на бок, а через 35—40 минут тоже погибли. Дольше всех оказался спокойным лялиус.

Значит, у всех этих рыб — разная потребность в атмосферном воздухе: у анабаса большая, у лялиуса меньшая. Но в то же время все эти рыбки рано или поздно задыхаются в воде и гибнут.

А раз лабиринтовые рыбы дышат не только жабрами, но и атмосферным воздухом, значит, они — двоякодышащие?

Нет, этого про лабиринтовых нельзя сказать, ведь у них нет одновременно и жабер и легких. Да и лабиринтовый аппарат — это не что иное как видоизмененные жабры. И вот опять запутались ученые в лабиринте анабантид. Что Кьюе был неправ — это как будто очевидно. Но и утверждать, что анабас «дышит» непосредственно воздухом атмосферы — тоже нельзя.

В конце 80-х годов проблемой лабиринтового аппарата заинтересовался известный русский ихтиолог Николай Юрьевич Зограф. Вместе со своими помощниками Зограф провел тщательное исследование лабиринтового аппарата. При этом выяснилось, что и орган-то этот не такой уж «лабиринтовый». У анабаса, например, он состоял всего из трех костных пластинок, отстоящих друг от друга на расстоянии 1,5—2,5 миллиметра. Воде здесь, конечно, негде было задерживаться. Но зато Зограф обнаружил, что поверхность лабиринта была покрыта мельчайшими кровеносными сосудами. Оказалось, что у лабиринтовых к этому аппарату подходили особые ответвления — вены и артерии. Идущая к жабрам (и лабиринту) венозная кровь от них идет уже обогащенная кислородом. Лабиринтовый аппарат, следовательно, оказался видоизмененной конструкцией жабер, приспособленной для обогащения крови кислородом из атмосферного воздуха.

Значит, правы те, кто утверждал, что лабиринтовые — двоякодышащие? Ничего подобного. Воздух в лабиринтовый аппарат попадает не непосредственно, не «сухой», как в легкие человека и других наземных животных или в легкие настоящих двоякодышащих рыб. Заглатывая воздух с поверхности, анабас обволакивает его тонкой пленкой воды. И вот этот-то пузырек воздуха попадает в лабиринт. Газообмен происходит не непосредственно, а через водяную пленку, окружающую воздух.

Когда в аквариуме вода несвежая, многие рыбки иногда подплывают к поверхности и, чавкая, заглатывают пузырьки воздуха. Пузырьки проходят через жабры и какая-то часть кислорода успевает пройти сквозь пленку пузырьков и усваивается жабрами. Так

делают золотые рыбки, карпы и другие, когда в воде мало кислорода. А юркие красавцы харациниды из Южной Америки довольно постоянно заглатывают пузырьки воздуха и катают их во рту. Но, конечно, никому и в голову не придет называть этих рыбок двоякодышащими.

Что же касается лабиринтовых, то у них эта способность заглатывать «мокрые» пузырьки воздуха стала постоянной потребностью, позволяющей им лучше приспособиться к сложным условиям существования. Но и их назвать двоякодышащими нельзя.

Так был, наконец, найден выход из лабиринта, в котором долгое время блуждали ихтиологи в поисках правильного объяснения лабиринтового аппарата.

Но история лабиринтовых рыбок на этом не обрывается.

Гнездо... из воздуха

В один из осенних дней 1846 года седые, престарелые члены Академии наук Франции собирались на свое очередное заседание. Слышался сдержанный гул голосов. Академики беседовали о предстоящем докладе.

— Доклад Коста? А кто, собственно, этот Коста?

— Коста, мсье, это довольно известный ныне зоолог. Он поставил какие-то интересные опыты с колюшкой и...

— Бог мой, с колюшкой? Ну что еще можно сказать об этой никчемной рыбешке?

Коста начал свое сообщение. Он обстоятельно знакомил слушателей со всеми особенностями колюшки. Это было мало интересно и кое-кто из академиков уже подремывал в уютном кресле. И вдруг словно грянул гром.

— Таким образом, нами было установлено,— говорил Коста,— что самец колюшки охраняет свое потомство в сделанном им же для икры гнезде.

— Вот тебе и раз...— растерялись одни.— Испокон веков люди уверовали, что рыба не заботится о своем потомстве, что она

спешит разбросать икру, а что дальше будет с этой икрой, ее не касается. Люди сложили немало пословиц про рыбью любовь, да и про людей — плохих родителей: «Он, что рыба, — выметал икру — и в сторону». И вдруг, рыба охраняет потомство!

— Этого не может быть, — горячились неверующие. — У Коста просто было случайное совпадение.

Но нет, опыт повторили — и получилось то же: самец колюшки, одевшись в брачный наряд и сверкая всеми цветами радуги, строил из травы гнездо, приглашал туда самок и охранял потомство, яростно нападая на каждого, приближавшегося к гнезду. И не успели зоологи осмыслить это необычайное, по их мнению, поведение колюшки, как из России поступило еще более сенсационное сообщение.

Уже давно ученые обратили внимание на икринки, которые иногда попадались в мантии двустворчатых моллюсков. Чьи это икринки, как они попадают в ракушку, которая от малейшего прикосновения тотчас захлопывается? И пока многие зоологи высказывали различные догадки, русский ученый Масловский взял эти икринки, да и вырастил из них рыб. И оказались эти «таинственные» рыбы... самыми обычными горчачками! Но как попала икра горчачка внутрь ракушки? Масловский провел наблюдения и ему удалось увидеть, как пара горчаков мечет икру, как они успевают молниеносно, прежде, чем захлопнется ракушка, отложить в ее мантию икринку и оплодотворить ее. Разве это был не удивительнейший способ заботиться о потомстве?

Колюшки у гнезда.

А в 1864 году, от уже известного нам Поля Карбонье поступило еще одно сногшибательное сообщение. Один из видов лабиринтовых рыбок, обитатель рисовых полей и канав Южного Китая — макропод строил для своего потомства гнездо из... воздуха.

Карбонье не удалось акклиматизировать гурами и других гостей тропиков в реках Франции: для них было слишком холодно в Европе. Но неугомонный исследователь не огорчился, он построил много аквариумов, стал подогревать помещение, где они стояли, и с увлечением наблюдал жизнь незнакомых рыб. К нему продолжали поступать все новые виды; часть завезенных рыб размножалась и он продавал молодых рыб и излишки завезенных из тропиков любителям аквариума. В те годы (70-е годы XIX века) в городах Европы появлялись сотни любителей аквариумов. Новое увлекательное занятие стало уделом не только биологов, но и совершенно не связанных с естественными науками лиц.

Но сам-то Карбонье хоть и сделался одним из первых импортеров и торговцев аквариумными рыбами, все-таки в наблюдениях оставался по-прежнему серьезным и вдумчивым ученым, пытливым и внимательным. Вот почему его наблюдения представляют большой интерес.

Однажды Карбонье заметил в углах аквариума с макроподами густую пену мелких пузырьков.

— Странно,— подумал он,— аквариум чист, вода ясная, откуда же эта пена — признак гнили?

Пену вычерпнули. Но назавтра она появилась по всей кромке воды. Хлопья пены плавали посредине, стояли цепочкой в месте соприкосновения поверхности со стеклом. Карбонье отсадил макроподов в другой аквариум. Но не прошло и двух дней, как и там возникла пена.

— Что-то тут не так,— решил ученый, и засел у аквариума с макроподами.

Прошел час. Потревоженные хождением людей около аквариума рыбки постепенно успокоились. И вот Карбонье увидел, как из зарослей растений вышла одна из рыбок. По длинным плавникам и окраске ученый определил, что это самец макропода. Рыбка подошла к одной из кучек пены, плавающей на поверхности воды, постояла под ней, внимательно оглядела ее и затем мордочкой коснулась поверхности воды. Видно было, что макропод несколько раз глубоко вдохнул атмосферный воздух.

— Ну что ж, пока все довольно обычно,— подумал Карбонье. Но не успел он закончить мысль, как началось необычное. Макропод немного опустился вниз и встал так, что нос его уткнулся

снизу в шапку пены. Челюсти его задвигались — казалось, он что-то усиленно жует — и изо рта потекла вверх тоненькая струйка белых пузырьков. Они поднимались к поверхности воды и присоединялись к плававшей там пене.

Как зачарованный, сидел Карбонье у аквариума час, два, три...

— Мэтр, к вам пришли...

— Мэтр, вы будете ужинать?..

Но Карбонье только махал рукой: «Уйдите, не спугните, не до вас».

А пены тем временем становилось все больше, она уже не просто плавала по поверхности, а даже поднималась горкой над водой. Теперь маленький строитель работал уже не в середине, а по краям, он как бы ровнял и округлял свое строение.

Из угла аквариума, где сидели другие макроподы, к пене часто приближались рыбки. Но наш макропод яростно бросался на них и отгонял прочь. И все же Карбонье заметил, что одну рыбку он отгонял совсем не так, как других. Он гнался за ней так, словно не хотел догнать, а она уплывала, как будто играя с ним в пятнашки. Ни свирепой стремительности, ни злобного наскока не было у макропода в обращении с этой рыбкой. А рыбка все чаще и чаще появлялась около пены.

— Но ведь это самка,— рассуждал Карбонье.— Может быть, эта пара собирается метать икру? Но причем здесь пена?

Ответ Карбонье получил утром следующего дня. Рано-рано занял он свое место около аквариума. И вот при первых лучах восходящего солнца увидел он дивную картину. Снова к пене подплыла самка, снова самец, стоящий под шапкой пены, повернулся к ней, но на этот раз она не бросилась наутек, а он не кинулся за нею. Обе рыбки сошлись недалеко от пены и вдруг самец встал поперек пути самки, прямо перед ее носом, тело его слегка изогнулось дугой, плавники пышно расправились и он заиграл в лучах утреннего солнца всеми цветами радуги.

— Какая красота,— прошептал пораженный ученый.

А макропод, словно понимая, насколько он прекрасен, так и крутился сверкающей радугой около серой скромной самочки, все шире и шире расправляя свое оперение и время от времени встряхивая всеми плавниками.

— Брачные танцы у рыб?! Но ведь меня засмеют, попробуй я только заикнуться об этом,— думал Карбонье, не отрывая взгляда от чудесной сцены в аквариуме.— Кто не знает пословицы «холоден, как рыба», выражений «рыбья кровь», «рыбьи чувства». И вдруг такая страсть, такой темперамент! Да мне просто никто не поверит.

Между тем, события в аквариуме разворачивались своим чередом. Самец постепенно подвигался под шапку пены, самка, словно зачарованная его красотой, послушно следовала за ним. И вдруг под пеной случилось самое невероятное. Самец встал вертикально, вверх головой, так что его тело оказалось поперек тела самки, и, прежде чем Карбонье попытался осмыслить этот поворот, рыбки неожиданно согнулись кольцом и... сжали друг друга в объятиях.

— Невероятно...— шептал пораженный наблюдатель,— объятия у рыб... Может быть, я грежу, у меня галлюцинации.

— Мэтр, к вам приш...

— Тсс,— прервал Карбонье помощника,— смотри!

Молодой человек тихо ахнул:

— Вот тебе и рыбаья любви! А здорово красиво.

Рыбки, ничего не замечая, все продолжали сходиться в объятиях. В один из этих моментов наблюдатели заметили, как вниз посыпались мелкие желтые крупинки.

— Икра! — прошептал Карбонье.

Молок не было видно, они прозрачны, но икра была видна очень хорошо. Часть икринок всплывала кверху и останавливалась под шапкой пены, другая часть шла ко дну. Обе рыбки бросились хватать ртом икринок.

— Неужели едят икру? — мелькнула мысль у Карбонье.

Нет, вот они подплывают к пене и выплевывают икру в середину пенистой кучки. Так вот для чего эта шапка из пены — это гнездо, в котором будет развиваться икра!

Нерест бойцовых рыбок.

А рыбки снова сошлись в объятиях и снова посыпались желтые крупинки. Только через четыре-пять часов вся икра у самки иссякла и тогда сразу изменились отношения рыб. От грациозных ухаживаний самца не осталось и следа. Злобно бросался он в погоню за самкой, нанося ей сильные удары. А нежная гибкая самочка превратилась в жуликоватого воришку, следящего из-за угла, когда самец отплывет от гнезда. Тогда она стремительно

мчалась к гнезду, стараясь занять место самца под ним. Но она неумело суетилась, вертелась, то и дело разрушая хвостом или плавниками гнездо, разбрасывая икринки в стороны. Заметив самку у гнезда, самец мчался спасать потомство и вновь загонял самку в угол.

Карбонье осторожно удалил из аквариума других рыб, и самку тоже. Он справедливо оценил, что ее роль в размножении закончилась.

А макропод-отец не отходил от гнезда. Он что-то поправлял в нем, выпускал новую струйку воздуха, брал в рот икринки и вновь выплевывал в самую середину. При этом окраска его была самая яркая и разнообразная.

— Почему? — задумывался Карбонье. Но он так и не сумел объяснить, почему в период размножения у многих рыб не только нет защитной, маскирующей окраски, но, наоборот, они теряют ее, приобретая яркий многокрасочный, как говорят ученые, нерестовый наряд. Ведь кажется, что при такой окраске легче заметить рыбу, стоящую у гнезда. Прошло с тех пор около ста лет, а проблема брачной нерестовой окраски рыб не объяснена до конца и поныне. Эта интересная загадка природы все еще ждет своего отгадчика. Но вернемся к нашему макроподу.

Прошел день, и вот Карбонье заметил, что у некоторых икринок стали видны черненькие точки — два глазика будущей рыбки. А другие икринки оставались бледно-желтыми и все больше белели.

— Наверно, это неоплодотворенные икринки, — подумал наблюдатель. — Они будут портиться и заражать соседние, живые. Как бы их удалить из гнезда?

Но пока Карбонье задавался этим вопросом, он увидел, что проблема удаления мертвых икринок интересует не только его. Макропод-отец тщательно осматривал все гнездо. Вот он подплыл к тому месту, где Карбонье увидел мертвые икринки, и осторожно, чтобы не задеть живые, взял в рот белые икринки, отплыл от гнезда и выплюнул их.

«Какая умница» — может сказать плохо разбирающийся в животном мире человек. Не будем пока разубеждать его, понаблюдаем дальше.

На второе утро из икринок показались хвостики, а к концу дня из оболочки вывалились и головки мальков. Мальки были крохотные-крохотные и совсем прозрачные. Они неумело дергали хвостиками и с помощью особых клейких выростов держались среди пены. В эти первые часы своей жизни мальки не могли ни плавать, ни питаться. Даже дыхание у них осуществлялось не

только через жабры, а всю поверхность тела, в особенности же через богатый кровеносными сосудами хвост. Вместо изящного животика у мальков висел большой по сравнению со всем их телом желточный мешок. Его-то содержимое и служило пищей мальку на первых порах жизни.

Конечно, первые часы жизни маленькой рыбешки сильно отличаются от ее будущей жизни. Вот почему мы говорим, что из икры вылупилась не сформировавшаяся, нормально дышащая, питающаяся, плавающая рыбка, а зародыш, но уже без оболочки икринки. И в самом деле, эта крошка далеко еще не рыбка, это только прообраз ее. На этой стадии личинки и гибнет больше всего рыбешек. Ведь спастись бегством, маскироваться, искать наиболее богатую кислородом воду они еще не могут. Как же сохранить потомство, если оно такое беспомощное, если рядом столько желающих полакомиться икрой и беспомощными личинками?

Природа предусмотрела несколько выходов из этого затруднительного для рыб положения. Вот один из них: у рыб в течение жизни миллионов поколений выработалась гигантская плодовитость — ведь некоторые виды рыб мечут по несколько миллионов икринок! Невольно думаешь: сколько же должно быть этих рыб в водоемах! Однако из этих миллионов до взрослого состояния едва доживают единицы. Все остальные гибнут на разных стадиях развития.

Другой выход — охрана потомства на первых, самых сложных этапах развития, когда ни икра, ни личинки не могут защищаться от врагов. Здесь защитой потомства занят отец или оба родителя вместе. Ясно, что у рыб, охраняющих потомство, молоди пропадет значительно меньше, чем у тех, которые просто выметывают свою икру в растения или на камни. Казалось бы, этих рыб, охраняющих своих «детей», должно быть значительно больше, чем первых. Но это неверно. Природа очень экономна. Раз твоих мальков пропадает меньше, значит тебе и не к чему миллионы икринок. У рыб, охраняющих потомство, количество икринок редко превышает 1500—2000 штук, обычно же оно исчисляется сотнями и даже десятками.

...Прошло три дня, в течение которых макропод-отец без устали ухаживал за малоподвижными крошками. Желточный мешок у многих из них уже втянулся внутрь, органы тела стали более пропорциональными, крошки стали походить на маленьких рыбок. Вот теперь они вступали во вторую фазу своего развития, превращались из личинок в мальков. Мальки могли уже свободно держаться в толще воды — плавательный пузырь начал функцио-

нировать. И они приняли горизонтальное положение и стали двигаться ударами хвостика вперед.

Сначала отец не позволял крошкам уплывать из гнезда. Он ловил их ртом и вновь водворял в гущу пены. Но постепенно десятки мальков разбредались все дальше и дальше от гнезда, да и само гнездо из шапки густой пены стало превращаться в хлопья отдельных пузырьков. Воздух, заключенный в оболочку из слюно-подобных выделений макропода, находился в заточении ровно столько, сколько потребовалось на нерест, развитие икры и переход от личинки к свободно плавающему мальку. Теперь гнездо было не нужно, слюнная оболочка начала разлагаться и пузырьки лопались и исчезали. За один день от гнезда не осталось и следа.

— Поистине, гнездо было сделано из ничего,— заключил Карбонье. Вот тогда-то он и сообщил, что макропод делает гнездо из воздуха.

— Из воздуха? — поразились ученые.— Но почему? Что дают эти пузырьки, в чем их преимущество?

Вокруг этого вопроса поднялся целый спор, и многие ученые спорят и до сих пор. Одни утверждают, что пузырьки улучшают газовый режим, т. е. обогащают воду вокруг мальков кислородом. Другие отрицают это, а назначение пузырьков видят в преломлении и рассеивании прямых лучей тропического солнца, которые, по их мнению, опасны малькам. Но мы не примем участия в споре, посмотрим лучше, что делают мальки макропода.

А мальки между тем рассыпались по всему аквариуму. Они всюду совали свои крошечные головки, что-то выискивали и кое-кто из них даже что-то клевал.

Но прошел день и их стало меньше, а на третий их стало совсем мало.

— Чорт побери,— воскликнул в досаде Карбонье.— Как же я не подумал о корме для крошек!

Один из самых опасных в жизни мальков моментов был упущен. Когда желточный мешок полностью рассосется и содержащаяся в нем питательная масса используется на рост личинки и превращение ее в малька, тогда наступает один из самых ответственных в жизни рыбки моментов, пожалуй, не менее ответственный, чем сам выход из икры — это переход к активному питанию. Крошечный организм развивается не по дням, а по часам. Ему нужна большая затрата энергии, а черпать ее надо постоянно в пищу. Мальку приходится искать столько же пищи, сколько раньше давал желточный мешок. И даже еще больше. И с каждым днем — все больше.

Вот тут-то и происходят самые печальные для любителя аквариума истории. Не успел ты обеспечить крошек коловратками или инфузорией в достаточном количестве — от громадного потомства останутся живыми только единицы, а то и весь выводок погибнет. Дал, наоборот, слишком много живого корма — опять плохо. Малек в эти дни требует особенно много кислорода, а инфузории и коловратки сами его немало поглощают. А бывает, что обеих этих бед удалось избежать. Но поленился аквариумист сходить на пруд, наловить коловраток, содержащих все нужные малькам питательные вещества. «Дам,— думает,— домашнюю инфузорию, тифельку». Тифельку — парамецию — мальки тоже едят. Да вот беда, любитель не посмотрел в микроскоп, что у него в банке с банановыми корками растет. Думает, что развел тифельку, а ее там «кот наплакал», все остальное хоть и тоже инфузория и на взгляд как будто много ее, а для малька пища не совсем та. Но мальки растут, развиваются, и только когда уже становятся маленькой рыбкой, смотрит любитель, и глазам своим не верит. Что такое: кто горбатый, кто курносый, а у некоторых позвонки гармошкой сложен. Отчего? А все от неправильного питания в эти первые дни, от недостатка корма, от недостатка витаминов в нем.

Вот насколько сложным является переход от личиночной стадии к активному питанию. Не сразу ученые открыли этот крутой поворот в биографии каждой рыбы. Немудрено поэтому, что первый выводок макроподов у Карбонье погиб. Зато второй удался на славу: здесь и корм был пущен в аквариум во-время, и самца убрали, как только мальки расплылись: все равно он уже был малькам не нужен и только мог их погубить резкими движениями. Из этого второго выводка и выросли те макроподы, которые распространились затем среди любителей аквариума по всей Европе.

Ну, а как же обстояло дело с другими лабиринтовыми?

Гурами тоже впервые размножились у Карбонье в 1874 году. Но широкого распространения они не получили — слишком уж велики их размеры — до 60 сантиметров. Зато трихогастры быстро заполнили аквариумы любителей благодаря своей красоте и небольшому размеру. Их даже стали называть «гурами», но это, конечно, неверно, настоящее их название трихогастры. Первым из них в аквариумах любителей появился серый трихогастр (в 1896 году). А потом был ввезен с острова Суматра небесно-голубой трихогастр. Его так и называли — голубой. В 1897 году капитан Десницкий привез в Москву большую партию экзотических рыб. Среди них были и анабасы. Были там и удивительной красоты тю-

левые рыбки — грудь у них была огненной, а тело как бы покрыто тюлем или обрызгано перламутровыми капельками. Эти рыбки были выловлены из глубоких лесных ручьев с чистой водой. Десницкий рассказывал, что ручей был забит упавшими стволами деревьев и корнями и, чтобы выловить «тюлевых» рыбок, пришлось прежде всего расчистить русло ручья. Поэтому удалось поймать лишь немного красивых рыбок. Рыбки не дали потомства и даже не были в те годы точно определены. Одно было ясно, что они принадлежат к трихогастрам. И только в 30-х годах нашего века у аквариумистов появились, наконец, и акклиматизировались в аквариумах эти красивые рыбки. Теперь их называют жемчужными трихогастрами (или гурами).

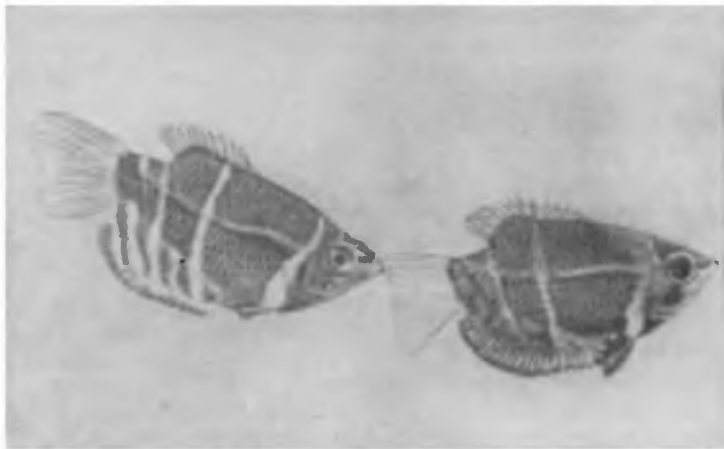
Неудачи ожидали и анабасов. До сих пор анабас в любительском аквариуме — большая редкость.

Все эти рыбки принадлежат к группе лабиринтовых и все они — родичи. Естественно предположить, что не только строение, но и повадки, например способ размножения этих рыб, сходны. И в самом деле, все они делают гнезда из пены, только одни на чистом месте, другие у зарослей растений, третьи с использованием в пене частей этих растений. Все мечут в гнездо икру, и самец остается на страже потомства.

Тем более странным диссонансом прозвучало в книге Н. Ф. Золотницкого «Аквариум любителя» сообщение о «живородящих малайских гурами». Автор сам не видел живорождения у этой рыбки и даже самой рыбки, а писал со слов одного немецкого импортера, опубликовавшего свои данные в журнале. Но и немецкий аквариумист не видел метки. Просто в бочке с малайскими гурами оказался целый выводок мальков.

Мы уже знаем, как в те времена на рубеже XIX—XX веков перевозили рыб. Конечно, за долгий путь гурами могли размножиться, а мальки при наличии в воде бочки достаточного количества инфузории даже вырасти. Впрочем, сам факт этот вызывает все-таки сомнение: так ли было на самом деле? Правдив ли автор статьи? Жаль, что такой знаток рыб, как Н. Ф. Золотницкий, некритически подошел к этому эпизоду и включил рассказ о «живородящих» гурами в свою книгу. Если бы он был более внимателен, он бы задумался, почему у этих «малайских гурами» при той же в общем конструкции тела, такое кардинальное отличие в размножении. Чем оно вызвано? Как изменился при этом организм рыбы? На эти вопросы нет ответов.

Никакого «живородящего малайского гурами» на самом деле нет. Речь шла о первом ввозе в Европу так называемого шоколадного гурами — очень красивой и ценимой сейчас рыбки. А раз-

Шоколадные гурами.

множается она обычно так же, как и все лабиринтовые. И лишь в исключительных случаях шоколадный гурами прибегает к самой удивительной форме охраны икры и мальков. Но об этом способе мы узнаем в одной из следующих глав.

Ну вот и все про гнездо из воздуха. Осталось только рассмотреть два вопроса. Во-первых, разберемся, прав ли непосвященный наблюдатель, назвавший макропода-отца умницей.

Проверим. Осторожно отгоним самца от гнезда с икрой, подведем под гнездо плоску и вынем его из аквариума. Самец начинает метаться в поисках гнезда. Опустим в аквариум на прежнее место другое, заранее отобранное у другого самца гнездо, но без икры. А теперь в углу подальше опустим гнездо с икрой. Кажалось бы, «умный» макропод поймет, что икра в другом месте, и уйдет к ней. Нет. Он продолжает ухаживать за пустым гнездом, как за полным, т. е. продолжает инстинктивный акт с того места, на котором мы прервали. А икра? Может быть, из нее и выйдет часть мальков. И они поплывут по аквариуму, а самец, тщетно охраняя пустое гнездо, будет их уничтожать, как чужих.

Проведем еще один опыт: во время «объятий» разлучим пару — уберем самца. Что предпримет самка? Половые продукты у нее в такой готовности к нересту, что она выметет икру и без самца. Икринки, конечно, будут неоплодотворенными, мертвыми. Но «умная» самка этого не заметит, она соберет эту мертвую икру и будет ее охранять в течение нескольких дней.

Удивительное строительство и охрана потомства у макропода — это не проявление «ума», это действия инстинктивные.

А какое же назначение имеют все-таки пузырьки гнезда?

Конечно, те ученые, которые считают, что гнездо призвано рассеивать прямые лучи солнца, неправы. Их точку зрения опровергла одна из лабиринтовых рыбок — макропод Дея (был такой исследователь рыб Индии — Дей), или, как его иначе называют за яркую окраску, полиакант — многокрас. Эта маленькая рыбка делает гнезда обязательно под чем-нибудь. Под широким плавающим листом. Под затопленной доской, под корягой. А в аквариуме — даже под перевернутым на дне горшком! О каком же рассеивании лучей солнца может идти речь, если гнездо на глубине, да еще в «пещере»? Зато вторая точка зрения, что пузырьки гнезда — это аккумулятор кислорода, приобретает теперь более веские основания. В самом деле, полиакант вообще живет на дне среди коряг и в пещерках. Там он и выпускает в уголок кучи воздушных пузырьков. Что это — гнездо? Не обязательно. Представим себе на миг, что в водоеме у поверхности лабиринтовых рыбок ждет враг. Что делать? Мы уже знаем, что без доступа к воздуху рыбки рано или поздно погибнут. И вот они вынуждены устремляться вверх, навстречу смерти, потому что внизу их тоже ждет смерть — от удушья.

Иное дело полиакант. У него нет надобности мчаться к поверхности — запас постоянно обновляемых пузырьков у него имеется «дома». А если пещерка с пузырьками на мелком месте — почему и не сделать здесь гнездо? Глубокой воды малек не перенесет, его вода раздавит, а на мелком месте не все ли равно, где гнездо — под листом у поверхности или под доской. Вот почему нельзя утверждать, что лабиринтовые рыбы всегда строят гнезда на поверхности воды.

Коррида... в воде

...Дон Мигель скучал. Нет, в целом он был очень доволен экспедицией. Самые невероятные жуки оказались в его коллекции. Он уже заранее предчувствовал, какой фурор произведет его коллекция, когда, возвратившись из поездки в Индию и Сиам, он покажет ее ученым Мадрида. Да что, Мадрида! Такое удивитель-

ное скопление неизвестных ранее насекомых можно было без смущения выставить даже в Париже.

Но стоило дону Мигелю отвлечься от занятий энтомологией, стоило ему наколоть на пробку последнего расправленного жучка, из пойманных за день, как он начинал скучать. Он не мог бродить по игрушечным улицам Бангкока, его не влекли таинственные звуки местной музыки и экзотический восточный базар.

В памяти его возникали картины родной Испании, шумная Барселона, узкие улочки средневекового Толедо, кафе Мадрида. И климат — жаркая сухая солнечная погода. Сухая, черт побери, а не эта паровая духовка, где нормальный человек обливается потом и стонет от душных влажных испарений.

— И потом, я люблю азарт, игру, веселье, — говорил он компаньону по экспедиции, педантичному уравновешенному ихтиологу немцу Вернкопфу. — Нельзя же так с головой уходить в своих рыб, как это делаешь ты. Человеку нужны развлечения, шумные, волнующие зрелища. Эх, если бы можно было попасть сейчас на корриду...

— Я никогда не был на корриде, — признавался, улыбаясь, Вернкопф. — И тем не менее, как видишь, живу, не умираю...

— Ты просто не понимаешь, что говоришь, — возмущался дон Мигель. — Порядочный гранд, даже если он увлекся энтомологией, не может жить без корриды. Чертовы сиамцы, хотя бы они понимали толк в простых петушиных боях — и то хоть была бы забава.

И дон Мигель, отказываясь идти в город, мрачно ложился с трубкой на кушетку.

Однажды Вернкопф, обычно уравновешенный и спокойный, пулей влетел в их общую комнату.

— Мигель, — закричал он, — хочешь увидеть корриду? Хочешь, мы пойдем сейчас на самое азартное, самое невероятное зрелище, какое я когда-либо видывал?

— Коррида в Сиаме? — приподнял бровь дон Мигель, — да у тебя жар, мой друг.

— К черту жар, — гремел ихтиолог. — Одевайся, скептик, я покажу тебе такое...

По улице они почти бежали.

— Да подожди ты, — запыхавшись, говорил дон Мигель, — какая может быть з Сиаме коррида. И тореро есть, и быки?

— Нет тореро, — отвечал на бегу Вернкопф. — И быков тоже нет. Зато азарта больше, чем на твоей корриде.

Дон Мигель ничего не мог понять. Они подбежали к большому низкому зданию и протиснулись сквозь толпящихся у входа людей внутрь.

— Идем сюда,— потянул Вернкофф товарища в сторону.

— Что это, выставка рыб? — разочарованно протянул дон Мигель. Вдоль стены узкого длинного зала стояла целая вереница одинаковых банок, в каждой из которых плавала одна рыбка. Все рыбки были одной породы, отличались только окраской и размером.

— Обрати внимание, какие красавцы,— восхищенно говорил Вернкофф.— Смотри, между банками проложена бумага, так что рыбки не видят друг друга.

— Да объясни же, зачем все это,— взмолился дон Мигель.— Если это выставка, то почему все они одинаковые, если это...

— Потерпи минут десять,— прервал его Вернкофф.— Идем-ка лучше в зал.

В круглом зале места были расположены, как в цирке, амфитеатром. Посреди зала стоял большой стол, на нем — широкая банка из светлого стекла.

Публика постепенно занимала места. Дон Мигель обратил внимание, что присутствующие местные жители были хорошо одеты: по-видимому, беднота не имела в этот зал доступа.

«Посмотрим, что все это значит» — думал Мигель, оглядывая оживленно гудящую толпу.

Внезапно ударил гонг. Служители задвинули боковые пологи и зрители оказались в полумраке. Только стол с банкой был ярко освещен падающим сверху, через отверстие в крыше, светом. Вновь раздались звуки гонга, в полосу света вышел человек и что-то сказал. Публика зашумела, послышались выкрики, по рядам забегали служители.

— Не хочешь участвовать в игре в тотализатор? — прошептал Вернкофф.

— Отстань со своими шутками,— проворчал дон Мигель, все еще не понимавший, что ему предстоит увидеть.

Два служителя внесли между тем две банки, закутанные в темные мешки. Они поставили эти банки рядом с большой и по команде сдернули с них покрывала. В каждой из принесенных банок было по рыбке — такой же, какие только что видел дон Мигель в фойе.

Один из служителей вставил в большую банку черный щит, так что получилось два отдельных помещения. Мелькнули два сачка, и обе рыбки оказались в большой банке, каждая в своей половине.

— Ай! Ей! — крикнул распорядитель, и щит из банки был удален. Обе рыбки увидели друг друга одновременно. Они начали медленно, как бы присматриваясь, сближаться. Вот они подошли

совсем близко, вот они остановились так, что голова одной оказалась у хвоста другой. Рыбки встряхнулись всем телом и медленно распушили до предела свои плавники. Небесно-голубые с переливами зеленого и темно-синего, с ярко-красными глазами, жабрами и брюшными плавниками, они в этот момент были прекрасны. По залу, замершему до этого, прошел одобрителный гул.

А рыбки снова разошлись, заняли ту же позицию, расправили до предела пышные плавники и слегка покачивали ими.

И вдруг... словно сорвавшийся камень с грохотом родил горный обвал. Зал разразился криком, люди повскакали, они кричали и размахивали руками. В первый момент дон Мигель не понял, что случилось, на минуту ему показалось, что он бредит, что он у себя дома, в Испании, присутствует на корриде. Люди с азартом кричат что-то тореро, а тот, выполняя их волю, пронзает острым стилетом быка... Дон Мигель ущипнул себя за ногу. Да нет же, он в Бангкоке, не в Толедо. Но зал от этого не успокоился: крики и споры, свист и размахивание веерами — страсти накалялись. И только тут дон Мигель вспомнил про рыб. Он взглянул на банку, и не поверил своим глазам. Куда девались пышные с плавными движениями красавцы рыбки? В банке метались два зелено-голубых оборвыша и, яростно потрясая разорванными в клочья плавниками, наносили друг другу быстрые и видимо весьма чувствительные удары.

Теперь уже дон Мигель не отрывал взгляд от банки. Он даже приметил одну из рыб — у нее был совершенно оторван спинной плавник — и стал «болеть» за нее. Скоро он уже кричал и неистовствовал, как и остальные зрители. А когда одна рыба обратила в бегство другую и стала ее убивать, служители сменили банку и в бой вступила новая пара.

Дон Мигель забыл о скуке. Он играл в тотализатор, и в первый вечер проиграл все, что у него было. Зато потом он научился определять силу и ловкость борцов еще на предварительной выставке участников состязаний. Там он намечал, на каких рыб ставить в игре, записывал их имена и целые вечера пропадал на «рыбной корриде». Вернкопф торжествовал — его товарищ больше не страдал сплином.

Когда дон Мигель вернулся в Испанию, он очень выгодно реализовал свои коллекции. А потом написал книгу о путешествии в Индию и Сиам. В этой книге целая глава была посвящена рыбьим боям. Но она не вызвала шума. Читатели уже привыкли, что в тогдашних книгах о далеких путешествиях правда была обильно сдобрена небылицами. Даже зоологи ухмылялись: «Эко, хватил — рыбы бои!»

И вдруг, в 1892 году в Европу прибыл транспорт с новыми, до сих пор невиданными европейскими специалистами лабиринтовыми рыбами. За сходство хвостовых плавников этих рыб с хвостом петуха рыбки тотчас получили нарицательное имя «петушки». Но официальное научное имя у рыбок было другое — «бетта» (так их называли туземцы на Яве). В Европу ввезли сначала дикую форму этих рыбок. Они сверкали всеми цветами солнечного спектра и их видовое название — спленденс, что значит великолепный — отражало их красоту. Потом был ввезен еще один, более крупный вид драчливых рыбок; этот вид был назван пугнакс — воинственный. И только к концу столетия в аквариумах любителей появилась настоящая «бойцовая рыбка», та самая, о которой писал дон Мигель, та самая, которой не встретишь в природе в диком состоянии. Пышно оперенные, с вуалевыми длинными плавниками, красные, зеленые, синие, эти рыбки были выращены искусными сиамскими рыбоведами, почему они и получили наименование: «бойцовая рыбка, вариант камбоджийский».

Не сразу удалось народным мастерам создать новую породу. Давным-давно рыбоводы Камбоджи (ранее Сиама) выделили эту рыбку из среды других. Бойцовая рыбка считалась неприкосновенной в странах Юго-Восточной Азии. Наблюдательные рыбоводы отметили у нее две удивительные черты.

Во-первых, поразительную красоту, наличие почти всех красок в оперении рыбки. У отдельных особей, кроме того, попадались особо пышные плавники. Таких рыб вылавливали, помещали в закрытые бассейны и скрещивали. Так случайно удлиненные плавники стали постепенно через многие и многие поколения рыб признаком постоянным, наследственным. Рыбоводы не оставили без внимания и окраску рыб, они стали группировать рыб по какой-то одной преобладающей окраске. Постепенно выделились зеленая, голубая и особенно красивая бордовая линии бойцовых рыб. Эти три расцветки пополнились в наше время белыми и черными вариациями. Причем окраска рыб считается очень хорошей тогда, когда цвет, присущий данному варианту, не имеет проблем другого. Таких рыбок и в наше время встретить довольно трудно. Нет-нет да и мелькнет в изгибах плавника синей рыбки зеленый металлический блеск или чисто красная рыбка приобретает чуть заметную голубую оторочку. Чистые цветовые варианты камбоджийской бойцовой рыбки с пышными спинными, анальными и хвостовыми плавниками — одни из самых ценных и популярных рыб в любительских аквариумах, они совсем почти свели на нет культуру диких, взятых из природных водоемов видов бойцовой рыбки.

Вторая характерная черта этих рыб — драчливость самцов. Хорошо выкормленные, нормально выращенные самцы бойцовых рыб не могут спокойно видеть друг друга. Они налетают друг на друга, рвут плавники и лишаются в драке всех своих украшений. Поэтому хорошие экземпляры бойцовых самцов нельзя держать вместе. Но и отдельно их тоже держать не рекомендуется, самцы теряют яркую окраску, становятся вялыми, жиреют и стареют.

Как же быть? Самцов надо держать так, чтобы они постоянно через стекло видели друг друга. Тогда они долгое время находятся в «боевой форме» и часто становятся в «боевое положение», т. е. распускают свое оперение и наливаются сочным цветом.

Эта природная нетерпимость самцов друг к другу и была использована жителями Камбоджи, Таиланда, Явы для проведения рыбьих боев. Рыбок — участников состязаний — готовят для боев особым образом. Их выращивают на наиболее питательных кормах, причем каждую рыбку держат отдельно. Для развития и усиления инстинктивной драчливости самцам часто показывают соперника через стекло.

Перед боем устраивается выставка, где «спортсменов» группируют по цвету, форме и весу. В рыбьих боях равенство веса состязающихся так же обязательно, как и в спортивной борьбе людей.

Обычную бойцовую рыбку довольно просто купить в этих странах, но «фамильного рекордсмана», потомка известных чемпионов рыбьего боя, достать очень трудно и стоит он очень дорого. Таких рыб владельцы очень берегут, они привозят их к месту состязаний не позднее чем за четыре дня до боя, чтобы рыбки могли отдохнуть от дороги и набраться сил.

После того как отдохнувшие рыбки пройдут тщательный осмотр и распределение по окраске, величине и весу и публика успеет познакомиться с участниками состязаний и выбрать, за кого болеть, рыбок несут в главный зал, где пересаживают в банку для боя, «подводный ринг», если хотите.

Первое знакомство «бойцов» и их взаимная оценка совпадают с наибольшим ажиотажем зрителей: именно в это время можно предположить, у какой рыбки больше шансов на победу. Битва идет нормально, если обе рыбки активно наносят друг другу удары. Но когда одна обращает другую в бегство, состязание считается закончившимся победой преследователя.

Рыбок вынесут из зала и приготовят к бою новую пару. После боя рыбок сразу, пока одна не убила другую, рассаживают и хозяева отвозят их домой, где тщательно за ними ухаживают. Обычно уже через месяц рыбки снова готовы к новым боям.

Рыбка богини Исида

В 1798 году из Франции в Египет на кораблях отправилась военная экспедиция. Генерал Наполеон Бонапарт ставил своей целью захват Северной Африки и дальнейшее использование ее земель в интересах французской буржуазии. Чтобы иметь возможность сразу оценить по заслугам завоеванную землю, Бонапарт добился от тогдашнего правительства Франции — директории — разрешения взять с собой ученых.

Ученые не были сторонниками этого грабительского похода, они даже не знали точно, куда именно их везут. Ученых — историков, географов, зоологов, ботаников — увлекала неведомая страна, которую они ожидали увидеть.

Пока французская армия занималась военными делами, ученые исследовали египетскую землю. Историки и археологи с изумлением осматривали египетские пирамиды — те самые, о которых до сих пор европейцы знали лишь из описаний Геродота. С изумлением разглядывали ученые тонкую художественную резьбу древних на камне. На этих рельефных картинах были высечены люди в старинных одеяниях с высокими прическами, у многих были нарисованы удлинённые черепа. Было очевидно, что это изображение древних египтян. Но как более точно представить облик египтянина прошлого? Полностью ли рисунок соответствует действительности, т. е. сделан ли он в манере реализма или же это стилизованное искусство? Ученые решили проверить по изображению зверей. Если внешний вид зверей на разных картинах соответствует облику этих животных в действительности, значит и внешний вид людей изображен так, как они и выглядели много веков назад на самом деле. А изображений животных на камнях гробниц было более чем достаточно.

Ученые пригласили на совет молодого талантливого зоолога, бывшего в экспедиции. Это был Жоффруа Сент-Илер — впоследствии знаменитый ученый. Осмотрели изображения животных и установили, что изображены они довольно правдоподобно. Только в одном месте Сент-Илер удивленно поднял брови: на камне была высечена рыба с непомерно раздувшейся головой и в неестественной позе — хвост ее был задран вверх, а голова почти лежала на дне.

— Боюсь, что это фантазия художника, — сказал Жоффруа. — Такой позы рыба обычно не принимает, по крайней мере здоровая, а здесь, по-моему, остальные рыбы изображены здоровыми и в нормальном положении. К тому же, в моей коллекции есть

эти рыбы и у них совсем не такие непропорционально огромные головы. Короче, это положение рыбы на рисунке не соответствует действительности.

Прошли годы. Французы были разбиты и выброшены из Египта англичанами. Уехали и ученые Франции. На смену одним захватчикам на многострадальную землю арабов вступили новые колонизаторы. Не сразу умилили они местное население. Только во второй половине прошлого века смогли сюда направиться с экспедициями европейские ученые.

С большим интересом изучали зоологи рельефные изображения трехтысячелетней давности. Много интересного находили они в этих рисунках. А знатоков рыб по-прежнему смущала картина рыбной ловли на гробнице Саккара: почему одна из рыб, причем рыба определенной породы, изображена в таком своеобразном изгибе тела хвостом вверх? И почему у нее такая непропорционально большая голова при довольно тонком теле.

— В самом деле, почему? — ломал голову один из ученых. — Ведь эта рыба изображена все же настолько реалистично, что сразу можно определить, какую из нильских рыб имел в виду древний художник. Совершенно очевидно, что это булти (так зовут эту рыбку местные жители). Но у булти совсем нормальное соотношение головы и тела. Почему же, так точно следуя действительности во всех изображениях, древний каменотес решил изменить себе лишь в изображении булти?

— А может... — у ученого даже дух захватило от этой мысли, — а может древние знали больше нас об этой рыбке? Может быть, мы не все знаем о ее повадках?

И он отправился в ближайший поселок рыбаков, чтобы спросить современных знатоков рыб о повадках булти.

— Булти... — сверкнул белоснежными зубами молодой рыбак, — эту мелочь мы не ловим. Куда ее — собак только кормить.

— Это ведь не рыба, — засмеялся другой, — мы наловим тебе других рыб, больше и вкуснее.

— А может быть, господина интересует один секрет булти? — спросил третий.

— Какой секрет? — молниеносно повернулся к нему исследователь.

— Пойди к старому Мухаммеду, он расскажет тебе.

Старик долго жевал губами и ворошил палочкой песок, потом поднял на европейца выцветшие глаза:

— Никому из чужаков не открываем мы сокровенные тайны наших земель и вод. Но ты не с оружием пришел к нам и мы видим, как ты изо дня в день смотришь в наши сети. Ты так же

любишь наших рыб, как и мы, и ты не сделал нам вреда. Поэтому я открою тебе тайну булти.

Давным-давно, когда наши прадеды были молодыми, и давным-давно от молодости их жил на свете царь верхнего и нижнего Египта по имени Осирис. Он был добрый царь и научил людей рыть каналы, орошать землю и выращивать на ней богатые урожаи. У него была красавица жена — дарующая миру плодородие Исида. Но жил тогда на земле в верхнем Египте и злой завистливый Сет. Он убил благородного Осириса, а тело его разрубил на куски и развеял их по всему свету.

Горько рыдала несчастная Исида. Но даже поклониться могиле своего любимого повелителя не могла она. И тогда поклялась Исида найти все куски тела Осириса, соединить их воедино и похоронить мужа и царя должным образом. Долго ходила она, рыдая, по родной земле и собирала куски тела Осириса. И когда собрала она уже почти все, увидела, что нехватает лишь несколько кусочков в боку у Осириса. Вновь обошла она всю землю, но нигде не нашла недостающих частей. Тогда поняла она, что лежат эти кусочки в илистом дне Нила и не найти их в его мутной воде. Вышла она на берег Нила и горько заплакала.

Вдруг видит, выплывает из воды маленькая рыбка и держит во рту маленький кусочек.

— Возьми, о, Исида, один из кусочков тела Осириса,— сказала рыбка.— Я была бы рада вынести тебе остальные, но у меня слишком маленький ротик.

Услышали эти слова боги и сделали так, что у этой рыбки стал непомерно растягиваться рот. Спустилась рыбка на дно и вынесла один за другим кусочки тела Осириса.

Похоронила Исида тело мужа. А тем временем рос и мужал ее сын. Он стал прекрасным и сильным воином, пошел к Сету и убил его. И как только пал коварный Сет мертвым, боги воскресили Осириса и сделали его вместе с женой Исидой божествами плодородия. Когда Исида стала богиней, вспомнила она о маленькой рыбке, которая помогала ей собрать тело Осириса. И отметила она ее божественным знаком — отныне стала эта рыбка рожать своих детей через рот. А зовут эту рыбку булти.

— Красивый миф,— сказал ученый, когда старик умолк.— Но ты обещал мне открыть секрет булти?

— Но я же рассказал о нем тебе, чужеземец,— удивился старый рыбак.— Ведь я же поведал тебе, как отметила Исида маленькую булти.

— Это сказка, старик — печально сказал ученый.

— И в сказку надо верить,— ворчливо сказал старик и с крях-

тенем встал.—Налови, чужеземец, несколько булти, посади их в бочку, может, тебе повезет и тогда ты поверишь в сказку.

— Странно все это,—рассуждал по дороге домой ученый.— Конечно, я не пьян и не сошел с ума—верить, что мальки у булти и впрямь рождаются изо рта, я не могу. Но почему старик так убежденно советовал понаблюдать за булти? Старый человек дорожит своим авторитетом. Не станет он так шутить. Что-то тут не так.

У ученого не было с собой аквариума или стеклянной банки. Он наловил несколько булти и бросил их в чан. Каждый день подходил он к чану и смотрел на рыбок. А они плавали и резвились, сверкая серебристо-лиловыми боками на солнце. Прошло несколько недель, и в чане появились молодые резвые рыбешки. Они не были похожи на беспомощных мальков, вышедших недавно из икры.

«Может быть, булти—живородящая рыбка?—подумал ученый.—Странно, для рыб этой группы еще не известна ни одна живородящая. Но тогда откуда же такие созревшие мальки?»

Ученый стал внимательнее следить за рыбками. Теперь он подходил к чану тихо-тихо, прямо-таки подкрадывался к нему. И вот однажды он увидел посреди чана, на светлом фоне лежавшего на дне песка целую кучку крохотных рыбешек. Они ходили тесной стайкой и что-то все время клевали. Ученый сделал резкий шаг к чану—и в этот момент произошло страшное. К стайке подскочила одна из взрослых рыб и в один миг... проглотила всех мальков!

— Ах ты, бестия!—вскричал в отчаянии ученый и уже схватил сачок, чтобы извлечь мерзкую рыбу из темного угла, куда она метнулась, как вдруг внезапная мысль обожгла его.

— Стой—прошептал он сам себе.—А как она их ела? Она стояла вверх хвостом! Вверх хвостом!!—закричал он, забыв о солидности.—Ну да, так же, как на рисунке гробницы Саккара. Не может быть? Нет, может! И я, кажется, на пороге какого-то открытия. Постой, постой—а ведь на барельефе перед носом этой рыбы художник нанес на камне какие-то штрихи. Ну, конечно, там есть штрихи! И никто не обращал на них внимания. А ведь это не что иное как изображения мальков. Да, да, древний художник и изобразил булти в момент, когда она ест своих мальков... Но почему она ест их?

Он принес стул, сел в тени у чана и велел никому его не беспокоить. «Просижу хоть до вечера и, может быть, что-нибудь увижу»,—рассуждал он.

Но до вечера ждать ему не пришлось. Он увидел, как одна из рыбок выплыла на середину. «Как же я не заметил раньше,—уди-

вился ученый,—ведь у нее совсем такая же крупная голова при тонком теле, как на барельефе Саккара».

Рыбка беспокойно плавала на самой середине, где вода хорошо прогревалась солнцем. Вдруг она наклонила голову вниз, точь-в-точь, как на барельефе и... И у ученого от ужаса зашевелились волосы. Рыбка раскрыла рот и изо рта у нее... посыпались живые мальки.

— Чертовщина,—воскликнул ученый,—наваждение какое-то.

При этом он наклонился к чану, рыбка тотчас встала вверх хвостом и—вжюки!—все мальки оказались проглочены.

Ученый вытаращил от изумления глаза. Но тут же он схватил сачок и выловил рыбку.

— Отдай мальков, кровожадная!—закричал он, изо всех сил тряхнув рыбку в сачке. Но рыбка держала рот закрытым и ни один малек не выпал.

— Ну, ничего, я все равно разожму твой рот,—возмущился ученый и посадил ее в стакан. Он хотел пинцетом извлечь из рта мальков, но когда он поднял стакан и рот рыбки стал просвечивать насквозь, он увидел, что во рту у нее копошится целая куча живых черточек.

— Так это же мальки!—поразился он.—И они живые! Значит, она их не съела?

Тогда он выпустил рыбку в чан, сел рядом и стал размышлять. Нет, рожать через рот—в эту сказку он поверить не мог. Но и поедать весь выводок—это предположение тоже отпадало. Что же оставалось? Оставалось предположить, что мальки каким-то образом попадали в рот и до какого-то возраста... жили там, как в безопасном убежище.

Это было невероятным, поразительным открытием. Но это было действительно так.

Хаплохромис мультикolor—как назвал ученый булти—небольшая светлая рыбка. Название родовое она получила от экземпляров, попавших к ученым в обычном, будничном наряде. Поэтому хаплохромис значит «просто окрашенный». Видовое название дал рыбе ученый, который видел ее в брачном наряде. Поэтому видовое название, кажется, противоречит первому: мультикolor, многоцветный. На самом деле и то и другое, по существу, верно.

Светло-серая, мало привлекающая глаз—такова на вид булти в обычное время. Но в период нереста окраска меняется. Самка приобретает более темную окраску, зато самец начинает переливаться всеми цветами радуги. Окраска спины и боков его в это время светло-лиловая с медным отливом, наружная сторона че-

А это африканская цихлида-пелматохромис.

Очень оригинальная форма тела у дискуса.

Вот они — знаменитые кои!

*Самка заплохромиса
(сверху) носит икру
во рту.*

шук блестит то голубым, то зеленым, то розовым цветами. На светло-коричневом спинном плавнике идут два ряда голубовато-зеленых с перламутровым блеском пятен, эти же пятна рассеяны по другим плавникам и голове рыбки. На краях жабр два больших пятна — черное и медно-красное. В период нереста самец булти вполне оправдывает свое видовое научное название.

Когда рыбки определяются в пару, они выбирают укромный уголок, обычно около корней водного растения, и начинают кружиться в танце. Временами самец опускается ко дну и хвостом разбрызгивает песчинки. Образуется неглубокая ямка в 5—6 сантиметров диаметром. Если в ямке оказываются крупные песчинки и мелкие камни, самец схватывает их ртом и относит далеко от гнезда.

Закончив строительство ямки, самец снова становится рядом с самкой, головой к ее хвосту и рыбки начинают медленно кружиться. Это и есть их брачный танец, в ходе которого происходит нерест. Икра падает в ямку и поливается молоками. Икринки немного — ведь они так хорошо будут защищены, отход будет так невелик. И природа, любящая во всем равновесие, отпускает этому виду рыб не миллионы икринок, а всего несколько десятков: 150—200 икринок — это уже много!

Когда икра выметана, самка опускается вниз и аккуратно собирает в рот все икринки. Теперь пасть у нее становится большая — нижняя челюсть эластичная и сильно растягивается. Более двух недель обречена мать носить во рту свое потомство. Пока икринки, а потом и мальки находятся во рту — питаться самке

нельзя. Она сильно худеет, от стройной раньше рыбки остается лишь непомерно большая голова и тощее тело, точь-в-точь, как на барельефе. Конечно, самке в это время очень хочется есть, и, если она видит корм, то стремительно бросается к нему, но тут же, словно вспомнив о своей великой миссии, останавливается и только взглядом провожает заманчивого и аппетитного червяка.

Постоянно втягивая через рот воду для собственного дыхания, мать-булти омывает свежей, богатой кислородом водой и свои икринки. Кроме того, она временами их как-бы пережевывает, перекачивая нижние наверх и не позволяя им слеживаться.

Вылупившиеся из икринок личинки лежат первое время в безопасности в своем убежище. Когда же они переходят к стадии активного питания, у матери прибавляется хлопот. Теперь ей приходится искать богатые инфузорией места в водоеме и там она становится в характерную позу — хвостом кверху — и открывает рот. Мальки тучкой выскакивают наружу и начинают ловить инфузорий. В это время и мать может, наконец, позволить себе половить корм. Но она зорко следит за тем, что происходит вокруг.

Вот упала на воду чья-то тень или рыбка почувствовала, что кто-то плывет сюда. Мать тотчас открывает рот и поднимает хвост: «Тревога!». И все крошки гурьбой устремляются в безопасное убежище. А вдруг не все? Вдруг один или два задержались и не видели сигнала тревоги? А им и не обязательно «видеть» сигнал тревоги. Когда самка становится в позу «тревога», она производит своим телом характерное встряхивание. Эти-то удары и доходят до мальков и воспринимаются особым чувствительным органом рыб — боковой линией. Этот сигнал — колебание — не только сразу передает всем малькам, что их зовет мать, но и указывает, где в данный момент мать находится. Вот почему со всех сторон они мчатся к спасительному рту, ни на минуту не сомневаясь и не изменяя направления.

Но и здесь, конечно, нет никакого проявления ума. Ученые подстерегли такое семейство «на прогулке» и... стащили мать. Да так ловко, — с помощью стеклянного сачка, — что мальки даже не заметили пропажи своего убежища. А затем к стайке мальков приблизили искусственно сделанную рыбку и стукнули по аквариуму. И «умные» мальки тотчас кинулись искать рот матери, и заплывали в ловушку — отверстие внизу искусственной рыбки. А потом «рыбку» повернули вниз отверстием — «ртом», и мальки снова выплыли наружу. Все это результат поразительной силы и целесообразности естественного отбора, в ходе которого у рыб выработалась такая защита от врагов.

У халлохромиса булти есть немало африканских родственников, размножающихся таким способом¹. Есть они среди родов хромис и тилипия. Надо сказать, что рыбы эти знамениты не только столь оригинальным способом размножения, но и еще кое-чем.

Например, эти рыбы — «святые». Удивительно? Нет, церковники их в самом деле считают «святыми» на том основании, что они упомянуты в «священном писании», в Евангелии.

Если же почитать текст Евангелия, то, пожалуй, и не найдешь упоминания об этих рыбах. В чем же дело? Здесь мы можем на примере истории «святых» рыб увидеть, как церковники всеми силами — и в наши дни — стремятся сделать «священное писание» наиболее достоверным, реалистичным.

Есть в Евангелии место, где рассказывается, как рыбаки Андрей, Петр и другие увидели вдруг идущего к ним по поверхности воды Иисуса Христа. «Пойдемте со мной», — сказал он им, — и вместо рыб я научу вас ловить людей», т. е. привлекать их души. Вот и весь эпизод. Если не считать, что Иисус шествовал по поверхности воды, — а это одно из его «знаменитых чудес», — то эпизод весьма короткий и мало вразумительный. Но берет «ученый» богослов такой короткий эпизод из Евангелия и пишет на эту тему целый трактат, или, как сами богословы называют, «комментарии к святому тексту».

Вот и взялся один из таких богословов «осветить» упомянутый эпизод из Евангелия. Установил он, что действие происходило на Геннисаретском озере недалеко от Иерусалима. Теперь ему надо было «подтвердить» реальность событий наличием в этом озере рыб, которых бы стоило ловить. Один из зоологов отправился на озеро и в самом деле обнаружил в его водах крупных и вкусных рыб из рода хромис. Но так как рыбы были новых видов, а зоолог был верующим и благоговел от того, что исследует фауну «святого» водоема, то и названия рыбам он придумал «святые»: хромис андреа, хромис симони и т. д. А если произносить эти названия полностью, — только так и надлежит обращаться с именами «учеников» Христа, отцов церкви, — то тогда названия этих рыбешек звучат напыщенно и в то же время комично. Например «хромис святого апостола Андрея Первозванного». Не правда ли, «вполне научное» название?

¹ Иногда вынашивают во рту икру и мальков не только некоторые африканские цихлиды. Такой же способ размножения порой можно наблюдать у «шоколадного гурами», о котором мы говорили раньше. Именно этим и объясняется «тайна живородящего гурами» — у одной из помещенных в бочку рыб потомство было уже во рту.

Разумеется, названия, придуманные лионским зоологом Лорте, в науке не прижились и были со временем заменены на более короткие, но более определенно отражающие те или иные характерные особенности данного вида.

Многие из этих рыбок, в том числе, конечно, хаплохромис мультиколор и другие рыбки, вынашивающие икру во рту, широко распространены в любительских аквариумах. Встречаются в них и тилляпии и хромисы, откладывающие икру на камни или в ямки. У одних из этих рыбок заботу об охране потомства берет на себя лишь самец, как, например, у тилляпии цилли, у других, как у очень красивой, но драчливой рыбки хемихромиса двупятнистого, заботятся о потомстве оба родителя. Забавно наблюдать, как гуляет по аквариуму семейство этих рыб — впереди папа, позади мама, а посредине тучка черточек-малечков. А еще забавнее видеть, как они разом, словно по команде, поворачивают в сторону или назад. Вообще, африканские хромисы и тилляпии, относящиеся к распространенному по всему тропическому миру семейству цихлид, доставляют немало удовольствия любителям аквариума.

Но не только в этом их польза. В Африке многие крупные тилляпии являются промысловыми рыбами. Их ловят сетями, бреднями, а иногда и по-старинному — кольями. Богатый рыбой залив отделяют от озера особым травянистым подводным занавесом, а потом местные рыбаки ныряют и стараются пробить копьём крупных рыб.

Рыбаки верхнего Нила делают это весьма искусно и добывают много рыбы.

В последние годы одна из этих рыб, тилляпия мозамбика, стала объектом акклиматизации. Африканские рыбы завезены теперь в водоемы Мадагаскара, Цейлона, Индии, Индонезии и даже Центральной Америки. Тилляпии так быстро осваиваются на новых местах и так хорошо размножаются, что стали даже конкурировать с давно разводимыми в водоемах Азии гурами.

Размах акклиматизации этой ценной промысловой рыбы достиг таких размеров, что был создан даже специальный международный комитет по акклиматизации ее.

И неудивительно. Этот вид тилляпии всего за один год достигает веса от 700 граммов до 1,5 килограммов, в течение года, например в прудах Вьетнама, тилляпии могут нереститься до 4—5 раз, каждый раз выметывая по 80—150 икринок.

Тилляпия и для нашей страны была очень заманчивым объектом акклиматизации, она ведь гораздо продуктивнее нашего старинного объекта расселения в прудах — карпа. Но...

Тилапия выпускает мальков на прогулку.

Но взгляни на карту нашего полушария, читатель. Как далеки наши южные границы от Вьетнама и Цейлона, насколько холоднее у нас климат, насколько суровее лето, какая выюжная, ледовая зима. Как мало у нас таких водоемов, которые не замерзают на зиму, сохраняя теплую воду.

А ведь тилапия все-таки «мозамбика» — она из тропической Африки, гость из теплых, не знающих зимы вод. Правда, этот вид оказался очень гибким в смысле приспособления к различным температурам. В то время как многие тропические рыбы уже при понижении температуры воды до $18-16^{\circ}\text{C}$ чувствуют себя угнетенно, а в дальнейшем и гибнут, этот вид тилапии мог приспособиться к нормальному существованию в воде с очень широкими (но, разумеется, не происходящими в течение мига) колебаниями температуры. Рыбы чувствовали себя нормально между 8 и 38°C — очень большой диапазон, который доступен очень немногим видам рыб. И тут тилапия как бы говорила: используйте меня, я очень выгодный объект для акклиматизации.

Используйте... А где? Конечно, и на территории нашей страны с ее холодными зимами есть такие водоемы, где зимой температура воды выше 8°C . Это водоемы субтропической зоны черноморского побережья Кавказа, Южного берега Крыма, Средней Азии. Но этого явно недостаточно. Где же еще могла бы поселиться тилапия?

А что, если...?!

А что, если поселить африканских рыб в замкнутые водоемы — охладители при ТЭЦ? Ведь, например, температура воды в водохранилище Краснодарской ТЭЦ и зимой не опускается ниже $+20^{\circ}\text{C}$, а у находящейся в более суровых условиях Сучанской

ТЭЦ на Дальнем Востоке — не ниже $+14^{\circ}\text{C}$. Да ведь это же идеальные условия для тилапий! Они сами могут выбирать подходящую для себя температуру, передвигаясь по водоему в ту или иную сторону.

Да и не только это. Водохранилища электростанций, особенно там, где вода теплая, быстро зарастают водной растительностью, — как водорослями, так и цветковыми растениями, — а это ведет к заилению, заболачиванию водоемов. Государство тратит немало денег на их очистку, и не раз работники ТЭЦ жалели, что нет такой «рыбы-сенокосилки», которая бы «паслась» на подводном пастбище, водную «траву» съедала и мясо нагуливала. И опять-таки для этого пригодна тилапия мозамбика.

Сотрудники кафедры ихтиологии Ленинградского университета поставили такой опыт. Часть мальков тилапий кормили как обычно, а другую посадили только на «растительный паек» в густозаросший аквариум. Оказалось, что «растительные» мальки почти совсем не отстают в росте и прибавлении веса от своих братьев, кормящихся хирономидами и дафниями. Ученые разработали рецепты кормления этих рыб жмыхом, комбикормами и другими дешевыми видами кормов. Кстати, всеядность тилапии служит источником многих анекдотов в Африке. «Если у тебя сносились ботинки, — шутят конголезцы, — не бросай их на свалку, а корми тилапиям и они превратятся в вкусное рыбье мясо».

Итак, тилапия и была той рыбой, которая могла с успехом жить в водоемах ТЭЦ.

Ее закупили во Вьетнаме и в больших эмалированных чанах привезли на экспедиционном судне Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства «Пелагида» во Владивосток. Юные рыбешки оказались крепышами, несмотря на все неудобства пути и несколько непривычную для них пищу. Их кормили хлебом, рисом, печенкой и даже котлетами, и за все время пути в 15 дней погибло лишь 4 рыбки из 250.

Тилапии перевозились без принудительной аэрации воды, причем показали себя как не очень требовательные и в этом отношении рыбы. При нехватке кислорода в воде они временами подплывали к поверхности и, быстро прогоняя через жабры поверхностный слой воды вместе с воздухом, полностью обновляли газовый состав крови.

Такая приспособленность и нетребовательность тоже очень важна, это значит, что в один и тот же объем воды можно без вреда для рыб поселить их гораздо больше, чем, например, карпа или таких требующих много кислорода в воде рыб, как щука или судак.

Во Владивостоке рыбок разделили — 50 штук поехало осваивать водохранилище Сучанской ТЭЦ, остальные полетели в Москву. Полет на Ту-104 занял 21 час, рыбы в пути не гибли.

Из Москвы тилапия отправилась на новые места жительства, в том числе в водоемы подмосковных и Краснодарской ТЭЦ. Часть рыб была передана для исследования научным учреждениям, причем уже ранней весной 1962 года в лабораторных аквариумах тилапия дала многочисленное потомство. Акклиматизация этой интересной рыбы из Африки продолжается. И мы уже сейчас можем себе представить картину недалекого будущего. Пройдут года, встанут по стране еще более могучие ТЭЦ и в водоемах их будут расти миллионы вкусных и ценных рыб. А там не за годами и то время, когда на карте нашей Родины возникнут одна за другой десятки атомных, а затем и термоядерных электростанций. И им тоже потребуется для охлаждения вода, самая обыкновенная вода, которая и вытекать будет тоже самой обыкновенной, только теплой. И кто знает, какие еще возможности возникнут тогда у акклиматизаторов для заселения ценными рыбами этих теплых даже в зимнее время водоемов.

Мяч из... рыбы

На очередную лекцию почетного председателя Московского общества любителей аквариума и комнатных растений Николая Федоровича Золотницкого собралось много народу, полный зал. Тут были и совсем молодые люди, учащиеся реального училища, где работал преподавателем Золотницкий, и маститые опытные аквариумисты.

— Итак, господа,— продолжал лекцию Золотницкий,— сейчас мы перейдем к самой интересной части нашего сообщения — демонстрации живой куткутьи.

Он наклонился над аквариумом, стоящим на столе около кафедр, выловил и положил на ладонь небольшую темную рыбку. И вдруг рыбка на глазах стала раздуваться и светлеть и не прошло и минуты, как на ладони лектора оказался вместо рыбки большой колючий шар.

В зале вытягивали шеи, стараясь разглядеть необычайный экспонат.

— Вот здорово,— прозвучал с задних рядов ломкий юношеский тенорок.— Прямо не рыба, а игрушка какая-то, мячик.

...Герберта Сленса интересовали местные сувениры. Именно с этой целью предпринял он длительное путешествие на лодке из Каира вниз по Нилу. Здесь, в небольших селениях на протоках дельты он и надеялся найти интересные его изделия местных ремесленников.

Отпустив лодку, Сленс присел на лежащий у воды камень и оглянулся. Недалеке виднелось селение — цель его сегодняшней поездки,— а ближе, между ним и окраинными домиками по песчаной косе носилась группа мальчишек.

Сначала Сленс не обратил на них внимания — эка невидаль, местные оборвыши играют в мяч. Потом он философски подумал о том, что дети везде одинаковы, как и их игры. Вот такие же точно мальчишки и в Англии «гоняют» мячи, кто победнее — тряпочные, а кто побогаче — еще дорожку пока новинку — гуттаперчевый.

Да, позвольте, а какой-же мяч у местных игроков? Маленький, чуть больше кулака, но явно не тряпичный — уж слишком легко он взлетает вверх.

— Интересно,— подумал Сленс.— Пожалуй, стоит подойти поближе.

— Чем вы играете? — спросил он оробевших и прекративших игру ребят.

Один из мальчиков поднял с земли и подал англичанину что-то круглое. Сленс удивленно взял этот мяч — он казался пустым, высохшим плодом какого-то растения. Раньше на этом плоде явно были колючки — их обломали. Вот и отверстие, отсюда очевидно выломан черешок. Значит, на противоположной стороне должны быть остатки цветка — как на груше или яблоке.

Сленс перевернул шар и тут же отодвинул его от себя подальше. С противоположной стороны на него смотрела в полускале четырех белых зубов голова рыбы. Сленс приблизил шар. Сомнений быть не могло — это действительно голова рыбы: вот глаза, вот жаберные крышки, вот следы обломанных плавников...

— Где вы взяли этот шар? — изумленно повернулся он к мальчишкам.

Но они не поняли его вопроса. Он пробовал объяснить с ними знаками, но ничего не получалось. Мальчишки что-то лопотали по-арабски, а Сленс ни слова не знал на этом языке.

— Неужели никто в вашей деревне не знает по-английски? — взмолился Сленс, не выпуская из рук загадочного шара.

Словно поняв его, ребята повели его к селению. На пороге маленькой, полуразвалившейся хижины сидел старый араб.

— Ты понимаешь по-английски? — спросил Сленс араба.

— Зачем, хороший господин, отобрал ты игрушку у ребят? — безбожно коверкая английские слова, прохрипел старик. — Они показали тебе свою игрушку и не могут понять, чем не угодили тебе.

— А я не могу понять, что это за игрушка? Где им удалось раздобыть эту не то грушу, не то рыбу?

— У каждого отца ребенок должен иметь игрушку, — с достоинством сказал араб. — В каждом нашем доме испокон веков имеются фахаки и никто никогда не отбирал их.

— Да я тоже не отбираю, — зашепшил Сленс. — Но ты сказал «в каждом доме»? Ты назвал этот шар «фахак». А что такое фахак?

— Ты не знаешь фахака? — удивился старик. — Фахак — это такая рыба. Она водится в рукавах Нила, вот здесь и там, везде. Раньше фахаков было больше, но и теперь их может каждый насобирать.

— Где насобирать? — вскочил Сленс.

— Идем, господин мой, я покажу, где найдешь ты фахаков, — крихтя, поднялся старик. — Только отдай, сделай милость, детям их игрушку.

— Нет, нет! — воскликнул англичанин, — я ни за что не расстанусь с этим чудом. Может быть, я разбогатею от этой, как ты говоришь, «игрушки». Пусть дети возьмут лучше за нее эту монету.

— К чему она им? — равнодушно заметил араб. — На эту монету можно что-то купить только в Каире или Александрии. Я знаю, я работал там много лет, там научился и вашему языку. А детям подари лучше свои пуговицы.

— Пуговицы? — удивился Сленс.

Он, не задумываясь, сорвал со своей куртки сверкающие медные пуговицы с изображением британского льва, отдал их пораженным от неожиданного счастья ребятишкам и побежал догонять старого араба.

— Вот здесь, — старик указал на отлогую отмель, — во время отлива остаются фахаки. Они очень злятся, шипят и щелкают зубами, а потом наглотаются воздуха, раздуваются и засыпают.

— Когда будет отлив? — нетерпеливо спросил Сленс.

— В море он начнется незадолго до захода солнца, а сюда низкая вода доберется, когда уже будет темно.

— Ах, какая досада! — огорчился англичанин. — Нельзя ли сейчас попытаться выловить хоть одну рыбешку прямо из воды?

Старик что-то крикнул стоявшим неподалеку мальчишкам и вскоре один из них принес рыболовный сачок.

— Ты видишь их, господин? — указал он на воду корявым пальцем.

— Нет, я вижу только камни.

— Плохо ты разбираешься в рыбах, чужеземец.

Сачок нырнул под воду и Сленс увидел, как несколько камней из той кучи, на которую он неотрывно смотрел, отпрыгнули в сторону.

«Да ведь это рыбы, — поразился англичанин. — Но они точь-в-точь, как камни».

Сачок медленно подвигался к рыбам-камешкам, а они, словно не в силах побороть любопытство при виде незнакомого предмета, продолжали неподвижно сидеть.

Рывок!

И в сачке бьется небольшая, неуклюжая, похожая на коробку с тоненьким хвостиком рыбка.

«Да это совсем не то», — разочарованно перевел взгляд Сленс с сухого шара-рыбы на живую в сачке. Рыбка неуклюже и довольно инертно ворочалась, но вдруг щелкнула челюстями, как-то по-особому квакнула и стала надуваться. Не прошло и минуты, как вместо продолговатой рыбки в сачке лежал колючий шар с крохотным тонким хвостиком.

— Теперь можешь брать его, — обернулся к пораженному Сленсу араб. — Только избегай его игл, они ядовиты!

В руках у Сленса лежали теперь два шара, один живой, другой уже высушенный. Черт возьми! В руках у него лежали не две рыбы, лежало целое богатство, фунты стерлингов! Ведь это же самый невероятный сувенир из страны пирамид, самая оригинальная память о Ниле. Только бы довести этих рыб до Каира, только бы показать другу Дарнеллу. У него — деньги, у Сленса — предприимчивость. О! Они будут страшно богаты. Только бы довести, только бы показать...

И тут случилось то, чего он боялся. Живая рыба квакнула, и с шумом выпустила воздух. Тысяча чертей, теперь это была самая обыкновенная рыба!

Однако фахак снова заквакал и стал равномерно раздуваться. Словно вздохнул, предчувствуя свою судьбу...

Скоро на одной из набережных Каира появилось новое торговое заведение. «Сувениры. Дарнелл, Сленс и К°» значилось на вывеске. В лавке можно было приобрести гипсовых сфинксов и

пирамиды, древние, оббитые и позеленевшие от времени статуэтки из глины (их делал специально нанятый для этой цели мастер), старинные амфоры, другие глиняные сосуды древности (изделия того же мастера) и фахаки. Сушеные, раздутые шарами рыбы. Их покупали больше всего. И не только потому, что это был единственный в лавке настоящий сувенир Египта, но и потому, что уж больно необычными были эти шары. Сленс даже перед входом повесил целую гирлянду сухих стучащих на ветру фахаков — они неплохо привлекали внимание посетителей. Впрочем, этот вид рекламы Сленс не изобрел сам, он просто увидел однажды такую гирлянду сухих рыб-шаров у входа в один из музеев Александрии.

Торговля необычными сувенирами шла очень бойко. Сленс радовался: на его банковском счету денег становилось все больше и больше. Зато фахаков, хищнически вылавливаемых для Сленса и других ему подобных торговцев, становилось в Ниле все меньше и меньше.

В наше время не просто найти в продаже сувенир из сухого фахака. Но в низовьях Нила все еще вылавливают этих рыб, теперь уже для зоологических парков и публичных аквариумов.

Челюсти фахака снабжены четырьмя клювоподобными большими зубами, откуда и пошло его научное название тетродон-четырёхзубец. Тетродоны — обычно морские, точнее сказать, прибрежные рыбы. В основном они питаются моллюсками, редко встречающимися на больших глубинах, и чаще всего обитают среди камней в зоне приливов и отливов, или, как говорят ученые, в зоне литорали.

Многие животные литорали во время отлива не успевают отступить в море с водой. Они переживают отлив, лежа на песке, и каждый по-своему.

Крабы зарываются в песок и под камни, моллюски захлопывают створки своих раковин, а те, у кого спиральные раковины, втягивают тело и прикрывают отверстия своего домика крышечкой. Морские ежи и звезды пытаются ползти к воде, подтягиваясь на своих многочисленных ножках-присосках, а прелестные махровые подводные «цветы» — морские анемоны, животные с научным названием актинии, съеживаются, теряют окраску и, втянув «лепестки»-щупальца, превращаются в слизистый комочек.

И тетродоны тоже приспособились. Набрав с легким кваканьем внутрь воздух, рыба раздувается в колючий шар и, прикрыв грудными плавниками жаберные щели, замирает. В спокойном состоянии рыба периодически, через 40—50 минут выпускает со свистом и шипением воздух и, поквакивая, набирает новый. Тем самым она

Набрав воздуха, тетродон раздувается в колючий шар.

обновляет запас воздуха, служащий ей в то же время для дыхания, пока она покоеится на суше.

В случае опасности тетродон может набрать и воду; естественно, что неопытный хищник, проглотивший скромную темную рыбку, начинает метаться во все стороны, когда в его желудке раздувшийся в шар тетродон впивается в стенки желудка ядовитыми иглами. И бывает, что молодая акула, не в силах оторвать эту «бомбу замедленного действия», гибнет от разрыва внутренних органов, и тетродон вырывается наружу.

Во время отлива рыбки остаются беззащитными на оставшейся без воды суше. Здесь за ними охотится много врагов, хищных птиц и зверей. Раздувшийся, ошетилившийся, как еж, тетродон наводит страх на некоторых хищников, в то время как нераздувшегося четырехзубца легко может проглотить даже небольшая чайка.

Наконец рыба-шар очень легка и первые чуть заметные струйки воды при приливе уже колышут ее на своей поверхности. Некоторое время тетродоны неподвижно лежат кверху круглыми колючими животами на поверхности еще мелкой воды, затем они с шумом выпускают воздух и погружаются в воду. Была бы хоть какая мелкая вода, а уж глубину рыбы сами найдут.

Как мы уже сказали, большинство тетродонов — рыбы морские. Но некоторые из них переселились в устья рек и стали пресноводными или пресноводными рыбками.

Таков африканский фахак размером до 40 сантиметров и значительно меньшая (до 15 сантиметров) куткутья — морская лягушка, как ее зовут малайцы. Эта рыбка обитает в реках Юго-Восточной Азии.

Тетродонов, особенно двух последних, часто держат в аквариуме. Они очень забавны и доставляют аквариумисту немало приятных минут. Только надо помнить, что уколы игл их болезненны, т. к. рыбку покрывает ядовитая слизь, которая может попасть в ранку.

Крупные рыбы, кроме того, могут очень сильно укусить острыми зубами.

К сожалению, тетродоны пока еще очень редко разводятся в условиях неволи.

Пара куткутья начинает нерест брачными танцами. Потом самка мечет около 250 икринок на плоский камень, а самец остается охранять кладку. Он заботливо удаляет погибшие икринки, обмахивает икринки плавниками, а при опасности прямо-таки садится на кладку, стараясь прикрыть ее своим телом. Через 6—8 дней, в зависимости от теплоты воды (а она должна быть около 28—30° С), вылупляются беспомощные личинки. Самец переносит их в роту в специально вырытую в стороне ямку, где личинки превращаются в мальков и начинают плавать.

Самка куткутья не принимает участия в заботах о потомстве. У других видов тетродона, наоборот, самка принимает самое деятельное участие в выхаживании потомства, то и дело зачем-то берет в рот икринки, перекачивает и «переваривает» их, а затем выплевывает опять.

Одной из причин неудач в разведении этих интересных рыбок является отсутствие подходящего для них корма в аквариуме. Взрослые тетродоны, питающиеся на воле моллюсками (для чего их челюсти и снабжены четырьмя мощными зубами, легко разгрызающими раковины), в аквариуме могут питаться как моллюсками (кроме ядовитых прудовиков), так и обычными аквариумными кормами.

Мальки морских тетродонов с успехом растут, питаясь инфузорией, мелкими пресноводными (дафния, циклоп) и морскими (артемия салина) рачками. А вот подобрать подходящий корм для мальков куткутья до сих пор не удается. По-видимому, первыми кормами этих рыбок являются не те, что мы им предлагаем в аквариуме. А что же? Этого мы пока не знаем.

Но будем надеяться, что ихтиологи и любители аквариума со временем найдут способы размножения в аквариумных условиях этих забавных рыбок-мячей.

Сухопутная рыба

Ипполит Заливский с детства увлекался коллекционированием. Сначала это были красивые камешки, потом бабочки и жуки, позднее — гербарии растений.

Когда Заливский, будучи уже взрослым, получил как офицер флота в 1913 году назначение на один из кораблей, следующих длинной дорогой из Петербурга во Владивосток, к нему перед отъездом собрались друзья — такие же любители природы, как и он сам.

— Ты не разбрасывайся, не хватайся за все, — говорил ему один. — Учти также, что большинству офицеров твое увлечение покажется странным, а матросы могут даже перестать тебя слушаться.

— Я думаю вот что, — сказал Андрей Андреевич Набатов, в то время один из известнейших специалистов аквариума в Петербурге, — в последнее время, Ипполит, тебя больше всего интересовали аквариумные рыбы. Вот и займись ими. Если ты привезешь сюда невредимыми хотя бы два-три новых для наших аквариумов вида рыб, то ты уже сделаешь полезное дело. Вспомни, какую сенсацию произвел капитан Десницкий, когда привез в Москву тропических рыб.

Так и порешили — в походе Заливский попытается наловить и довести живыми до столицы несколько пригодных для содержания в аквариумах тропических рыб.

В Гонконге крейсер стоял десять дней. Этого было вполне достаточно, чтобы договориться со старшим помощником капитана сдвинуть все вахты на первые дни и, отстояв их, получить свободное время для «экспедиций» в окружающие водоемы.

Заливский бродил в сопровождении китайца, продавца золотых рыбок, рекомендованного русскому офицеру таможенными чиновниками в качестве «большого специалиста» рыб. Заливский хотел найти место обитания красивых темных с желтыми полосками тропических вьюнов. Их родовое название — акантофтальмус — свидетельствовало о наличии около глаза острого шипа, а видовое — кулии — было дано в честь немецкого зоолога Куля.

Первые два дня поисков ни к чему не привели. «Большой специалист» все время улыбался и кланялся, со всем, чтобы ни сказал русский, тотчас же соглашаясь.

— Направо не может быть подходящих речек? — спрашивал Заливский.

— Может быть, может быть, господина,— улыбался старик.

— А налево? — начинал сердиться офицер.

— И налево может, все может, что угодно господина,— соглашался старик.

Мысленно посылая «специалиста» ко всем чертям, Заливский бродил по отлогому илистому берегу моря в надежде найти устье подходящей для ловли речушки.

Внезапно из под его ног выпорхнуло какое-то небольшое существо и галопом понеслось к воде.

«Лягушка какая-то,— подумал Заливский,— э, да тут полно следов этих зверюшек».

— Эй, старик! — крикнул он,— что это за прыгуны?

— Рыба, господина, это такая рыба.

— Черт бы тебя побрал,— проворчал чуть слышно офицер,— у тебя и камень станет рыбой, лишь бы угодить да заработать.

— Что это за рыба, старик, если она лазает по деревьям — вон, смотри, сидит на оголенных корнях.

— Рыба, господина, это рыба,— бормотал старик,— посмотри!

Заливский остановился. На берегу маленькой лужи, опустив хвост в воду и приподняв переднюю часть тела на брюшных и грудных плавниках, лежала рыба. Но какая! Тело ее было серого цвета с переходами от темной спины к более светлому брюшку, по всему телу шли зеленовато-голубые блески. Голова была не-померно большая, казалось в жабрах рыбы находится что-то, раздувающее их, и спереди напоминала чуть-чуть горбоносую морду тапира. Но самым замечательным были глаза этого чудища. Они торчали над головой, как трубы телескопа, и поворачивались в разные стороны один независимо от другого. Временами, словно моргая, рыба убирала внутрь одну трубку-глаз, оставаясь только с другой трубкой, потом глаза-трубки менялись положением и, наконец, выпячивались оба.

— Ну и ну! — восхитился Заливский.— Эту штуkenцию обязательно надо поймать.

Лужа была маленькая и шансов на поимку было много.

Натуралист стал подводить к необычной рыбе сачок. Он заметил, как выпрямились и встали торчком два спинных плавника рыбы, а оба глаза скосились в сторону сачка.

«Заметила голубушка,— мысленно произнес охотник.— Ну, это не беда, такую лужу за один взмах можно вычерпать, деться тебе некуда».

Но не успел он произнести про себя эту тираду, как рыба — да рыба ли? — ринулась не в воду, а от нее, проскочила мимо сачка и галопом поскакала к большой луже.

Обескураженный Заливский остановился в растерянности, но тут же увидел второе медленно скачущее существо и бросился за ним. Однако прыгун тоже припустил во всю прыть и догнать его не удалось.

— Чертовщина какая-то, — рассердился офицер. — Эй, «большой специалист», может ты поймаешь этих кузнечиков?

— Готовь банку, господина, — сказал китаец.

«Вот самодовольный тип», — подумал разгоряченный неудачей офицер.

А китаец тем временем разделся, подошел к краю лужи и, опустившись на колени, стал шлепать ладонью по илу. Через минуту он резко повернулся в сторону левой руки, молниеносно подкапал ил правой, и в банке забилась первая рыбка, крохотный скачущий кузнечик, всего 2 сантиметра длиной. Не прошло и полчасика, как из ила в банку перекачилось одиннадцать прыгунов от 2 до 5 сантиметров длиной.

— Здорово, — с уважением глядя на старика, сказал Заливский.

— Они меньше, чем взрослые, господина, — скромно ответил старик, — но бегом этих рыб не догонишь.

В этот день Заливский больше не искал акантофальмусов. Почти бегом неся он на корабль, в свою каюту. С нетерпением открыл он справочник-определитель. Ага! Вот они — илестые прыгуны. Научное название — перифальмус, в дословном переводе — вокругсмотрящий. Видовое название — шлоссери, в честь немецкого ученого Шлоссера. И описал эту рыбу впервые в 1770 году русский академик Паллас.

Заливский был счастлив. Вот будет сенсация для любителей природы Петербурга, когда он привезет такое чудо.

В банку с прыгунами натуралист опустил ветку и скоро прыгуны уселись на нее, как птицы, а те, кому не хватало места на ветках, присосались с помощью брюшных плавников прямо к стеклу. Брюшные плавники у прыгунов срослись между собой и, прижимаясь этой присоской к плоскому предмету, рыбка выдавливает из промежутка между присоской и предметом воздух и плотно прилипает.

Заливский заметил, что рыбки все время стремились выйти из воды, и снизил ее уровень до 10 сантиметров.

Перед уходом корабля из Гонконга натуралист сумел поймать и акантофальмусов. Теперь он уже не иронизировал над стариком-китайцем, не выбирал сам направления, и китаец привел его на берег узкой, заваленной стволами деревьев речушки. Здесь, в темной мутной воде, и были наловлены золотисто-черные тропические вьюны. Тогда же состоялось и некоторое знакомство с их

*Илистые прыгуны скорее под-
ходят для содержания в тер-
рариуме, чем в аквариуме.*

анатомией. Заливский то и дело до крови ранил пальцы о рас-
положенный под глазом рыбки острый шип, тот самый, который по-
служил основанием для научного наименования этих выюнов.

Когда корабль отходил от Гонконга, Заливский без сожаления
смотрел на удалявшийся пологий берег. Он увозил с собой рыб-
ные богатства этого пляжа. Но радость его уже на следующий
день померкла. Одна из рыбок-прыгунов умерла. Полагая, что
это произошло от того, что банка была плотно закрыта, Заливский
оставил крышку чуть приоткрытой.

Вернувшись в каюту, он обнаружил, что банка была пуста.
Огорченный натуралист обыскал всю каюту, но так и не нашел ни
одной рыбки. Они, видимо, ускакали к борту корабля и спрыгнули
в море.

Пришлось ему довольствоваться лишь акантофтальмусами.

Илистые прыгуны, бесспорно, одни из наиболее интересных
рыб водоемов нашей планеты. Устройство их глаз, брюшных и
грудных плавников, а главным образом их оригинальный образ
жизни издавна привлекали внимание людей. Но многие особен-
ности этой рыбки либо выяснены лишь в последние годы, либо
остаются неясными и поныне.

Прыгуны, как показывает само название, на суше передви-
гаются обычно прыжками: подогнув хвост, они быстрым рывком
выпрямляют его, отталкиваясь при этом от земли. Но они могут
и спокойно ползать по земле, опираясь на расширенные, словно
ласты, грудные плавники и перебирая ими. Хвост волочится по
илу, плавник его сжат. Могут они и ходить, подталкивая тело
согнутым хвостом и «перешагивая» грудными плавниками, могут

даже лазить на корни и ветви деревьев, которые они стараются обхватить все теми же грудными плавниками, помогая себе при этом брюшной присоской.

Но вот над рыбками пролетела бабочка — и они разом взвились в воздух, стараясь ее схватить. А когда появляется опасность, илистые прыгуны мчатся длинными горизонтальными прыжками к воде. Иные при этом падают, смешно барахтаются, шлепая плавниками по илу, но стоит им подняться «на ноги», как они тотчас вновь приобретают гибкость и ловкость. Ловить их довольно трудно, причем скачущих прыгунов не останавливают даже вертикальные препятствия: невысокие они преодолевают одним прыжком, а по высоким стенкам скачут вверх тоже довольно ловко. Единственная надежда охотника за этими рыбками — заметить прыгунов, зарывающихся в ил, и попытаться поймать их в этих норах.

Домчавшись до воды, рыбы тоже становятся недоступны. Они поднимают невообразимую муть, и то тут, то там над темно-серой жижой поднимаются глаза бинокли и вглядываются по сторонам: миновала ли опасность, можно ли вылезать?

Долгое время не обращали внимания на то, как располагаются прыгуны около воды. Обычно рыбки лежат на берегу, опустив в воду хвост. Казалось бы, вполне обычная поза: рыба вылезла из воды, а хвост не успела вынуть, остановилась.

Однако наблюдения показали странную особенность периофтальмусов. Даже подскакивая к воде с суши, они неизменно поворачивались к ней хвостом и пятились, пока хвост не погружался в воду.

Первое серьезное объяснение этого явления заключалось в том, что хвост рыбы имеет разветвленную сеть кровеносных сосудов.

— Очевидно, — решили ученые, — периофтальмус, находясь на суше, дышит «через хвост». Вот почему он опускает его в воду.

Что ж, такой вывод, пожалуй, можно логически обосновать. Как мы знаем, вышедшие из икринок личинки рыб дышат всею поверхностью тела, в том числе и «через хвост», а у прыгуна эта особенность сохранилась и во взрослом состоянии.

Так-то оно так, но...

Но как же тогда дышит рыба, когда она лежит на корнях прибрежных деревьев? Или когда она располагается на камнях? И второе: в мутных лужах, которые остаются в период отлива на илистых берегах моря, вода быстро нагревается и испаряется. При этом, чем выше температура воды, тем беднее она кислородом, а порою в лужах вода так испаряется, что остается только

влажная грязь. Уж в ней-то вряд-ли есть пригодный для дыхания кислород, а прыгун лежит себе, опустив хвост в эту грязь, и «в ус не дует». Да и рядом расположена большая яма с чистой водой и с пологими берегами — кажется, скачи скорей туда, иначе задохнешься. А прыгун по-прежнему лежит, опустив хвост в грязь.

Пришлось поставить под сомнение теорию дыхания «через хвост». Вновь ихтиологи занялись вопросом, как и чем дышит прыгун, оставаясь на суше во время отлива. И вот что они выяснили.

Еще в водоеме рыба набирает полные жаберы воды, а выползая на сушу, захлопывает жаберные крышки, так что нежные лепестки жабер не подсыхают от палящих лучей тропического солнца. Дыхание же на воздухе прыгуны осуществляют через всю поверхность кожи. Как земноводные, как лягушка и тритон, у которых наряду с легочным очень сильно развито дыхание через кожу. Но дышать через поры кожи земноводные могут только до тех пор, пока кожа влажная, пока слизь, ее покрывающая, не высохла.

Стоит коже лягушки высохнуть, и не поможет и легочное дыхание — лягушка погибнет.

Нечто подобное происходит и у периофthalmуса. Конечно, периофthalmус — рыба, лягушке он совсем не близкий родственник, но это неважно, в приблизительно одинаковых условиях существования (то в воде, то на суше) природа выработала у этих разных животных примерно схожие приспособления.

Тело прыгуна покрыто слизью и дыхание через кожу происходит интенсивно до тех пор, пока эта слизь влажная. Стоит ей подсохнуть, как рыба погибнет. Вот она и опускает хвост в воду, причем в любую, даже самую грязную и непригодную для жизни. Влага проникает сначала в слизистую оболочку погруженного хвоста, а затем смачивает и все тело, весь его слизистый покров. Пока кожа влажная, прыгун лазает по корням и лежит на камнях. Рыбка предпочитает лежать так, чтобы и на суше быть, и с водой иметь связь. Вот она и располагается «хвостом в лужу».

В предыдущей главе мы познакомились с тем, как приспособились тетродоны переносить неудобства отливов. У периофthalmусов, как видим, эта приспособленность пошла дальше, рыбка уже не только пассивно переживает свое пребывание на суше, но и может активно передвигаться по суше и даже охотиться вне воды за рачками, насекомыми и бабочками.

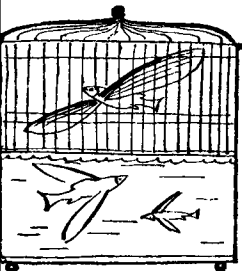
Периофthalmусы широко распространены как в южной Азии, так и в Африке. В Африке встречается другой вид — периофthalmус барбарус, получивший видовое название от географической местности Барбара, где его впервые обнаружили. Водятся виды этой интересной рыбки обычно в мангровых зарослях, илистых

отмелях, заросших особыми породами деревьев, высоко приподнятыми от грунта на своих воздушных корнях. В этих местах очень богатая фауна и периофтальмусы находят много съедобного среди оставшихся во время отлива морских животных. Именно поэтому и выработалась у этих жителей воды такая приспособленность к жизни на суше.

Пожалуй, даже нельзя назвать этих рыб по праву жителями воды. Ведь если фахака все-таки вполне можно держать в обычном глубоком аквариуме, то периофтальмусы долго в таких условиях не проживут. Этих рыбок держат в специальных аква-террариумах, обычно используемых для земноводных. Засаживать такой террариум нецелесообразно — прыгуны «вытопчут» зелень. Половину помещения превращают в неглубокий водоем, а на второй половине устраивают «сцену» — кладут камни, закрепляют корни. Прыгуны требуют высокой (около 28—30° С) температуры и воды и воздуха и довольно разборчивы в кормах. Живут они в неволе плохо. Но самое досадное, что этих чудесных рыбок до сих пор не удалось развести в неволе. Сделать это было бы тем более важно, что мы совсем почти не знаем, как прыгуны размножаются в природе.

Бабочка из реки Конго

Целый день де-Бразза ловил насекомых для своей коллекции, целый день взмахивал он сачком и дрожащими от волнения руками извлекал из него необычных стрекоз и громадных ярких, невиданных нигде до сих пор бабочек, целый день скользила лодка по протокам громадной африканской реки.

Де-Бразза устал, гребцы тоже утомились. Когда солнце скрылось в густой чаще леса, стоящего стеной на берегу, де-Бразза дал, наконец, команду грести домой. Лодка повернула к поселку. Неутомимый собиратель коллекции мог присесть и отдохнуть, все равно быстро наступающая темнота не позволяла уже ловить насекомых. Но возбуждение охотой еще не прошло и натуралист продолжал стоять на носу лодки, крепко сжимая в руках сачок.

Вдруг его наметанный глаз заметил быстро несущуюся над водой возле лодки не то ночную бабочку, не то крупную стрекозу. Молниеносный бросок сачком — и незнакомая добыча заби-лась в сетке. Сердце де-Бразза тоже забилося. Кем могло быть это новое крупное насекомое?

Осторожно развернул он сетку, и глазам изумленного энтомо-лога предстала... рыба.

— Как рыба? — удивился де-Бразза. — Ведь она летела, у нее был явно вид бабочки?

Ошибки не могло произойти, рыба была поймана в воздухе, сачок не мог упустить летевшее низко над водой существо и слу-чайно зацепить стоящую у поверхности рыбу: сачок воды не кос-нулся — он был сухим.

— Забавно, — сказал исследователь и положил летающую рыб-ку в отдельную коробочку.

Коллекции де-Бразза привлекли в Париже большое внимание специалистов.

— Среди прочих оригинальных, летающих над водой су-ществ, — говорил с кафедры исследователь насекомых бассейна Конго, — мне удалось поймать также и вот эту летающую рыбу.

Седые головы склонялись над плохо высушенной невзрачной рыбкой и недоверчиво качали головой. Летающая рыба в пресных водах? В первый раз слышим. В море, там и в самом деле есть такие...

Факт поимки рыбки в воздухе, во время полета, вызывал со-мнения, а плохо сохранившийся экземпляр не привлекал взгляда.

Зато когда в Европу были ввезены живые экземпляры этой оригинальной рыбки, обитающей в бассейнах Конго и Нигера, она сразу привлекла к себе внимание и ученых, и любителей природы.

Пантодон бухгольци — так называется эта рыбка. Родовое на-звание ее означает, что она имеет разнообразные зубы, а видо-вое дано в честь немецкого натуралиста-исследователя Бухгольца. Но чаще всего ее называют укоренившимся любительским назва-нием рыбка-бабочка. Этому названию способствует как довольно яркая окраска ее, так и своеобразная форма. Тело рыбки верете-нообразное, не очень вытянутое, большой рот помещается сверху.

Ротовые отверстия у рыб расположены по-разному. Есть рыбы, как пантодон, с «верхним ртом», есть с «нижним», есть со сред-ним. Почему такое разнообразие? Оно обусловлено теми видами корма, которые составляют основную пищу рыбы. Рыбы с «ниж-ним» ртом, например сомики коридорасы, питаются в основном донными животными, ученые часто называют этих мелких донных животных бентосом. Рыбы со средним расположением рта схва-

Пантодон напоминает и бабочку, и ... вертолет.

тывают мелких обитателей толщи воды — планктон. Ну, а рыбы с верхним расположением рта? Кого они могут хватать таким ртом? Отложим на минуту ответ на этот вопрос и вернемся к другому: почему пантодона называли бабочкой.

Посмотри, какие своеобразные плавники у этой рыбки. Грудные, ярко расцвеченные, как крылья бабочки, и форму-то имеют не плавников, а скорее крыльев; анальный и особенно хвостовой плавники тоже увеличены и напоминают парус. Хвостовые плавники у рыб имеют самую разнообразную форму. У пантодона мы видим не лопасть с вырезом, не круглый хвост, а длинный вырост из его середины.

Но особенно интересны у рыбки брюшные плавники. Они словно расщеплены на отдельно отстоящие, не соединенные перепонкой лучи. Нет, перепонка между ними есть, но она соединяет лишь их основания, а четыре длинных луча каждого плавника далеко выдаются из перепонки, как щупальца. Зачем рыбке такое строение плавников?

Вот теперь можно, пожалуй, ответить на оба вопроса: об устройстве рта и о строении плавников. Но для этого нам придется некоторое время понаблюдать за пантодоном. К сожалению, в аквариуме мы ничего не увидим. Чтобы понять, чем вызваны эти особенности рыбки, придется перенестись мысленно в один из узких лесных притоков реки Конго. Такие наблюдения за жизнью животных в естественных условиях называются экологическими наблюдениями. Экология, как мы знаем, — это наука, изучающая взаимоотношения организмов и окружающей среды, ее название происходит от двух греческих слов: «экос» — дом, родина и «логос» — наука. Экология — это понятие о доме, родине животного или растения. Ну что ж, последуем в родной дом пантодона.

Речка, которую мы выбрали, течет медленно, чуть заметно, а вода в ней чистая и прозрачная. По поверхности раскинулись заросли плавающих растений. Попробуем заглянуть под их листья.

Ага, вон они, пантодоны, стоят кучкой и как будто спят. Вероятно, на самом деле спят. Пантодон — рыба ночная, оживает лишь к вечеру, яркого солнца она не любит, прячется от него. В жаркий полдень все живое замирает. Не летают и мошки, составляющие основную пищу пантодона.

Но вот солнце спряталось за лесом, легли и растворились косые тени, в наступающих сумерках, радуясь спаду жары, забурлила жизнь. Запорхала и мошкара над водой. Тут и различные мухи, и дымчато-серые ручейники, чьи личинки — толстые белые гусеницы — прячут свое тело в трубочки, построенные ими из песка и веток. Порхают здесь и снежно-белые, с тремя длинными нитями-хвостами поденки. Несколько лет живет их личинка в тине и под камнями, а взрослое насекомое летает всего день или два: спарятся пары, отложат яйца и погибнут. Смотри, сколько их уже падает на поверхность воды!

Но что это? Куда бесследно исчезают эти насекомые?

Их проглатывают рыбы, тысячами собравшиеся на пиршество у поверхности воды. Но рыбы по-разному хватают плавающих насекомых. Одни высовывают при этом мордочку из воды, другие, заглатывая, производят страшный шум и хлопанье. По-видимому, у этих рыб устройство рта не совсем подходит для глотания плавающей добычи, у них либо среднее, либо нижнее расположение рта, плавающая по поверхности пища для них не типична.

Зато вон там, в стороне, плавающие поденки исчезают совершенно бесшумно. Значит, там их глотает рыбка, рот которой приспособлен именно для такой пищи.

Ну-ка, посмотрим, что это за рыбка, как она устроена.

Раз! И добыча бьется в сачке.

Но что это?... В наших руках типичный сомик из породы панцирных сомов. Как и у всех его собратьев, у него, конечно, нижнее расположение рта! Ясно, что эта рыбка уже во всяком случае не приспособлена к схватыванию корма, плавающего по поверхности воды.

Ясно? А может быть это-то как раз и не ясно? Может быть, мы поторопились, выловив сомика сачком?

Как часто, к сожалению, исследователи в прошлом торопились — скорее, скорее! — выловить, заспиртовать, засушить, сложить в гербарий, забывая, что самое главное как раз исследовать данный организм на месте, в привычной для него среде, в его родном доме. Такая поспешность приводила к тому, что видов

животных и растений наука знала много, а их особенности, их приспособленность к условиям существования в большинстве были неизвестны. И только со временем, когда ученые-биологи больше внимания стали уделять экологии, когда они оценили всю важность наблюдений над данным организмом в привычной для него среде, только тогда стала во всей широте раскрываться перед пораженным человеческим сознанием могучая природа с ее миллионами и миллиардами самых невероятных, но поразительно полезных для животных и растений ухищрений и приспособлений.

Перед этой великой картиной приспособлений к условиям существования в определенной среде обитания, приспособлений, которые вырабатывались у каждого вида в ходе ожесточенной борьбы за существование, в ходе длительного процесса естественного отбора лучших и наиболее жизнеспособных особей из миллионов поколений — перед этой картиной бледнела и трусливо отступала смехотворная идея о «всесильности» бога, ибо никакой бог, никакое «сверхсущество» не способно было продумать до мельчайших подробностей жизнь каждого организма на нашей планете, от крохотных бактерий и инфузорий до баобабов и слонов.

Итак, не будем торопиться с ловлей, ибо чем больше экологических особенностей интересующих нас видов изучим мы на месте, тем легче нам будет создать нечто похожее в аквариуме, тем лучше будут жить в неволе наши питомцы.

Выпустим сомика и понаблюдаем за ним. Вот он, испуганный, нырнул на дно и замер у камня. Но постепенно рыбка успокаивается и выплывает из своего убежища. Вот она подплывает к поверхности воды. Ну-ка, посмотрим, как удастся сомику схватить плавающую мошку. Сомик перевернулся на спину и поплыл брюхом вверх. Теперь его рот, расположенный книзу, оказался расположенным как надо: поденки так и исчезали в нем.

Это сомик-перевертыш, научное название которого синодон-тис, «имеющий все зубы объединенными», слитыми воедино. Некоторые виды из этого рода синодон-тис приспособились к заглатыванию пищи с поверхности воды и плавают при этом кверху брюхом.

Ну, а пантодон?

Ему не надо переворачиваться на спину, рот у него сверху и рыбка легко поедает все вкусное с поверхности воды. Зато со дна таким ртом подобрать лакомый кусочек не очень-то удобно. А вот синодон-тису это ничего не стоит: перевернется он в обычное положение и рот его окажется внизу. Не правда ли, рот на все случаи жизни?

*Синодонтис, как и гладыш,
плавает кверху брюхом.*

У пантодона рот «верхний», этой рыбе легко схватывать корм с поверхности. Но ведь не всегда на воду падает достаточно пищи. Поденки вылетают из личинок, а следовательно, и гибнут миллионными. Иногда кажется даже, что идет хлопьями снег, так их много. Но вылеты эти бывают далеко не часто, а какой-нибудь день или два в году. В остальное же время над водой хоть и летают мошки, но они не умирают массами, разве что одна-две где-нибудь свалятся в воду. Тут уж синодонтису приходится не очень многим поживиться с поверхности. А пантодон приспособлен к потреблению мошкары во все времена года. Мало ее падает в воду? Ничего, собьет.

Вот тогда-то и нужны пантодону его плавники. Он ударяет ими по воде и на короткий миг вылетает из нее. Всего на миг, но за это время его большой рот успевает схватить желанную мошку.

Бывает, что пантодон покидает воду и другим способом. На этот раз он не прыгает на месте. Разогнавшись у поверхности воды с помощью длинного выроста хвостового плавника (вот он для чего!), рыбка покидает воду и с помощью грудных плавников-крыльев планирует над ней на расстоянии одного-полутора метров. Для чего она это делает? На этот вопрос нет пока точного ответа. Может быть, рыбка охотится и таким способом, а может быть, она спасается от преследователя. Но бывает, что вылетает она из воды и без видимых причин. Раньше полагали, что пантодон может даже порхать, как бабочка. Позднейшие экологические наблюдения (разумеется, не в аквариуме!) отвергли эту версию, но причину полетов наверняка определить еще не удалось.

Нет точного объяснения и лучам брюшных плавников этой рыбки. Одни придерживаются взгляда, что эти лучи нужны пантодону, как шасси самолету, для смягчения удара при приземлении, точнее при «приводнении». Но более поздние наблюдения показали, что пантодон-самец обхватывает этими лучами-нитями самку в период нереста.

Так и неясно пока остается, для чего природа снабдила этими нитями рыбку-бабочку.

Нерест у пантодона тоже своеобразный. В аквариумах для него приходится создавать особые условия, готовить мягкую, слегка подкисленную торфом воду. Нерестующая пара длительное время плавает вместе, самец придерживает самку нитями-лучами (но если бы назначение лучей было только в этом, самка была бы их лишена). Почему рыбки плавают в таком положении длительное время? На этот вопрос тоже пока нет достоверного ответа. Не удалось и видеть, как самец поливает молоками икру. Возможно, у этих рыбок внутреннее оплодотворение, потому они и держатся вместе?

Икра пантодона, в отличие от икры тенелюбивых рыбок, любит солнце и плавает у поверхности. При температуре воды 28—30° личинки выходят через два-три дня и падают на дно, где и находятся до превращения в активно питающихся мальков. Мальки поднимаются к поверхности и уже от нее не уходят.

Вырастить их в неволе долгое время не удавалось: мешало отсутствие накопленного экологического материала. И только, когда подсмотрели в природе, чем питаются мальки пантодона, поняли, почему гибли рыбешки в аквариумах.

Крохотные рыбки-бабочки не едят плавающих в воде инфузорий и рачков — обычный корм мальков аквариумных рыб. Они питаются, как и родители, сухопутными насекомыми, только, конечно, тоже очень крохотными.

Присмотришься к поверхности воды пруда. Ты увидишь: на ней прыгают крохотные существа. Это уже знакомые нам маленькие насекомые — подуры. Подура не прорывает поверхностную пленку воды, она лишь чуть продавливает, прогибает ее. Поэтому она не тонет, не намокает. Вот подура уперлась в эту пленку крохотной вилочкой, расположенной на конце ее брюшка. Толчок, и подура перескочила в другое место. Эти подуры, а также крохотные мушки-дрозофилы и мелкие тли, обитающие на надводных частях растений, — вот пища мальков пантодона. Такую пищу не так просто развести в домашних условиях, да и наловить этих крошек трудно. Но только при таком корме и удастся успешно вырастить мальков пантодона.

И рыбы бывают однолетними

В предыдущей главе мы выяснили, как расположен рот у рыб, жизнь которых связана с поверхностью воды. Но только ли устройство рта характеризует этих рыб?

Присмотримся к зарослям плавающих растений в том же небольшом притоке Конго. Мы наверняка увидим вскоре неторопливую, словно подвешенную к поверхности, рыбку. Тело ее вытянутое, длинное, но не сжато с боков, а, наоборот, приплюснуто сверху, так что бросается в глаза широкая спина, плавно переходящая в такую же широкую тупо оканчивающуюся голову. Эта рыбка — один из представителей рода эпиллятис, что в переводе означает широкоспинная рыба.

Рассмотрим теперь строение эпиллятиса сбоку. Сразу в глаза бросается удивительная линия спины. Рот у рыбки находится на самом конце головы и открывается кверху. А от него идет прямая линия, как бы срезающая лоб рыбы и выгнутый у других рыб спинной подъем и пологий спуск спины к хвосту. У эпиллятиса ничего этого нет — только широкая плоскость лба и спины, кажущаяся сбоку прямой линией.

Все приспособлено у этой рыбки для существования у поверхности. Спина плотно прижата к поверхностной пленке, глаза у самой поверхности и прекрасно видят все, что происходит вне воды.

Эпиллятис шапери — маленькая рыбка.

Аплохейлуцы — активные хищники.

А спинной плавник, он ведь будет торчать из воды и обнаруживать рыбку? Нет, этого не должно быть. И вот постепенно, из поколения в поколение, спинной плавник перемещается все дальше и дальше от его обычного места посреди спины, пока не оказывается на том месте, где он ныне, на самом конце спины, там где ее широкая часть переходит в хвостовой стебель. Здесь он уже не мешает, наоборот, когда рыбке надо подскочить в воздух за мухой или бабочкой, она ударяет о воду сразу тремя большими вместе расположенными плавниками — хвостовым, спинным и анальным, и получает достаточный для скачка толчок.

Эпиplatисы принадлежат к группе ципринодонов, так называемых «зубастых карпов». В любительских аквариумах часто встречается один из видов эпиplatисов — эпиplatис шапери, получивший видовое название в честь французского натуралиста Шапера. Эти небольшие (до 5 сантиметров) рыбки постоянно держатся у поверхности воды и редко опускаются ко дну аквариума. Они легко разводятся. Из отложенной в гущу травы икры через 8—10 дней выходят мальки. Шапери, как мы установили, довольно маленькая рыбка, а вот мальки у нее получаются несоразмерно большие, они не только выходят уже с рассосавшимся желточным пузырем, но и питаться начинают не инфузорией, а сразу мелкими рачками. К чему такая поспешность, какая опасность подстерегает этих мальков?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется перенестись на водоемы юго-восточной Азии. Здесь, в заливах, канавах и прудах

мы встретим очень похожую по строению на эпиплатисов рыбку. Это будет представитель рода аплохейлус. Аплохейлус — значит «рыба с простой губой». Название это анатомически неверно, так как у аплохейлусов губа совсем не просто устроена. Но общее строение этих рыбок показывает, что они тоже принадлежат к живущим у поверхности видам. Как и пантодоны, аплохейлусы оживают к вечеру, ведь именно в это время летает мошकारа. Мечут они икру в гуще растений, но выбирают не заросли около берега, а плавающие растения. Почему плавающие? Это тоже имеет свой смысл.

Самец преследует самку и она проплывает среди зарослей растений и мечет икру. Самец плывет сзади и поливает икру молоками... Стоп! А попадут ли молоки на икру, ведь многие икринки успеют провалиться в глубину зарослей, пока самец продеется вслед за самкой. Как же быть?

Природа «подумала» об этом. Итак... самка мечет икру, а икра повисает у самки на теле целой гроздью, наподобие винограда. Такую гроздь не так уж трудно для самца полить молоками. Пробираясь дальше через растительную чащу, самка теряет икринки, но теперь они уже оплодотворены и могут сыпаться куда угодно. Через одну-три недели из икры выходит молодь. И опять она поражает своей величиной — это совсем сформировавшиеся рыбки, они сразу могут прекрасно плавать и питаться.

Теперь можно задаться таким вопросом: а что бы произошло, если бы пруд, где выметали аплохейлусы, стал пересыхать? Ведь в небольших тропических водоемах это вполне может произойти.

Оказывается, мальки сразу по выходе из икры могут следовать за отступающей водой на глубину. А икра? Аплохейлусы ее выметали на плавающие растения, а эта группа растений также дольше остается в воде, ведь она не связана с грунтом корнями-якорями и может плыть вместе с водой.

У близкой родственницы аплохейлуса — жительницы Японии рыбки оризиас несколько иное приспособление к колеблющемуся уровню воды.

Рыбка эта живет на рисовых полях, об этом говорит ее название: оризиас — рожденная рисом. Она так же мечет икру и икра так же повисает на теле матери виноградной гроздью. Но гроздь эта висит значительно прочнее и все развитие в икринке происходит на теле самки. Разумеется, самка всегда сможет отойти на глубину, когда уровень воды понизится. А вместе с ней уплывут на безопасное место и пассажиры-икринки. Весь процесс развития икра оризиаса проходит за двенадцать дней, а распадается гроздь на десятый-одиннадцатый день. Теперь уже небольшой срок

*Самка оризиаса с
гроздью икры.*

остался до выхода, да и самка роняет гроздь икринок на безопасном, достаточно глубоком месте. Поэтому из икринок выходят очень маленькие мальки, такие же, как у всех рыб, а не «сверх-скороспелые», как у аплохейлусов.

Но еще более удивительную приспособленность к водоемам с колеблющимся уровнем воды показывают другие родственники этих рыбок, тоже ципринодоны, на этот раз африканские афиоземионы. Они очень красивы: красные, синие, желтые — пожалуй не найти краски, которой бы не было у них. И у них пышные разноцветные плавники, словно маленькие знамена. Афиоземион так и переводится — маленький носитель знамени. Живут они уже не только в речках и прудах, но и в маленьких лужах.

*Маленький но-
ситель знамени
— афиоземион.*

Ну, а если такая лужа высохнет, ведь это может быть? Очень может быть, да так и происходит. Лужи жарким летом высыхают, а рыбы — рыбы гибнут.

И это, пожалуй, естественно. Мы знаем немало однолетних растений. Они вырастают из семян весной, развиваются и плодоносят летом и, сбросив семена, гибнут осенью. И никому в голову не придет причитать по этому поводу и считать, что судьба этих однолетних растений ужасна.

А разве не могут быть однолетние животные? Могут, конечно. Большинство насекомых, наши изящные бабочки — все это однолетние животные. Почему же не быть однолетним рыбам? Афиоземионы, или, как их раньше называли, фундулусы (от слова фонд — дно), и есть однолетние рыбы. Они рождаются из икры, когда лужа наполняется водой от дождей или разливов рек. Они рождаются, как и аплохейлусы и их африканские родичи эпиплятисы, сразу сформировавшимися, подвижными и активно питающимися рыбками. Они быстро растут и к периоду засухи успевают созреть для размножения и отнереститься.

Лужа пересыхает и рыбки этого сезона гибнут. Но они продолжили свою жизнь в своей икре и на будущий год лужа снова закишит бойкими красивыми рыбешками.

А если лужа не пересохнет? Тогда однолетние рыбки проживут и год, и два, и три. Но на всякий случай они все-таки приспособились, и весь цикл развития проходят за один сезон.

Как же сохраняется икра у этих рыбок?

Часть из них, как, например, афиоземион аустрале, который является тоже африканской, а отнюдь не австралийской рыбкой («аустрале» означает южный), мечет свою икру в гущу водных растений. По-видимому, эта рыбка еще не вполне однолетняя, хотя весь цикл развития у нее тоже ускорен. Но и в толстом слое водных растений икра может переждать до периода дождей. Можно даже больше сказать: пока не пойдут дожди, из икринки не начнут вылупляться мальки. Потому что даже в невысохшем водоеме к концу периода засухи вода обычно несвежая, в ней мало кислорода и бурно протекают процессы гниения. Вот эмбрионы в икре и ждут, когда вода освежится и станет для них более пригодной.

Другие афиоземионы мечут икру в грунт, они закапывают ее в мягкий песок или торф хвостовыми плавниками. Особенно интересно протекает метка у американских родственников, тоже ципринодонов — цинолебиаса (собаки-рыбы) и птеролебиаса (парус-рыбы). Первая из этих рыб имеет довольно обычную сжатую с боков форму, но окраска ее напоминает синее ночное небо, усы-

панное звездами. Птеролебиасы самцы напоминают самцов бойцовых рыбок; синие, фиолетовые, черные, красные цвета переливаются у них по шоколадно-золотистому фону.

Рыбки выбирают подходящий грунт, затем самец становится перед самкой и, сверкая всеми цветами своего наряда, приглашает ее к нересту. Встав рядом, обе рыбки как бы ныряют головой в мягкий торф, пробивая таким образом ямку. Там и происходит откладывание одной икринки. Спустя 10—15 секунд самец покидает ямку, а через 3—5 секунд к нему подплывает самка и рыбки повторяют все сначала. Им предстоит таким способом ни много ни мало разместить около 200 икринок. Правда, в благоприятное, не очень сухое время года нерест растягивается на недели.

Икра этих рыб развивается в темноте и для того, чтобы потомство получилось крепкое, ярко окрашенное, она нуждается в некотором охлаждении и подсушивании. Не надо, однако, понимать эти слова буквально. Если нерест происходил при 24°, то 20° уже будет «некоторым охлаждением», а 15° даже большим. Но икра выдерживает кратковременное понижение температуры даже до 5°С (это у тропических-то рыб!).

«Подсушивание» тоже не надо понимать буквально: если торф на 2—3 дня останется влажным, но без воды — этого вполне достаточно. Конечно, икринки однолетних рыб устроены не так, как у обычных, иначе они не выдерживали бы подсушивания. Под оболочкой они имеют плотную корку, от нее идут тонкие нити-выросты, благодаря которым икринка покрывается еще и коркой из песка и ила. Корковый слой икринок птеролебиаса выдерживает давление до 500 граммов. Это значит, что шагающие по пересохшему водоему звери не способны будут повредить «сухую» икру. Икринки всех этих однолетних рыб, как показали исследования, проходят четыре фазы развития. В покоящейся икринке в подходящих условиях начинается развитие эмбриона, который также проходит почти все стадии развития, а затем наступает вновь период покоя.

Неподсушенная и неохлажденная икринка долго не будет развиваться, так же, как и готовый к выходу малек не выйдет из икринки, пока не будут созданы подходящие условия. Отсюда можно заключить, что натуралист-наблюдатель в условиях аквариумного разведения этих рыб может либо ускорять, либо тормозить развитие яйца и эмбриона. Поэтому трудно точно указать срок развития икры этих рыб. Она может развиваться в аквариумных условиях и один-два месяца, но иногда ее развитие затягивается и на больший срок. Причем, часто это случается не по воле

Красные меченосцы тоже уроженцы аквариумов — в природе их нет.

А эти рыбки получили название
пыра-молли.

исследователя, а совершенно независимо от него и по невыясненным пока причинам.

Но вот икра и на воле и в аквариумных условиях прошла все три стадии: покой яйца, развитие эмбриона, покой эмбриона. Как же теперь разбудить эмбрион, заставить его выйти из икринки, «родиться»?

В природе это происходит так. Идут дожди, мягкая свежая вода заливает дно лужи. Просачиваясь в торф, она приобретает чуть кислую реакцию. Проходят день, два, три — в воде появились мириады бактерий и инфузорий. Все! Условия для мальков созданы и все икринки разом переходят в последнюю фазу своего развития: выход малька. Причем этот выход происходит очень быстро, мальки словно торопятся родиться именно в этих подходящих условиях. Весь процесс вылупления из икры — сколько бы ее ни было и в какие бы сроки ее ни откладывали родители — протекает всего за 1—5 часов.

И вот уже лужа кишит яркими, юркими мальками.

Но это лужа. А в аквариуме? Тут уж приходится мудрить, «стучать» в икринки, приглашать мальков: «Эй, выходите, пора!» Таким «стучанием», зовом может служить усиленное продувание воды, аэрация. Иногда в воду добавляют освежающее ее средство — трипафлавин. Но мальки могут упорствовать, они «не желают» рождаться. Тогда бросают на поверхность воды сухой корм, который, быстро разлагаясь, скоро образует в воде тучи бактерий; эти бактерии, наконец-то, «будят» эмбрионов и те рождаются.

Однако прибегают ко всем этим ухищрениям редко. Достаточно подлить в аквариум с икрой мягкой, чуть кисловатой или же нейтральной реакции воды и поднять температуру до 24—26°С, как начнется массовый выклев мальков.

Ципринодоны, особенно афисземионы, цинолебиасы и птеролебиасы, становятся все более и более популярными среди любителей аквариума как благодаря своей окраске, так и интереснейшему образу жизни. В подходящих условиях эти «однолетние» рыбки живут не один сезон, а несколько лет. Икру этих рыбок аквариумисты научились пересылать в обычных почтовых конвертах. Подсушенную торфяную крошку вместе с отложенной в нее икрой помещают в маленький полиэтиленовый пакетик и в простой авиаконверт. Сила жизни «авиа-икринок» поразительна. В 1963 году я получил из Дрездена конверт с икринками. Расписываясь за заказное письмо, проставил время — 10 часов утра. Отпустив почтальона, налил в банку отстоявшейся 22°-ной мягкой воды и высыпал туда же торфяную труху. Это была не первая

посылка с икрой, которую мне прислали таким путем, поэтому, отправляясь завтракать, я подумал: «Завтра должны вылупиться мальки». Каково же было мое изумление, когда в 11-30 утра в воде уже плавали восемь крохотных цинолебиасов! Они вылупились через один час пятнадцать минут после того, как икра попала в подходящую воду. И через восемь дней пути в конверте!

Когда фиолетовое кажется белым

В 1860 году из далекой Индии привезли в Европу небольших рыбок, заспиртованных в баночке. Рыбки оказались неизвестными и их отдали определить знаменитому ихтиологу.

Исследовав общее строение рыбок, ученый пришел к выводу, что они относятся к уже известному роду данио, а размышляя над тем, какое название дать рыбкам, он увидел, что по телу их проходит широкая полоса, потому и назвал он их альболинеатус — белополосый.

Только в конце прошлого столетия попали данио альболинеатус — данио белополосые — в живом виде в Европу. И вот тут-то встали в тупик и ученые, и натуралисты-любители.

— Да полно, та ли это рыбка?

При отраженном свете белополосый данио казался серо-зеленым с темной спинкой, основание хвостового плавника было темно-оливковое, а конец — золотистый с зеленым отливом. Вдоль всего тела действительно шла полоса, но она была совсем не белая, а сине-фиолетовая! Если же осматривать эту же рыбку при верхнем свете, то корпус ее казался розовато-голубым с фиолетовым отливом, а полоса сверкала кирпично-красным.

— Где же белая полоса? — недоумевали специалисты.

Но вот рыбки погибли и, поскольку их действительное имя было все еще неясно, их решили сохранить и положили в спирт.

И что же? Яркая окраска выцвела и полоса стала белой. Тогда только поняли, какая ошибка заключена в названии совсем не белополосой рыбки. Если бы ученый, определяющий этот вид данио, видел их живыми, он бы конечно не дал рыбе такое название.

Наименования рыб рассказывают иногда о подобных исторических ошибках, но порою в них уместается и целая история этих рыбок.

Студент Тан приехал из Китая в одно из высших учебных заведений Англии. Живя в Англии, он познакомился с деятельностью любителей аквариума.

— А знаете,—сказал он как-то в компании аквариумистов,—у нас в Китае недалеко от Кантона есть рыбка, которая доставила бы вам много радости. Она живет в прохладных ручьях Белых гор — значит, аквариум с нею не придется подогревать. И она так умеренна в еде, у нее такой небольшой ротик, что ее даже можно не отсаживать из аквариума после метки икры. Крохотные мальки могут плавать рядом с родителями, надо только густо засадить аквариум мелколистными растениями, да кормить хорошо и больших и маленьких.

— Что-то ты странное рассказываешь,—усомнились друзья-англичане,—мы про такую рыбку не слышали. А как она выглядит? Велика ли?

— Рыбка очень мала, не более 4 сантиметров. Но окрашена красиво: сама зеленовато-синяя, а плавники вишнево-красные. У молодых рыбок по бокам сверкает неоновым блеском неширокая полоска, а у взрослых вся красота в контрасте синего и красного.

— Но это же цвета кардинальской мантии! — воскликнул один биолог.—Послушайте, Тан, сдается мне, что эта рыбка вообще неизвестна науке. Привезите ее сюда.

И Тан привез. Окраска оказалась именно такой, как он описал, и рыбку тут же окрестили «кардиналом». Кардинал и в самом деле был неизвестен науке и только в 1932 году получил научное имя. Поскольку он представлял собой новый род, то ученому, определившему рыбку, представлялся полный творческий простор в выборе обоих названий: и родового (первого) и видового (второго).

Он назвал рыбку танихтис альбонубес и в этих двух словах отразилась вся история рыбки. «Танихтис» состоит из двух слов: ихтис — рыба, значит «рыба Тана». Альбонубес означает — с Белых гор.

Вместе с двумя описанными рыбками мы с тобой, читатель, входим в обширнейшую империю карповых рыб. Семейство карповых очень велико, и естественно, что в аквариумах любителей всего мира представители этого семейства занимают почетное место.

Рыбка Тана с Белых гор.

Мы уже познакомились с одним видом данио, но не эта рыбка из рода данио была первой, ввезенной в Европу. Еще в 1822 году описали зоологи данио рерио, небольшую длинненькую рыбку темно-коричневого цвета с четырьмя золотыми блестящими полосами вдоль тела и хвостового плавника. Правда, глядя на рыбку, так и хочется сказать наоборот, что по золотому фону идут темные полосы, но это обман зрения, при внимательном рассмотрении в этом можно убедиться.

Красивые юркие рыбки попали в аквариум в 70-е годы прошлого века, и с тех пор пользуются и поныне любовью натуралистов. «Зебра-рыба» называют их иногда, «зебричка» — нежно го-

*Юркие данио
постоянно
в движении.*

ворят чехи. Есть у этой рыбки и еще одно название, возникшее около ста лет назад и совершенно неверно употребляемое в некоторых книгах и ныне. Называют данио «дамскими чулочками». Это нелепое название появилось в те далекие годы, когда дамы носили длинные, до пола, юбки. Вот тогда и были в моде чулки, по окраске несколько схожие с окраской рыбки — чередование желтых и черных полос. Но об этих чулках давно забыли, пора забыть и это неподходящее для рыбки название.

Оба описанных вида данио образуют группу так называемых коротких данио и поэтому научное название этого рода брахиданио (брахи — короткий). Само слово «данио» взято из местного языка тех районов, где обитают рыбки, и означает рыба-рисинка. У других народов Юго-Восточной Азии эта рыбка получила имя «рерио», так оно и вошло в научное наименование как видовое определение — брахиданио рерио.

Наряду с несколькими видами брахиданио встречаются и более крупные данио — они больше по размеру и имеют большее количество лучей в спинном и анальном плавнике. Если зебричка достигает всего 5 сантиметров длины, то часто встречающийся в аквариумах данио малабарский — уже довольно крупная в аквариумных условиях рыба, достигающая 12 сантиметров длины.

Представители обоих родов данио хорошо прижились в аквариумах и стали разводиться. И вот тут-то аквариумисты столкнулись с очень любопытной проблемой. Данио метали икру и тут же жадно ее поедали! Почему? На этот вопрос до сих пор мы не имеем ясного ответа. Можно только предполагать причины этого странного каннибализма.

Как данио мечут икру в природе? Тело этих рыбок подсказывает нам, что данио прекрасные пловцы. Действительно, плавают они превосходно, могут делать молниеносные скачки, и даже за пределы воды. Однажды у меня из аквариума выскочил данио малабарский и пролетел по воздуху около двух метров. Данио держатся стайками и живут в проточных водах. Мечут икру они тоже на течении, причем целой стайкой. Самка несется прямолинейно вперед, против течения, а самцы группой следуют за ней. Несколько самцов нужны для того, чтобы было достаточное количество молок и они успели оплодотворить уносимые течением икринки. Так как метка происходит при быстром движении да еще на течении, против которого плывут рыбки, то икра сразу исчезает из поля зрения производителей. Данио никогда не видят свою икру.

Иное дело в тесном небольшом аквариуме, где мечет «гнездо» данио («гнездом» аквариумисты называют сочетание рыб разных

Черные барбусы — одна из наиболее красивых аквариумных рыб.

полов, нужное для удачного нереста, в данном случае два самца и одна самка). Рыбки в аквариуме мечутся волчком по кругу и в этот момент разбрасывается икра. Она попадает в поле зрения рыб и рефлекс полового возбуждения сменяется рефлексом хватания: обильно падающая икра кажется рыбам кормом, и они начинают хватать ее.

Каннибализм, т. е. поедание своего потомства, происходит тут чисто случайно. Всып в аквариум с данио, только начавшими брачные игры, манную крупу и они точно так же бросят игры и кинутся ее хватать.

Таково одно из объяснений поедания икры в аквариуме карповыми рыбами. Выдвигаются, разумеется, и другие предположения, но все они сводятся к тому, что условия метки не соответствуют природным. В благоприятных для рыб условиях никакого каннибализма не происходит.

Вспоминаю в связи с этим историю с так называемым черным барбусом. Эта рыбка была когда-то редкостью в Ленинграде и мне случайно удалось достать пару. Я держал их в совсем небольшой, 10-литровой банке, поставленной на письменный стол вдали от окна. Над банкой закреплена была лампа и поверхность воды была затянута толстым слоем плавающих растений. В самой банке был постоянный сумрак, а дно было густо усеяно частями стмерших листьев. И вот в этих условиях при температуре 28° С

барбусы выметали икру. После метки, потеряв брачную окраску, рыбки опустились на дно и даже не подумали есть икру, которой была усеяна вся банка.

Я пересадил барбусов в аквариум на окне. В нем было много растений, и барбусы снова метали икру, но... тут же ее и поедали. Лишь когда мальки из первого выводка подросли и их можно было отловить из банки, я пересадил барбусов на старое место и они снова отнерестились. При этом самка была уже другой, но результат оказался тот же — рыбки не обращали внимания на икру ни во время метки, ни после нее. Объяснение было в том, что для черных барбусов, обитателей сумрачных уголков водоемов, ярко освещенный аквариум не подходил.

Явление каннибализма встречается иногда у многих рыб и это является сигналом для аквариумиста: значит, не соблюдены для рыб необходимые условия. Часто, исправив положение, удается добиться положительных результатов. Правда, к данио и большинству барбусов это не относится — в аквариуме они, как правило, всегда стремятся уничтожить свою икру. Давать им громадные по площади аквариумы для нереста нецелесообразно и аквариумисты «обманывают» рыб иным путем. Либо аквариум густо засаживают в одном углу мелколистными растениями, в которых уцелеет часть икры, либо эти растения (а за неимением их вату) прижимают камешками по всему дну, или в аквариум опускают на высоту 5 сантиметров от дна специальную, равную площади аквариума, решетку из стеклянных трубочек. Икра проваливается сквозь решетку и становится недоступной рыбам.

Но мы заговорили о барбусах. Для нас это новая рыба. Барбусы-усачи — один из многочисленных родов карповых; в нем до недавнего времени насчитывалось до 300 видов рыб. Барбусы широко распространены во всех областях Европы, Азии и Африки с умеренным и тропическим климатом, в том числе и в реках СССР, впадающих в наши южные моря.

В последнее время из рода барбусов были выделены в самостоятельный род тропические усачи или пунчус. Слово «пунчус» (*Puntius*) означает — «имеющие форму лодки». Действительно, тело этих рыбок расширенное, плоское с боков, и при взгляде сбоку отдаленно напоминает вид лодки сверху.

Эти рыбки не такие хорошие пловцы, как данио, они не живут на быстринах рек и предпочитают стоячую воду. Поэтому они не любят в аквариумах проточной свежей воды, как данио, и предпочитают лишь немного обновляемую изредка старую воду.

В любительских аквариумах встречается более 50 видов пунчусов из тропиков Азии и Африки.

Одним из наиболее красивых является пункус нигрофасциатус — барбус чернополосый, называемый иногда черным, пунцовоголовым. По серовато-оливковому фону этой рыбки проходят четыре поперечных черных полосы. Спинной плавник самца черный, у самки с белой каемкой. Молодые рыбки имеют одинаковую окраску, зато старые самцы сверкают совершенно черным телом. Хвостовой плавник остается прозрачным, а голова и передняя часть корпуса горят пунцово-вишневой краской. Такова же и брачная окраска самца, но проявляется эта красота лишь у здоровых рыб и, как говорилось выше, в подходящей обстановке: при высокой температуре и полусумеречном освещении.

Наоборот, популярные пункусы тетразона (четыреполосые, называемые иногда «суматранусами») — любители солнечного света. В аквариумах встречается пять разновидностей этих оригинально окрашенных рыб, а также гибриды их. Вся красота таких рыб в контрасте золотого или вишневого фона с широкими черными поперечными полосами и красным кантом плавников.

Любовью аквариумистов пользуется и ярко-красный «огненный усач» — пункус конхониус (местное видовое название) и золотой с черными крапинками пункус шуберта, и вишневый пункус титтея (тоже местное название) и многие другие.

Среди африканских видов, имеющих несколько более вытянутое тело, есть один до сих пор загадочный вид, это пункус вивипарус — пункус живородящий. Все 300 видов барбусов и пункусов мечут икру. В 1897 году исследователю Веберу привезли новый вид рыбки из Африки. Вскрыв его, ученый обнаружил вместо

Расборы — оригинальное украшение аквариума.

икры мальков с большим желточным мешком. Длина мальков была до 8 миллиметров, а длина самой рыбки — 6,5 сантиметров. Вебер предположил, что у этого пунчуса исключительный для этого рода случай — живорождение.

Среди карповых рыбок из тропиков большим успехом пользуются изящные расборы (местное название). Известно около 30 видов этих небольших азиатских рыбок, но наибольшую популярность приобрела выделяющаяся из них расбора хетероморфа, что значит «с иным корпусом». В самом деле, тело ее шире корпусов других расбор и при взгляде сбоку напоминает правильный ромб. Передняя часть тела этой рыбки переливается зеленым, оранжевым и красным цветами, а на задней половине расположен яркий черный треугольник с вершиной к хвосту и основанием как раз посередине длины рыбки. Ромб лежит на розовом фоне, а плавники рыбки сверкают красным.

Раньше расбору хетероморфу считали трудно разводимой рыбкой, но потом подобрали для успешного нереста подходящие условия. Родившиеся в аквариумных условиях новые поколения этих рыбок легко разводятся в мягкой, слабокислой, по возможности лишенной бактериальной среды воде, и стайки этих красивых рыб теперь стали обычным украшением аквариума.

Богатства карповых рыб еще далеко не исчерпаны. Натуралисты привозят для разведения в любительских аквариумах все новых и новых интересных рыб. Недавно появились совершенно черные с оранжево-красным хвостом лабео (название имеет в виду особое устройство губы рыбки). Надо думать, что в ближайшие годы семья тропических карповых в аквариумах возрастет.

Хифессобрикон призывает изучать химию

...Рабо застонал и с трудом открыл глаза. Голова была точно налита чугуном, а руки совершенно не повиновались. Рабо скосил глаза в сторону: где он?

Над головой была крыша из широких листьев, стены хижины тоже были из этих же листьев.

— Как я сюда попал? — мучительно вспоминал он.

В памяти всплыли картины ночного Парижа. Сверкали неоновые рекламы, бесконечным потоком неслись автомашины, приветливо светились подъезды баров и ресторанов: «Мон парнас», «Гранд Париж», «У Золотого льва». Коньяк, кальвадос, шампанское. Потом варьете, бары и просто погребки без названий. Абсент, вермут и, наконец, самые дрянные портвейны. Деньги кончились, теперь рекламы бесновались не для него, певицы с подмостков улыбались не ему, бокалы звенели не в его руках.

Он — без денег — был ничто.

О, эти проклятые светлые кругляши, эти чертовы зеленые булочки! Они давались ему совсем нелегко. Нет, он не хотел работать где-нибудь клерком или гнуть спину на заводе.

Он, Август Рабо, вольный человек. И он стал замышлять новую экспедицию. Куда? А, все равно! Он знал: что бы он ни привез из экзотических тропиков, все можно обратить в деньги, на всем сделать бизнес. И тогда Париж вновь будет у его ног, тогда для него будут зажигаться рекламы и в его руках снова будет бокал золотистого нектара.

Рабо был типичным порождением своего времени и класса, он был авантюристом-путешественником, коммерсантом, торгующим любыми экзотическими животными и растениями.

Он выехал вновь на знакомый континент, в район реки Амазонки. 1600 километров тащился пароход по руслу этой великой реки, пока за поворотом не показались светлые постройки Манаса. Здесь можно было заготовить шкуры крокодилов — ведь они так ценились в Европе!

Затем он двинулся на пароходе, гораздо меньшем, чем прежний, по реке Яка и проплыл дальше от очагов цивилизации еще на 1500 километров. Его интересовали здесь орхидеи и бабочки. Цветы, похожие на бабочек, — орхидеи, — только входили тогда в моду, и богатые люди Европы, устраивая у себя орхидейные оранжереи, платили за импортированные редкие виды бешеные деньги.

А бабочки, — эти живые цветы, — бабочки из лесов Амазонки, они всегда были желанны не только для любителей-коллекционеров, но и для крупных музеев ряда стран.

Здесь, в глубине неисследованной страны он услышал легенду о скрытых в лесах алмазных россыпях. Алмазы! Можно ли желать чего-либо лучше. И он задается новой целью путешествия.

Экспедиция движется в горы, ведь иначе к местам алмазных россыпей древних инков и не подобраться. Массивные ламы, высоко подняв гордые головы, размеренно шагают, раскачивая тюки с имуществом экспедиции и усыпляя своих седоков. Но вот тро-

пинки становятся такими узкими, что ехать верхом уже невозможно. Начинается самый трудный участок пути среди девственного леса.

В тысячный раз задавал он себе вопрос, нужно ли было устремляться на поиски сказочных копей? И каждый раз он отвечал себе: да, нужно! Сколько дорог теряется в девственных лесах Амазонки, сколько тайн хранит в своем сердце эта гигантская неизведанная страна. Почему же не поверить еще одной из тайн этого мира, заманчивой сказке о богатейших алмазах.

...И вот вместо алмазов и орхидей эта темная хижина, эта страшная головная боль.

Он заболел лихорадкой еще в пути и долго крепился. Он знал, что из 250 видов ядовитых змей мира большую часть господь бог щедро рассыпал в этих лесах. Он знал, что добрый десяток местных муравьев при укусе угощает ядом, иногда смертельным. Он знал и о всех видах тропической лихорадки, поджидавшей его здесь. И все-таки он стремился сюда.

В Париже он был бизнесменом-авантюристом. Здесь, забыв о прелестях «цивилизованного», насквозь продажного мира, он становился самим собой — неутомимым путешественником.

...Теперь он лежал, сраженный болезнью. Он попытался подняться.

— О, ты очнулся, сын мой,— услышал он скрипучий голос.

— Где я? — произнес он по-индийски.

— Лежи, лежи,— успокоила его старая индианка,— ты еще очень слаб.

Она накормила его, а потом, убрав посуду, поставила рядом широкую глиняную чашку.

— Смотри, как танцует эта рыбка,— сказала она.— Мы зовем ее искоркой бога. Наши старики рассказывают, что давным-давно, когда в мире существовал злой бог, добрый бог индейцев решил побороть его и уничтожить. Девять дней и ночей дрались духи на небе. И от этого небо тряслось и колебалось. Днем с него сыпались осколки солнца и превращались в золото, а ночью падали осколки звездочек и превращались в этих рыбок.

— Золото? — глаза Рабо зажглись.— Ты сказала «золото», старуха? Но где же эти осколки, черт побери, где?

— Ты же знаешь, сын мой, давно уже нет у наших людей золота. Белые люди забрали его еще у наших дедов. А вот рыбки-звездочки остались.

— К черту рыбок,— вновь потухая, вяло сказал Рабо.

Он проснулся через несколько часов. Косые лучи солнца врывались через входное отверстие в хижину.

— Что мне рассказывала старуха? — наморщил лоб француз. — А, про золото и рыбок. Ну, поглядим хоть на рыбу, если нельзя на золото.

Он приподнялся на локте, заглянул в чашку и замер. В чашке, освещенная солнцем, металась небывалая рыба. Словно кто-то провел по ее телу две смещенные краями параллельные линии: одна красная, а другая, верхняя... то горела морской синевой, то сверкала зеленым малахитом, то голубела, как небо. При каждом повороте глаза рыбки вспыхивали зелеными лучами, а полосы играли и переливались.

Рабо зажмурился. Полоски рыбки чем-то напоминали парижскую газосветную рекламу.

Рекламу? Постой, постой... Щеки Рабо налились румянцем, а глаза загорелись радостью.

— Так ведь это и есть осколки золота, про которые говорила старуха, — прошептал он, — это даже больше, чем золото. Только бы удалось их довести.

Через несколько дней Рабо уже был на ногах. Его отвели к глубокому лесному ручью с черной непроглядной водой. Дно ручья было устлано толстым слоем сгнивших листьев, лишь отдельные лучи солнца пробивались сквозь густую крышу ветвей. В этих лучах то и дело сверкали красные, голубые, зеленые звездочки. Стайки красавиц рыбок проносились на глубине.

Рабо торопился. Он организовал ловлю рыбок в бутылки, приспособленные как верши. Но в чем везти? Посуды у Рабо не было. И тогда он решил использовать коллекционные деревянные ящики. Щели и швы в них обмазали смолой.

...Началось путешествие красавиц-рыбок в далекую Европу. Сначала ящики несли на руках. Потом их раскачивали на своих спинах ламы, потом их везли на пристань и грузили на пароход, а пароход тащился, не торопясь, вниз к Манаосу. В Манаосе Рабо сменил ящики на канны. И снова отправились в путешествие красно-синие красавицы.

Рыбки, как это ни покажется удивительным, перенесли путешествие и прибыли, наконец, в Париж. Рабо был вне себя от счастья. Он отослал часть рыб в Германию — ведь там много любителей аквариума, а несколько штук направил известному знатоку тропических рыб Иннесу. Вильям Иннес издавал в Филадельфии журнал «Аквариум» и Рабо надеялся, что, получив этот подарок, Иннес создаст ему рекламу. Иннес был крайне удивлен этой посылкой: он впервые видел таких замечательных рыб. Он тотчас же отправил их на определение одному из крупнейших в США ихтиологов профессору Г. С. Майерсу.

Майерс был не менее поражен красавицей рыбешкой. Он определил, что она принадлежит к роду хифессобриконов. Есть такие зубатые рыбки — бриконы, что в переводе значит «скрежещущий зубами». Хифессобриконы очень на них похожи, только они значительно меньше, что и отражено в их названии — маленький брикон или иначе крошка-кусак. Видовое название Майерс дал этой рыбке в честь Вильяма Иннеса — иннеси — хифессобрикон иннеси. Это произошло в 1936 году.

А Рабо? Рабо торжествовал: весь Париж говорил об этой рыбке, даже бульварные газетки, интересующиеся совсем другим, уделяли ей достаточно места на своих страницах. Рыбка получила название «неоновой», она и впрямь напоминала свет реклам, только ее краски не излучали сами свет, а загорались от падающих на них лучей.

Рабо получил колоссальные деньги за продажу неоновых рыб и был вполне доволен бизнесом. Но тут до него стали доходить слухи, что вымеченная рыбкой икра вся гибнет.

— Эге,— смекнул догадливый француз,— на этой рыбе еще можно нажиться.

И он, теперь уже хорошо снаряженный, уехал за новой партией рыб.

Между тем в крупнейших аквариумных фирмах назревал скандал. Торговцы сразу оценили привлекательность неоновой рыбки, поэтому они, не торгуясь, заплатили Рабо за нее огромные деньги. Они надеялись развести ее и сторицей вернуть затраченное. Но рыбки металы икру, и вся она неизменно гибла.

А Рабо тем временем снова привез новую партию этих рыб. — Где вы их ловите? — спросили его, и получили отказ.

Рабо держал в секрете не только место ловли, но даже страну, куда он уезжал. Правда, было известно, что неоновая рыбка водится в Амазонке, но ведь бассейн Амазонки так велик!

Три года Рабо периодически исчезал из Парижа и появлялся с новыми неоновыми рыбками. Три года торговцы рыбой пытались узнать место ловли и подорвать монополию француза. Наконец, один из посланных коммерсантами разведчиков выследил, куда ездил Рабо. Но, и узнав это, Генрих Питиш, представитель гамбургской фирмы по торговле аквариумными рыбами, еще целый год искал те маленькие речушки, где встречается хифессобрион иннеси.

Во время войны американские фирмы сумели наладить регулярный завоз этой рыбки. А после войны неоновые рыбки вновь появились и в Европе. В 1946 году их впервые привез в Москву известный советский ученый-ботаник член-корреспондент Акаде-

мии наук СССР П. А. Баранов. Позднее большую партию этих рыбок ввез из ГДР летчик Герой Советского Союза Виктор Манкевич. Первый массовый развод этой рыбки в СССР осуществил опытный ленинградский аквариумист В. И. Ламин. А ныне эту рыбку разводят многие наши любители, ее массами завозят из ГДР.

Перевозка, которую осуществил Рабо, показала, что неоновая рыбка относится к выносливым породам. И в самом деле, она живет в любой компании равных по размеру рыб, при температуре от 15 до 25°, на любом корме и в любой воде.

Иное дело — разведение этой рыбки. Здесь любители аквариума всерьез столкнулись с необходимостью знания химии воды. Именно неоновая рыбка заставила аквариумистов использовать данные гидрохимии и тем самым способствовала тому, что аквариумное дело было поднято на более высокий уровень.

Кончились наивные рассуждения аквариумистов о «старой» и «новой» воде. Перед натуралистами вплотную встал целый ряд вопросов: что такое «старая» вода? Какие соли и в каком количестве должны быть в пресной воде? Что такое показатель pH и как его изменять? Что такое градусы жесткости dH?

Дело в том, что неоновая рыбка разводилась успешно только в воде с определенными химическими данными. Вот и пришлось любителям аквариума взяться за учебу, познакомиться с гидрохимией и научиться подготавливать рыбкам пригодную для нереста воду. Вот почему неоновую рыбку можно по праву назвать пропагандистом химии среди аквариумистов.

Заинтересовались взаимосвязью нереста и качества воды ученые-экологи. Провели исследования. Сейчас многие секреты амазонской красавицы уже раскрыты.

Неоновая рыбка начинает метку после добавления $\frac{1}{3}$ свежей мягкой воды слабослойной реакции. Такое освежение воды соответствует притоку дождевой и паводковой воды в мелкие застойные ручьи амазонских лесов. Таким образом, подливая свежую воду, мы даем внешний толчок к нересту. Если рыбки хорошо питались, но не зажирили, если они здоровы и были предварительно рассажены, — самки и самцы отдельно, — то при температуре 22—24°С рано утром, когда косые лучи солнца осветят банку, начнется нерест. Да, да, банку, а не аквариум, банку без грунта, с небольшим пучком растений посередине. В аквариуме трудно добиться стерильности: там всегда полно бактерий. Икра неоновых рыб очень нестойка к бактериям и легко ими поражается. Это не удивительно, ведь на родине, в притоках Амазонки, хифесобриконы практически не сталкиваются с обилием бактерий, откуда же их икра могла выработать признаки стойкости к этим

крохотным, но опасным существам? Как мы помним, жесткость воды в Амазонке около $1,8^{\circ}$. Ученые установили, что в одном кубическом сантиметре воды жесткостью в 1° содержится в среднем 8 различных бактерий. Но при жесткости 8° это число уже возрастает до 27 000, а при 15° жесткости в 1 см³ воды будет уже 60 000 бактерий! Неудивительно, что икра не способна противостоять тысячам крохотных врагов — в Амазонке этого полчища бактерий просто нет. Чтобы гарантировать икру от вредных бактерий, опытные любители добавляют в мягкую воду банки еще и дезинфицирующее средство (например, слабый раствор трипафлавина).

Есть у икры хифессобриконов и еще одно отрицательное свойство. В жесткой воде (выше $4-5^{\circ}$) оболочка икринки становится непроницаемой для сперматозоида, и оплодотворения не происходит. Причем сами сперматозоиды, активно двигающиеся в мягкой воде более часа, в жесткой сразу теряют активность и не доходят до икринок.

Не просто выкормить и мальков. На первой стадии развития личинки висят на твердых предметах, а когда мальки начнут плавать и активно питаться, они тоже проявляют странность. Рыбки малоподвижны, не гоняются за кормом — очень мелкими инфузориями, а медленно плавают вдоль стенок, часто даже вертикально, вверх или вниз головой. Активно насыщаются они, лишь оказавшись в густой стайке инфузорий. Но обильное кормление ведет к гибели многих инфузорий, а это опять же вызывает возрастание количества бактерий, к борьбе с которыми мальки не готовы.

Для правильного выкармливания в первые две-три недели банка с мальками должна быть в темноте и освещаться только в одном углу или одним узким лучом света — именно так, как освещают воду лесных ручьев узкие солнечные лучи, прорвавшиеся сквозь крону деревьев. Мальки неоновых рыбок обладают ярко выраженным фототаксисом — движением под влиянием света. Они теряются в ярко освещенном аквариуме и инстинкт не подсказывает им какого-либо выхода из незнакомого положения. Зато в темном водоеме с одним узким лучом света в углу мальки устремляются к этому светлому пятну. Возможно, на первых порах жизни неоновые рыбки не обладают сильно развитым зрением и хорошо отличают лишь свет от тени, а инфузорий видят слабо. На родине такая слабость зрения им совсем не мешает, а почему, — это мы узнаем, когда познакомимся с подобным явлением у слепых пещерных рыб.

Итак, неоновая рыбка стала разводиться в аквариумах. Но она не единственная из этого рода акклиматизирована в неволе. Давно

уже популярна у нас крохотная рыбка с вишнево-красным анальным и хвостовым плавниками. Хифессобрикон фламмеус (пламенный) — вот ее название. Но иногда ее зовут «тетра фон Рио». Это старое название. Причем самое комичное в том, что это название немецкое, но немцы его давно не употребляют, а у нас кое-где живет. Название бессмысленное: тетра — старое название всех родственников неоновой рыбки, а Рио — испанское название всех рек. Рыба из реки — вот что означает это имя.

В последние годы появилось много красивых хифессобриконов, и они по праву занимают одно из почетных мест в аквариумах любителей. Среди них по-прежнему наибольший успех падает на долю неоновых рыб; теперь уже так называют не только определенный вид рыбок, но и всех их родичей, обладающих яркими сверкающими полосами. И, пожалуй, хифессобрикон иннеси начинает затмеваться более красивыми красными, черными, зелеными, голубыми «неонами», ввозимыми из бассейна реки Амазонки. Многие из них разводятся еще труднее или пока вообще не разведены.

Харациниды — гроздь драгоценных камней

Хифессобриконы принадлежат к обширной группе пресноводных рыб Америки и Африки — к харацинидам (буквально — заостренный кол, но название характеризует строение зубов рыбок — они заострены, словно кол). Размеры харацинид колеблются от 2 сантиметров до $1\frac{1}{2}$ метра и более. Одни из них — мирные и всеядные, другие — хищники, а третьи — растительноядные рыбы. В пресных водоёмах Южной Америки харациниды занимают такое же место, как карповые (данио, барбусы) в Азии. В Африке обе группы встречаются вместе. Отличительной чертой харацинид является маленький жировой плавничок на спине, недалеко от хвостового стебля. Он хорошо виден почти у всех рыбок этого семейства. Конечно, в аквариумах содержат наиболее мелких и красивых рыб. Но им по праву принадлежит любовь почти всех аквариумистов.

Впервые харацинидовые стали появляться в аквариумах в начале нашего столетия. Одной из первых распространилась среди любителей светлая рыбка с пунцовыми плавниками — хеммиграммус каудовитаттус. Родовое название характеризует анатомический признак — наличие «половины боковой линии». Видовое характеризует окраску рыбы — рыбка «перехваченная повязкой». В самом деле, хвостовой стебель этой красивой рыбки украшен темным ромбом, кажется, будто он перехвачен черной лентой.

Эту рыбку часто путали с другим хеммиграммусом — оцелифер, что означает «несущий светящееся пятно». Действительно, у этих рыбок глаза и верхняя часть хвостового стебля светятся оранжевыми фонариками. Любители так и зовут рыбок фонариками.

Наибольший успех выпал на долю хеммиграммуса эритрозонус (имеющего красную зону) — небольшой стройной рыбки (раньше её видовое название «грацилис» подчеркивало это) с удивительно красивой, точно накалившая проволока, красной чертой, идущей от глаза к хвосту. Все эти рыбки попали в аквариумы любителей природы нашей страны так сказать организованно. Но есть и исключения из этого правила, есть случайные гости.

Инженер Георгий Васильевич Быстров заехал по пути с работы в один из ленинградских зоомагазинов. Поднимаясь по лестнице в магазин, он увидел стоящего у двери мальчика с баночкой в руке. По всей видимости, мальчишка продавал рыбок.

— Чёрт знает что, — подумал Быстров. — Такие молодые и уже торгуют.

Побеседовав с продавцами, осмотрев витринные аквариумы и купив корм, Быстров покинул магазин. Мальчишка всё стоял у дверей.

— Что ты тут делаешь? — сурово спросил Быстров.

— Да вот, уезжаю на дачу, мама велела от рыбок избавиться.

— А ты и рад продавать.

— Нет, дяденька, я их даром отдам, только в хорошие руки. Вы не возьмете?

— Нет, — усмехнулся Быстров, направляясь дальше, — ты их отдай тому, у кого взял.

— Я ни у кого не взял, — крикнул ему вслед мальчишка, — мне их дядя из плавания привез.

Быстров тотчас вернулся.

— Из плавания? Ну-ка покажи?

Рыбки были бледные на сквозном свете и мало интересные, но какие именно, Быстров не сумел определить.

— Ладно, я беру их, — заключил он.

Дома рыбешки отошли и оказались очень привлекательными. Желто-золотистые, они имели розоватую полосу посередине и два чёрных пятна — по одному на спинном и анальном плавниках. Быстров не знал этих рыб. Зашелестели страницы аквариумных справочников. Но в тех, что были под рукой, описания таких рыбок не было. Быстров позвонил известному знатоку аквариумных рыб Н. Н. Журавлеву. Тот приехал, удивился, взял рыбок с собой. Журавлев определил их и размножил. От него её получили многие любители Ленинграда и Москвы. Так случайно попала в наши аквариумы красивая рыбка с красивым названием пристелла риддлеи. Родовое название «пила рыбка» характеризует строение её тела, сплюсченного как нож, видовое дано в честь натуралиста О. Риддлея.

Среди харацинид есть немало очень интересных по своему образу жизни рыб.

Перенесемся на время к одному из заливов небольшого притока Амазонки... Чуть заметно колышутся окружающие залив деревья. Они стоят сплошной стеной вдоль берегов амазонских притоков, а небольшие речки, — такие как эта, — ветви деревьев перекрывают совсем. Солнечный свет еле прорывается сквозь эту завесу и падает на воду отдельными пятнами, которые не в силах развеять вечный полумрак, царящий в воде. Темная поверхность отражает темные разлапистые ветки деревьев, широкие изрезанные листья свисающих лиан — монстер, громадные несмачиваемые ворсистые листья растущих на берегу каладиумов.

Сейчас душный полдень, солнце жарит неимоверно и под ветвями у воды невыносимая баня: воздух до предела насыщен парами, дышать трудно и каждое движение сопровождается выделением обильного липкого пота.

Все спит, попрятавшись в чаще, под листочками травы, в норах и под водой, — все ждет, когда зайдет солнце и станет хоть немножко свободнее дышать и легче двигаться.

Словно зеркало с застывшими кое-где зелеными лепешками листьев водных растений, замерла поверхность воды. Ни волн, ни ряби нет на ней — ветерок сюда не попадает. Тихо. Тянет ко сну.

И вдруг...

Легкий всплеск, и по зеркальной поверхности мчится неизвестно откуда взявшийся глассер. А может быть, это яхта? Гордо поднят выгнутый дугой нос корабля, крыльями раздулись по бокам паруса, бурун вскипает за кормой. Промчался, рассекая воду, маленький сказочный кораблик и... исчез, словно его и не бывало. Только круги пошли по воде, да мелкая рябь по той линии, где острый нос разрезал воду.

Что за наваждение? Откуда здесь яхты? Может быть, это шалютяги? Или просто показалось?

Нет, нет! Смотри, вон они!

Теперь их уже стайка. Они все одинаковые, все с выгнутыми носами, с расправленными в стороны парусами, с поднимающим за кормой пену винтом.

Вот они несутся, разрезая воду, рассыпаясь веером во все стороны. Промчались 4—5 метров и исчезли, провалились под воду, словно их и не было.

А вот опять выскочила из воды такая же группка неизвестных существ и снова, проскользив по поверхности, вернулась в воду.

Кто же это? Своеобразная красивая рыбка с очень красивым названием корнежиелла, получившая свое имя в честь натурастки мисс Корнежи. Грудь этой рыбки выгнута дугой, брюшко сильно выдается вниз и снизу кончается острым краем, идущим от груди к хвосту. Прямо настоящий киль яхты! Грудные плавники рыбки широкие, как крылья, анальный плавник увеличен, у хвостового — нижняя лопасть более развита, чем верхняя. Рыбки держатся стайкой в толще воды на открытом месте. Такие рыбки называются «рыбки открытой воды». Они ведут обычно стайный образ жизни и хорошо приспособлены к быстрому плаванию.

Посмотрим опять на корнежиелл, но теперь уже под водой. Вот к ним стремительно приближается хищная рыба. Как ведут себя в таком случае стайные рыбы? Они стремительно бросаются врассыпную. Хищник, только что видевший перед собой единую стаю, на момент теряется, останавливается, чтобы выбрать, за кем помчаться, и этой остановки достаточно, чтобы рыбки исчезли.

Но не всегда получается так удачно для спасающихся рыбок. Опытный хищник не делает остановок. Стремительно несется он за теми рыбами, которые умчались вверх, словно понимая, что у поверхности рыбка попадет в ловушку: поверхность — крыша рыбьего мира, здесь тупик, здесь и настигает свою добычу хищник.

Вот посмотри, что сейчас будет — хищник приближается к стайке корнежиелл. Ах, если бы рыбки догадались сразу броситься на глубину, тогда они были бы спасены. Но что они делают?!

Все рыбки как одна бросились не вниз, а вверх. Обрадованный хищник помчался за ними. Вот уже близка поверхность, хищная рыба разевает пасть, сейчас она схватит...

Постой, а куда же девалась добыча? Было столько желанных рыбешек, и вдруг — ни одной. Куда они делись?

Сильный взмах грудными плавниками-крыльями, и корнежиелла выбрасывает своё тело из воды. Она не взлетает на воздух, не

Корнежиеллы устремились к поверхности.

прыгает вертикально, не планирует над водой. Как яхта или катер, мчит она на своем киле-коньке по поверхности воды. Плавники-крылья не дают телу провалиться в воду, грудь, как нос корабля, режет волны, а хвостовой и анальный плавники, быстро колеблясь, гонят рыбку-кораблик, как винты настоящего судна. Промчалась пять метров, устала и провалилась в воду. А хищник так и остался на том месте, где выскочили на поверхность корнежиеллы, он всё еще пытается отыскать добычу.

Не правда ли, неплохо приспособилась эта рыбка? Конечно, вода для рыб — родная стихия, но иногда ведь и в родном доме бывает очень плохо, опасно для жизни. И тут не мешает уметь выскочить из дома ненадолго. Или хотя бы вынести из воды своё потомство, которое кажется такой лакомой пищей для многих обитателей воды.

А как это сделать? Присмотримся снова к жизни в речке.

Около берега много широких листьев нависает над водой. Под одним из них суетливо вертятся две рыбки. Это самец и самка. У обеих вытянутое веретенообразное тело. Рыбешки явно не принадлежат к хорошим пловцам, да им это и не нужно. Всю жизнь они проводят в зарослях водных растений у побережья. Имя этих рыбок — копеины, они названы так в честь зоолога Копе.

У самца копеины удлинённые, окрашенные в оранжево-красные цвета плавники. Крупная чешуя у самки блестит разными тонами.

Что им понравилось у этого листа, почему они вертятся под ним? Рыбки собираются метать икру. Этот процесс — самое важное в жизни каждой рыбы. Но у копеин он еще сложнее, им приходится не просто метать икру, но еще и проделывать самые разнообразные акробатические трюки.

Как уберечь икру в воде? Ведь столько хищных, да и не только хищных рыб любят лакомиться ею. Охранять, защищать ее? Но крохотная копеина вряд ли кого испугает, вряд ли спасет икру.

Так как же приспособились копеины? Оказывается, они мечут икру вне воды.

И вот, выбрав висящий над водой лист и приглядевшись к нему, обе рыбки становятся рядом друг с другом и — хоп! — взлетают из воды к листу и прилипают к его поверхности снизу.

Посмотри, они не только взлетели и прилипли к листу снизу, они успели даже в воздухе сделать сальто-мортале, перевернуться. Ведь в воде-то они стояли нормально, т. е. спиной вверх. А к листу им надо прилипнуть брюшком, иначе вся выметанная икра упадет вниз в воду.

Вот и висят они вниз спиной, рядышком, чуть изогнув в сторону тела. Выпустила самка икринки, полил самец их молоками, теперь можно вниз. Плюх! Рыбки отцепились, упали в воду, а икра прочно висит на листе.

Но ведь там ее совсем мало! Верно, копеины много и не мечут, хотя за один прыжок вся готовая к метке икра не откладывается. И приходится рыбкам прыгать снова и снова. При этом их акробатические трюки становятся все сложнее. Ведь во второй раз нужно прыгнуть, перевернуться и прилипнуть так, чтобы новая порция икры легла точно рядом со старой. А третий, четвертый и следующие прыжки должны быть так рассчитаны, чтобы новые порции икры не попали на старые, чтобы вся икра легла равномерным слоем по листу.

Это очень трудно — прыгать и метать, прыгать и метать. Рыбки очень утомляются: в последний раз сваливаются в воду, как неживые, и уходят на глубину. Но вот самец снова появляется под

Пара копеин приготовилась к прыжку: встали вертикально, коснулись мордочками поверхности (снимок сделан снизу, хорошо заметно отражение рыб на зеркальной пленке воды).

Идут монахи-пилигримы. Пецилобриконы.

листом и именно под тем, где икра, хотя одинаковых листьев тут немало. Что нужно ему опять у кладки? Может он хочет в последний раз поглядеть, хорошо ли закреплена икра?

Нет, самец пришел не в последний раз. Ему предстоит еще солидная работа. Икра-то ведь на суше. Она спасена от хищных рыб, но ей угрожает другая опасность — высохнуть и погибнуть от солнца. И вот самец стоит точно под кладкой икры и брызжет на нее плавниками. Капли воды то и дело смачивают икринки, снабжают их кислородом. А самец неутомимо кружится, бьет по воде плавниками, поднимая тучи брызг.

Через сутки мальки созреют, выплывут из икры и упадут в воду. Только тогда самец копеины успокоится и уйдет отдыхать.

Имеется несколько видов корнежиелл и копеин и все они доставляют массу радости наблюдательному аквариумисту. Но не менее желанны в аквариуме и другие харациниды.

Покинем поверхность нашего залива и спустимся в толщу воды. Что такое? Недалеко от берега на фоне тростинок камыша и осоки идет отряд каких-то монахов-пилигримов. Именно «идет», потому что монахи в рясах, в высоких остроконечных шапках и бредут они видно издали, устали, держатся уже не совсем вертикально, а чуть наклоняясь в сторону движения. Но идут они стройно, выдерживая между собой интервал, не выбиваясь из строя.

Сразу даже не поймешь, что это рыбы. Но это и хорошо. Хищнику ведь тоже непонятно: как же так, все рыбы плавают в

горизонтальном положении, а эти «идут», держатся вверх головой, словно солдаты в строю. Оторопеет хищник от такого зрелища и отойдет, не нападет на рыбок. Этого только и нужно пецилобриконам. Название их показывает, что они пестрые (пецило — пестрый, брикон — зубастая рыба). А пестрые вертикально стоящие рыбки и не очень-то заметны среди стволов тростника.

Пецилобриконов иногда включают в род нанностомусов. Они действительно очень похожи. Только нанностомусы плавают нормально, как все рыбки. Правда, не всегда.

Вот нанностомус заметил на дне какое-то движение. Не добыча ли? А если добыча, то подойдет ли этой рыбке? Ведь у нее такой крохотный ротик, «нанностомус» так и означает — узкоротый. И рыбка начинает разглядывать, что это там копошится на дне? По силам ли, пройдет ли в ротик? Неудобное это дело, иметь такой рот.

У нанностомуса удивительная способность останавливаться в воде. Почти все рыбки могут стоять на месте в толще воды, но не так, как нанностомус. Кажется, будто он наткнулся на какое-то невидимое препятствие. Вот он плывет, плывет и вдруг — стоп! — ни замедления, ни плавной остановки, просто встал и всё, как будто плывет не в легко разрезаемой его узким длинным телом воде, а в густом непроходимом киселе. Встал как вкопанный, а потом медленно начал поворачиваться — голова пошла вниз, хвост вверх и застыла рыбка, прямо стойка на голове.

Что это с ней? Ничего особенного, просто разглядывает червяка, примеряет, войдет ли в её узкий рот. Наверное войдет. Раз! Бросок и снова назад в то же положение. Только теперь с извивающимся червяком во рту.

Есть у нанностомуса и другая любопытная особенность: рот его всегда открыт, а грудные плавнички постоянно вибрируют, как пропеллер вентилятора.

В каком положении обычно рот у большинства рыбок? Он постоянно в движении. Рыбка захватывает ртом воду, пропускает через жабры, происходит обмен газов и вода выходит из-под жаберных крышек.

У нанностомуса это движение воды тоже происходит, но губы рта постоянно открыты и образуют трубочку. Почему? Потому что эта рыбка «убивает сразу двух зайцев». Вентиляторы-плавнички гонят ко рту воду, вода течет в жабры. А в воде всегда полно мелких инфузорий. Крупная рыба их не замечает, мелкая и была бы рада поест, да схватишь такую крошку в рот, а она шмыг — и через жабры опять на свободе. Даже мальки многих рыб на вто-

ром месяце жизни не обращают внимания на инфузорий, им нечем уже ловить их, им нужен корм покрупнее.

Иное дело у наннотомуса. Вот поток воды с инфузорией прошел через рот и устремился к жабрам. А тут на пути щетинки. Инфузория и застревает. Так что маленький рот не такое уж неудобство, он позволяет ловить такие корма, которые у других рыб проходят мимо.

В середине нашего залива целыми стаями носятся рыбы. Все они разнообразны, все с различной окраской.

Вот изящная серебристо-дымчато-черная рыбка с таким широким анальным плавником, что кажется, будто она в юбочке. Это гимпокоримбус тернеци, тернеция, как чаще ее зовут. Тернеци первый и открыл эту рыбку, что увековечено в её видовом названии. А «гимпокоримбус» обращает внимание на отличительный признак рода — отсутствие чешуи на затылке рыбки. Тернеци имеют очень характерный вид и окраску, их не спутаешь с другими рыбами.

А вот остальные харациниды. Красные, розовые, золотистые, желтые, совсем почти прозрачные. Черные, синие пятна, штрихи. Голубое, красное, оранжевое, серебристое свечение и блеск. Словно не рыбки, а драгоценные камни сверкают своими радужными гранями в воде. Зачем им такая яркая окраска?

Мы привыкли считать, что окраска животных должна быть либо маскирующая, покровительственная, либо отпугивающая,

Тернеции — рыбки в юбочках.

подражающая окраске ядовитых животных. Короче, окраска животных должна помогать им спастись от врагов.

В самом деле, дымчато-черную тернецию, темного пецилобрикона не сразу заметишь в сумеречном свете, проникающем в воду. Корнежиеллы светлые, но по их телу расплываются темные контуры, они смазывают очертания рыбки, нарушают представление о её истинном положении в данный момент.

Но почему так ярки многие из харацинид?

На этот вопрос современная наука не имеет еще точного ответа. Яркая, привлекающая взгляд, вызывающая окраска многих тропических рыб до сих пор не объяснена. Но предположения сделать можно.

Представьте себе, что на стайку рыбок напал хищник. Рыбки рассыпались — кто куда. Но ведь им тут же надо собраться снова, чтобы быть готовым к новому нападению. А как увидишь при слабом освещении, твоя ли это стайка. Вот и смотрит рыбка, где знакомый огонек сверкнет.

Может быть потому такая окраска харацинид.

А может быть для того, чтобы ударить в глаза хищнику в момент опасности сотнями всплешек фонариков, зарядить у него черными пятнышками на багровом фоне, сбить его с толку, заставить потерять ориентировку.

Вообще, вопрос окраски харацинид ждёт своего разрешения в будущем.

● Пила - рыба

Генерал Депп не верил своим ушам.

— Да, генерал, вам повезло, — повторил улыбаясь хозяин фирмы по продаже аквариумных рыб. — Я лишь недавно получил партию караибских рыбок и могу выделить вам две штучки из этого импорта. Идемте, я покажу вам их.

В густо заросшем аквариуме стояла стайка удивительно красивых ромбовидных рыбок. Спинки их были голубоватые с серебристым отливом, а головы, грудь, брюшко и анальный плавник горели багряным огнем. По всему телу были равномерно разбрызганы темные круглые пятнышки, а хвостовой плавник отливал

золотисто-зеленоватым цветом в середине, по краю был очерчен широким черным кантом.

— Какая прелесть! — воскликнул Депп, следя глазами за движением этой стайки.

— Одна из этих прелестей здорово щипнула уже моего рабочего, — мрачно заметил немец.

— Значит, завтра вы уступите мне две штуки? — еще раз уточнил русский аквариумист.

— Да, пожалуйста, — вежливо подтвердил хозяин.

Радостный вышел генерал на улицу. Еще бы! За эту поездку ему удалось закупить в Германии много новых для русских аквариумистов рыб. И вот теперь он впервые везет в Россию, в родную Одессу живых карибских рыбок.

Он шел по улицам и вспоминал всё, что знал про этих необычайных обитателей рек Южной Америки. Сколько раз он все это читал, сколько раз вздыхал от зависти.

Вот Александр Гумбольдт. Он свидетельствует: «Это самые опасные из всех рыб. Они нападают на людей, когда те купаются, и вырывают у них куски мяса».

Вот пишет Шомбург: «Их можно назвать речными гиенами, но по сравнению с ними гиены безобидны, а грифы — скромные создания. Прожорливость их превосходит все, что можно себе представить. Они нападают на всякое животное, которое отважится появиться в их области, даже на рыб, которые в десять раз больше их самих».

«Они съедают быка, — пишет Гумила, — или тапира, если он падает в их стаю. От многих укусов и потери крови животное тонет. Иногда тапиры погибают в реках шириной всего в 30—40 шагов. Порой животное всё же достигает берега, но вылезает — наполовину скелет».

«Сила их зубной системы, устроенной в виде острой пилы, — сообщает известный исследователь фауны Амазонки Закс, — превосходит всякое представление. Палка из твердого дерева толщиной в палец перекусывается ими в одно мгновение».

Депп идет по вечернему городу, идет не замечая его шума и толкотни. Он весь в мечтах, он путешествует по любимым странам. Ему вспоминаются все описания этих рыбок, прочитанные ранее, и даже такое свидетельство некоего Каммера:

«И когда жена одного миссионера мыла собачку и случайно опустила её хвост в реку, рыбы подскочили и тотчас откусили его.»

Наконец он добирается до своего номера и ложится спать. Скорей бы завтра, а там и в путь домой, на Родину.

Бегут, наплывают перед закрытыми глазами старика впечатления дня. Вот они уже перепутываются с его мечтами, и он уже не может разобрать, наяву все это или во сне?

...Шлепает колесами небольшой грузовой пароходик по необъятной шире Амазонки. Пыхтит и стучит машина, остается позади пенный след. Пароход идет вверх по течению из Пара в Манаос.

Пассажиров мало — на пароходе почти нет пассажирских кают. Генерал стоит на палубе и с удовольствием вглядывается в далекие берега. Наконец-то он осуществил свою мечту натуралиста, наконец-то он отправился путешествовать по удивительной реке, в легендарную, неисследованную Амазонию.

— Вам нравится здесь, — обращается к нему другой пассажир, вы ведь впервые здесь?

— О, да, очень нравится, — отвечает Депп. — Но с кем я имею честь говорить?

— Я — Шомбург, — отвечает незнакомец.

— О! Господин Шомбург! Известный исследователь и путешественник! Это вы описали многих животных и растения Амазонки. Это ваши книги о путешествиях по Гвиане, рекам Рио-Бранко и Ориноко стоят в моей библиотеке. Вы очень известный человек, и я очень рад, что путешествую с вами.

— А вы, по-видимому, из России? Это вы тот генерал, который, выйдя в отставку, занялся не вистом и водкой, как большинство царских генералов, а основал русскую рыбозаводню, чтобы снабжать рыбой любителей аквариума в России?

— Как, вам известно обо мне? — удивляется генерал Депп.

— Что же тут удивительного, — смеется Шомбург. — Ведь мы с вами во сне, а во сне чего не бывает!

— Расскажите мне, пожалуйста, про карибских рыбок, ведь вы так много о них знаете, — просит Депп.

— Прежде чем говорить об этих рыбах, о «дорато», стоит рассказать о другом, — начинает Шомбург.

— Одним из опаснейших зверей амазонских лесов является коварный и хитрый ягуар. Эта изящная ловкая кошка легко лазает по деревьям и нападает на крупных животных сверху.

Но пить воду ягуар сам идет с опаской. Перед тем как коснуться языком воды, ягуар долго смотрит в воду, стараясь разгадать, что кроется в ее глубине. Потом он с размаху шлепает по воде лапой — десятки хищных «дорато» тотчас сплываются со всех сторон. И пока рыбы устремляются к этому месту, ягуар делает скачок в сторону и успевает глотнуть воды. Затем еще один удар, еще скачок, еще глоток.

Но вот ягуар напился. Теперь он опускает лапу в воду и тут же, распустив когти, выдергивает ее. На берег летит зазевавшаяся рыбешка, которую ягуар тут же съедает.

Но горе ягуару, если он решился переплыть протоку, где живут «дорадо» или пирайи — что значит разбойники. Рыбки тотчас налетают на него со всех сторон и успевают так искусать, что зверь гибнет, еле выбравшись из воды.

Еще более страшным животным этой области является громадная змея анаконда — водяной удав. Про нее рассказывают невероятные истории, из которых многие — сказки.

Один патер сообщал, например, что в лесу Венесуэлы 18 испанских солдат присели отдохнуть на бревно, которое оказалось удавом. В другом описании сообщается, что двое миссионеров сели завтракать на поваленный ствол дерева. Нарезав хлеб, один из них воткнул нож в дерево. К великому ужасу миссионеров «дерево» стряхнуло их с себя и уползло.

Анаконды редко нападают на человека, но все же это одно из опаснейших существ Нового Света.

Молодые двухметровые змеи свисают гроздьями с нависших над водой ветвей. Лодка плывет по узкой протоке, вы хотите оттолкнуть ее и беретесь за ветку и вдруг оказывается, что это змея, которая тут же по вашему телу соскальзывает в воду. Можете представить себе, как это ужасно! Брр!

Так вот, эти гигантские змеи, как мышь кота, боятся пирай. Я видел, как одна змея попала в стаю этих рыб. Она вертелась колесом, извивалась спиралью, поднималась плетью вверх, но все было напрасно — рыбы закусали ее, она утонула и вода окрасилась ее кровью.

Да что змеи, уж на что природа забронировала в панцирь крокодилов, и те до смерти боятся этих рыб. Стоит крокодилу заметить их приближение, как он тотчас переворачивается на спину, спасая менее защищенные лапы и брюхо.

Я не знаю более свирепого, более страшного хищника, чем эти речные гиены. Да не хотите ли взглянуть на них?

— Здесь, сейчас? — удивился Депп.

— Ну, конечно, с борта парохода. Пирайи обычно сидят целой стайей на дне. Но стоит по поверхности метнуться тени или послышаться всплеску, как они тотчас устремляются к этому месту. А мы их сейчас примамим другим способом.

Шомбург сходил в камбуз и вернулся с кастрюлей красной воды — в ней кок только что мыл мясо. Затем он надел небольшой кусочек тряпочки, намоченной в этой воде, на крючок удочки.

— Ну, смотрите на представление.

Остерегайся этих зубов.

И он начал осторожно лить воду за борт. Не прошло и пяти минут, как вода у борта закишела целой кучей серебристо-синих рыбешек. Они высовывали мордочки из воды и недоумевали: вкус мяса есть, а есть нечего.

Шомбург размахнулся и закинул удочку. И тотчас группа рыб бросилась к тряпке и одна из рыбок ее проглотила. Рыбку вытащили на палубу. Генерал бросился к ней и хотел схватить, но услышал крик матроса.

— Стойте, что вы делаете! У нас одному матросу такая рыбешка перекусила палец, когда он снимал ее с крючка.

— Да, с ними надо быть настороже,— подтвердил Шомбург, и осторожно прижал голову рыбы каблуком. Рыбка перестала биться, но злобно разевала рот, усеянный белыми острыми, как пила, зубами.

— Смотрите! — Шомбург бросил пирайю в середину стаи ее родичей.

Целый фонтан забурлил в этом месте, это родичи рвали на части свою товарку.

— Отвратительное зрелище,— поморщился Депп.

— Представьте теперь, как они разорвали бы человека. Между прочим у индейцев-гуронов эти рыбы служат могильщиками. По обычаю гуроны хоронят не тело, а скелет умершего, а готовят скелет пирайи. Труп в сетях опускают в воду и уже через день вынимают чистые кости.

— Слава богу, что нам не угрожает угодить им в пасть,— облегченно вздохнул генерал.

— Как знать,— засмеялся Шомбург.— Если наш корабль столкнется с растительными островами, состоящими из злаков паспалюм и водяного гиацинта эйхорнии, да если еще в это время снизу нас догонит гигантская приливная волна, поднимающаяся иногда по Амазонке на сотни километров, то...

Пирайи — частые гости в больших публичных аквариумах, но в молодом возрасте многие из них могли бы служить украшением и любительского комнатного аквариума.

До недавнего времени считалось невозможным развести их в аквариумных условиях. Любители довольствовались мирными братьями пирай — метиннисами, рыбами «с лемехом плуга», особым шипом. Отдаленно метиннисы напоминают по форме пирайю. Они акклиматизировались и разводятся в аквариумах.

Но в последнее время в американских аквариумах удалось развести и пирайю. В громадном — 5000 литров — аквариуме пирайи выметали на растения икру и в скором времени из нее вышло около 500 мальков. Температура воды при этом была 26°, показатель pH — 7,6. Первым кормом для мальков послужили науплиусы циклопа.

Этот удачный опыт еще раз подтверждает, что чем лучше будем мы знать условия, необходимые рыбам, и чем точнее мы будем эти условия воспроизводить в наших аквариумах, тем лучших результатов нам удастся добиться в их содержании и разведении.

Плавающие листья и живые диски

- Скажешь ты мне, наконец, согласен или нет?
- Не знаю, право. А если капитан не спит?
- Пеняй тогда на себя, на свою трусость. А я пошел.

Черная тень выскальзывает из кубрика, осторожно крадется к борту парохода. Душная тропическая ночь повисла над необъятной рекой и только россыпь звезд на небе, да гроздь огней далекого Манаоса сверкают в непроглядной темноте. Хельмут осторожно перелезает через поручни и начинает спускаться к воде. Жаль, что Фриц струсил, приходится действовать в одиночку. Но ничего, бог даст удачу, а тогда плевал он на всех Фрицев. Черт, какое сильное течение, так и несет в сторону. Подналяжем-ка на весла.

Хельмут гребет изо всех сил, а берега все нет

и нет. Огромная безбрежная Солимоинс стремительно несет свои черные воды к далекому океану. И кажется, что лодочка с одним гребцом не в силах противостоять мощному безостановочному потоку. Но Хельмут гребет и гребет. А чтобы не думать о страшной, несущейся под килем ялика бездне черной воды, он вспоминает родной Гамбург, беседу с другом, известным рыбоводом Матте.

— Это, должно быть, одна из самых оригинальных и красиво раскрашенных рыб.— Матте встает и снимает с полки толстую книгу.— Вот, послушай, что пишет о ней Генри Бейтс, ты ведь знаешь его книгу «Натуралист на Амазонке».

«Однажды мимо не спеша проплыл небольшой косяк красивой рыбы с черной полоской по бокам — мезонауты. Туземцы называют эту рыбу акара-бандейра. Рыбы эти очень красивы и косяк их представлял прелестное зрелище».

— Ты понимаешь,— продолжал Матте,— какую сенсацию вызвало бы появление этой живой рыбы в Европе?

Хельмут не только понимал. Он даже подсчитывал, сколько смог бы заработать, продав мезонаут своему другу Матте. Но когда пароход, где Хельмут служил матросом, прибыл на рейд у Манаоса, капитан объявил, что в городе свирепствует сразу три вида тропической лихорадки и поэтому команде запрещается покидать корабль. Вот и пришлось Хельмуту покинуть корабль ночью, тайком, не везти же бочонок обратно в Гамбург пустым.

Пока матрос предавался воспоминаниям, берег приблизился. А еще через полчаса ялик Хельмута вошел в узкие, поросшие камышом протоки. Здесь он бросил весла и взялся за сачок...

...Капитан все-таки проведал о ночной экспедиции Хельмута. Перед всем строем отчитал он его за нарушение приказа и оштрафовал на 50 марок. Но всю обратную дорогу капитан не раз спускался в матросский кубрик, чтобы посмотреть на забавных рыб, путешествующих в Европу в бочке.

В 1910 году первые живые мезонауты прибыли в Гамбург. Научное название мезонауты — *цихлазома фестивум*. Фестивум значит красивая. Что касается родового названия «цихлазома», то одни ученые расшифровывают его — рыбы с корпусом, напоминающим окуня, а другие — рыбы с корпусом, напоминающим... дрозда.

Цихлазома фестивум действительно красива — это видно по рисунку. Но почему у нее такая странная окраска? По характеру окраски рыбы делятся на несколько групп. Окраска мезонауты преследует главную цель — скрыть самую нежную и уязвимую часть тела — глаз. Для этого — косая черная полоса, проходящая

Последнее достижение аквариумистов-селекционеров — так изменились платицилии.

Плавники макропода играют всеми цветами радуги.

У мезонауты своеобразная окраска.

через глаз и скрадывающая ярко-черный зрачок, для этого «второй глаз» — пятно около хвоста. Подобные полосы, идущие через глаз, мы видим у многих рыб.

Косая полоса мезонауты имеет и другое назначение: она путает хищника, который не сразу разберется, в какую сторону плывет рыба. У родственника мезонауты — цихлазомы фацетум (превосходной) темные полосы идут по телу и вертикально и горизонтально. На светлом солнечном месте, над желтым песком рыбка словно выцветает, фон тела становится желтым, а полосы чуть просвечивают легкой дымкой. Зато в тени или в разъяренном состоянии превосходная цихлазома становится темной и мрачной, как грозовая туча.

Жители берега Ла Платы, где обитает фацетум, дали ей название чанчито (иногда говорят — канхито), что означает свинья. И действительно чанчито целыми днями заняты строительными работами. Весь грунт, все камни перероют. А если в аквариуме стоят горшки с растениями, чанчито и тут наведут свой «порядок»: лбами сдвинут горшки в угол, а все растения аккуратно обкусят у корней и сгонят всплывшие стебли в одну сторону. И сколько вы не старайтесь по утрам наводить порядок в аквариумах, все равно к вечеру чанчито переделают все по-своему. Красивые мезонауты гораздо приятнее, они ничего не роют и не доставляют хлопот их владельцу, если только им не понравятся ваши растения, которые они могут с хрустом уничтожить.

Но возвратимся снова на Амазонку — здесь еще немало родственников цихлид ждут с нами знакомства. Вот плывет серо-голубая с пышными плавниками рыбка. У нее смешная вытянутая

мордочка, безобидная и добродушная. Но рыбка внезапно заметила нас, не испугалась, а бросилась навстречу и... Что это?! Страшная четырехглазая рожа с вишнево-красной бахромой — трудно даже человеку не отшатнуться от аквариума! Познакомьтесь, — цихлазома мееки (названа в честь профессора С. Меека). У нее на боках есть пятна — «вторые» глаза. Но, кроме того, рыбка может оттопыривать жабры, на которых еще по пятну, и выпускать красные складки кожи — получается отвратительная морда. Не один хищник пускался наутек от свирепой маски. Но наше первоначальное мнение об этой рыбке все-таки верно: мееки — одна из добродушнейших цихлид, хорошо уживается в компании других рыб.

Большинство цихлид очень красиво, но не менее и драчливо — между собой и с другими рыбами. Поэтому таких великолепных рыб, как астронотус или глазчатая цихлазома, приходится держать в отдельных аквариумах.

Кроме мееки, в общих водоемах легко уживаются мелкие виды — апистограммы, наннакары.

Но самыми красивыми из цихлид вот уже более пятидесяти лет считаются птерофиллумы (плывущий на парусах лист) или скаляре (лестничник; вертикальные темные полосы напоминают перекладины лестницы). Не сразу удалось раздобыть эту удивительную рыбку. Описана она была еще в 1823 году, но обнаружить живых скалярок долго не удавалось. Агенты аквариумных фирм процеживали целые океаны амазонской воды, а чудесная рыба-лист все не попадалась. Только в 1909 году удалось обнаружить скопления

Птерофиллумы — «плывущие на парусах листья».

Аквариумисты-селекционеры вывели вуалевую скалярку.

скалярок. Оказалось, что шум паровых колес и винтов и нефть, загрязнившая Амазонку, заставили этих нежных рыб отступить в узкие протоки прибрежных болот. Обратите внимание на это обстоятельство: скалярки и в аквариуме требуют чистой аэрируемой воды и тишины.

На родине птерофиллу-мы живут среди стеблей тростника, где охотятся на личинок насекомых и мальков рыб. Чтобы легко лавировать в узких проходах между тростинками, тело рыбок постепенно сплюс-нилось с боков, а спинной и анальный плавники вытяну-лись вверх и вниз. Получи-лась своеобразная форма, ее дополнила покровитель-

ственная окраска — темные полосы сверху вниз, словно тени тро-стинок. Но у всякого изобретения бывают недостатки. Слишком узкое тело с вытянутыми в вертикальной плоскости плавниками — это не очень устойчивое сооружение. И изобретатель-природа бе-рется исправить свои ошибки. Постепенно брюшные плавники вы-тягиваются в длинные нити, а на концах их висят даже пучки ни-тей — своего рода грузик. Теперь скалярки могут ловко плавать в толще воды: чуть накренился плоский корпус, нити-плавники взмахнули и вернули ему равновесие. Нужно повернуть направо — сдвигаются нити налево, нужно проскочить среди тростника — сложились нити вместе, а в открытой подвижной воде нити, на-оборот, широко расходятся в стороны.

В 1911 году скалярки впервые были разведены. И, хотя сегодня они постоянно бывают в продаже, популярность их несколько не меньше, чем 50 лет назад.

У скалярок трудно определить пол, чего нельзя сказать о дру-гих цихлидах: окраска самца ярче, а спинной и анальный плавники более заострены. Отличить самца от самки можно у птерофиллу-мов в момент нереста, когда у самки выдвигается короткий яйце-

клад. Перед меткой рыбки чистят широкий лист растения, а через несколько дней самка начинает кладку икры. Она ползет по листу снизу вверх, а самец, следуя за ней, поливает икру молоками.

Родители тщательно следят за икрой, выбирают погибшие икринки, обмахивают кладку плавниками. В это время они отгоняют от листа любых рыб и бросаются даже на сачок. Конечно, для успешного разведения нерестующая пара должна быть одна. Беспокойство от других рыб, постоянный шум в комнате, снижение температуры может нарушить семейную идиллию и родители, предварительно подравшись, уничтожат икру.

Если же все проходит удачно, через 38—48 часов начинается выклев мальков. Сначала они высвобождают хвостики, потом голову. В это время кладка словно оживает — все хвостики вибрируют, создавая ток воды. Родители обычно переносят во рту мальков на новое место, так как оболочки икринок быстро загнивают. Пять суток мальки не покидают листа, а потом начинают плавать и переходят к активному питанию инфузорией. Забавно выглядит в этот период выводок рыбок, плавающих маленькой тучкой под охраной взрослых рыб.

Форма тела маленьких скалярок совсем не похожа на форму взрослых, она ничем не отличается от обычной формы тела рыб. Ученые говорят, что в данном случае мы имеем в онтогенезе повторение филогенеза (онтогенезом называется индивидуальное развитие организма, а филогенез — процесс исторического развития организмов). Значит, каждая маленькая скалярка в процессе своего индивидуального развития проходит тот путь изменения формы тела, который миллионы поколений скалярок прошли за огромный промежуток времени, приспособляясь к жизни в зрелых тростниках. Изучение развития многих рыб показывает нам, каким путем у них выработались те или иные приспособления.

В амазонских водах встречается три вида птерофиллумов — скаляре, эймеке и альтум. Два первых вида широко распространены в любительских аквариумах и так перепутались в результате скрещивания, что отличить их и определить вид может лишь специалист. Но рыбки эти оказались интересны еще и тем, что довольно легко изменяют свою форму и окраску под влиянием некоторых сильнодействующих веществ — гормонов, добавляемых в воду. Выяснилось также, что некоторые из новых признаков скалярки передают по наследству, но, конечно, не всем рыбкам в потомстве, а лишь незначительной части. Так, аквариумисты-любители путем искусственного отбора вывели вуалевых, черных, получерных, черных вуалевых и — последнее «изобретение» — бордовых птерофиллумов.

И все-таки пальма первенства среди аквариумных рыб не осталась у скалярок, они вынуждены были передать ее дискусам. Дискус действительно напоминает живой красиво раскрашенный диск. Эти рыбки были впервые описаны в 1840 году. Принадлежат они к роду симфизодон (название свидетельствует об особом строении мускулов нижней челюсти). В наши дни обнаружено уже четыре вида симфизодонов и гибриды их, а нарицательно их всех называют дискусами.

Дискусы — тоже обитатели зарослей тростника в среднем течении Амазонки, поэтому тело их в ходе эволюции сплюсилось с боков, а брюшные плавники удлиннились для поддержания равновесия. Но приспособление этих рыбок шло иным путем, поэтому и форма тела у них дисковидная, а не листовидная.

Впервые живые дискусы прибыли в Гамбург незадолго до первой мировой войны. Но аквариумисты Европы узнали о них значительно позже, в 1921 году, а начали разводить их только в 1933 году. Однако и сегодня дискусы представляют огромную редкость и являются мечтой тысяч аквариумистов. Оказалось, что нерест этих удивительных рыб не менее удивителен, да к тому же и не всегда бывает удачен.

Чтобы понаблюдать за дискусами, нам придется отправиться в Таллин, где в зоопарке плавают целая стая этих великолепных рыб. Медленно и величественно передвигаются они при помощи грудных плавников среди зарослей амазонских растений, поворачиваясь то одним, то другим ярко раскрашенным боком. Дискусы очень боятся шума. Они вообще, пожалуй, наиболее требовательные из аквариумных питомцев. Температура для них не должна быть ниже 24°, воду следует все время аэрировать и еженедельно подменивать, причем жесткость не должна превышать 2,5°, а показатель рН может колебаться в пределах 5,9—6,7.

При таких условиях, обильном корме и ярком освещении рыбки созревают для нереста, и в один из весенних дней начинают чистить лист — совсем как птерофиллумы. У дискусов тоже нет внешних половых отличий, полового диморфизма («двуформности»). Только в период метки у самки выдвигается небольшой яйцеклад. Многие цихлиды тоже ухаживают за потомством, как и скалярки, но большинство из них мечут икру на камни, в пещерки (в аквариумах — в положенные на бок горшки). Сходные условия существования в тростниковых зарослях определили метку дискусов на листья, как и у скалярок, да и сам процесс нереста очень схож, самка и самец ползут брюшком по листу снизу вверх, оставляя полосы оплодотворенной икры. Но часть икринок падает на дно и самец подбирает их и прикрепляет на лист к месту

Внимание — пересадка!

кладки. Икринки коричневато-желтые диаметром 1,11—1,26 миллиметра. Выклев происходит через 48—56 часов. Икра и только что вышедшие мальки постоянно обмахиваются плавниками взрослых рыб. Родители временами шевелят новорожденных, перемещают их ртом с места на место.

— Что же тут необычного? — спросишь ты, — все как у скалярок.

Но вот наступил второй день жизни мальков и крошки, как по команде, снялись с листа и пустились плавать. Ты, кажется, тоже бросился за инфузорией, ведь период, когда мальки начинают плавать, совпадает с моментом, когда им нужен первый корм. Не торопись, инфузорий рано вливать в аквариум, они малькам не нужны. Присядем у аквариума и понаблюдаем внимательно.

Мальки плавают не просто в толще воды, они словно птички колибри порхают возле тела одной из взрослых рыб. Что они делают, почему все как один повернулись головками к бокам рыбы, почему трепещут всеми плавничками, не двигаясь с места? Нет, они двигаются, они словно что-то склеивают с боков диска. На боках у рыбы желтоватая масса, ее-то и склеивают мальки. Массы становится все меньше, а животики крошек набиваются все больше. Им трудно теперь держаться горизонтально, они уже не порхают, а прыгают вверх головой. Скорее, скорее на спасительный лист, иначе крошки упадут в тину на дно!

Но лист маленьким дискусам не нужен. Они оседают на спину и бока большой рыбы, прикрепляются к ее коже присосками, расположенными на их брюшках и разъезжают так по аквариуму,

пока не переварят весь корм. Кстати, состав желтой массы, ее питательная ценность пока что неизвестны.

Когда один из дискусов устанет возить на себе гроздь крохотных мальков, он сигнализирует особым движением другому и тот немедленно подплывает и становится параллельно первому. Рыба с мальками резко встряхивается, мальки тотчас срываются с ее тела. Рыбешки послушно устремляются ко второму дискусу и, собрав с него желтую массу, снова успокаиваются на его боках.

А ночью родители выбирают широкий лист, под которым живой гроздью повисает все многочисленное потомство. А взрослым дискусам не до сна. Всю ночь настороженно стоят они около листа, всю ночь, усиленно махая плавниками, создают живительный ток воды. Наступает рассвет и голодные мальки стремглав несутся к дискусам, чтобы снова набить свои животики таинственным бальзамом жизни. Лишь на восьмые сутки, когда мальки достигнут 8-миллиметровой длины и 3—4-миллиметровой ширины, начнут они проявлять интерес к мелким дафниям. Тогда же позволят поесть себе и родители. Но еще не одну неделю будут крошки плавать под охраной взрослых рыб.

Тело мальков, как у скалярок, имеет вначале типичную для большинства рыб форму, а окраска их — черные вертикальные полосы на сером фоне. Пожалуй, они не похожи не только на взрослых дискусов, но и вообще на цихлид. Удивительны и глаза дискусят в раннем возрасте: они безжизненные светло-серые, в то время как у взрослых рыбок зрачок абсолютно черный.

Несомненно, дискусы не только самые красивые из аквариумных рыб, но и самые удивительные, и вдумчивый аквариумист, наблюдая за их образом жизни, обнаружит еще немало секретов.

Живой электрогенератор

Перед тем как беседовать с индейцами, Закс зашел в хижину и вновь раскрыл потрепанный томик «Картин природы». Автором его был знаменитый ученый, соотечественник Закса, член многих академий наук мира Александр Гумбольдт. Его лирические описания тропической природы, густых, ошеломляющих разнообразием тропических лесов и удивительных, невероятных обитателей тро-

пических рек — вот что увлекло Закса, заставило его покинуть обжитый домик в далекой Германии и приехать в эту девственную чащу у непроглядно-черной, словно налитой чернилами, реки.

Закс снова перечитал знакомые строки.

«Первые удары очень большого и сильно возбужденного электрического угря всегда представляют известную опасность. Нанесенный рыбой удар вызывает такую сильную боль и настолько ошеломляет, что трудно даже представить себе это ощущение».

И вот еще одно интересное место.

«Непривычный шум загнанных в воду тридцати лошадей выгоняет рыбу из ила и вызывает ее к нападению. Борьба между столь различными животными представляет живописную картину».

Сколько раз, закрыв глаза, Закс представлял себе эту картину. Вот осторожно лошади спускаются по пологому берегу к чернильной воде. Она доходит им до самого брюха. Индейцы хватают дротики и длинные тонкие тростниковые палки. Одни забираются на свисающие над водой ветви, а другие выбирают места на берегу.

Старший подает команду и тотчас вся эта картина приходит в движение. Дико крича и размахивая палками, индейцы гонят лошадей в воду. Электрические угри, потревоженные десятками лошадиных ног и ошеломленные шумом, наносят животным непрерывные электрические удары. Молнии, рожденные живыми электростанциями, поражают сердце и нервную систему лошадей. Одни лошади, временно парализованные током, падают в воду, другие с диким ржанием становятся в воде на дыбы, третьи стремятся выбраться из смертоносной воды на берег. Индейцы кричат так, что пересиливают весь этот адский шум, и не дают лошадям выскочить из воды.

Но вот пыл битвы понемногу утихает, угри, как аккумуляторы, разрядились и больше не опасны. Индейцы вытягивают веревками парализованных лошадей на берег и пытаются их спасти, откачать воду. Другие же, более опытные, входят в воду, шарят на глубине, что-то кричат, что-то хватают и вот у ног организатора ловли чуть трепещут толстые маслянистые тела разрядившихся угрей...

Закс посмотрел на свои сапоги. Неужели у этих ног будут трепетать электрические угри? Неужели он будет организатором и очевидцем этой замечательной, необычно дикой ловли опасных рыб, которую так живо описал великий Гумбольдт и которую так часто рисовал в своем воображении сам Закс.

«Только бы удалось уговорить индейцев и достать лошадей»,— подумал Закс, кладя на место книгу и направляясь к выходу.

Недалеко от хижины, вокруг костра, разложенного на берегу реки, сидела группа индейцев, которых он пригласил через переводчика. Переводчик стоял рядом и ждал приказаний.

— Я сейчас буду говорить, а ты переводи,— строго сказал Закс.— Но только переводи точно. Речь пойдет об электрическом угре. Знаешь, что это такое?

— О да, сеньор, это тембладорес.

— Что значит тембладорес?— удивился Закс, впервые услышавший это испанское слово.

— Тембладорес значит дрожащий,— ответил переводчик.— Так называют сеньоры-испанцы всех рыб, вызывающих судороги электричеством.

— Ну, тембладорес так тембладорес,— проворчал Закс и обратился к индейцам.

— Друзья мои, я хотел бы, чтобы вы оказали мне помощь в охоте на тембладорес — электрического угря.

Переводчик перевел и индейцы чинно и важно подтвердили, что они согласны.

«Что-то они нерешительны»,— подумал Закс,— или нет у них лошадей, или они не умеют ловить угря».

— Сейчас, друзья, я объясню вам, как ловят электрических угрей,— и увлекаясь, Закс стал пересказывать индейцам описанную Гумбольдтом охоту на угря. Но по мере того, как он, все более воодушевляясь, рассказывал о волнующих моментах битвы с угрями, индейцы приходили в движение, переглядывались между собой и, наконец, по их лицам заскользили чуть заметные улыбки.

— Скажи им, что я кончил и жду их ответа,— перевел наконец дух Закс.

Переводчик исполнил приказание и тут же перевел Заксу вопрос одного индейца:

— Сеньора осмеливаются побеспокоить вопросом: так ловят тембладорес на его, сеньора, родине?

— Нет, разумеется,— рассердился Закс,— скажи ему, что так ловят у вас здесь на Амазонке!

Лицо индейца расплылось в улыбке и он опять что-то спросил.

— Сеньора спрашивают, это он шутит, наверное?

— Да нет же,— в отчаянии закричал Закс,— так будете ловить вы сами!

И тут раздался хохот. Солидные, сдержанные обычно индейцы совсем забыли про этикет. Как озорные мальчишки, катались они по траве, заливаясь звонким заразительным смехом.

«Ну разве с такими сваришь кашу,— мрачно глядел на них Закс,— разве они способны участвовать в такой серьезной охоте, как на угря».

Вместе со всеми смеялся и переводчик.

— Ты-то чего смеешься? — возмутился Закс.

— Сеньор,— еле выдавил сквозь смех переводчик,— но они кричат, что более нелепого способа ловли никогда не знали.

— Как нелепого?! — вскричал Закс. В один миг он очутился в хижине и вернулся к индейцам уже с книжкой Гумбольдта.— Да знаете ли вы, что этот способ ловли угря описал всемирно знаменитый ученый, этот способ известен всему миру. И только вы здесь...

Новый взрыв хохота был ему ответом.

«Не видать мне угря»,— грустно подумал Закс.

— Ой, сеньор уморил нас,— со стоном сказал старший из индейцев.— Ну и шутник сеньор, ну и весельчак.

— Скажи лучше, сумеете ли вы так поймать электрического угря, найдете ли лошадей для охоты?

— Да зачем нам лошади, сеньор,— вновь улыбнулся индеец,— мы поймаем тебе тембладорес сколько хочешь и намного проще — сетями.

— Сетями?! — теперь уже пришла пора удивляться Заксу.— Простыми сетями? А как же это описание охоты с лошадьми?

— Не знаю, сеньор, может человек этот и видел такую охоту на угря, только я об этом ничего не слышал. Лошадей иногда загоняют в воду, это правда, но делают это лишь для того, чтобы выгнать угрей из тинистых ям, где они любят лежать. Мы же ловим его очень просто — большими сачками на деревянной палке. Пока дерево сухое, эта рыба совсем безопасна, удары ее передаются только по мокрому.

Теперь пришла пора развеселиться Заксу. Со смехом отложил он книгу в сторону:

— И часто вам приходилось ловить угря?

— Да, мы это делаем все время.

— Вы его едите?

— Нет, сеньор, вид его больно отвратителен, да и мясо коствяво и мало вкусно. Но он своими ударами убивает очень много рыбы, он даже не может съесть ее всю. Если бы мы не боролись с тембладоресами, они бы перевели всю рыбу вокруг наших селений.

Охоту на электрического угря наметили провести на завтра. Рано утром собрались у хижины индейцы, принесли сеть. Не было ни топота лошадей, ни ропота воинов, готовящихся к опасной битве.

Пошли тихо, не поднимая шума, к густо заросшей кустарником, заболоченной речке.

— Видишь, сеньор,— указал индеец на подымавшиеся из глыбы пузырьки,— это плавают угри, это они выдыхают воздух.

Индейцы разделись, часть из них встала ниже по течению и перегородила ручей сетью, другие выше по течению вошли в воду и стали колотить по ней палками, поднимая муть.

— Перенеси меня на другую сторону,— попросил Закс индейца.

Тот понес Закса, но у самого противоположного берега споткнулся и оба полетели в воду.

«Сейчас,— мелькнула у Закса мысль,— удар и...»

Но ничего страшного не случилось, упасть в воду с электрическими угрями было, видимо, так же безопасно, как свалиться в ручей где-нибудь в Шварцвальде или Тюрингии.

Закс вылез из воды и остановился у берега. «Нет никаких диких криков, ржания лошадей и воплей»,— опять с сожалением подумал он.

И тут Закс почувствовал, как из воды на его ноги накатилось что-то тяжелое. Прежде чем Закс успел разглядеть оливково-зеленое толстое тело, прежде чем он сообразил, что на его ногах оказался электрический угорь, он вдруг ощутил страшный удар, а за ним беспрерывно последовали другие. Голова Закса тряслась, руки нелепо дергались, он дико орал, но не мог сделать и шага—тело ему не повиновалось. А индейцы? Приостановив ловлю, они громко хохотали, взирая на это зрелище.

То ли угорь разрядил всю свою мощь, то ли ему наскучило лежать на ногах беспокойно орущего человека, но только он так же плавно и незаметно, как появился, соскользнул с ног Закса. Только тогда охотник за электроугрем пришел в себя и членораздельно выругался дрожащими губами.

Но не прошло и десяти минут, как все, на этот раз вместе с Заксом, снова хохотали, глядя на неуклюже дергающегося индейца, в напоясном мешке которого бился неизвестно как заскочивший туда угорь.

Чем ближе подходили к сети погонщики, тем больше угрей выскакивало на поверхность воды, а иные даже выбрасывались на берег. Скоро в сети было уже много угрей и их вытащили на берег. Толстые, оливково-зеленые сверху и оранжево-красные снизу, с двумя или тремя рядами светло-желтых пятен величиной с вишню, некоторые рыбы достигали длины 2 метров и весили более 15 килограммов. В них еще сохранилась электрическая мощь и их приходилось брать резиновыми перчатками.

Рыбаки осторожно переваливали их из сетей на землю. Но вот неловкое движение одного индейца — и он тотчас получил такой удар в живот, что был сшиблен с ног. Рыбаки начали от злости колотить их палками. Но и прибитые, полумертвые, рыбы были опасны. К одному еле живому угрю приблизилась собака и лизнула его. Тотчас она отлетела в сторону и жалобно заскулила.

Охота была очень удачной. И Закс теперь не жалел, что не было обезумевших людей, ржания и диких криков. Впрочем, крики были, но о них Закс предпочитал не вспоминать.

Электрического угря называли ранее, а иногда и сейчас гимнотом. Название это неверно потому, что гимноты — рыбы, не обладающие электрическим органом. Длинные тела молодых гимнотов с волнообразно изгибающимся длинным анальным плавником очень похожи на электрического угря. Поэтому их и путают.

Гимнот — это не угорь. Но и сам электрический угорь — это не угорь.

Кто не знает длинную змееподобную рыбу-угря? Издавна заметили ее люди и окружили таинственностью. То ей приписывали появление ночью в хлеву и высасывание молока у коров, то угорь «обвинялся» в принадлежности не к рыбам, а к змеям. Но все эти сказки постепенно разоблачались. Угри действительно по утрам, когда трава влажная от росы, выходили на берег, но они спешили при этом не в хлев к коровам, а в широкие, стекающие к морю реки. И с змеей угря роднило только длинное тело. А жабры, рот, плавники, образ жизни позволяли убедиться, что это рыба.

Но зато долгое время тайной оставался способ размножения этой рыбы. Никто никогда не видел ни икры, ни мальков угря.

И только сравнительно недавно, лет пятьдесят назад, удалось установить, где же мечет икру угорь. Со всех рек Европы, впадающих в моря Атлантического океана, стекаются в соленую воду угри восьмилетнего возраста. Организм их постепенно перестраивается к жизни в морской воде. Громадными стаями идут угри в центральную часть океана, где на солидной глубине и происходит их нерест. Вышедшие из икры личинки совершенно непохожи на родителей, и ученые долгое время считали их самостоятельным видом рыб.

Течет по Атлантическому океану широкая и полноводная теплая река Гольфстрим. Несет она на своих волнах к берегам Европы пассивных, малоподвижных личинок угря. По мере приближения к берегу личинки превращаются в подвижных светлосерых угрей, уже приспособленных к жизни в пресной воде. Они входят в устья рек и поселяются в них, чтобы через восемь лет вновь уйти в океан и раствориться в его просторе.

Что происходит с родителями после нереста? Какие силы ведут угрей со всех рек Европы именно в один район океана? Этого мы пока еще не знаем.

Не знаем мы и того, почему именно в это место идут на нерест угри. Можно предположить, что когда-то, много лет назад, угри метали икру у самых устьев рек и были обычными проходными рыбами. По мере того как море наступало и поглощало сушу, место нереста угрей оказывалось все дальше и дальше от берега и рек. Но угри продолжали плавать на нерест все в то же место, хотя оно теперь и было не у морских берегов, а в центре океана. Такое объяснение довольно правдиво, и все-же это только гипотеза. Она многого еще не может объяснить и прежде всего, почему другие проходные рыбы, например осетровые или лососевые, не оказались такими привязчивыми к местам нереста.

Угрей можно содержать в аквариумах. Молодые угрята — очень забавные рыбешки. Обычно они сидят, зарывшись в грунт, снаружи торчит только голова. Но вот ты бросил в аквариум мотылей. Личинки хирономуса упали на дно. Угрятам хочется есть, но лень вылезать из уютных норок. Они вытягиваются, пытаются достать до личинок. Схватив несколько штук, угренок пятится в норку и выплевывает их около входа. Затем неторопливо поедает их по одной. Угри живут в аквариуме по многу лет. В Ленинградском клубе аквариумистов уже пять лет живет угорь, длина его около метра. А в одном из домов пионеров жил еще более длинный угорь. Однажды он вылез из аквариума и страшно перепугал педагогов-музыкантов в соседней аудитории, которые решили, что

Так выглядит голова электрофоруса.

Живой электрогенератор работает!

к ним приползла змея. Аквариумы с угрями надо плотно закрывать стеклом, а воду очень хорошо аэрировать и фильтровать.

Продолжим, однако, наше знакомство с удивительным электрическим угрем.

Электрический «угорь» назван угрем по сходству тела, а на самом деле он занимает промежуточное положение между сомами и харациновыми рыбами. Научное название этой рыбы — электрофорус электрикус, в дословном переводе «носитель электричества, электрический». Эта крупная рыба может достигать 230 сантиметров. Тело ее покрыто слизью, которую исследовал известный физик Вольта. Он установил, что эта слизь обладает электропроводимостью в 20—30 раз большей, чем чистая вода! Электрический орган электрофоруса состоит из 6000 пластинок, причем ток движется по телу угря таким образом, что у головы образуется положительный полюс, а у хвоста отрицательный.

Зачем этой рыбе нужно электричество? Когда электрофорус лежит в илистой яме, его электростанция не работает. Но вот рыба двинулась вперед. Вода рек, где предпочитает жить электрический угорь, очень темная и мутная, в ней добычу не заметишь и не настигнешь, да и от врага не убережешься. И вот живой генератор начинает посылать во все стороны слабые ориентировочные импульсы — около 50 в секунду. Отражаясь от всех встречаемых предметов, они возвращаются к электрофорусу и информируют его об окружающем. Таким образом, этой рыбе не страшно жить в мутной воде. Но кислород? Ведь наверное его немного в такой воде? Ничего, электричество и здесь поможет своему хозяину.

Разряды тока в теле угря разлагают воду на составные части. А вода, как мы знаем, состоит из кислорода и водорода. Кислород тут же поглощается кровью рыбы и разносится по всему телу, а водород, не нужный для организма электрофоруса, выбрасывается пузырьками наружу. Эта гирлянда пузырьков часто и выдает угрей. Рыбаки, правда, думают, что это «выдыхаемый» рыбой воздух, но это заблуждение не мешает им удачно ловить электрофорусов.

Однако электричество и в защите служит рыбе хорошую службу. Сильные защитные удары могут достигать 800 вольт напряжения и силы тока в 1 ампер. Мощность обычных ударов — 100 ватт при токе силой в 0,5 ампера и напряжении в 250—300 вольт. Человек не способен длительное время выдерживать подобные разряды, мелкие животные, в том числе и собаки, погибают от них сразу. Электрофорусы убивают своими разрядами и добычу, при этом погибает столько рыб, лягушек, раков, что угрю не под силу все это съесть.

Электрофорусы содержатся во многих публичных аквариумах. К сожалению, их до сих пор не удалось развести в условиях аквариума.

В некоторых зоопарках можно увидеть, как к голове и хвосту рыбы подсоединяют электролампочку в 25 ватт мощностью и демонстрируют ее длительное горение.

Слон с радиолокатором

Медленно катит Нил свои мутные волны во время разлива. Тысячами речек и ручьев разливается он по широкой принильской низменности. Во многих из них вода чуть движется.

Остановимся на берегу одной из этих илистых речек. Вглядишься, недалеко от берега в желтоватой воде поднимаются целые клубы мути: видимо, кто-то усердно разрывает дно. Наклонимся поближе.

Это рыба! Она совсем зарылась головой в ил дна, из мути лишь изредка показывается ее хвост. Вот удобный момент поймать этого возмутителя ила — ведь он сам зарылся головой в дно и ничего вокруг себя не видит.

Итак, осторожно опустим в воду сачок и будем плавно подводить его к рыбке. Обязательно плавно, чтобы удары сачка по воде рыбка не смогла воспринять своей чувствительной боковой линией.

Так, хорошо, сачок плавно приближается к ничего не замечающей рыбке, осталось до нее всего какой-нибудь метр-полтора... Ах ты, какая досада! Рыбка вдруг перестала поднимать муть и умчалась прочь. Что-то спугнуло нашу добычу. Не сачок, конечно, ведь мы его передвигали очень медленно и плавно. Уж не одну рыбу удалось поймать таким осторожным способом.

Ну, что ж, поищем другую.

Вон там виднеется облачко мути — это снова роется в иле заинтересовавшая нас рыбка.

Равномерное движение нейлонового сачка с обручем из оргстекла почти незаметно. Снова остается до рыбки всего чуть больше метра... сейчас подведем под... Но что это — досадное совпадение? Как и в первый раз, рыбешка метнулась — и исчезла.

А может быть, это не случайно? Может быть, у нее на хвосте... глаза?!

Много тысячелетий назад древние египетские рыболовы замечали в тихих, медленно текущих заиленных притоках Нила странных рыб величиной чуть больше ладони. Странными были их морды, они напоминали морды громадных сухопутных животных — слонов. Как и у слона, у рыбок имелся хобот, у одних видов короткий, у других — длинный, вытянутый в трубку. И рыбаки не решались есть эту странную рыбу.

Сначала запрет на этих рыб был вызван исключительно необычным внешним видом, да, пожалуй, и вкусом — уж очень отдавало их мясо тиной. Но поколения рыбаков сменялись, молодые уже не пробовали мясо длиннорыла, или рыбы-слона, как его называли, а внешний вид этой чудной рыбки был знаком мальчишкам-рыбакам с детства. Длиннорыла уже не боялись, к нему привыкли, но в пищу не употребляли по-прежнему. А почему? Ответ на этот вопрос родился давно, но ответ этот был мифический, сказочный.

...И когда собрала Исида уже все почти куски тела Осириса, обнаружила она, что все-таки не хватает еще трех кусков. И тогда спросила она зверей, птиц и рыб: «Не съел ли их кто-нибудь из вас?» Промолчали звери, не откликнулись птицы и только в Ниле поднялось волнение от шума рыб. Подошла Исида к берегу реки и выбросила к ее ногам рыбы трех своих товарок: «Это они съели по куску тела твоего мужа!» Среди этих трех рыб был и длиннорыл — вот почему почитающий богов человек не должен есть его оскверненное таким деянием мясо.

Так говорит древняя сказка, так опозитизировали древние простой отказ есть эту рыбу. А может быть, у этой сказки есть и более реальная основа?

Длиннорыл и в самом деле питается лежащей на дне падалью, но только маленький рот его, находящийся на конце вытянутого в трубку рыла, но может поедать крупные куски. Древние давно заметили, что длиннорыл поедает мертвых животных.

Длиннорыл таким образом стал знаменит с древних времен. На камнях гробниц, построенных более чем 2500 лет назад, находим мы его изображения. Известен он был и за пределами Египта, эту рыбу описал в своих сочинениях древнегреческий ученый Аристотель, он же и дал длиннорылу название мормирус, принятое ныне за научное наименование этой рыбы.

Мормирус живет в мелких, хорошо прогретых солнцем притоках Нила. Он не любит чистой воды и песчаного дна, мягкий илистый грунт — вот его стихия. Здесь он роется все время, добывая из ила мелких донных червяков, рачков, личинок насекомых и моллюсков. С большим аппетитом поедают мормирусы и мягкие водоросли.

Когда рыбки добывают себе корм, они погружают длинное трубчатое рыло в мягкий ил дна, причем иногда настолько глубоко, что в иле оказывается вся голова длиннорыла, до самых жаберных крышек. Конечно, видеть вокруг рыбка при этом ничего не может, к тому же, роясь в грязи, она поднимает густую муть. А враг — хищная рыба, например, — еще издали заметит роющегося мормируса, подкрадется к нему и... И ничего у хищника не выйдет: мормирус подпустит его на метр, а потом внезапно удерет. Вот как при нашей попытке поймать его сачком.

Этот факт очень долго оставался для ученых загадкой. Разные виды мормирусов содержали и в публичных аквариумах, — их странные мордочки всегда привлекают посетителей, — и в научных лабораториях, и всюду проводили с ними опыты, пытаясь разгадать причину чувствительности рыбки к врагам.

Не имеет же она глаза, в самом деле, на хвосте!

Глаз-то мормирус не имел на хвосте, но была на верхней лопасти хвостового плавника у этой рыбки одна загадочная штука. В небольшом вздутии — узелке — у мормируса помещался... электрический орган. Правда, этот электроорган способен был вырабатывать лишь очень слабые электрические разряды. Но вот это-то и было непонятно!

Живет в той же реке Нил малаптерурус электрикус — электрический сом. Дословно родовое название этого сома перевести довольно затруднительно; тот, кто придумал это название, хотел

Малаптерурус полон чувства собственного достоинства.

отразить наличие у сома небольшого так называемого жирового плавника — в нем нет костей-лучей и он образован складками кожи. Такой плавник — большой или меньший — есть у всех сомов.

Зато видовое название малаптеруруса более чем ясно!

Пловец этот сом неважный, толстое светло-серое в темных мелких пятнах тело его с широкой плоской головой, украшенное тремя парами длинных усов, медленно и величественно движется среди водных растений. Особенно величествен сом, достигающий в длину 65 сантиметров, в сумерки или в темноте, когда голова и бока его чуть заметно фосфоресцируют.

Египтяне давно заметили эту оригинальную рыбу и, если изображения мормируса насчитывают более 2500 лет, то первые рельефные изображения малаптеруруса отделяют от нас огромное время в 6000 лет! Электрический сом является как бы родоначальником электротерапии, поскольку еще в давние времена были обнаружены целительные свойства его электрических разрядов средней силы.

Давно заметили жители Египта и странный способ размножения этого сома. С давних времен утверждают они, что электрический сом, как и маленькая булти, «рожает» из рта живых мальков. Возможно, и в самом деле кто-либо из родителей электрического сома вынашивает икру и молодь во рту.

Зато ученые довольно хорошо изучили другую сторону жизни этой рыбы. Кажется, неповоротлив и доступен для хищника малаптерурус, а никто не осмелится схватить его. В теле электрического сома имеется орган, состоящий из 500 пластинок и способный создавать короткие электрические импульсы напряжением в 50 вольт. Это, правда, не такие мощные удары, как у американского электрического угря, но и они способны защитить сома и даже оглушить мелких животных, служащих ему пищей.

Как видим, назначение электрооргана малаптеруруса вполне очевидно.

А для чего нужен аналогичный орган мормирусам, ведь его слабые импульсы не способны ни убить добычу, ни причинить неприятность врагу?

На заре истории радиовещания великий изобретатель радио А. Попов вел как-то передачу с одного корабля на другой. Внезапно связь прервалась. Попов поднял голову от аппарата и увидел, что между двумя переговаривающимися по радио судами проходит третье. Когда это судно ушло, связь восстановилась и продолжала работать нормально. Попов записал тогда, что, по-видимому, корпус корабля отразил радиоволны, как зеркало. Это было замечательное открытие принципа радиолокации, но сам Попов его не разработал дальше, а при тогдашнем уровне радиотехники это высказывание даже не поняли и не придали ему значения.

Шли годы, совершенствовалась техника, люди научились использовать отражение коротких электромагнитных волн: появились радиолокационные приборы. Совершенствовались приборы, ловящие отражения ими же посланных импульсов, совершенствовалось и научное объяснение этого нового для человека откровения природы.

Мы сказали «нового для человека», но в природе — среди животных — этот принцип мог ведь существовать уже давным давно. Мы же его не знали, пока не усвоили, не познали новый для нас закон.

Вот, например, летучая мышь. Носится она в темноте, когда видно очень плохо, а ведь никогда не налетит на угол дома, столб или провод. А почему? Глазки у нее маленькие, такими немного увидишь. Зато уши почему-то непомерно большие. И почему летучая мышь в полете все время пищит?

А что, если предположить, что летучая мышь «видит» ночью не глазами, а особым прибором, вроде радара или эхолота? Ученые выдвинули такую гипотезу, она основывалась на ряде особенностей строения и поведения мыши.

Чтобы обнаружить подкрепляющие гипотезу факты, ученые попробовали уловить вокруг летучей мыши электромагнитные волны. Их не было, зато особый прибор — улавливатель ультразвука — тотчас подтвердил, что тот писк, который мы слышим — это только часть звуковых и ультразвуковых колебаний, издаваемых все время мышью в полете. Ультразвуковые импульсы, ударяясь во встречные предметы, отражаются, улавливаются ушами мыши и она тотчас сворачивает в сторону.

Итак, гипотеза нашла подтверждение, но теперь надо было эти теоретические знания подтвердить на практике. Один ученый провел такой эксперимент. В большой комнате натянули много веревок и в темноте пустили летучую мышь. Ультразвуковая сигнализация мыши работала бесперебойно — мышь ни разу не натолкнулась на веревки.

В дальнейшем ученые выяснили, что и рыбы тоже между собой все время перекликаются ультразвуковыми сигналами, причем каждой породе соответствует определенный звук. Это помогает теперь нашим рыбакам «выслушивать» море через особые приборы, определять по звукам, где большие косяки промысловой рыбы и направлять туда рыболовные суда. Ну, а мормирус?

Когда в научных кругах стали известны опыты с летучей мышью, один исследователь-ихтиолог вспомнил о мормирусе.

— А нет ли тут аналогии? — задумался он. — Раз в природе принцип отражения коротких импульсов используется уже давно, не имеем ли мы такого же случая и у мормируса? Тогда станет понятным, зачем этой рыбке нужен именно слабый электроорган — ведь для «локационной» деятельности достаточно быстрых и слабых ударов-импульсов.

И вот в аквариум, где жили мормирусы, были опущены тончайшие по чувствительности приборы.

— Надо опустить сачок или другое препятствие, — сказал ученый своему помощнику.

Опустили сачок, подвели его к рыбкам, рыбки шарахнулись, но стрелка чувствительного прибора осталась неподвижна.

Опыт повторили еще раз и на другой день — все безрезультатно. Но на третий день у исследователя мелькнула догадка.

— Я понял, в чем наша ошибка, — сказал он ассистенту. — Ведь в аквариуме твердое песчаное дно. Оно сделано, чтобы рыбки не мутили воду и посетители нашего аквариума всегда их могли видеть. Но при этом мормирусы не зарываются с головой в ил и электроорган им не нужен — они прекрасно все видят глазами.

И скоро вода аквариума превратилась в мутную илистую жижу. Не успел ил осесть, а рыбки — начать в нем рыться, как все услышали крик одного из помощников.

— Двинулась!

— Кто двинулся? — не поняли остальные, но тут же все бросились к прибору. Его стрелка нервно дрожала и прыгала.

— Ну, конечно, как мы не подумали, — счастливо рассмеялся ученый, — вода стала мутная, мормирусам не надо и голову в ил совать, они ничего не видят, вот их «локационные» устройства и заработали!

Так было открыто удивительное свойство мормируса, позволяющее ему в полной безопасности рыться в грязи. Пока глаза рыбки погружены в муть, генератор тока на хвосте и приемник на спине создают вокруг рыбки магнитное поле. Как только в зону поля вторгается посторонний предмет, силовые линии искажаются, приемник это улавливает и рыба получает сигнал опасности. Чувствительность этого прибора информации очень велика: мормирус ощущает приближение человека к аквариуму (человек — генератор биотоков), он мечется, если рядом причесываются (при этом тоже образуются электроразряды). До сих пор не известно, в каком диапазоне «работает» мормирус, какова длина посылаемой им волны. А это очень важно знать: вдруг мормирус поможет нам наладить прочную связь под водой, подскажет, какой длины короткие волны не поглощаются в ее толще. Над решением этой загадки работают сейчас специалисты-бионики — конструкторы в области электроники, создающие для нужд человека приборы, уже «изобретенные» природой.

Но и ученым-ихтиологам еще немало предстоит поработать с различными видами интересных рыбок рода мормирус. Ведь, как и у электрического сома, у этих рыбок до сих пор не изучен способ размножения. Утверждают, что одни виды мечут икру в плавающее гнездо, другие — в ямку или норку в грунте, а третьи оберегают кладку, расположенную в изгибе тела у анального плавника. Но все эти сведения требуют еще самой тщательной проверки.

Видящие... без глаз

Телеграмма от моего друга Юрия Орлова была немногословна, но обещала многое: «Только что вернулся Москву. Привез тебе подарок пражских ихтиологов. Пересылаю нашим сотрудником, поезд... вагон...»

Ты пойми меня, дорогой читатель: я стоял на перроне вокзала и, глядя на приближающийся поезд, видел совсем не электровоз, а огромную бутылку, наполненную самыми редкими и удивительными рыбами.

— Это вам посылали рыб? Пожалуйте, в купе.

Пещерные рыбки отлично ориентируются и без глаз.

Я оглядываю полки — где же бутыль?! И тут мне преподносят... простую поллитровую баночку. Я даже вспотел от расстройства: в сумраке раннего утреннего света я разглядел в ней всего лишь три рыбки, совсем обыкновенные, белесые, напоминающие обычных карасиков.

— Спасибо,— преувеличенно бодро поблагодарил я и вышел на перрон. Что за чушь? Издевается надо мной Юрий? Или... Еще и еще раз я внимательно разглядываю рыб. Нет, это не караси, ясно виден жировой плавник, характерный для лососевых и харацинид. Чувствую, что эти невзрачные рыбки чем-то беспокоят меня, что-то в них не то, а вот что — не могу понять. И вдруг я уловил, что в них необычно: рыбы были... без глаз! Совсем без глаз! Слепые, пещерные.

Такси едет удивительно медленно. А надо скорее — зима, холод. Юрий прислал банку без всякого утепления. Держу рыб за пазухой, там теплее — ведь надо сохранить драгоценную посылку. Я уже не жалею об огромной бутылки с невиданными рыбами. Мысли заняты только слепыми. А что я знаю о пещерных рыбах? Приходится сознаться — ничего.

Дома листаю толстые тома аквариумных справочников — русские, чешские, немецкие, американские. Того, что надо, нет. Лишь три-четыре строки. Но все-таки ясно: совсем не обязательно устраивать затемненный аквариум, слепые пещерные рыбки хорошо живут и в обычных, даже в компании с любыми мирными рыбками. Значит, можно их пересаживать из банки, значит, есть

надежда, что они приживутся. Только бы не погибли, вода в банке охладилась до 12°, а ведь рыбы — уроженцы Мексики, это для них смертельный холод. Они и в самом деле почти лежат на боку.

Медленно подогреваю банку, высаживаю рыб в аквариум. Проходит день — и рыбки покрываются грибком. Вот несчастье! Развожу в воде акрифлавин. Выздоровливают. Проходит несколько месяцев. Рыбки живут, но у самки сильно раздувается брюшко: у нее киста, сквозь прозрачные бока видно, как в желтой жидкости болтаются при движении мертвые икринки. Это — смертельно. Как жаль! Конечно, три рыбки интересны и сами по себе, но ведь основные наблюдения требуют большего количества рыб, а кроме того, хотелось закрепить этот редкий вид у советских аквариумистов, размножить и распространить слепых рыбок.

А может быть, попробовать?... Нет, нет, это большой риск, рыбка слишком нежна, да и исход почти всегда бывает смертельным. Каждый день стою я в раздумьи около аквариума. И наконец — решаю. Приготавливаю блюдечко, наливаю до половины водой из аквариума, рядом кладу несколько комков ватки. Ловкий взмах сачком — взрослых слепых рыб ловить нетрудно — и самка оказывается в блюдечке. Теперь мокрую, невыжатую вату кладу на жабры, чтобы не обожглись сухим воздухом их нежные личочки, и операция началась.

Одной рукой, мокрым комком ваты держу рыбку, другим комком медленно поглаживаю по брюшку от головы к хвосту. Ничего не выходит. А если надавить? Опасно — вдруг покалечу. Но терять нечего: надавливаю. Брызнула желтая жижа с икрой, а я давялю еще и еще, пока мне не кажется, что брюшко опустело. Тогда несчастная больная с миром отпускается с операционного стола. Рыбка валится на бок и идет ко дну. Конечно, я так и думал... Но нет! Она пошевелилась, выпрямилась и — поплыла!

Два дня плавала эта рыбка с брюшком, вогнутым внутрь. Потом страшная яма исчезла, рыбка приняла обычный вид и стала нормально питаться. И тем же летом от этой самки, перенесшей такую тяжелую операцию, я получил три помета икры. Вот когда из этой икры поплыли тучи мальков, когда они подросли, тогда-то и началась самая интересная работа по изучению этих рыб. Но прежде чем рассказать об этих исследованиях, нам не мешало бы хоть раз спуститься в пещеру и уж во всяком случае познакомиться с особой отраслью науки биологии — биоспелеологией.

Первые исследования пещер и их своеобразного населения относятся к XVII веку. В это время вюрцбургский монах Кирхер в книге «*Mundus subterraneus*» («Мир подземелья») сообщил первые сведения о пещерных животных. Примерно в те же годы ученые

Вальвасор открыл в пещерах северного берега Средиземного моря земноводное, совершенно бесцветное и слепое существо, обитавшее в подводных озерах и получившее название протей. Протеем интересовались многие биологи XVIII и XIX столетий, но действительно серьезное изучение биологии пещер началось лишь в первом десятилетии XX века. В ряде стран возникали научные общества исследователей пещер. Поскольку наука о пещерах в целом называется спелеология, биологическое ответвление ее получило название биоспелеология.

Каковы же характерные условия жизни в пещерах? Во-первых, отсутствие света, затем постоянно низкая температура. Кстати, слепые рыбы потому и выдержали перевозку при 12°, что они в пещерах переносят близкое к этому охлаждение, в то время как на поверхности пылает жара. В пещерах обычно очень высока влажность воздуха — до 90%. Большинство пещер — карстовые, из-за постоянного процесса растворения известняка вода пещерных водоемов имеет высокую жесткость — от 16—20° и выше. Это обстоятельство первое время нас смущало, казалось, что слепые рыбы не станут размножаться в мягкой ленинградской воде. Но рыбы рассеяли наши сомнения, они уже не один год нерестуют при 5° жесткости. Впрочем, в литературе есть указания, что при более высокой жесткости (14—16°) большая часть икринок развивается до выклева мальков. Возможно, мы имеем тут процесс, обратный наблюдаемому у неонов. Предполагают, что сперма слепых рыб дольше остается живой, а сперматозоиды активнее разыскивают икринки именно в воде жесткостью 14°.

Какую пищу потребляют слепые рыбы в пещерах? Опыт показал, что в аквариумных условиях они всеядны, и отнюдь не страдают потерей аппетита. Но странная вещь — слепые рыбы почти нигде не стали размножаться. Растут, едят, а потомства не дают. В чем дело? Ихтиологи, небольшое число любителей, которые получили от нас этих рыб, задали этот вопрос, естественно, нам. Чтобы ответить на него, пришлось прежде всего изучить образ жизни — экологию — этого вида на воле.

Чем могут питаться рыбы в природе?

Ученые делят пищу рыб на четыре категории: основная пища, второстепенная пища, случайная и вынужденная. Естественно, что для нормального развития рыбы должны получать первые две категории пищи, и уж никак не четвертую (например, кормление всеядных рыб в неволе одним мотылем или одной сухой дафнией).

По характеру потребляемой пищи рыбы делятся на растительноядных, детритоядных (детрит — органические осадки на дне), всеядных и хищных.

К каким же рыбам отнести слепых, какой вид пищи им необходим? Узнать это очень важно — ведь пища должна быть не только вкусна, она должна давать рыбе все необходимые питательные вещества, т. е. по своему химическому составу быть в физиологическом отношении полноценной. Мы уже знакомились с этой проблемой, когда совершали экскурсию в кормовой цех: помнишь, речь шла об энхитреусе, который не может считаться полноценной пищей рыб, поскольку не снабжает их всеми необходимыми химическими веществами. Правда, фосфор, кальций и некоторые другие питательные соли рыбы получают и непосредственно из воды через кожу, жабры, поверхность рта, но все же физиологически правильный подбор корма для рыб — один из важнейших факторов их нормального развития в аквариуме.

А теперь наблюдаем за слепыми. Они медленно плавают у дна, рот их полуоткрыт, они что-то собирают, а иногда даже роются в песке. И еще одно явление, на первый взгляд совершенно несовместимое с образом жизни в пещере: слепые рыбки с удовольствием поедают... растения!

Что ж, выходит, что основной их пищей является растительная, что они относятся к группе растительноядных — детритоядных рыб?! Да ведь это же нелепость, какие могут быть растения в темной пещере!

Оказывается, это совсем не так. Все живое в мире делится на две группы: на сотворяющих первопищу — продуцентов и на потребляющих ее — консументов. Продуценты — это бактерии, растения. Они из неорганических соединений создают органические, они — источник всех остальных видов кормов. Но растения существуют только под ласковыми лучами солнца, свет которого совсем не проникает в пещеру.

Совсем? Нет, мы ошиблись, какая-то кроха света попадает. Но хватит ли этой силы освещения для растений? Если принять нормальную дневную освещенность за 1, то лишайники будут существовать при освещенности равной $\frac{1}{240}$, цветковые растения — при $\frac{1}{256}$, папоротники — при $\frac{1}{1700}$ и мхи — при $\frac{1}{2000}$. Конечно, такие ничтожные доли света не замечает наш глаз.

Итак, растения в пещерах могут быть. А бактерии? Это ведь тоже представители растительного царства. И их в водоемах пещер более чем достаточно.

Остается добавить, что в пещеры часто залетают насекомые, которые падают на поверхность воды, что в водоемы срываются и летучие мыши, висящие под сводами пещер, что в самих водое-

мах обитает несколько видов ракообразных, а в грунтах пещер найдено более 12 видов олигохет — родственников энхитреуса.

Теперь мы можем сделать вывод — основную пищу слепых пещерных рыбок составляет детрит, незначительную долю составляют растения, а второстепенную пищу — те разнообразные, но очень малочисленные животные, которые населяют подземный мир. Если к этому добавить, что в пещерах рыбки никогда не наедаются досыта, а перекорм в неволе ведет к любопытной закономерности, — чем больше съедается, тем меньше усваивается организмом, — то станет ясна причина неудач при разведении: рыбки получали обильную пищу преимущественно животного происхождения (мотыль) и их физиологическое развитие пошло по иному пути. Действительно, сравнение показало, что при наших условиях содержания (умеренное кормление с обязательным добавлением в рацион белого хлеба) половозрелость наступает на 8—10-м месяце, а при обильном корме — лишь на второй год, часто половая система вообще не развивается, но наступает ожирение. Вот к чему может привести незнание экологии.

Но что же это за рыбы, каково их научное название?

Впервые слепые рыбы были обнаружены в пещерах Мексики Сальвадором Коронадо в 1936 году. Тогда же они были посланы в США ученому С. В. Жордану и получили позднее научное название аноптихтис жордани, что значит «безглазая рыба Жордана». В апреле и июле 1942 года была организована еще одна экспедиция за этими рыбами, и от пойманных в этот раз рыб было получено потомство.

Но аноптихтис жордани — не единственный вид мексиканских слепых рыб. Всего в пещерных водоемах Мексики ныне обнаружено шесть видов слепых или со слабо развитыми глазами подземных рыб. Встречаются они и в других местах. Несколько видов обитает в знаменитой Мамонтовой пещере, пещерах Техаса и Пенсильвании в США. Эти пещерные рыбки относятся к ципринодонам или близким к ним семействам, мексиканские — в большинстве к харацинидам, среди бразильских пещерных рыб есть представители сомов, а в пещерах вблизи Конго в Африке обитает подземный вид барбуса. Большинство этих рыб не имеет окраски и глаза у них в большей или меньшей степени недоразвиты, так как в темноте пещер зрение не нужно.

Степень недоразвитости глаз неразрывно связана с историей появления этих рыб в пещерах. Множество рыб в пещерах обитают временами, небольшое количество видов когда-то прочно и постоянно поселилось под землей, а некоторые рыбы проникают с поверхности в подземные водоемы и в наше время. Так, в Аф-

рике нередко случаи, когда из артезианских колодцев струя выплескивает тилапий и хемихромисов, совершенно неотличимых от наземных. Известный советский ихтиолог Лев Семенович Берг получил однажды колюшек, выброшенных артезианским колодцем в Джанкое. В Ассаме есть пещерные разновидности обычных для тех водоемов барбусов, которые отличаются лишь окраской. Очевидно, эти случаи свидетельствуют о том, что заселение пещер продолжается и в наше время.

Переселение же в подземные водоемы тех рыб, которые ныне живут там постоянно, происходило в далеком прошлом у всех рыб по-разному. Например, кубинские пещерные рыбы — морского происхождения. Очевидно, сначала они поселились в пустотах коралловых рифов, потом рифы поднимались, водоемы опреснялись и рыбы постепенно превращались в пресноводных пещерных обитателей.

А каков путь, пройденный рыбами, полученными из Праги — аноптихтисами? Как здорово было бы проследить стадии их переселения в пещеры. Не поможет ли нам здесь процесс размножения аноптихтиса, не повторится ли в онтогенезе филогенетический путь? Понаблюдаем.

Вот самец ищет самку. Они одни в большом аквариуме, и ему так трудно найти ее — ведь он совсем без глаз! Но не спеши с выводами. Это самец просто исследует помещение — пригодно ли оно для нереста. А вот теперь — смотри! — он помчался к самке — точно и прямо к ней. Рыбки сошлись боками и ринулись вверх, ударяя друг друга плавниками. У поверхности воды они грациозно перевернулись, и первая гроздь икры — словно десант парашютистов — плавно поплыла вниз. А рыбы разошлись. Потом снова самец быстро находит самку и снова изящный взлет вверх, и снова десятки крохотных желтоватых «парашютов» опускаются ко дну. До двадцати раз повторяют рыбы эти движения, пока икра не кончится и самка не залезет в гущу растений, — теперь ее от туда не выманишь.

Ну что ж, метка прошла удачно, отловим родителей в другое помещение. Дело в том, что слепые рыбы иногда поедают икру, но лишь в тех случаях, когда условия чем-то не подходят, или их беспокоит шум. Поэтому их надо своевременно отсадить. Теперь проверим температуру — 23—26°. А аэратор работает? Все в порядке, остается ждать.

Через сутки из прилипшей к камням и растениям икры выходят мальки. Это еще не настоящая рыбка, они еще не могут плавать, и, попрыгав некоторое время в вертикальном направлении, замирают, повиснув на стекле или листьях. Идут дни, мальки стано-

вятся все крупнее, но висят, лишь изредка перепрыгивая с места на место. К пятому-шестому дню железы на голове перестают выделять клейкое вещество, мальки уже не прикрепляются к предметам, а начинают осторожно плавать около дна. И только на вторую неделю они заполняют всю толщу воды. Из всей икры при 5° жесткости выходит до половины мальков.

Приглядишься к малькам повнимательней: что ты видишь? Глаза! Самые настоящие глаза. Но вот насколько эти глаза видят и зачем они малькам? Попробуем выяснить. Поместим лампу не сверху, а сбоку аквариума. Смотри: все мальки поплыли к освещенной стенке. Но почему? Чтобы ответить, выльем в воду банку инфузории — туфельки. Куда двинулась инфузория? Тоже к свету. Теперь понятно: мальки отличают свет от темноты и плывут к нему потому, что светлюбивые инфузории и мелкие водоросли скапливаются именно в мало-мальски освещенных углах пещерного водоема.

Но видят ли мальки плавающих вокруг них инфузорий? Это сомнительно. Мальки зрячих рыб, кроме неоновых, поведение которых сходно с поведением аноптихтисов, плавают за отдельными инфузориями, подходят к ним с определенной, удобной стороны, иногда, сытые,—только косятся на проплывающих мимо. Это легко заметить при наблюдении. А вот мальки аноптихтиса словно ничего не видят, они хватают лишь тот корм, который «сел им на нос». Поэтому, чтобы их накормить, надо поддерживать в аквариуме постоянно густую тучку инфузорий — она устремляется к боковому свету, мальки плывут туда же, врезаются в гущу инфузорий и насыщаются¹.

Неужели в филогенезе аноптихтисов не возникло что-то, компенсирующее потерю ненужного в пещерах зрения? Действительно, с третьей недели поведение подросших мальков изменилось. Теперь они уже не так жмутся к освещенной стороне, свободно заплывают и в темные участки аквариума, смешно двигаются вниз головой вдоль его стенок. Присмотришься, они спускаются вдоль стекла, прижимаясь к нему не боками, а только спиной. Почему? Разве нельзя плыть у стенки, чуть отступя, чтобы свободно шевелились плавники, и повернуться к ней не спиной, а боком? Нельзя. Нельзя потому, что на боках-то и расположен один из заменяющих зрение органов. Это боковая линия — ее можно увидеть у любой рыбы.

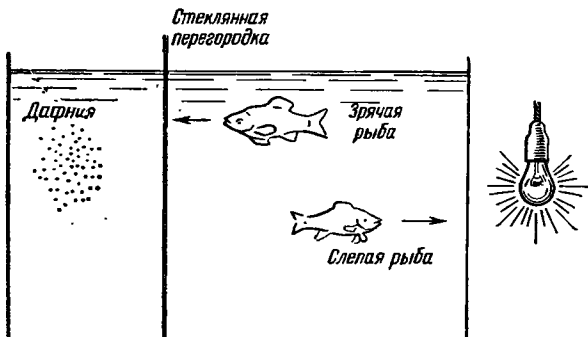
¹ Реакция мальков аноптихтисов и неоновых рыбок на свет объясняется тем, что инфузории в пещерных водоемах и затемненных речках скапливаются в наиболее освещенных местах.

Что же это за аппарат? Вдоль боков рыб, а у некоторых и на голове, проходят особые сейсмочувствительные каналы, в глубине которых расположены особые чувствующие клетки — невромасты. Клетки соединены с поверхностью тела и с внешней средой тонкими канальцами, заполненными слизью. Рыбы никогда не бывают неподвижны, всегда они двигают плавниками, жабрами, ртом. Эти движения вызывают слабые гидравлические колебания воды, которые и улавливают невромасты. Поэтому рыбы легко находят друг друга — помнишь, ты волновался, найдет ли самец самку? Не натыкаются они и на растения, камни, других рыб. Плавники рождают колебания, — своеобразные у каждого вида рыб, — а невромасты улавливают уже отраженные от окружающих предметов волны. Получается очень совершенный прибор — гидролокатор, позволяющий рыбам определять направление течения, избегать препятствия и находить пищу. Вот почему мальки аноптихтисов теперь начинают свободно отплывать от света — невромасты предупреждают их о близком присутствии инфузорий. Но на втором месяце жизни у крошек начинает работать и еще один весьма полезный «прибор» — вкусовые точки. А разве раньше они отсутствовали и рыбки не ощущали вкуса пищи? Нет, конечно, вкус пищи они ощущали, но только ртом, там у них были вкусовые точки, там, кстати, они находятся и у человека. Аноптихтисам же этого мало, и со временем вкусовые точки развиваются по всему телу, даже на хвостовом плавнике. Стоит дафнии или нематодам оказаться вблизи хвоста, как рыбка ловко поворачивается и хватает добычу.

Теперь надо поспешить провести еще один опыт, выясняющий развитие зрения аноптихтисов. Разделим аквариум вставленным поперек стеклом на одну треть и две трети. В большую часть поместим некормленных в течение суток аноптихтисов в возрасте шести-семи недель. Туда же для контроля запустим мальков двух-трех видов аквариумных рыб этого же возраста. А в меньшую часть аквариума пустим стаю дафний. Теперь с другой стороны аквариума подведем лампу и...

Что такое? Почему все рыбы бросились к стеклу, за которым плавают дафнии? Почему зрячие — понятно, а вот слепые? Ах, вот в чем дело: через щели между стеклом и стенками аквариума слепые сумели с помощью невромастов обнаружить дафний. Нет, так дело не пойдет: наука требует чисто и аккуратно поставленных опытов, иначе выводам нельзя будет верить.

Повторим подготовку аквариума, но разделяющее стекло закрепим в сухом аквариуме на пластилине. Теперь нальем шлангом немного воды в одну половину. Стекло держится хорошо. Нали-

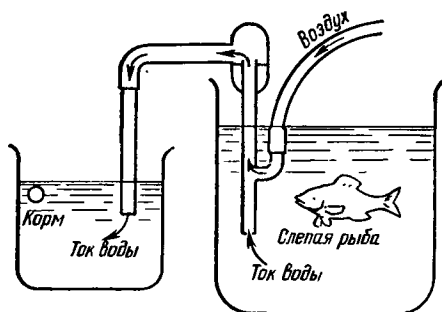

Мальки аноптихтисов «видят» не корм, а свет.

ваем одновременно в обе части аквариума воду. Теперь слепые не смогут обнаружить дафний. Но они смогут их увидеть — ведь глаза-то у них есть! Итак, зажигаем лампу. И что же? Все зрячие рыбы мечутся у стенки, за которой пляшет дафния, а «глазастые» слепые идут в противоположную сторону, к свету. Вот тебе и глаза! Не удивительно, что с ростом рыбок они совсем не увеличиваются, так и остаются черными точками.

А почему мы спешили с этим опытом? Да потому, что подросшим рыбкам уже не хватит того мизерного населения толщи воды, которое есть в пещерных водоемах. И с третьего месяца рыбки переходят на питание детритом, олигохетами. Теперь они плавают близко у дна, собирают пищу повсюду, и свет им уже ни к чему. Глаза начинают разрушаться и вскоре зарастают кожей совсем. Но взамен развиваются какие-то другие органы ориентировки в окружающем пространстве.

Что это за органы? На этот вопрос еще нет ответа, в лабораториях разных стран мира аноптихтисы еще изучаются. Может быть, это обоняние? Кроме вкуса, у рыб есть и обоняние, хотя одно время считали, что запах не может ощущаться в воде. Органами обоняния рыб являются ноздри, а обонятельные центры расположены в переднем мозгу, в то время как вкусовые — в продолговатом. Рыбы очень тонко чувствуют запах в воде. Например, лососи, возвращаясь на нерест из океана к родным берегам, всегда входят в родную реку. А если им закрыть ноздри, они не находят устья той реки, где они родились и куда должны вернуться и отложить икру. Очень тонко чувствуют рыбы и запахи водных растений, даже очень слабые, разведенные в 10 тысяч раз! Поэтому-то мы с вами и условились в начале, что растения в аквариумах должны быть из тех же водоемов, что и рыбы.

Пещерные рыбы чувствуют присутствие корма даже против тока воды.

корм, они почувствуют его присутствие не сразу, а через 5—7 секунд. Запах? А если бросить корм в маленький аквариум? Тоже — 5—7 секунд. В огромный — тоже 5—7 секунд. Если подвесить корм в одном углу, а аноптихтисов задержать в противоположном и с помощью аэратора устроить медленное течение воды от рыб к корму? Все равно, еще не совершит вода круговорот в аквариуме, еще не принесет течение запах корма, как рыбы ровно через 5—7 секунд почуют против течения, что корм есть! Наконец, мы помещали аноптихтисов в такую сложную конструкцию, как показана на рисунке, и все равно, через то же время, против течения воды они узнавали о присутствии корма и начинали неистово носиться в поисках его. Кстати, в обычном аквариуме они находят корм быстрее многих зрячих рыб, а мальков уничтожают и еще быстрее. Однажды я видел, как две слепых рыбы плавали за нерестующей самкой живородящей рыбки и по мере рождения мальков тут же их поедали. Так что же это — обоняние? И что такое запах?

Одни исследователи утверждают, что это распространение по воздуху или в воде частиц вещества — молекул или их осколков. Это химическая теория обоняния. Но она не может объяснить, почему же запах улавливается рядом насекомых и рыб против направления ветра или течения воды, как мы видели в нашем опыте. Другие исследователи полагают, что запах — это не сами молекулы вещества, а их волновые колебания, которые, конечно, распространяются независимо от течений воздуха и воды. Это физическая теория запаха.

А пока ученые спорят о природе запаха, наши аноптихтисы задают нам новые загадки. Недавно было обнаружено, что они

У привезенных мне аноптихтисов от простуды развился грибок и его гифы-нити закрыли левую ноздрю одной слепой рыбки. Именно этим боком, этой стороной головы и натыкалась рыбка на все предметы — словно у нее был завязан левый глаз. А после выздоровления этот «крен влево» сразу исчез.

Однако обоняние не объясняет некоторых загадок в поведении слепых рыб. Если голодным аноптихтисам бросить

отличают свет от темноты и... без глаз. Впрочем, в этом нет ничего сверхъестественного. Мы ведь видели, как инфузории устремились к свету, а разве у них есть глаза? Наконец, вряд ли глаз как оптический прибор возник вместе с первыми живыми существами на планете. А если согласиться, что этот сложный прибор возник в процессе совершенствования живых организмов, то нам придется согласиться и с тем, что, очевидно, живые существа умели длительный период жизни и без глаз отличать свет от темноты. «Общая чувствительность к свету,— пишет известный исследователь в области биоспелеологии профессор Р. Жанель,— несомненно опережала развитие глаз, и эта чувствительность должна была ослабляться по мере того, как световосприятие сосредотачивалось в постоянно развивающихся специальных зрительных органах. Отсюда следует, что пещерные животные должны были унаследовать способность ощущать свет независимо от органов зрения».

Так что нет ничего удивительного, что ученые «подозревают» некоторые клетки спины аноптихтисов в способности различать свет и темноту.

Слезы прекрасной Тао

Ян ван Рибекстрат считал себя самым неудачным и самым несчастным человеком в мире: какие бы торговые дела ни начинал он на родине,— в Нидерландах,— все кончалось полным провалом. Родной город Антверпен рос, как на дрожжах, то тут, то там появлялись особняки и торговые дома — это богатели его друзья и сотоварищи по торговле. А он? В гавани Антверпена ежедневно разгружалось более 200 кораблей, тысячи узлов с европейскими тканями уплывали за океан, а оттуда — из заморских колоний — потоком текли сотни тысяч мешков с кофе, чаем, пряностями. Ян попробовал было разбогатеть на перепродаже корицы. Но и здесь его постигла неудача, он не выдержал конкуренции со старым другом детства Хельмутом ван Омме.

И тогда Ян решился: он сел на один из кораблей и уехал за океан, на далекие азиатские острова Пряностей. И что же?

Фантастично выглядят золотые цзию.

**В аквариумах появились неиз-
вестные в природе гуппи и ме-
чехосцы.**

Плавники суалехвоста напоминают тончайшую вуаль.

...Рибекстрат уныло тянет пиво и мрачно поглядывает на темные, задымленные стены таверны. Радоваться нечему. Вот уже десять лет он на этом паршивом острове, а богатства все нет и нет. Хоть бы случай какой подвернулся что ли? Вот, например, ему предлагают для продажи шкуру невиданного дракона, пойманного в Китае, точь-в-точь такого, каких рисуют китайские художники на шелковых ковриках. Но больше всего он хотел бы раздобыть тех не-

виданных рыб, которых недавно видел на вазе, купленной купцом Якобом Хольге. Ваза была великолепна, на ней рельефно изображен подводный мир: колыхнутся искусно вырезанные травы, снуют разные рыбы, а в центре — три красных пучеглазых рыбины с веерообразным трехлопастным плавником. Хольге, наверное, немало получит за эту вазу в Антверпене, а может быть ее купят даже и в Лондоне.

Вот если бы он, Ян ван Рибекстрат, раздобыл таких веерохвостых рыб, — он бы получил за них еще больше, чем Хольге за вазу. Но Ян уже не молод, под пышным завитым париком скрывается изрядная плешь. И он хорошо знает: поиски китайских драконов и невиданных рыб — пустое дело. Тридцать лет назад, когда в Европу привезли первые вазы с изображением этих диковин, кое-кто еще пытался отыскать живых драконов и веерохвостых рыб. Но Поднебесная Империя не впускала на свою землю пронырливых европейских гостей, а китайские купцы на Филиппинах и в Индонезии только улыбались, качая маленькими головками с длинными косами: «Нет, нет, господина, это все фантазия художников!». Европейцы давно перестали верить в драконов и веерохвостов.

Рибекстрат устало встает и покидает таверну. Сегодня ему предстоит неприятное дело: надо уломать китайского купца Чжан Гао-пина снизить цену на партию корицы. Старик серьезно болен и только потому, что дело не терпит отлагательства, китаец при-

гласил Рибекстрата побеседовать к себе домой. «Ну, хоть в этом удача,— грустно размышлял Ян, шагая по пыльной улице.— Кажется, я буду первым европейцем, посетившим дом китайского купца».

Переговоры проходили явно неудачно: старик хоть и был болен,—цены не уступал. Ян оглядывался по сторонам. Дом был просто удивителен—эти бамбуковые стены, циновки на полу, вазы из тончайшего фарфора, черного и красного лака... Старый жулик ободрал Яна, как липку, а затем позвал хорошенькую дочку.

— Сяо, напои дорогого гостя чаем.

На бамбуковом столике под густой тропической зеленью стояли цветастые пиалы с холодным коричневым напитком. Сяо присела—желтое кимоно сложилось складками. Ян поклонился и грузно опустился на жалобно затрещавший бамбуковый стул. «Ограбил, разбойник»,— мрачно думал он, прихлебывая терпкую, отвратительную жижу.

И вдруг пиала с чаем вылетела из рук гостя и разлетелась на кирпичной дорожке сада на мельчайшие осколки. Степенное спокойствие купца, куда оно делось? Ян не обращал внимания на изумленную Сяо: он стоял на четвереньках, пристально глядя в темную воду садового бассейна. Там, в прохладной глубине, неторопливо, чуть шевеля плавниками, плавали толстые красные рыбы с пышным трехлопастным плавником. Веерохвосты? Так они все-таки есть на самом деле?

Ян снова сидел перед больным Чжаном. Откуда они? Не продаст ли старик этих рыбок? Ян построит пруд на своей вилле: Он всю жизнь искал веерохвостов, он уплатит за них любые деньги.

Чжан долго теревит реденькую бородку: еще ни один китаец не отдавал европейцу этих рыбок. Но Рибекстрат предлагает такие деньги! Надо подумать...

— Сяо, расскажи дорогому гостю о рыбах.

И девушка рассказывает легенду. Это было давным-давно, еще все люди жили в Поднебесной и никуда не плавали за море. В одной деревне Чженьминь жили юноша Лю и прекрасная, как утренняя заря, девушка Тао. Они крепко любили друг друга и казалось ничто на свете не могло разлучить их. Но однажды на Поднебесную напали враги. И кликнул клич Сын солнца—император:— «Кто в силах держать меч, кто может метнуть копьё—на помощь, собирайтесь к Великой стене».

Горько рыдала Тао, провозжая Лю на войну. И там, где падали на землю ее слезинки, вырастали подобные заре цветы—розы. Ушел Лю и долго бились сыны Поднебесной, пока не выгнали врагов за стену. Тогда стали возвращаться храбрые воины домой.

Глаза рыбок «небесное око» устремлены в «космос»

Но Лю все не приходил. И вскоре узнала Тао, что он остался на севере, в фанзе другой девушки. Пришла она на берег озера, возле которого стояла деревня Чженьминь, и горько разрыдалась. Слезинки капали в воду и тут же превращались в прекрасных цзиюй — золотых рыбок...

— Ну как, старик, надумал продать рыб?

— Сяо, ты ведь не все рассказала...

— А еще рассказывают люди, — снова зажурчал голос Сяо, — что цзиюй упали к нам с неба. На пушистом облаке сделал небесный царь дворец для дочерей своих. Каких только чудес не было в этом золотом дворце. Но девушек не радовало небо, они все поглядывали на землю: ведь по земле ходили такие прекрасные юноши. Узнал об этом небесный царь, рассердился и решил наказать дочерей. Ударил он раз в барабан и дворец превратился в озеро, ударил он второй раз — и дочери стали прекрасными цзиюй. Теперь царь был спокоен — дочери жили на небесном облаке и не могли видеть землю. Но однажды рыбки так разыгрались, что одна из них выскочила за край водоема. «Ой, — вскричала она, я вижу землю, и как же она прекрасна!» И прыгнула вниз. А вслед за ней в земное озеро попрыгали и остальные...

— Ну как, старик?

— Еще, Сяо...

— Говорят и другое: будто цзиюй — дети синего Океана. Как-то разыгралась страшная буря, волны заливали даже высокую гору Чжецзян. На гребнях этих волн взлетали на вершину горы чудесные рыбки, в озере их и нашли после бури рыбаки.

— Ну же, старик!..

Ян ван Рибекстрат добился своего — вскоре в пруду его сада на диво всем европейским купцам плавали легендарные веерохвосты. Гости смотрели на них, гладили окладистые бороды, поти-

рали бритые подбородки, почесывали завитые парики: они прикидывали, стоит ли везти эти диковины в Лиссабон, Антверпен, Лондон? Много ли дадут за них? Довезешь ли?

Скоро слезинки прекрасной Тао попали в далекую Европу. Рибекстрат продал рыбок за баснословную цену одному из предприимчивых португальцев, но тот не смог довести их до Лиссабона. Рыбки добрались лишь до Южной Африки. Спустя несколько лет уже потомство африканских цзюй перекочевало на остров Святой Елены, потом на Азорские острова и, наконец, в Португалию. Вслед за веерохвостами в Европу отправились просто золотые рыбки. Они тоже проделали большой путь с остановками и теперь на островах Маврикия и Азорских этих рыбок ловят в прудах и употребляют в пищу. Только в середине семнадцатого столетия попали цзюй в Англию и лишь в 1728 году впервые были разведены в теплицах герцога Ричмондского.

Герцога? В этом нет ничего удивительного. Пока золотых рыбок не научились разводить, они стоили баснословно дорого... Говорят, что какой-то французский граф в уплату за пару рыб в стеклянной вазе дал целую деревню с шестьюстами крестьянами. Рыбок подарили могущественной фаворитке французского короля герцогине де Помпадур. Удалось раздобыть эту редкость и русскому царю, отцу Петра Первого — Алексею Михайловичу.

Царь Алексей был прозван придворными подхалимами «тишайшим». «Тишайший» царь действительно не вел никаких войн и царствие его было «спокойным» и «богоугодным». Правда, царь обожал лично присутствовать при пытках крестьян и казаков, правда, в годы его царствия страну сотрясали соляные, медные бунты, восстания горожан, крестьянская война Стеньки Разина... Но все равно Алексей был «тишайший» — ведь он так любил цветы (засадил ими весь двор Кремля) и птиц (создал первый в России, — конечно, недоступный народу — зоопарк). Мог ли такой «любитель природы» обойти своим вниманием золотых рыбок?

Но рыбки недолго прожили в Москве — ты ведь помнишь из истории аквариума, что их держали в вазах и полагали, что они «питаются» водой. Рыбки погибли, а легенда о них осталась жить в народе. Один из вариантов этой легенды о золотой волшебной рыбке няня Арина Родионовна поведала маленькому Саше Пушкину и поэт, много лет спустя, создал замечательную сказку о рыбаке и золотой рыбке.

Не избежал искушения и прусский король Фридрих Великий. Однажды на просьбу знаменитого естествоиспытателя Блока, нельзя ли побудить рыбопромышленников Балтийского моря помочь ему в исследованиях рыб, он высокомерно ответил:

— И чего он пристаёт с этими рыбами? Может быть, он не нашёл умнее занятия, чем пересчет рыбьих костей? Я предпочитаю это делать лишь за обеденным столом.

Но спустя несколько лет король изменил свое отношение к рыбам: он стал страстным коллекционером золотых рыбок, в Дрезденском дворце Сан-Суси было устроено несколько громадных бассейнов специально для них.

Только в конце XVIII века купцам Ост-Индской компании, наконец-то, удалось наладить регулярный привоз золотых рыбок в Европу и цены на них стали понемногу снижаться.

Но тут натуралисты Европы и Америки были потрясены новым извещением. Япония долгое время была «закрытой» для европейцев страной, пока ее не «открыли» американские военные моряки. Однажды американский адмирал Аммен в саду японского императора Микадо увидел удивительных рыб. Это тоже были золотые рыбки, но какие! Тело их по форме напоминало яйцо, а плавники — нежные и тонкие, как кисея, — закручивались словно прозрачные перья невиданной птицы. Перистые рыбки были огромной редкостью и в Японии. Но на Востоке есть закон: желание высокого гостя — даже нежеланного — надо выполнить. И счастливый Аммен увез в США две пары удивительных рыб. Каково же было его изумление, когда из 140 рыбешек — потомства двух пар — перистохвостыми оказались лишь двадцать, остальные были обычными золотыми рыбками. Но и из этого небольшого количества впоследствии уцелело лишь две пары и ныне перистохвостые рыбки — по-прежнему редкость.

В начале 70-х годов Поль Карбонье получил партию пучеглазых короткохвостых рыб — их называли «телескопами». В 1883 году из Иокогамы привезли 28 вуалехвостов — все, что уцелело в дороге от огромной партии в 200 рыб, закупленной для Европы. В эти же годы капитан В. М. Десницкий привез из Индо-Китая в Москву черных вуалехвостов с телескопическими глазами. А в 1911 году наводнение разорило одного из японских рыбоводов и он в отчаянии продал в Европу еще одну до тех пор засекреченную редкость — толстых серебристых рыбок без спинных плавников и с бугристыми красными наростами на голове — их называли «львиная голова».

Но неужели все эти непохожие рыбы — все та же золотая цизуй? Да, это она, но самое печальное, что в потомстве этих чудесных рыб в большинстве случаев оказывались самые простые золотые цизуй. Лишь немногим любителям аквариума удалось продолжать выращивать, а порой даже улучшать завезенные с востока разновидности. И тут нельзя не упомянуть о замечатель-

Черный «московский телескоп».

ных «телескопистах» Москвы, которые в конце XIX века создали великолепную разновидность бархатно-черного «телескопа» с пышными плавниками и огромным хвостом, составлявшим $\frac{2}{3}$ длины рыбки. Эта разновидность получила в Европе название «московского телескопа» и до сих пор считается одной из красивейших пород среди разнообразных цзюй.

Но как же удалось получить эту разновидность? Как вообще удалось в Китае и Японии создать такое многообразие форм и окрасок золотых рыбок? Откуда они взялись,—ведь не слезы же это, в самом деле, прекрасной Тао? Чтобы ответить на эти вопросы, нам лучше всего отправиться в Пекин.

В глубине парка имени Сун Ят-сена, вдали от шумных дорожек и громкой музыки, на большой поляне установлено более сотни широких деревянных ванн — чанов. Здесь расположена постоянная выставка золотых рыбок. Навстречу нам идет высокий седой старик. Это Сюй Го-цин, волшебник и создатель удивительных цзюй. Несколько поколений его предков были придворными рыбоведами китайских императоров.

История появления золотых рыбок — рассказывает Сюй Го-цин — это история тысячелетней давности. Известный пекинский профессор Чэнь Чжень сумел выяснить многие подробности появления золотых цзюй. Общим предком всех золотых рыбок является обычный в Китае вид серебристо-серого караса. В 968 году нашей эры у богатого чиновника одной из провинций Китая был

пруд, в котором содержались драгоценные рыбы — красно-оранжевые и золотистые караси. Очевидно, это были естественные, случайные отклонения окраски, как бывают разноцветные птицы одного вида, как отличается по яркости окраска одних и тех же видов рыб. В одной древней книге, относящейся к 1000 году, тоже упоминается о красных цзюй из пригородных речек Ханчжоу.

Рыбоводы тех лет, наверное, заметили необычных рыб и стали их отделять от обыкновенных карасей. Потомство красных цзюй было в большинстве серебристо-серым, но появлялись и красные «наследники цвета». Их снова отделяли и опять получали потомство. В XII веке эта работа шла в императорском саду, в прудах при дворцах императорской челяди, в городских водоемах Ханчжоу. Широкая работа по отбору нужных рыб вскоре дала результаты: золотисто-красная окраска закрепилась как наследственный признак и начала передаваться из поколения в поколение. Стали появляться и новые разновидности: белая, красно-белая и другие. Все это были отклонения от основной формы, но чудесные китайские мастера уже умели пользоваться такими рыбками-«уродами». Их скрещивали, снова отбирали и скрещивали, пока случайный признак не превратился в закрепленный наследственный признак.

Для человеческого глаза рыбки-«уроды» очень приятны. Уже в XVI веке китайская знать повально увлекалась коллекционированием диких цзюй. Говорят, что в императорском дворце на главной лестнице стояли вазы из чистого золота, в которых резвились цзюй. Но если взглянуть на этих же рыб с точки зрения естественной целесообразности, то мы увидим, что золотые цзюй совершенно непригодны жить в природных водоемах: окраска их очень заметна, форма тела неуклюжа, а плавники стали не органами движения, а тяжелыми украшениями, которые только мешают плавать. Ясно, что такие рыбы могут жить только в искусственных водоемах, с точки зрения природы — это непригодные уроды.

Так и создали китайские рыбоводы новые разновидности рыб, не виданные в природе. Мы знаем с тобой, читатель, как приспосабливаются к условиям жизни разные животные и растения. Вспомним хотя бы историю «переворачивания» на спину клопа-гладыша. Такой процесс называется естественным отбором: в естественных условиях выживают лишь наиболее приспособленные организмы, слабые и неприспособившиеся погибают в борьбе за существование.

Целесообразные признаки уцелевших передаются потомству и с каждым поколением усиливаются.

А вот с золотыми рыбками произошел несколько иной процесс. Здесь человек произвольно, искусственно усиливал и закреплял в потомстве как раз нецелесообразные для рыб, но приятные для глаза человека признаки. Такой процесс называется искусственным отбором. Этот метод отбора создал в прежние времена домашних животных и культурные растения, этот же метод применяют и ныне талантливые ученые-селекционеры. Именно таланту рыбоводов-селекционеров мы и обязаны появлением удивительных цзюй. «Золотых рыбок держат для украшения или для любопытства,— писал Чарльз Дарвин,— и можно заранее сказать, что здесь отбор должен был широко применяться при образовании новых пород. Так и было в действительности».

Мы идем вместе с Сюй Го-цином от чана к чану и перед нами возникают рыбы, одна фантастичнее другой.

— Когда я поступил сюда,— рассказывает старый рыбовод,— здесь было 100 золотых рыбок и никто из посторонних не мог их видеть. А сейчас здесь около десяти тысяч рыб и эта выставка очень популярна у трудящихся Пекина. Хлопот в нашем хозяйстве много. Рыбы живут около 20 лет, но чтобы они прожили этот срок, за ними надо следить и следить. Мне помогает целая бригада, а особенно мой сын Сюй Цинь-сын.

Мы знакомимся с Сюй Цинь-сыном. Он рассказывает:

— Размножаются наши цзюй весной и летом. На жаберных крышках у самца появляются белые пупырышки. Это единственное отличие самца от самки. Московский профессор Никольский полагает, что эти белые точки помогают и самим рыбам легче находить пару. Самец начинает преследовать облюбованную самку и тут надо спешить — мы тотчас высаживаем из чана всех остальных рыб. Обычно через полчаса уже выметана икра, из которой на пятый-шестой день выклеиваются мальки. Выкармливаем мы их мелкой дафнией. Раньше Пекин был грязным городом и дафний было полно в любой канаве. Теперь наш город чист, а рачков мы выращиваем в специальном пруду в глубине парка. Очень помогли нам и ленинградские рыбоводы — они прислали нам культуру микророрма. Мальки обязательно употребляют в пищу и водоросли, которыми обрастают изнутри стенки чанов.

Сюй Цинь-сын показывает нам мальков разных возрастов.

— Золотые цзюй окрашиваются по-разному: одни быстро, а другие — лишь через год. Но мы знаем, какой будет та или иная рыбка и отбираем только интересных и качественных — неразумно тратить труд людей на выращивание всех мальков. Отбор делаем так: закручиваем воду в чане и, пока мимо нас проносятся молодые рыбешки, мягким сачком вылавливаем самых лучших. И так

*Так сортируют в Китае
мальков золотых рыбок.*

повторяем несколько раз через один-два месяца. Тогда нам удастся получить диковинных цзию для нашей выставки.

— А остальные? — спрашиваем мы.

— Идут на продажу.

— Можно ли от этих купленных рыб получить в потомстве диковинные разновидности?

Сюй Цинь-сын улыбается и пожимает плечами. Дело в том, что многие из диковинных цзию — это единичные и случайные отклонения, их признаки не закреплены и могут совсем не повториться в потомстве. Не раз уже привозили из КНР в Москву и Ленинград китайские разновидности золотых, но в потомстве этих удивительных рыб преобладали обычные малоинтересные рыбки.

Селекционные работы с золотыми рыбками ждут еще своего продолжения. И не только в Китае и Японии. Московский зоопарк, Ленинградский клуб аквариумистов, аквариумные отделы других зоологических садов страны могли бы развернуть искусственный отбор золотых рыбок, могли бы получать интересные варианты, возродить былую славу «московских телескопов» и вуалехвостов.

Путем искусственного отбора удалось получить золотые варианты не только караса. В СССР широко популярна и разводится в больших количествах орфа — золотая разновидность язя. Собираатель отечественных редкостей москвич Ю. Я. Мишарев однажды подарил нам изумительных по красоте — красно-бело-золотистых линий. А в Японии сейчас стали популярны многоцветные карпы, — огромные, до 60 сантиметров, — получившие у японцев название «кои». Жаль, что все эти рыбы не стали еще украшением парковых бассейнов и прудов в Москве, Ленинграде и других городах.

Пустяки, о которых стоит поговорить

Седые головы склоняются к маленькому аквариуму, под мрачными сводами одного из залов Британского музея раздаются возгласы удивления.

— Обратите внимание, джентльмены, нет ни одной рыбки, повторяющей окраску других.

— Да, да, сэры, они все окрашены различно.

— Эти рыбешки могли бы стать королевами рыбьего мира, будь они раз в пять крупнее.

— А самки — совершенно невзрачные, серые — намного крупнее самцов. Как вы думаете, господа, чем объяснить такую разницу размеров?

— Мистер Гуппи, так вы полагаете, что эти рыбешки избавили население острова Тринидад от тропической лихорадки?

— Да, я полагаю, что это так, — говорит мистер Гуппи, ботаник, который только на днях вернулся с далекого острова Тринидад и вместе с великолепной коллекцией тропических растений привез в Лондон живых крохотных рыбок.

— Джентльмены, — продолжает он, когда почтенные члены Королевского общества снова располагаются в креслах, — я должен обратить ваше просвещенное внимание не только на отмеченные уже вами удивительные особенности этих рыбок. Я хотел бы сказать, что крохотные жители тринидадских рек ехали в Европу в очень тесной банке. В пути корабль три раза испытывал страшную качку, причем один раз мы перенесли прямо-таки ужасающий шторм. И вот, несмотря на эти дорожные неприятности, рыбки здесь, в Лондоне. Из этого можно заключить, что тропические гости могли бы жить и в аквариумах Британского музея. И не только жить, джентльмены. Местные жители утверждают, что эти рыбешки не мечут икру, а рождают живых детенышей, которые тут же начинают плавать...

В зале раздается смех. Солидные, седовласые ученые смеются от души. Живых детенышей! Мистер Гуппи — ботаник, ему простительно не знать жизнь рыб так уж точно, но все же нельзя допускать таких ляпсусов. Живых детенышей рыбы рожают, об этом знали еще древние греки. Но живородящие рыбы — это акула, скат, а не тропические малявки. Нельзя же так просто душно верить туземцам и обещать живорождение мальков в аквариуме...

Но простодушными оказались как раз заслуженные академики. Маленькая рыбка с острова Тринидад и в самом деле оказалась

*Черноплавничная плятипецилия
появилась в результате селекции.*

живородящей. Вскоре в аквариумах Британского музея плавало уже не шесть пар рыбок с далекого острова, а сотни гуппи — так называли этих рыбок в честь ученого, который привез их в Европу в 1866 году.

Гуппи — это распространенное название рыбки, а научное звучит иначе — лебистес ретикулятус. Родовое название придумал директор Британского музея и его смысловое значение до сих пор неясно, а видовое «ретикулятус» означает «сетчатая». Лебистес-гуппи принадлежат к уже знакомому нам семейству ципринодонтид — зубастых карпов, только все живородящие образуют особую группу — ципринодонтидэ вивипарэ (живородящих).

Живорождение в аквариуме! Разве это не великолепно? Кто не хочет наблюдать у себя дома это удивительное явление? И европейские аквариумисты бросились на поиски новых представителей интересного семейства.

Гуппи широко распространены в водоемах Гвианы, Венесуэлы, островов Барбадос и Тринидад. Из Южной и Центральной Америки переселились в аквариумы любителей и родственники гуппи: из окрестностей Рио-де-Жанейро — такая же маленькая рыбка с черными брызгами на сером фоне тела — гирардинус (названа так в честь естествоиспытателя Жирарда), из Гватемалы и с острова Куба — желто-серая, иногда с черными крапинками, гамбузия (на местном наречии «гамбузино» — пустяк, о котором не стоит и говорить). В 1807 году из Южной Мексики переселились в любительские аквариумы плятипецилии. Их родовое название произошло от двух слов: пляти — широкая и пецилия — изменчивая. И в самом деле широкая пецилия оказалась очень изменчива. В короткий срок в Европу попали серые рыбки с пятнами разного цвета: основная форма — «пульхра» (красивая), а затем целая ве-

реница естественных вариантов окраски — рубра (красная), нигра (черная), зеленая, черная с желтыми и красными пятнами, красная с черными пятнами и многие другие.

Вот где было широкое поле для скрещивания и выведения новых пород! Аквариумисты, засучив рукава, взялись за дело. Одна за другой появлялись в аквариумах цветовые вариации «пляти», каких не создала сама природа. Скрещивать «пляти» было очень просто: они не требовали таких огромных аквариумов, как золотые рыбки, не росли год, а то и два до момента нереста, и, наконец, давали совсем сформировавшихся мальков, которых было легко выращивать. Одно только удручало аквариумистов-гибридизаторов: форма у «пляти» была совсем обычная.

А между тем дотошные исследователи тропических рыб уже искали оригинальную по форме рыбку. Еще в 1848 году появилось описание ксифофоруса — меченосца, живородящей рыбки с длинным мечевидным отростком от нижней части хвостового плавника¹. Известно было, что меченосцев нашли в реках Атлантического побережья Мексики. Но сколько ни кружили в этом районе агенты аквариумных фирм, они и теперь — в начале XX века — никак не могли найти ксифофорусов. Правда, удалось завезти в Европу самок этих рыб, к сожалению, неоплодотворенных, а вот самцы — как в воду канули.

В начале 1909 года правительство Мексики открыло новый порт Пуэрто Мехико. И вот в окрестностях этого порта моряки европейских судов летом 1909 года и поймали, наконец, меченосцев, за которыми ихтиологи охотились более четырех лет. Это были яркие стройные рыбешки изумрудно-зеленой окраски с вишневой линией вдоль боков тела и великолепным черным мечом. Они были чудесны сами по себе, но какова же была радость аквариумистов, когда выяснилось, что рыбки этого рода легко скрещиваются с рыбками рода «пляти»!

С тех пор в аквариумах появились невиданные в природе меченосцы — красные, белые, желтые, черные и сочетающие все эти цвета в разном порядке и с разными оттенками. Так началась вторая глава аквариумной гибридизации. Сейчас меченосец — одна из самых популярных аквариумных рыб. Кстати, полагают, что в европейских аквариумах этих рыб ныне больше, чем на их родине, где они встречаются довольно редко.

Очень большую популярность приобрели и плятипеции, а гуппи стали просто незаменимыми для начинающего аквариуми-

¹ От латинских слов: ксифо — колющий меч и форус — несущий.

Белонезокс больше похож на щуку, чем на мирных родичей — гуппи и меченосцев.

ста. Именно с гуппи начинается знакомство многих любителей с подводным миром. От гуппи любитель переходит к плятипецилиям и меченосцам. А когда освоит и их, может попробовать содержать «молли».

Научное название рыбок этого рода — моллиенизия (в честь ученого-биолога М. Моллиена). Из шести видов этих красивых рыбок в аквариумах наиболее популярна гибридная форма — черная молли. Хорошие гибриды совершенно черные и очень эффектные на фоне зеленых растений.

Встречаются в аквариумах и другие виды живородок. Например, маленькая — самки не более 4, а самцы до 2 сантиметров — гетерандрия формоза (формоза — изящная, гетерандрия — с самцами иной формы, чем самки), и большая — до 15 сантиметров, — похожая на щуку белонезокс белизанус (белонезокс — сарганоподобная¹ щука; белизанус — от названия места поимки в Южной Мексике).

Белонезокс — хищник. А остальные живородящие рыбки всеядны. Они любят солнечный свет, густую зелень, свежую прозрачную воду. В пище их обязательно должны быть растительные корма — зеленые водоросли (они их соскабливают со стенок аква-

¹ Сарганы — морские рыбы, отдаленно напоминающие по форме щуку.

риума и листьев растений) или белый хлеб. Живородки нуждаются в воде жесткостью от 5° до 12°, а «молли» лучше себя чувствуют при 15° жесткости. Они не любят щелочной воды и предпочитают слабокислую (от pH 6,5 до pH 5,6), не любят пасмурных дней, температуры ниже 20° и только животной пищи — все это ведет к заболеванию рыбок, которое легко определить: заболевшие сжимают плавники и подолгу качаются на одном месте из стороны в сторону. Впрочем, при соблюдении всех условий нормальной работы нашего аквариума живородящие ципринодоны подолгу живут в комнатных водоемах (продолжительность их жизни до 3—6 лет у разных видов) и довольно просто размножаются. Недаром с этих рыб рекомендуют начинать аквариумную практику.

Но если это так, читатель вправе задать резонный вопрос: почему же тогда автор отнес описание этих наиболее простых рыбок в конец книги, почему не начал рассказ о мире рыб именно с главы о живородящих?

Если бы автор ставил своей задачей познакомить любителя природы с азами аквариумной практики, он так бы и сделал. Но мы с тобой, дорогой читатель, условились не останавливаться на первоначальных знаниях, а стремиться расширить их проникновением в тайны природы наших питомцев. Так мы и поступали от главы к главе, не правда ли?

— А о каких же тайнах рассказывает эта глава? — можешь спросить ты автора, прочитав все, что написано здесь о живородках.

Пожалуй, пока ни о каких. Но рано разочаровываться. А что если нам снова прочесть ту же главу о живородящих рыбках, но уже иначе: как бы приоткрыть кулисы сцены и заглянуть за них — что же это за живородящие рыбки, какие общебиологические законы, проблемы и загадки связаны с ними? И если мы сумеем так прочесть эту главу, нам станет понятно, что ее место именно в конце книги: ведь чтобы понять то, о чем мы узнаем теперь, надо было прежде всего познакомиться со многими другими рыбами, узнать много интересных форм взаимосвязей рыб и среды, наконец, ориентироваться в проблемах аквариума без всяких затруднений. И тогда ты согласишься со мной: живородящие рыбки — лучшая школа для начинающего аквариумиста; и еще, живородящие рыбки — проблема, которую решают самые опытные любители аквариума и ученые-селекционеры.

Итак, знакомься вновь с живородящими ципринодонами. И для начала мы позволим себе задать вопрос: а действительно ли живородящие ципринодоны... живородящи?

Ты, кажется, удивлен?

Не торопись с выводами. Давай-ка лучше познакомимся с основами размножения рыб вообще. Мы уже знаем довольно много о разнообразных формах ухода рыб за икрой и мальками. А что такое икра, каковы ее потребности? Вот мы наблюдаем метку каких-либо рыб. Самка отложила на песок или на растения икру, самец тут же спешит полить ее молоками. Что же происходит дальше? После оплодотворения икринка-яйцо начинает делиться — образуются две клеточки — два бластомера, потом четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два... В оплодотворенной икринке начался процесс развития зародыша — эмбриона. Момент начала деления яйцеклетки и есть первый опасный момент в жизни икринки. В этот момент резко возрастает поглощение икрой кислорода, нужна определенная температура, соответствующие показатели pH и жесткости. Между прочим, иногда некоторое время сохраняют жизнь и те икринки, которые оказались неоплодотворенными, например, в «гнездах» лососей, закапывающих икру в грунт. Ведь если бы неоплодотворенная икра тут же начала разлагаться, она погубила бы и живых. В тех гнездах, где за икрой ухаживают рыбы-родители, неоплодотворенные икринки сразу погибают, белеют и рыбки их удаляют.

По мере развития эмбриона все растет и растет требовательность икринки к окружающим условиям — ей нужно все больше кислорода, ровная температура, слабое течение и т. д. Незадолго перед выклевом малька возникает второй опасный момент в жизни икры: с началом образования сердца и мускулатуры эмбриона возрастает потребность в кислороде. Затем происходит выклев эмбриона из икринки в результате разрушения ее оболочки особым ферментом, выделяемым «железами вылупления», расположенными на голове эмбриона.

Выклюнувшийся эмбрион по форме мало напоминает своих родителей. Это еще не рыбка, не малек, это — постэмбрион¹. Тело его пронизано ясновидимыми кровеносными сосудами, от брюшка отвисает вниз огромный желточный мешок. Наступает третий опасный момент в жизни рыбьего потомства: крошка висит или прячется в укромном месте, она еще неспособна ни питаться, ни спастись от врага. В это время дыхание постэмбриона осуществляется непосредственно через кожу и кровеносные сосуды.

Пока он висит или прячется, с ним происходят сказочные изменения: формируются плавники, жабры, органы пищеварения,

¹ Буквально — «послеэмбрион».

а желточный мешок к концу стадии постэмбриона исчезает совсем. И тогда наступает четвертый опасный момент — постэмбрион от неподвижного состояния переходит к плаванию. Причем резко возросшая в этот момент потребность в кислороде заставляет его все время менять вокруг себя воду. Взрослые рыбы достигают тока воды работой рта, жаберного аппарата, у постэмбриона они слабы и поэтому он сам движется в воде. К этому времени он похудел ровно наполовину по сравнению с весом эмбриона при выклеве, причем эта потерянная половина веса потрачена на энергичное движение. Все животные питаются для восстановления затраченной энергии; должен начать активно питаться и наш малек. Момент перехода маленьких рыбок к активным поискам и питанию — это пятый опасный период в их жизни. Найдут ли они подходящий корм, ведь многие рыбы начинают питание только с определенных видов растений (например, хлорелла) или животных (скажем, определенный вид инфузорий или коловраток).

Вот какой сложный путь проходит икринка и постэмбрион, пока не появится крохотная и беспомощная личинка рыбки. Мы уже видели, что рыбы по-разному преодолевают сложность этого пути — одни мечут миллионы икринок, из которых до взрослого состояния развивается 8—10%, другие охраняют икру и постэмбрионов, даже носят их в это опасное время во рту. А живородки? Как приспособились они преодолевать опасный период развития икры и эмбриона?

Да, пожалуй, так же, как хромис булти и тилapia мозамбика. Только носят они икру не во рту, а в брюшке. И никакие они не живородки. Ведь живородящим животным можно назвать такое, у которого потомство находится в особом мешке — матке, оно прирастает к его стенкам, получает питательные вещества из крови матери. Ничего этого у наших живородок нет. В брюшке самки этих рыб находится икра, которая там же и оплодотворяется и там же проходит все опасные моменты развития, после чего наружу выметываются уже сформировавшиеся мальки. В принципе такое «живорождение» мало чем отличается от «живорождения изо рта» и в науке это явление называют ложное живорождение.

Надо думать, что такой способ размножения у этой группы циприноидов выработался под влиянием неблагоприятной обстановки в тех водоемах, где обитают эти рыбы: уровень воды в мелких озерцах резко колеблется, часто они пересыхают даже наполовину. Мы уже знаем, как приспособились к таким условиям икромечущие зубастые карпы. У живородящих (они тогда еще метали икру) сначала большинство икры гибло: на глубине она не разовьется, а на мелководье — пересыхала в жаркое время. У ры-

бок постепенно выработалась задержка нереста до благоприятного момента, затем возникло внутреннее оплодотворение и икра стала развиваться в самом безопасном месте — самка-то всегда успеет уплыть от пересыхающих окраин водоема.

Для внутреннего оплодотворения у самцов сформировался специальный орган — свернутые в трубочку три передних луча анального плавника — гоноподий. Молоки, или сперма, попадая в тело самки, частично оплодотворяют икру, частично же остаются про запас. Поэтому самки живородок могут от одного спаривания с самцом метать мальков до шести раз. У всех родов устройство гоноподиев разное, поэтому естественное межродовое скрещивание у этих рыб невозможно. Правда, в природе плятипещилии и меченосцы скрещиваются, но многие ученые полагают, что это представители совсем не двух родов, а одного — меченосцев, ибо уж очень незначительны родовые отличия «плати».

То, что недоступно природе, может сделать человек. Московские ихтиологи скрестили гуппи с молли и у них получилась совсем новая рыба — не то гулли, не то моппи. К сожалению, ни один из этих гибридов не оказался способным к размножению. Другое дело, когда мы скрещиваем рыбок одного вида, чтобы получить новую вариацию окраски и формы. В этой области в последние годы больших успехов достигла гибридизация гуппи. Тысячи аквариумистов увлеклись созданием новых разновидностей этой рыбки. В Москве и других городах возникли кружки «гуппиистов».

Гибридизация гуппи оказалась интересной не только для любителей природы, но и для ученых, изучающих законы наследственности. Некоторые основы этих законов необходимо знать каждому аквариумисту, который решил всерьез заняться работой с гуппи.

А ты не хотел бы попробовать заняться селекцией? Давай попробуем. Возьмем для эксперимента самку гуппи золотистой окраски и обыкновенного серого самца. В научной литературе для обозначения самца употребляется знак ♂ (знак Марса — щит и копье), а самки — знак ♀ (знак Венеры — зеркало с ручкой). Итак, мы имеем первое поколение гуппи (обозначим его латинской буквой *P*) *P* — золотая ♀ × серый ♂ (знак × означает скрещивание).

В первом потомстве (обозначим его латинской буквой *F*₁) будем иметь¹:

¹ Буквенные обозначения произошли от латинских слов: *parentes* — родители и *filia* — потомки.

F_1 — все рыбки серые, из них половина ♀ и половина ♂.

Во втором поколении потомства (F_2) получим:

F_2 — 75% серых ♀ и ♂ и 25% золотых ♀ и ♂.

Как видим, серая окраска преобладает. Возможно, надо было иначе скрещивать, взять серую ♀ и золотого ♂? Нет, и в этом случае мы получим те же результаты. Признак, который характерен для всех поколений и преобладает, подавляет остальные признаки, называется доминантным. А признак, исчезающий в F_1 и слабо проявившийся в F_2 — рецессивный.

Прежде чем заняться селекцией гуппи, надо знать некоторые доминантные и рецессивные признаки:

Доминанта	Рецессия
Серая окраска	Золотая окраска
Серая окраска	Отсутствие окраски, альбинос
Круглый хвост	Заостренный хвост
Круглый хвост	Хвост вилкой, веером, шлейфом
Нормальная окраска хвоста	Окраска с преобладанием черного цвета
Нормальная окраска хвоста самок	Цветная окраска хвоста самок
Спинной плавник лентовидный	Спинной плавник круглый
Нормальный и карликовый размер	Гигантизм, увеличенный размер

В специальной научной литературе описана масса доминантных признаков, часто очень детально. Любителю трудно помнить все доминанты, но, зная основные из них, можно вести селекцию сознательно и по заранее задуманной программе. Нельзя, конечно, ставить неосуществимые задачи, скажем, превратить золотых гуппи в черных или голубых. Нужно также внимательно приглядываться к результатам в F_1 и F_2 . Иногда полезно для усиления необходимого признака скрещивать ♀ $P \times \sigma F_1$ или ♂ $P \times \phi F_1$, в зависимости от того, какой признак вам хочется усилить.

Иногда у гуппи или меченосцев мы обнаруживаем признаки, которые передаются только по мужской линии или только по женской линии, тогда нам придется мириться с разницей окраски ♀ и ♂. Рецессивные признаки проявляются порой даже не в F_2 и F_3 , а в значительно более поздних поколениях. Так, зеленые гуппи (селекционная форма с металлически-зеленым отливом) дают в потомстве золотых, а полужелтые — сетчатых. Поэтому, начиная селекцию, желательно знать происхождение ваших рыб или осуществить их генетический анализ по потомству.

Селекция живородок, как и золотых рыбок, неразрывно связана с искусственным отбором лучших. Самцов отбирают по форме плавников и их окраске, качество самок определяют по качеству потомства, которое она дала. Близкородственное скрещива-

ние (братьев и сестер, родителей и детей) называется инбридинг и ведет к постепенному вырождению потомства. Поэтому, начиная работу с гуппи, следует поставить опыт не с одной парой, а с двумя или тремя, и лучшие экземпляры из F_2 скрестить между собой.

Селекция живородящих рыб — это огромная и очень серьезная работа. Она требует известного знания биологии и, разумеется, совершенства в управлении прибором-аквариумом. Ведь даже самые обычные гуппи совершенно иначе выглядят, если их поместить при температуре 26° , сытно кормить и содержать в таком количестве воды, чтобы на одну рыбку приходилось 3—4 литра воды. Тем более нуждаются в подобных условиях более капризные гибриды. Поэтому аквариумист-гуппист должен прежде всего считать, что гуппи — одна из самых сложных и прихотливых рыб аквариума. А во-вторых, работа с гуппи требует большого количества вспомогательных помещений: ведь все самки должны жить отдельно, вся молодежь тоже изолируется и чуть определившиеся самцы тотчас отсаживаются. Зато какое великолепное зрелище — большой аквариум с сотней-двумя пышнохвостых разноцветных самцов гуппи.

Живородящие рыбки — это не только предмет серьезной работы аквариумиста. Немало интересных задач ставят они и перед учеными. Вот некоторые из них.

Молли, конечно, рыбка пресноводная. Правда, встречается она и в устьях рек. А вот недавно целые косяки молли обнаружили в 32 километрах от берега моря, в соленой морской воде. И это были очень красивые парусные молли, такие же, как и те, что живут в реках. Вот и реши, пресноводные молли или морские?

Меченосцы — не только популярные обитатели любительских аквариумов. Их тщательно изучают в лабораториях. И не случайно. В пометах этих рыб встречаются два типа самцов — одни мелкие, другие крупные. Мелкие — подвижны, активно преследуют самку, дают хорошее потомство. А крупные — очень вялы, как будто больны. Естественное соотношение размеров живородок — самка крупнее самца, этим обеспечивается более многочисленное и зрелое потомство. Откуда же крупные самцы? А это самки, которым «надоело» быть самками.

Думаете, что я шучу? Ничего подобного. Среди рыб такое явление встречается, хотя причины перемены пола и не совсем ясны. Бывает, что самцом становится самка, уже не раз метавшая мальков.

В чем же дело? Выяснением этого вопроса и заняты ученые. Уже многое ясно. Пол рыбок у ксифофоруса определяется не в

Аквариумисты превратили меченосцев в знаменосцев.

икринке, а на втором-третьем месяце жизни. Значит, в каждом мальке есть половые железы и ♀ и ♂. Преобладающее развитие тех или иных зависит и от внешних условий. И не только у меченосцев: уже известный нам аплохейлус при разной температуре и плотности посадки мальков дает разное соотношение ♀ и ♂ от 50:50 до 100 ♂:3♀.

Под влиянием каких-то, еще не до конца выясненных, обстоятельств у зрелой самки может начать развиваться половая система самца и затем вновь появившегося самца можно скрещивать с

любой самкой. Вопрос соотношения полов интересен для народного хозяйства. Советские ученые научились регулировать число самцов и самок в потомстве бабочки-шелкопряда (нити у самцов-гусениц и самок-гусениц неодинаковы по качеству) и, конечно, такое же управление соотношением полов полезно бы было освоить в птицеводстве и животноводстве. Живородящие рыбки помогают решать задачу изменения пола.

Природная и селекционная формы самцов гуппи.

Наконец, живородки «работают» и непосредственно в народном хозяйстве: в 1925 году доктор Н. П. Рухадзе привез из Италии в Сухуми 153 гамбузии,

и эти рыбки заселили теперь все болотистые водоемы юга нашей страны, те места, где ранее малярия была бедствием. Но почему же гамбузия привезена из Италии? У гуппи и гамбузии есть странная особенность: если им предложить равное количество личинок комаров — обыкновенного и малярийного — они сначала выловят всех малярийных, а уж потом примутся за обычных. Эту особенность вкуса рыбок использовали люди и расселили рыбок-миссионеров, как их называли, по всем районам мира, где была опасность малярийного заболевания. К сожалению, нашу зиму гуппи не могут перенести, поэтому они уступили в СССР место гамбузии. А гамбузия тоже мечет жарким летом до 300 мальков за один помет, но в неволе живет и размножается хуже своих собратьев.

Вот какие сложные вопросы пришлось нам рассмотреть в этой главе. Теперь, дорогой читатель, ты понимаешь, почему я поместил рассказ о живородящих рыбках не в начале книги?

Амур — русская Амазонка

— Вам нравится?

Профессор Гербильский взмахнул сачком и через несколько минут я стал обладателем двух юрких синих рыбок с забавной усатой мордочкой.

— Беда многих любителей аквариума,— сказал профессор,— что они увлекаются только тропической экзотикой. Между тем на территории нашей страны обитают рыбы, которые вполне могли бы адаптироваться к аквариумным условиям, а может быть, и вполне акклиматизироваться в комнатных водоемах...

Я ушел из университета, бережно прижимая к себе баночку с необычными рыбками. По пути домой зашел на аквариумную выставку. Меня окружили любители.

— Это что за рыба?

— Амурская касатка.

— Наша, значит, отечественная?.. Неинтересно.

— А размножаться будет?

— Наверное, нет.

— Ну, тогда и держать не стоит.

Этот эпизод произошел более десяти лет назад. С тех пор сознание аквариумистов, их кругозор значительно расширились. Многие отечественные рыбы, особенно из реки Амур, снискали

популярность у аквариумистов и даже не только в СССР: наша страна экспортирует амурских рыб по просьбе аквариумных фирм зарубежных стран.

Чем же интересны рыбы из бассейна реки Амур?

Помнишь наше путешествие на озеро Ханка? Попробуем-ка вернуться туда.

...Медленно движется среди зарослей катер. Студенты-гидробиологи внимательно смотрят за борт. Шуршат отодвигаемые корпусом судна листья. И вдруг — крик одной из девушек:

— Ой! Змея! Гадюка!

— Где? Где?

Все вскакивают, кто-то хватается палку. Катер качает из стороны в сторону, поднимается волна.

Бледная девушка показывает рукой:

— Вот здесь. Я наклонилась к воде, тут она и вынырнула. Плоская, противная голова и тусклые зеленые глаза.

— Не видно нигде...

— Может быть, нырнула?

— Скажешь тоже! Змеи плавают по поверхности, выставив голову над водой. Мы бы увидели ее.

— И все-таки она ушла на глубину, — говорит руководитель студентов. Он, улыбаясь, смотрит на суматоху. — Это и не змея была, а рыба.

— Рыба? — возмущается студентка. — Но я же ясно видела змеиную голову.

— Вот именно. За сходство со змеей эту рыбу так и называли — змееголов.

Студенты смущенно смеются. Они знают об этой рыбе: читали, видели рисунки. А вот живой змееголов их все-таки испугал.

«Портрет» змееголова.

Змееголов — длинная (около полуметра) большая, зеленовато-черная рыба с расплывчатыми темными пятнами по бокам. Тело ее вытянуто, а голова сплюснута, глаза чуть выдаются, так что создается полное сходство с головой змеи. Наверное, это сходство позволяет змееголову пугать опасных для него хищников.

Не случайно у змееголова постепенно сформировалось подобное сходство. Живет он в сильно заросших водоемах, кислорода в воде их часто мало и рыбы то и дело высовывают головы на поверхность — у них в процессе приспособления к условиям среды постепенно возник особый наджаберный орган дыхания атмосферным воздухом, сходный с известным нам лабиринтом.

Размножаются змееголовы пока только на воле: устраивают из растительности гнезда и самец их охраняет. Но в аквариумных условиях они легко адаптируются и живут по многу лет. Змееголов — хищник, кормить его надо мелкими рыбками.

Охраняет потомство и другая рыба из бассейна реки Амур — касатка-скрипун. Касатки строят в плотном грунте норы глубиной до 15 сантиметров. Нора-гнездо по форме напоминает стеклянный сосуд для песочных часов: широкая воронка — вход, потом узкий лаз и опять широкое помещение для икры. Самцы охраняют гнезда дней семь-восемь и яростно бросаются на любую проплывающую мимо рыбу и даже на руку, когда она приблизится к выходному отверстию — воронке.

Касатка-скрипун — один из интереснейших обитателей аквариумов. Правда, в неволе эта рыбка пока не разводилась, но сам образ ее жизни и ряд приспособлений позволяют проводить увлекательные наблюдения.

Касатки — ночные рыбы. Днем они обычно лежат на дне у корней растений, но стоит затемнить аквариум, как они — словно по команде — все разом снимаются с места и неторопливо и величественно плывут среди зеленых ветвей.

Основным двигателем является хвост, все тело волнообразно изгибается, а грудные плавники неподвижно расправлены, как крылья, — это рули глубины. Ночью видимость очень плохая и касатки обладают великолепным обонянием, компенсирующим слаборазвитое зрение. Чувствующие клетки сосредоточены у этих рыб на восьми пышных усах, украшающих их голову. Надо сказать, что в опытах по выяснению обоняния слепых пещерных рыбок только касатки так же быстро — в течение 5—7 секунд — получали информацию о присутствии в аквариуме корма и быстро устремлялись к месту его падения.

Касатка-скрипун недаром носит такое название. Она принадлежит к немногим «говорящим» рыбам. Правда, ученые с помощью

Синяя касатка напоминает застывший на старте самолет-истребитель.

тончайших приборов установили, что многие рыбы издают ультразвуки, но человеческое ухо услышать их без помощи прибора не может. А касатка скрипит так, что ее хорошо слышно. Скрипит она в сачке, вынутая из воды, скрипит и в воде во время драк.

Возможно, что скрип должен отпугнуть врага от гнезда, а может быть, это тоже своего рода орган ориентации — звуколокатор, позволяющий воспринимать отраженные от невидимых ночью предметов и врагов звуковые волны.

Скрип издают грудные плавники касатки. Они и спинной плавник снабжены острыми и твердыми шипами, которые имеют особые замочки. При основании этих плавников имеются ядовитые железы. Стоит хищнику схватить касатку, как замочки плотно замкнут плавники в растопыренном состоянии, а яд, стекая по шипу и попадая в рану, причиняет даже человеку ощутимую боль. На Амуре находят иногда погибших птиц, у которых касатки растопырили плавники в горле, а рыбаки ненавидят эту рыбу лютой ненавистью: попадая в сети, она так запутывается, что все руки в кожаных рукавицах исколешь, пока ее вытащишь. Если в твоём аквариуме появилась касатка-скрипун — будь осторожен, не бери ее руками!

Еще более подходит для аквариума малая, или синяя, касатка. Если скрипун даже в неволе вырастает до 15—30 сантиметров, то малая касатка редко бывает более 8 (в природе достигает 20 сантиметров). Эта изящная стройная рыбка очень миролюбива и уживается в компании с любыми рыбами, даже с гуппи и неонами.

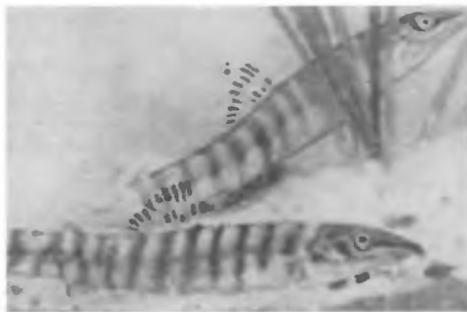
Она тоже имеет превосходный орган ориентации — усы, так же плавает, как и скрипун, и иногда, очень редко, издает слабый скрип. В аквариуме этот скрип мне не приходилось слышать, видимо грунт и растения поглощают звук, а в стеклянной банке по ночам во время драк малые касатки скрипят довольно громко.

Возможно, что этот вид касатки удастся со временем акклиматизировать в неволе. Живут касатки по 6—8 лет, временами брюшки у отдельных рыб раздуваются и тогда начинается нерестовый гон. Многие аквариумисты пытались получить потомство касаток, отсаживали их, сидели по ночам, наблюдая гон самцов и самок. Увы! Хитрые рыбы выметывают икру в какой-то незаметный момент и куда она девается потом — до сих пор неизвестно. Характер нереста в природе тоже изучен не до конца. Любопытно, что икра этих касаток, падая при метке на дно, покрывается песчинками, а через час эта броневая инкрустация застывает и раздавить икринку становится трудно. В связи с таким великолепным средством защиты икринок появляется спорная мысль, охраняют ли эти рыбки свое потомство.

У касаток есть и еще одна интересная черта, особенно проявляется она у скрипунов в больших аквариумах. Рыбы «делят» водоем на участки и постоянно патрулируют строго в определенных границах. Между участками обычно бывает «ничья земля». Стоит одной из касаток выйти в эту зону, как остальные подплывают к границам своих участков в настороженном ожидании. Вторжение «чужеземца» всегда вызывает яростный отпор доблестных защитников «своей» зоны и, как правило, завершается бегством непрошеного гостя.

Такое же деление на зоны или владения существует у одной из любопытнейших амурских рыб — лептобоции. Юркая полосатая рыбка быстро обживается в хорошо аэрируемом аквариуме и приступает к постройке нор. Ходы и узкие лазы лептобоций проходят среди корней растений, около стекла аквариума. Лептобоция великолепно видит приближающегося к аквариуму человека, хотя глазки ее не очень велики. Рыбка эта может озорно подмигивать — глаза ее подвижны

Стремительные боции на минуту прервали свои танцы.

в отличие от глаз большинства рыб и это позволяет ей стряхивать осевшую на них мусть.

Лептободия обладает тонким обонянием и быстро находит пищу, которой может быть как микрокорм, так и крупный мотыль и даже мальки гуппи. Обычно рыбки сидят в «своих» зонах, под кустами растений, приподняв голову и опираясь на грудные плавники. Иногда они смешно переступают с плавника на плавник. Почуввав корм, лептободии стремительно вылетают из своих убежищ и мчатся точно к месту падения корма. Тут могут возникнуть даже драки.

Но гораздо интереснее наблюдать танцы этих рыб. Встанут рядом — и давай извиваться и подпрыгивать. Возможно, что это нерестовые игры, но ни внешние различия полов, ни способ размножения на воле до сих пор у лептободий хорошо не изучены. Эта рыбка, как и множество других, еще ждет акклиматизации в аквариуме.

Лептободия плавает, ловко изгибаясь всем телом, а остановив свой двигатель — хвост, падает камнем на дно. Вообще же эта рыбка предпочитает не подниматься в толщу воды, а «бегать» по грунту аквариума.

Дальневосточные бычки тоже не могут держаться в толще воды, но плавают они совсем иначе и свободно передвигаются на любой глубине. При движении по дну бычок пользуется широкими лопастями грудных плавников.

В толще воды движению помогают жаберные крышки — они у этих рыб очень велики и работают, как дюзы ракеты, выбрасывая назад две сильные струи воды.

Брюшные плавники бычков превращены в круглую присоску и это позволяет рыбке прикрепляться к любому растению или к стеклу. Один из видов бычков метал в моем аквариуме икру. Самец вырыл норку под камнем и икра была подвешена к верхней стенке гнезда. Икринки висели на тонких ниточках и колебались от тока воды, который создавал самец. Он сидел у входа, прикрепившись присоской, и усиленно махал грудными плавниками. На третьи сутки из норы вышли мальки, которые поразили меня тем, что держались у поверхности.

Видимо этим малышам тоже предстояло в онтогенезе повторить длинный филогенетический путь приспособления к донному образу жизни.

К сожалению, мальки отказывались от всех предложенных им видов кормов и вскоре погибли. Бычки через месяц вновь готовились метать икру. Это очень важное обстоятельство. По ха-

рактеру нереста рыбы делятся на сезонных — нерестующих раз в год в определенный сезон, и на рыб с порционным нерестом, который является интересной формой приспособления с целью увеличить выживаемость потомства. Такие рыбки выметывают икру постепенно, порциями, поэтому мальки не съедают разом все корма на месте нереста, и когда первая партия уже переходит к питанию рачками, вторая только приступает к инфузориям. Большинство аквариумных рыб — с порционным нерестом, их можно размножать несколько раз в год. Если такими же окажутся и амурские гости, они тоже вскоре приобретут всеобщую популярность.

Еще одна из красивейших рыбок с широкими черными полосами по желтому фону — амурский пескарь-лень. С возрастом эта рыбка становится бархатно-черной.

А знаешь ли ты, что эта интересная рыбка в аквариуме роет огромные ямы-воронки. Почему? Пока неизвестно.

Вот целая плеяда амурских горчаков — от серебристо-серого до золотистого с фиолетовым ромбом у хвоста. Горчаки с помощью длинных яйцекладов успевают отложить икринки внутри двустворчатых моллюсков — жемчужниц и перламутровок — до того, как потревоженные моллюски захлопнут раковины. Разве это не интересно наблюдать в аквариуме?

Любопытна и пресноводная камбала из устья Амура, пестро окрашенный окунь ауха (или синеперка), который пока никак не желает жить в неволе, какие бы условия ему ни создавали, и много других видов рыб.

Как видишь, интересные рыбы есть не только в тропиках, их много и у нас в стране.

Амур — это неисчерпаемая кладовая природы для пытливого и наблюдательного аквариумиста. Но этой рекой не ограничиваются места, привлекающие внимание советских любителей-гидробиологов.

Совсем мало знаем мы о пригодности для содержания в неволе некоторых рыб среднеазиатских вод, а также из Закавказья и Алтая.

И, наконец, самыми удивительными, нигде больше на планете не встречающимися являются многие рыбы, моллюски и другие животные озера Байкал.

Освоить содержание всех этих рыб в аквариумах, организовать за ними наблюдение — значит решить задачу огромной научной важности.

Путешествие закончено — путешествие продолжается

А еще жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать.

Н. М. Пржевальский

Вот и закончилось наше путешествие по волшебному подводному царству. Кое-что мы увидели, кое о чем узнали, а многое еще только ждет с нами встреч в будущем.

Но если тебя, читатель, заинтересовала эта книга и увлекли проблемы, которые в ней лишь затронуты, если влечет к себе таинственный и еще во многом неизученный подводный мир — тогда твое путешествие не кончилось.

Кто знает, может быть, ты со временем займешься изучением способностей рыб к ориентации, а потом начнешь конструировать по патентам природы совершенные и точные приборы информации для людей. Ты познаешь все процессы, связанные с размножением рыб и сумеешь увеличить количество промысловых рыб в наших реках и озерах. Ты станешь изучать население разных водоемов страны и затем перевозить для акклиматизации ценных рыб туда, где их забыла поселить природа.

Если даже твое отношение к аквариуму, дорогой друг, не перешагнет дальше любительского интереса, — что ж, и в этой форме культурного отдыха, которой ты будешь отдавать свое свободное время, можно найти немало интересных и увлекательных задач, разрешение которых потребует всесторонних знаний о природе.

Так или иначе тебе никак нельзя ограничиваться одним путешествием. Смело отправляйся в новые — там ждет тебя еще немало открытий. И поведут тебя наши лучшие друзья — книги. Авторам этих книг я и передаю эстафету путешествия в мир природы. Взгляни на книжные полки и выбирай себе в проводники любую.

ПОЛКА ПЕРВАЯ: Книги дореволюционных авторов, с которыми интересно познакомиться, особенно с книгами Н. Ф. Золотницкого.

В. П. Миллер. Аквариум. С.-П., изд. А. Ф. Девриена, 1892.

Ю. Н. Вагнер. Мой аквариум. С.-П., изд. журнала «Игрушечка», 1895.

А. А. Набатов. Комнатный пресноводный аквариум. С.-П., изд. магазина «Аквариум», 1914.

Н. Ф. Золотницкий. Аквариум любителя. М., изд. Карцева, 1904 и 1916.

Н. Ф. Золотницкий. Новые аквариумные рыбы и растения. М., изд. Карцева, 1910.

ПОЛКА ВТОРАЯ: Книги советских авторов для аквариумиста-любителя.

Аквариум. Сборник статей. Изд-во Московского областного отделения Всероссийского общества содействия охране природы. М., вып. 1, 1958.

Аквариум. То же. Вып. 2. М., 1960.

С. В. Герд. Мой живой уголок. Л., Детгиз, 1961.

К. Н. Демидов. Пресноводные аквариумные рыбы. Ростов, Книжное изд-во, 3-е изд., 1960.

Н. Н. Журавлев. Аквариум. Лениздат, 1959.
Н. Иванченко. Как сделать аквариум и террариум. Л., Детгиз, 1952.
М. Н. Ильин. Аквариумное рыбоводство. Изд-во МГУ, 1964.
Н. Камбалов. Аквариум любителя. Барнаул, Алтайское книжное изд-во, 1956.

Комнатный аквариум. Под ред. проф. М. А. Пешкова. Изд-во МГУ, 1956.
Г. И. Куровский. Аквариум. Лениздат, 1965.
А. В. Молчанов. Аквариум (8 брошюр), изд. Мосзоопарка, 1948.
Ф. М. Полканов. Подводный мир в комнате. М., Детгиз, 1957.
Ф. М. Полканов. За стеклянным берегом. Изд-во «Детский мир», 1959.
А. С. Плешанов, В. Г. Плешанова. Подводный мир дома. Вост.-Сиб. книжное изд-во. Иркутск, 1965.
Б. В. Селивачев. Справочник-каталог зоолюбителя. Мосрекламсправиздат, 1930.
С. А. Сидоров. Аквариум и его заселение, изд. Мосзоопарка, 1948.
С. А. Сидоров. Живородящие рыбки. Мосрекламсправиздат, 1930.
Советы натуралисту-любителю. Сборник под ред. проф. А. А. Мантайфеля. «Московский рабочий», 1966.
И. П. Сосновский и др. Живой уголок дома. М., Всесоюзное кооперативное изд-во, 1958.

ПОЛКА ТРЕТЬЯ: Книги для школьников и учителей.

В. П. Герасимов. Рыбы, земноводные, пресмыкающиеся. Учпедгиз, 1962.
С. В. Герд. Аквариум в школе. М., Учпедгиз, 1953.
С. В. Герд. Живые животные в школе. М., Учпедгиз, 1954.
Н. Ф. Золотницкий. Живая природа в школе. М., Госиздат, 1920.
В. П. Кузнецов. Аквариум в начальной школе. Изд. АПН РСФСР, 1951.
В. Ф. Натали. Животные в уголке живой природы. Изд. АПН РСФСР, 1955.

ПОЛКА ЧЕТВЕРТАЯ: Книги об обитателях отечественных пресных вод, пособия для экскурсий.

Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. 1, 2, 3, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948—1949.
В. И. Жадин. Пресноводные моллюски СССР. Ленснбтехиздат, 1933.
В. И. Курский. Рыбы в природе и хозяйстве человека. М., Учпедгиз, 1949.
А. Н. Липин. Пресные воды и их жизнь. М., Учпедгиз, 1950.
Г. В. Никольский. Рыбы бассейна Амура. М., Изд-во АН СССР, 1956.
Е. Н. Павловский, С. Г. Лепнева. Очерки из жизни пресноводных животных. М., изд-во «Советская наука», 1948.
Н. Н. Плавильщиков. Жизнь пруда. М., Детгиз, 1951.
И. Ф. Правдин. Рассказ о жизни рыб. Петрозаводск, 1965.
Б. А. Райков, М. Н. Римский-Корсаков. Зоологические экскурсии. Л., Учпедгиз, 1956.
А. Н. Рейхардт. Наши водяные жуки. Экскурсионная библиотека, ГИЗ, 1926.
Е. М. Хейсин. Краткий определитель пресноводной фауны. М.—Л., Учпедгиз, 1951.

ПОЛКА ПЯТАЯ: Книги по общим вопросам биологии, специальные пособия.

М. П. Акимов. Экология животных. Изд. Киевского университета, 1959.
О. А. Алексин. Общая гидрохимия. Л., Гидрометеиздат, 1948.
А. Г. Банников и др. Курс зоологии. Т. I, II, М., «Советская наука» 1956.
Х. С. Горегляд. Болезни и вредители рыб. М., Сельхозгиз, 1955.

- Н. П. Наумов. Экология животных. М., изд-во «Высшая школа», 1963.
 Г. В. Никольский. Частная ихтиология. М., изд-во «Советская наука», 1954.
 Г. В. Никольский. Экология рыб. М., изд-во «Высшая школа», 1961.
 Н. В. Пучков. Физиология рыб. М., Пищепромиздат, 1954.
 В. К. Солдатов. Промысловая ихтиология. Т. I и II, 1934, 1938.
 Н. С. Строганов. Экологическая физиология рыб, Изд-во МГУ, 1962.
 Е. К. Суворов. Основы ихтиологии. М., изд-во «Советская наука», 1948.
 Г. Д. Поляков. Пособие по гидрохимии для рыбоводов. М., Пищепромиздат, 1950.
 Д. К. Третьяков. Рыбы и круглоротые. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949.
 П. Ю. Шмидт. Миграции рыб. М., Изд-во АН СССР, 1947.
 Ч. Элтон. Экология животных. Биомедгиз, 1934.
 В. В. Шулейкин. Физика моря. М., Изд-во АН СССР, 1953.

ПОЛКА ШЕСТАЯ: Важнейшие зарубежные книги по аквариумным рыбам. Эти книги даже без знания языка могут оказать помощь как справочники благодаря хорошим рисункам и фотографиям.

З. Фогель. Аквариумные рыбки. Прага, Изд. Артия, 1963 (на русск. яз.).
 H. R. Axelrod, L. P. Schultz. Handbook of tropical aquarium fishes. США, 1955. (Научно-справочное описание тропических рыб с 600 фотографиями и рисунками).

H. R. Axelrod и др. Exotic tropical fishes. США, 1962.
 H. R. Axelrod and W. Vorderwinkler. Encyclopedia of tropical fishes США, 1960.

H. Frey. Aquarienpraxis kurz gefaßt. ГДР, 1961. (Иллюстрации показывают, как устроить аквариум, что для него приобрести, как ухаживать за ним).

H. Frey. Das Süßwasser Aquarium. ГДР, 1960. Полное описание пресноводного аквариума и населяющих его рыб. Цветные рисунки рыб и растений.

H. Frey. Das Aquarium von A bis Z. ГДР, 1961. Энциклопедический справочник по вопросам аквариума.

W. T. Innes. Exotic aquarium fishes. США. Описание аквариумных рыб, ставшее классическим. Книга выдержала более 20 изданий.

G. Sterba. Aquarienkunde. Т. I и II, ГДР, 1960. Описание аквариумного дела. Много фотографий, в том числе цветных. Т. I — Общие вопросы аквариума, рыбы; т. II — Растения, болезни рыб, морской аквариум.

G. Sterba. Süßwasserfische aus aller Welt. ГДР, 1959. Наиболее полный каталог пресноводных рыб «со всего света», включая пресные воды СССР.

ПОЛКА СЕДЬМАЯ: Журналы, публикующие статьи, интересные для аквариумиста.

«Наука и жизнь».

«Рыбоводство и рыболовство».

«Природа».

«Знание — сила».

Зоологический журнал АН СССР.

Реферативный журнал АН СССР. Серия биологическая.

«Aquarien — Terrarien» (на нем. яз.).

«Akvarium à terarium» (на чешск. яз.).

«Büvar» (на венгер. яз.).

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
----------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ПУТИ К ВОЛШЕБНОМУ ЦАРСТВУ

Экспедиция в страну Историю

Переход первый: От суда в Эе до «суда мурен»	12
--	----

Переход второй: Оказывается, аквариум — это управляемый человеком прибор	17
---	----

Переход третий: Инспектор Наркомпроса	24
---	----

Переход четвертый: Полезный бог	27
---	----

Экспедиция в страну Физику

Переход первый: Как спроектировать и построить аквариум?	32
--	----

Переход второй: Физические свойства воды	35
--	----

Переход третий: Дыхание — что это такое?	44
--	----

Переход четвертый: Свет — это очень важно	49
---	----

Переход пятый: Движение воды и движение в воде	52
--	----

Экспедиция в страну Химию

Привал перед походом: Зачем нужна нам химия?	59
--	----

Переход первый: А что такое пресная вода?	64
---	----

Переход второй: О жесткости воды и волшебнице пэ-аш	68
---	----

Экспедиция в сласть Практичности и Красоты

Переход первый: В электроцехе аквариумного хозяйства	75
--	----

Переход второй и привал, на котором мы поговорим о красоте	85
--	----

Переход третий: В кормовом цехе	92
---	----

Переход четвертый: Служба здоровья	103
--	-----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ВОЛШЕБНОМ ЦАРСТВЕ

Сквозь подводные джунгли	114
------------------------------------	-----

Еще не рыбы — шестиногие	123
------------------------------------	-----

Снова не рыбы	132
-------------------------	-----

Прав ли был Геродот?	143
--------------------------------	-----

Лабиринт с лабиринтом	149
---------------------------------	-----

Гнездо... из воздуха	155
--------------------------------	-----

Коррида... в воде	166
-----------------------------	-----

Рыбка богини Исиды	172
------------------------------	-----

Мяч из ...рыбы	183
--------------------------	-----

Сухопутная рыба	190
---------------------------	-----

Бабочка из реки Конго	196
---------------------------------	-----

И рыбы бывают однолетними	203
-------------------------------------	-----

Когда фиолетовое кажется белым	210
Хифессобрикон призывает изучать химию	217
Харациниды — гроздь драгоценных камней	224
Пила-рыба	233
Плавающие листья и живые диски	239
Живой электрогенератор	247
Слон с радиолокатором	255
Видящие... без глаз	261
Слезы прекрасной Тао	272
Пустяки, о которых стоит поговорить	282
Амур — русская Амазонка	293
Путешествие закончено — путешествие продолжается	300

Марк Давидович Махлин
ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ АКВАРИУМ

Редактор Л. И. Воробьева

Художник Е. Ф. Капустин. Худ. техн. редактор **С. Р. Нак**
 Технический редактор **Н. И. Полуехина.** Корректор **Н. П. Багма**

T-11488. Сдано в набор 15/IV 1966 г. Подписано к печати 6/IX 1966 г. Формат 70×90¹/₁₆. Объем 19 п. л.+1,0 вкл.=20 п. л. Усл. п. л. 23,4. Уч.-изд. л. 19,48. Заказ 363. Тираж 200 000 экз. 105 001 — 200 000). Изд. № 4436. Тем. пл. 1967 г. п/№ 130. Бум. тип. № 1. Цена 97 коп. Бум. тип. № 2. Цена 92 коп.

Отпечатано с матриц Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова на Ярославском полиграфкомбинате Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.